
СВЕТОВОЙ
ГОД
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ
ИЗ НИЖНЕГО
ТАГИЛА
1'20

МЕСТО
территория для молодежи

Световой год

литературный альманах
из нижнего тагила

Нижний Тагил
2020

ББК 84 (235.55)
С24

Данное издание осуществлено на средства гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.

АВТОРЫ

Андросенко Анна, Бортников Андрей, Брусницына Вероника, Вагнер Любовь, Васюнов Максим, Ермакова Екатерина, Зябаров Сергей, Ильина Светлана, Ионова Елена, Исупова Оксана, Кипарис Елизавета, Ковалев Алексей, Комадей Руслан, Малышев Владислав, Мальцева Ольга, Мехоношина Ольга, Миронов Алексей, Миронова Алена, Можейко Екатерина, Палоумов Василий, Паняева Анастасия, Пастухова Оксана, Печальник Николай, Печенежский Эдуард, Прямкова Екатерина, Радаева Анна, Разливинский Ян, Рид Екатерина, Сальников Алексей, Свердлов Егор, Сементина Ирина, Соловьева Екатерина, Солохина Екатерина, Ставцев Евгений, Стародубцева Наталия, Судьина Юлия, Суслина Кристина, Табатчикова Елизавета, Телков Борис, Узкова Наталья, Устюгова Ирина, Финадеева Ксения, Хомякова Елена, Чернавская Надежда, Широкова Ярослава.

ХУДОЖНИКИ

Аганичева Ольга, Акулова Валерия, Васильев Василий, Ветошкина Наталья, Грай Анжелика, Долматов Богдан, Дубовицкая Римма, Завьялова Ольга, Зяблецев Максим, Иконников Сергей, Ильина Марина, Кизилов Владимир, Кипарис Елизавета, Корнев Михаил, Кошурникова Ксения, Мамонов Николай, Маевский Юрий, Пинтелин Анатолий, Платошкин Николай, Руднева Анастасия, Симбирская Ада, Старцева Наталья, Стасова Анна, Табатчикова Елизавета, Трухин Сергей, Фрумкин Николай, Хабиров Риф, Шаяхматова Анастасия, Шульга Владислав, Щербинина Мария.

С24 *Световой год: Литературный альманах из Нижнего Тагила. – Нижний Тагил: Объединение «Союз», 2020. – 236 с.: илл.*

Основу альманаха составили произведения молодых тагильских авторов, членов литературной студии «ВМесто тысячи слов».

Тексты публикуются в авторской редакции.

Обложка: ***Елизавета Табатчикова.***

Литературная студия «ВМесто тысячи слов» выражает глубокую благодарность Центральной городской библиотеке г. Нижний Тагил (директор Наталья Петровна Якимова) и МОО «Клуб любителей книги города Нижнего Тагила» (руководитель Марина Леонидовна Попова) за неоценимую помощь в появлении на свет этой книги.

О ПОЛЬЗЕ ЭКЛЕКТИКИ

ТОСТ должен быть кратким, как выстрел! – эти слова небезызвестного персонажа вполне годятся и для пишущих предисловия. Поэтому постараюсь его не затягивать.

Недавно критик Юлия Подлубнова на страницах журнала «Знамя», говоря об уральской школе поэзии не однажды поминала Тагил, как (в прошлом) одну из законных столиц поэтического слова. И было за что: если я начну загибать пальцы, перечисляя имена поэтов, ярко вспыхнувших здесь на рубеже тысячелетия, мне придется звать как минимум еще пару друзей… Но: *«Где теперь «дебютант» Наталия Стародубцева? Есть ли какое-то существенное развитие в ее творчестве? Где лидеры «поколения» Сюкосев и Корнева? Кто помнит Юлию Судьину из 2 тома?»** – справедливо спрашивала критик, впрочем, не давая ответа…

Говоря о том времени, нужно понимать, что тогда здесь жил мощнейший «стармейкер» Евгений Туренко. Его не стало – вначале географически (он переехал в Тульскую область), а потом и физически – и центробежная сила, удерживавшая молодых поэтов в Тагиле, исчезла, они разлетелись – кто в близкий Ебург, кто в далекий Питер.

К тому же, как в лютую засуху, в эти годы высушило почву, подпитывавшую пишущих: исчез городской литературный конкурс, закрылись газеты «Консилиум» и «Горный край», еженедельно отдававшие свои полосы под литературные вещи, закрыли уникальный городской детский журнал «Пульсар», «усохли» оставшиеся издания – какая уж там литература… Авторам просто-напросто негде стало публиковаться. А ведь провинциальная пресса всегда была своеобразным полигоном для начинающих, тех кто уже перерос период «я пишу для себя», но еще не стал настолько мастеровит, чтобы пробиться на страницы областных или всероссийских изданий.

Вот, собственно, и ответ на вопрос критика: люди не исчезли, изменилась среда.

На этом фоне идея Клуба любителей книги и Центральной городской библиотеки – выпустить литературный альманах тагильских авторов – воспринимается как настоящее чудо: ведь таких изданий в городе не было уже давно. Точнее, несколько сборников было, но они ограничивались определенным кругом участников, оставляя за бортом тех, кто по каким-то причинам «не подходил». В нашей Центральной библиотеке с таким подходом были не согласны.

Про роль библиотеке нужно сказать особо. За последние годы она сделала огромный шаг вперед. То, что происходит здесь, невозможно оценить несколькими словами, а если уж и выбирать из длинного ряда что-то одно, то, наверное, это будет слово «подвижничество». Библиотека сегодня – это звезда со своей мощной системой планет: клубов, объединений, студий. Сегодня, честное слово, стало сложно уследить за потоком всех событий, встреч и мероприятий, который ежедневно проходят здесь. А полгода назад на орбиту вышла и наша планетка – литературная студия «ВМесто тысячи слов». Ее члены – школьники и студенты, молодые рабочие и служащие, делающие первые шаги в лите-

** Наталия Стародубцева стала первым поэтом с Урала, получившим Всероссийскую литературную премию «Дебют». «Поколение» – поэтическая серия московского издательства АРГО-РИСК, в которой выходили и книги тагильских авторов. Под вторым томом имеется в виду 2-й том «Антологии современной уральской поэзии».*

ратуре, и для них необычайно важно было увидеть слово написанное словом печатным.

Поэтому основу альманаха составили произведения именно членов литературной студии. Однако, было бы ошибкой не воспользоваться этим шансом и не собрать на страницах книги и более опытных литераторов, для которых Тагил – родной город. И, кстати говоря, этому городу давно нужно подобное издание, если он не просто территория, на которой живут и работают люди.

Конечно, объединение разных авторов повлекло за собой заметный разброс – и возрастной, и жанровый, и уровневый. Это может вызвать закономерный вопрос: а нужна ли такая эклектика?

Да, нужна, более того, в нашей нынешней ситуации она необходима. Появление альманаха дает понять всем творческим людям города – и не только писателям, но и художникам – что у них появилась общая площадка, на которой рады всем, вне зависимости от их вкусов и взглядов на жизнь. Здесь мы не рассекаем на «своих» и «чужих», а объединяем, помогаем выйти из тени. Поэтому на страницах альманаха вы сможете прочитать новые и очень хорошо написанные стихи Юлии Судьиной, встретитесь с Наталией Стародубцевой, Екатериной Ермаковой, Ксенией Финадеевой и многими другими, о ком сказала, или могла бы сказать Юлия Подлубнова. Вот они, снова вместе – и, я надеюсь, не в последний раз. И я «за» такую эклектику – эклектику творческого единения.

И пусть не пугает местных «критиков» излишняя мрачность иных текстов – она точно не от безысходности и разочарования. Просто авторы молоды, а молодости свойственно гипертрофированное восприятие мира, повышенная ранимость – и всё это, в конечном итоге, выплескивается на страницы стихов и прозы. Одна из начинающих поэтов сказала: «Я пишу стихи, когда мне плохо. Я отдаю им свою боль – и мне становится легче…». Наверное, так поступает не только она одна. Но потом, по мере творческого роста, по мере взросления вот такую мгновенную «реакцию на раздражение» заменяет более философское и глубокое осмысление происходящего. Текстов, написанных с такой позиции, в нашем альманахе немало. И в этом случае эклектика наглядно показывает и то что есть, и то, что будет, и то, как самые разные взгляды на действительность могут объединиться вместе, создавая единую картину противоречивого и сложного мира, в котором мы живем.

Что же касается названия, которое может показаться не совсем уместным, то тут всё просто. У нынешнего альманаха был предшественник-«однофамилец». Изданный несколько лет назад, он был полностью посвящен фантастике, написанной тагильчанами – студентами и старшеклассниками, вот тогда и родилось такое имя.

И хотя в нынешнем альманахе фантастики не так много, мы решили сохранить название.

Согласитесь, световой год, то есть расстояние, которое луч света проходит за 365 дней – хороший символ для характеристики творчества молодых вообще. Поэтому давайте раскроем книгу и посмотрим, как далеко улетел луч их творчества за это время.

Ян Разливинский,
руководитель литературной студии
«ВМесто тысячи слов»,
редактор-составитель.

ПРОЗА

НИКОЛАЙ ПЕЧАЛЬНИК

Максим Зяблецев

ИМПЕРИЯ ЗЕРО

Николай ПЕЧАЛЬНИК (Николай Жеребцов) родился и вырос в Нижнем Тагиле, окончил Уральский политехнический институт. Лауреат и участник фестивалей авторской песни памяти Серегея Минина и Валерия Грушина. Стихи и проза публиковались в газете «Тагильский рабочий», журналах «Урал», «Уральский следопыт», альманахе «Подснежник», коллективных сборниках.

ЗА ОКНАМИ стемнело, и оставаться в этой стране стало невозможно.

Полковник движением глаз дал команду на выход, и мы двинулись вниз по плохо освещенной мраморной лестнице

В вестибюле полковник вдруг остановился и тревожно обвел меня взглядом:

– Игрок! Вы, кажется что-то упустили...

Пришлось осмотреться и найти тревожное несоответствие: на мне была красивая парадная шинель неугасимо зеленого цвета с туголитыми бронзовыми петлицами. Пока все готовились в путь, я сидел на пыльной софе и думал о чем-то необязательном. Теперь беспечность вскрылась и, сбросив шинель прямо на площадке, я побежал переодеваться в штатское пальто с бобровым воротником. Уходя, стал гасить светильники вдоль парадного и еще долго смотрел, как медленно растворяется во тьме возле кадушки с фикусом, осевшая словно от вековой усталости брошенная шинель.

У выхода долго ждали корнета, посланного за дорожными припасами. Поздний вечер, подсвеченный окнами домов, сыпал густой феерический снег на уставшую от ожиданий землю.

Корнет выбежал из-за угла всклокоченный,

радостный – вместо сумки со снедью он держал в руках изящно сделанное чучело бекаса:

– Гляньте! Я и не думал, что они сделают его так быстро! – и он протянул его полковнику.

Тот взял с ледяным равнодушием. Повертел в руках, поскреб ногтем багетную подставочку. Затем, размахнувшись, бросил в снеговую высь... рука его метнулась к кобуре. Раздался мягкий выстрел и с неба вперемешку со снегом повалили перья. Убитая птица беззвучно упала к ногам корнета. Он упал в снег, стал возиться со своей драгоценностью, всхлипывал, пытаясь приладить облепленные снегом перья к простреленной тушке.

Полковник сухо сказал:

– Корнет! Вам три минуты на сборы.

Уткнувшись в сугроб корнет, плакал всем своим мальчишечьим существом. Я бросился к нему, пытаясь загладить чужую бестактность:

– Поймите, любезный! В этой стране политика – невозможна!

Расцветая валдайскими переливами, выкатил из темноты санный экипаж, которым верховодил денщик. Мы спешно сели, а корнет остался лежать на снегу потерянной страны.

И еще долго – снега, кружевные метели, темно синий карамельный воздух, неприметные заброшенные полустанки.

В Константинополе я развлекал полковника карточными фокусами.

* * *

БЫЛА РЕВОЛЮЦИЯ и меня хотели вздернуть во дворе нашего дома. Мне всегда казалось, что так все и будет. В предутреннем тумане, в забытьи я нередко видел себя подвешенным на детском турничке, а рядом хлопает коврик сердобольная соседка баба Клава:

– Ну, что милок, никак приладили! Вот они... эти революции... Революция она – что девка красная – через нее и сгинешь!

И когда утром пришли смурные слесари из ЖКО и выволокли меня сонного в осенний двор – было бесполезно сопротивляться событиям. Проволокли мимо огромной сосновой плахи, на которой хозяева рубили мясо для супа и подумалось что пусть уж лучше так... ведь повешенный (таро) выглядит вполне комплектно и поначалу даже вызывает симпатию.

Когда степенные, злые революционеры подтащили меня к турничку, родилось подозрение, что не так уж все и непоправимо. Пока живет в человеке дар слова.

Вспомнилось, что со страды в овощном подвале, где-то валандалось пол-литра. И я предложил изможденным революционной работой людям похмелиться.

Они переглянулись. Вначале удивленно, потом с неподдельным интересом... Посовещавшись, отпустили, взяв под прицел единственный вход в подвал. Пол-литра оказалась на месте и суровые лица просветлели. Главный седой революционер сказал, что вообще-то меня можно и не казнить. То есть, конечно, надо бы, но острой необходимости в этом нет. Революция, как всякое большое дело, нуждается не только в казненных, но и в помилованных.

Еще мы долго сидели на пыльных скамейках маленького стадиона и обсуждали очень важные вещи.

* * *

ТРУБА развернута в морской простор, и ветер ввинтил в жерло восковую сурдину. Трудно пробить дыханием... но вдруг сверху веселым квадратом застучал металлофон. Ветер всхлипнул в сурдине и стих. Легкий кислород прорвался сквозь медь: блюз, блюз, полуденный бриз!

Нагретая за день палуба старого дебаркадера приятно обжигает ступни. С дальнего пляжа послышалась литавра и разбежалась в невероятных синкопах – блюз, блюз, полуденный бриз – так живые не играют! Может сам Аполлон спустился на землю и безобразничает в кипарисовой роще. Труба тоже живет в этой жуткой неразбери-

хе – блюз, блюз, полуденный бриз! Металлофон еще звонче – будто гномы выбрались из подземелья, прихватив с собой серебреную наковальню.

Сквозь забытую головную боль вспорхнет стая бездомных морских птиц и вспенит воздух прозрачными аплодисментами.

Но налетит ветер – разорвет звенящую синеву, унесет остатки музыки с палубы ржавого судна. Аполлон угомонится в притихших деревьях и останется идти вверх по старому парку. Встретятся усталые люди в спецовках:

– Что вы, земеля? Какой еще блюз? Был митинг по случаю открытия новой городской свалки. Колышки под территорию забивали. Администрация приезжала речи говорить – уж как ей хлопали! Теперь все хорошо будет!

В последней щелочке сна откроется тайна аполлоновой литавры: там, где бризовые волны шуршат по крепкой гальке, на берегу отчужденно хлопает под ветром дверь старого сортира.

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ

Василий Васильев

ТАГИЛЬСКАЯ ШКОЛА

Алексей САЛЬНИКОВ родился в Эстонии, а через несколько лет семья переехала на Урал. Жил в Горноуральске, Нижнем Тагиле. Дебютировал как поэт. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Уральская новь», «Воздух», «Урал», альманахе «Вавилон», антологии «Современная уральская поэзия». Автор нескольких сборников стихов, один из которых выходил в Нижнем Тагиле. Всероссийскую известность получил как прозаик, выступив с романами «Нижний Тагил», «Отдел», «Петровы в гриппе и вокруг него», «Опосредованно». Роман «Петровы в гриппе и вокруг него» стал лауреатом литературных премий «НОС» (2018) и «Национальный бестселлер» (2018). Осенью 2019 г. режиссер Кирилл Серебренников начал съемки фильма по роману «Петровы в гриппе и вокруг него». Главные роли в картине исполнят Семен Серзин и Чулпан Хаматова.

ВОЗВРАЩАЛИСЬ как-то юные Хл. и Пл. домой из церковно-приходской школы. Путь был неблизкий, дорога была гадкая, автобусы в те поры были на паровой тяге, ходили нечасто, в этот же раз автобус вовсе не шел, а шел дождь, смеркалось, кроме того, из рюмочной должен был вот-вот подняться городовой, это было нехорошо, потому что городовой еще по пути к Дионису глянул на Пл., прицениваясь к его сомнительному, на предмет регистрации, виду, а документы Пл. забыл дома, а подле остановки терлись юные черносотенцы, как бы любуясь их вековой иудейской грустью в глазах Пл., и всею внешностью Хл., и по доносившемуся до Пл. и Хл. разговору выходило, что Хл. – балуется содомским грешком, по крайней мере так выглядит, и это уже само по себе не православно, а Пл. – жид, а это не только не православно, но, кажется, даже не по-христиански, и через это юные черносотенцы собирались вкатить Пл. и Хл. люлей, по всему, в об-

щем, выходило, что Хл, и Пл. пора как-нибудь покинуть сие скорбное место и податься в более погожие края, причем как можно скорее.

Друзья резво скользнули в переулочек рядом с остановкой, затем приусадебными участками выбрались на окраину города. В ушах Пл. и Хл., как после контузии, тонко звенело от сопровождавшего их бегство собачьего лая, сапоги Пл. и Хл. были облеплены глиной, черноземом и стеблями жухлой картофельной ботвы. Суховатый на грудь Хл. дышал с неприятным, несколько даже аккордеонным хрипом, так что Пл. подмывало попросить его откашляться, но, как человек не столько робковатый, сколько хорошо воспитанный, Пл. не мог на это решиться, а только то и дело сам покашливал, как бы прочищая горло, и это покашливание, в свою очередь, выводило из себя Хл., тем более что ни на один двор школяров не пускали, стемнело уже совсем, а Хл., одетый, в отличие от своего товарища, не в брезентовый плащ, но в пальто, вымок вдоль и поперек и готов был облаять кого угодно не хуже того огородного волкодава на длинной цепи, который снял с Хл. одну калошу и несколько надорвал вторую.

Наконец пустила их к себе переночевать какая-то женщина. Более или менее сухой Пл. сразу же почему-то решил, что женщина эта – ведьма. Пока сонная хозяйка возилась у плиты, Пл. негромко поделился своими подозрениями с Хл. Начинавший млеть в тепле Хл. в ответ прошипел:

– Да какая ж она ведьма? У нее грудь четвертого размера.

Пл. подумал, что открой им даже горбатая старуха, у которой сидел бы на плече филин, а об ноги терлись черные коты, и в том случае вызверевшийся на дожде Хл. отказался бы признать ее ведьмой. Пл. подумал и промолчал, зато Хл., угадавший, видно, ход мыслей однокашника, прошептал:

– Ведьма – та баба с Насосной, которая нам даже не открыла, – Хл. подумал и добавил: – Городовой, думаю, вообще сам Люцифер, а те пацики с остановки – его свита.

Видя молчаливое согласие во всем лице Пл., Хл. закончил:

– Эта же тетка, если и колдует, то что-нибудь такое, типа, крысу в кучера, или, там, хрустальные башмачки...

– Скажите, тетенька, – не дал договорить ему Пл., поскольку совсем другое заботило его уже долгое время, – не найдется ли у вас динамомашины? А то соленоиды моего мобильного телефона совсем разрядились, телефон у меня с товарищем один на двоих, и, я думаю, родственники наши находятся уже в сильном беспокойстве. Мы уже с час как должны были быть дома.

– Да, – коротко подтвердил Хл., его голосовые связки свело судорогой от запаха горячего масла, в которое хозяйка вылила первый блин.

– А модель телефона какая? – спросила добрая женщина.

– «Самсон», – ответствовал Пл.

– Тогда извиняйте, – сказала женщина, – для такого не держим. Был у меня наш «Николай», ну из тех, что на монастырском подворье собирают, ох, и помучилася я с ним. Теперь он у меня, как гнет для капустки, – она мотнула головой, показывая куда-то в угол, – грех такое говорить, но ведь его сам наш митрополит рекламировал, и ведь не сказал, что гарантии на него нет. Вот, только динамо-машина у меня и осталась. Забирайте, если надо.

Друзья отказались забирать динамо-машину. Для полного счастья она была не нужна, для полного счастья им хватило бы простого ужина, а ужин, по всему, поспевал. Хл. в ожидании корма перестал даже хрипеть и клевать носом, Пл. сохранял самообладание, а ведь и Пл. тоже слегка кружило голову, но он даже среди учителей славился рассудительностью и здравым смыслом, поэтому не мог не спросить:

– И сколько, тетенька, мы будем вам должны за ваше гостеприимство?

Она оглянулась на гостя с некоторым, кажется, укором и промолчала, Хл. толкнул друга под бок, и Пл. стало жарко от смущения.

– Что с вас взять? – обратилась хозяйка к

Пл. – Нет, ну я понимаю, что дружок твой натурой не прочь расплатиться, только передай ему, что я молодая вдова, а ко вдове с такими предложениями подкатывать не след, а во-вторых, мне его натура не очень-то и глянулась, и, думаю, что если бы он так со мной расплатился, то еще бы должен был.

Настал черед рдеться Хл., Пл. опять получил локтем под ребра, ибо мысли Хл. хозяйка, видно, читала не хуже, чем сам Хл. читал мысли Пл.

– Просто неудобно как-то получается, – сказал Пл., – мы вас побеспокоили, вы еще вот ужин готовите, давайте мы вам завтра хоть дров нарубим утром.

– Ох-хо-хо, – отвечала хозяйка, – вы что, мальчики, толстовцы, али как? Что у вас за подход такой – али постель, али дрова? Вы мне еще огород предложите вспахать босиком. Прямо не знаю, что с вами делать. Как вас зовут-то, заботливые вы мои?

– Андреем, – ответил Пл.

– Вова, – сказал Хл.

Хозяйка называться не стала. Она ловко накрыла на стол и завела патефон. Только тогда заметил Пл., что полка для дисков просто ломится у хозяйки от записей Некрасова и Шаляпина, когда весь домик содрогнули низкие частоты и от уверенного, чуть нагловатого голоса Некрасова задребезжали оконные стекла, посуда на столе и его, Пл., печень.

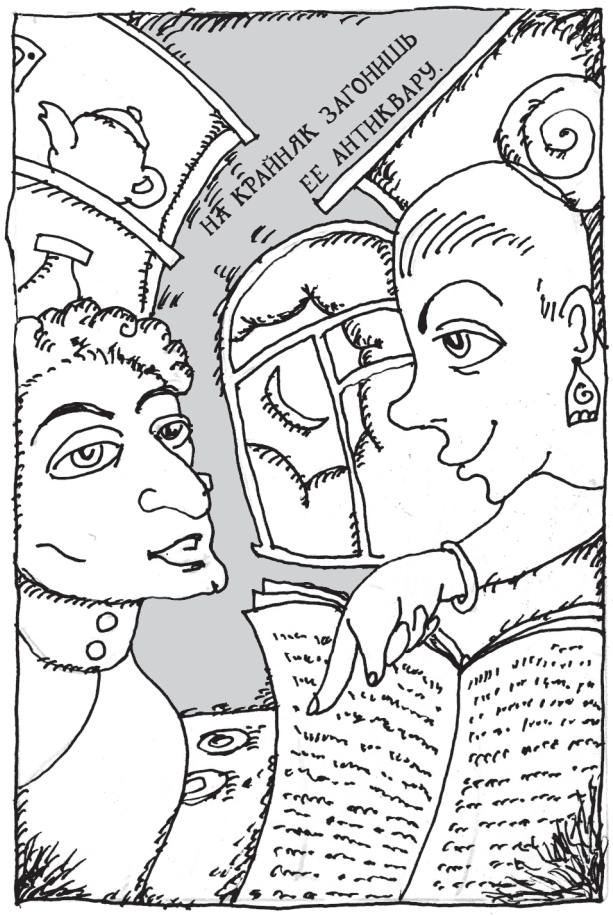
Некрасов читал:

И до сих пор нет порядка в Отечестве нашем,
Страшен век человека заводов и пашен,
Декабристов сгноила,
Александров убила толпа гламурных уродов,
Это ли матушка-Русь?
Нет – это тюрьма народов.
Тюрьма народов,
тюрьма народов,
тюрьма народов.
Кто заправляет умами? Как растет Цесаревич,
Когда повсюду Тургенич и Достоевич?
Не говоря уже о Толстевиче, а уж его-то вера –
Не простота, не добро,
не правда – сплошная химера.
Длиннее юбку, курсистка,
не то не оторвешь от л***а
Автора «Войны», «Карениной»
и «Филиппка».
«Войны и мира»,
«Анны Карениной»,
«Филиппка».
Давно с травы на кокс
перешла бедная сивка-урка,
Знал ли Петр, что не будет города
голубей Санкт-Петербурга,
Юрий ли знал, что не будет города
фиолетовей, чем Москва,
За что евреев громить,
когда есть поляки и татарва?
Пройдись по рынку, славянофил,
и там все увидишь, ибо
Давно у нас вторая Речь Посполита повсюду,
Второе иго.
Второе иго,
второе иго,
второе иго.

– Вы, тетенька, не бомбистка ли часом? – обеспокоился либеральный Пл., когда песня кончилась и он смог наконец заглотить застрявший у него в горле кус шаурмы.

Хозяйка, севшая за стол напротив школяров, загадочно улыбнулась и сказала:

– Вижу теперь, Андрюшенька, что хоть в политике ты не разбираешься, но мальчик ты добрый, может быть, даже стихи пишешь. И за это я исполню три твоих желания, потому как, хоть у меня и ПМС, но я добрая фея и на меня во время ПМС снисходят припадки филантропии и альтруизма. А что до тебя, ушастенький, – она обратилась к Хл., который продолжал сметать все со стола, – то у тебя только одно желание исполнится, потому что припадки альтруизма и филантропии мои не безразмерны, но, думаю, паренек ты ушлый и своего не упустишь. Я давно не упражнялась в волшебстве, и пускай ваше согласие поучаствовать в колдовстве и будет вашей платой за



постой. Одно условие только должна вам поставить, чтобы желания не повторялись и хоть чуточку интересными были.

– А вот чтобы все желания мои исполнялись, это интересное желание или как? – вопросил жадный Хл. набитым ртом.

Женщина разочарованно покривилась.

– Это желание, как старый анекдот, бородатое, его каждый третий загадывает, и поэтому исполняется оно всегда с подвохом. Ты это загадываешь?

Хл. согласно кивнул.

– Видишь ли, Володя, – сказала женщина, с натужным вздохом вытягивая из-под стола громадный фолиант, разгребая им по сторонам грязные тарелки, – все дело в формулировке. Если бы ты загадал не просто чтобы твои желания выполнялись, а чтобы это происходило без малейшего усилия с твоей стороны, это было бы совсем другое дело. А так – придется поработать...

Она грохнула книгу прямо под нос Хл.

– На крайняк загонишь ее антиквару, – сказала фея, – и, мой тебе совет, бери лучше золотом, иначе инфляция все съест.

– Она хоть на русском? – с тоскою поинтересовался Хл.

– Стыдно слышать такое от человека, у которого и за латынь и за греческий в табеле «отлично» стоит, – парировала фея, – ну так-то да, на русском, ты просто пыль с обложки сотри, и увидишь.

Хл. послушно протер шершавую обложку ладонью, так что глазам открылось название книги.

– Тайная магия для олухов, – прочитал Хл., он открыл книгу на середине и прочел вслух: «Как снимать по пять урожаев конопли в год и чтобы вам за это ничего не было...» ага... «первым делом обзаведитесь депутатской неприкосновенностью и в полнолуние...» – Хл. разочарованно пролистнул еще несколько страниц, – вот: «Как жить счастливо до конца своих дней. Возьмите пять тысяч рублей золотом и уезжайте в Париж не позднее февраля тысяча девятьсот семнадцатого года...» мда, – он пролистнул еще, – «Хоть индийцы и придумали кама-сутру, китайцев все равно больше»...– Хл. пролистнул еще – «Финансовые пирамиды и сетевой маркетинг как методы обогащения», «Как поставить человечество перед угрозой тотального уничтожения», «Как обрести бессмертие и начать жить», – глаза Хл. заинтересованно блеснули, – «Знай же, отрок, – стал читать Хл. таким голосом, что непонятно было, просто ли это пафос или же издевательский пафос, – что есть в русском языке такое сочетание букв, которое, написанное на бумаге, дает человеку абсолютное бессмертие и абсолютную власть надо всем сущим. Твоя задача, отрок, проста: найди это сочетание, запиши его, и будет тебе счастье»...

– Сложновато? – спросила хозяйка, не скрывая иронии. – Но, опять же, теоретически выполнимо.

– Выполнимо-то выполнимо, – неохотно согласился Хл., – если учесть, что на русском много кто писал и даже описывался, но что-то не слышно, чтобы кто-то там стал бессмертным и обрел власть над всем сущим. Искать, значит, надо в области неологизмов, то есть придумывать что-то от себя надо, или искать такое слово, которое было до того, как письменность изобрели, а пока изобретали, слово это подзабылось.

– Догадливый, – сказала фея.

– Простите, – вмешался Пл., – а вы сама знаете это слово?

Хозяйка с улыбкой потупилась и по улыбке было понятно, что слово это она знает.

– И вы его...?

Она отрицательно покачала головой.

– Почему? – спросил Пл..

– А мне незачем, – сказала она и подняла на Пл. глаза, полные такой чернотой, будто вместо крови в ее жилах текла тьма, заполняя фею от пяток до маковки. Стало тихо, и стало слышно, как звенит в люстряных лампах тонкий вольфрам.

– П-понятно, – запнулся Пл., – а можно мне вообще не загадывать никаких желаний? У меня, вроде как, и так все в порядке.

Фея вроде бы в раздражении или нетерпении побарабанила пальцами по краю столешницы.

– Нельзя, – сказала фея, – мы же договорились. Вы уже поели, обсохли, а точнее, обсохли, поели. Ты просто не загадывай ничего такого масштабного, как твой дружок.

Хл. уже достал сырой блокнотик из кармана пальто, и, сидя отдельно ото всех, в уголочке возле плиты, исчеркивал его простым карандашом, позабыв и про подарок на столе, и про все остальное.

– Как его, однако, процепило, – с неодобрением отозвался Пл.

– На всю жизнь, – сказала хозяйка, – не он первый, не он последний.

– Ладно, – вздохнул Пл., – загадывать так загадывать.

Хозяйка с любопытством наклонила голову, хотя Пл. не покидало ощущение, что она и так все знала наперед. Пл. вздохнул. Он испытывал некоторое облегчение, оттого что желания его друга нигде не соприкасались с его, Пл., желаниями. Он чаял углубиться после школы в литературную деятельность, хотя слабо представлял, что это такое и как в нее углубиться, ему казалось, что все получится у него как у молодого Достоевского, но сомневался. Искус подстраховаться от того, что его могут не заметить, мучил его теперь больше всего, но, как человек, мыслящий трезво, он понимал, с кем примерно имеет дело, и знание это холодило ему сердце. Еще он понимал, что так просто отвертеться от феи вряд ли получится, и что фея напакостит все равно, какое желание бы он не загадал. И вдруг его озарило.

– Не я первый, не я последний, – сказал Пл., наклоняя голову так же, как она, и улыбаясь ей в ответ.

– Ну и...?

– Я хочу заниматься литературой, – сказал Пл., – но не учителем литературы, конечно, быть.

– Писателем или поэтом, – догадалась хозяйка, – как Гоголь.

– Да, писателем, – согласился Пл., – но нет, не как Гоголь, я вообще не об этом говорю, потому что писать я и так буду, я уже пишу, я про судьбу свою загадываю, вот. Точнее, про то, что я напишу, и про себя, конечно, – он смешался.

– Господи, как сложно у тебя все, – сказала она, – я, похоже, могу ничего не исполнять, а ты и не поймешь, исполнилось твое желание или нет.

При этих ее словах Пл. испытал некоторое мрачное удовлетворение.

– Я хочу писать, как никто еще не писал, и чтобы непонятно было, проза это или стихи. Это первое мое желание.

– Ну, это просто, – сказала хозяйка, – при твоем некрофильско-натуралистическом складе ума это не проблема, это даже не считается за желание, поскольку ты и так будешь писать именно так, как ты сказал. Так что все три желания все еще при тебе.

– Ладно, – мстительно согласился Пл., – не

считается, так не считается. В общем, я хочу прожить жизнь, полную печалей и скорбей, такую, знаете, жизнь творца, и чтоб об меня в конце этой жизни просто ноги вытерли.

«Все равно ты мне, милая, гадостей наделаешь, так по крайней мере я не буду знать, от тебя они или нет», – подумал Пл.

– Понятно, – вздохнула она, – славянский садомазохизм. На всех он не распространен, к счастью. Вот, например, человек один, назовем его «Бедный», в отличие от тебя, не собирается жить плохо, а собирается жить хорошо, собирается быть признанным автором, и поверь, это у него получится... Немцы те же... Гете мне, например, все расписал по полочкам, как и что у него должно быть, ведь ничтожество, Наполеоном восхищался, пустышки писал, а какую жизнь прожил? Советую поступить так же.

– Нет, я хочу так прожить, как сказал.

– А по-моему, ты просто издеваешься и не хочешь ничего загадывать, – угадала фея, – ну, загадай, чтобы у тебя каждое утро яблоко на столе появлялось.

– Ага, – опасливо осклабился Пл., – и вы мне каждое утро на стол конское яблоко присылать будете, а то и не одно. Пока я один живу – это еще ничего, а вот невеста не поймет.

Фея зарделась:

– Не исключался такой вариант, – открылась она, хихикнув, – но не так страшно, если не понимает жена. Вот теща устроила бы тебе жизнь, как ты там сказал, полную печалей и скорбей.

– А на после смерти можно загадать? – вдруг придумалось Пл., и он заметил, как в удивлении дрогнуло хозяйкино лицо.

– Отчего же нет, – сказала фея, – вполне. По крайней мере это оригинально, хотя и бессмысленно.

– Давайте так поступим, – неотрывно глядя в ее черные глаза, сказал Пл., – пускай после смерти меня забудут, а потом вспомнят, это первое мое желание. Пускай в каждом месте, в городе ли, в деревне, где меня могут оценить, если я напишу что-нибудь, стоящее того, чтобы меня вспомнить... В общем, пускай там уже стоит паровоз, и...

– В смысле – «стоит паровоз»? – перебила его фея.

– Ну, не просто стоит на запасном пути, а стоит как памятник чему-нибудь, не мне даже, ну, как раритет какой-нибудь, дань старине, не знаю.

Наступила тягостная пауза.

– Че-то, родной, я тебя не понимаю, – нарушила молчание фея, – ты не заговариваешься часом?

– Ну, люблю я паровозы, – развел руками Пл., – ну, такое вот у меня желание.

– Ладно. А третье что?

– А третье надо что-нибудь дикое...

– Я уж поняла, – сказала фея, – что что-нибудь дикое.

Пл. понесло:

– И пусть в городе или деревне, где меня полюбят больше всего, даже не за мою всю писанину, а просто полюбят за то, как я прожил жизнь, за то, какой дурак я был, как соседа полюбят, так вот, пускай люди там тоже пишут, тоже непонятно что, стихи или прозу, и хапают через это головняки. И пускай люди эти будут счастливы через эти головняки. Такое вот у меня третье желание.

– Ну, ладно, – сказала фея, – Бог тебе судья, а я это исполню, – она хлопнула руками по коленям, как бы ставя точку во всем своем колдовстве или волшебстве, – а сейчас спать.

Хл. пробубнил что-то в ответ, но отрываться от блокнота не стал. Фее пришлось прикрикнуть:

– Слышал, ушастенький? Все, спать. Завтра, завтра все.

Хл. поднялся, не отрывая глаз и карандаша от блокнотика, глаза его при этом сияли неземным каким-то удовольствием.

– По-моему, – сказал Хл., продолжая черкать, – я принцип понял, дальше проще должно быть.

– Ну, в этом деле всегда так, – она подмигнула поднимающемуся из-за стола Пл., – с каждым годом все проще и проще, все понятнее и понятнее...

– Вам помочь посуду вымыть? – угрюмо спросил Пл. и взял уже тарелку, но фея, весело сверкнув глазами, тихо спросила: «Думаешь, на еще одно желание раскошелюсь? А что, вообще-то, могу», и Пл. торопливо уронил тарелку обратно.

Она положила гостей на печку, сама закрылась у себя в спальной. Хл. заснул тут же. Пл. чувствовал, как Хл. подрагивает во сне, долго слушал потрескивание, шепот, песни приглушенного радио в хозяйкиной спальне, а потом, наконец, уснул сам.

КРИСТИНА СУСЛИНА

Василий Васильев

ПУТЬ К ЗЕМЛЕ

Кристина СУСЛИНА родилась в Нижнем Тагиле. Учится в школе № 81, занимается в художественной школе. Неоднократно занимала призовые места в конкурсах по изобразительному искусству. Много времени уделяет волонтерству, состоит в городском отделении Российского Движения Школьников. Рассказ – первая публикация Кристины.

Хотелось написать роман, большой и интересный, но время сейчас быстрое, события мелькают, мы спешим, торопимся… Даже почитать особо некогда, а тут еще и писать… И я подумала: а, может, написать конспект романа? А читатель пусть сам додумает всё остальное, все детали и диалоги – как ему захочется? Попробуем?

ГЛАВА 1

ШЁЛ 2727 ГОД. Люди уже 400 лет назад перебрались на другие планеты – вначале Марс, потом другие. Позже открыли жизнь в других галактиках. Люди открыли секрет бессмертия и отправились путешествовать по космосу, совершенно забыв о нашей родной Земле. Теперь загранпаспорта были нужны, чтобы перелетать с планеты на планету. Были изобретены новые более масштабные и опасные виды оружия, которые, собственно, и погубили Землю.

Джим и Салли – обыкновенная пара того времени. Они живут в стандартном 200-этажном коттедже. Джим – инженер в фирме, строящей космические корабли. Салли занимается молекулярной физикой и химией. Сейчас она улучшает свой аппарат для уменьшения кораблей Джима до размера одной молекулы.

Казалось бы, самая обыкновенная, ничем не примечательная пара, живущая на планете 07RT8J3, которая находится в нескольких галактиках от Земли…

Глава 2

В ОДИН ОБЫЧНЫЙ день Джим заскочил домой, чтобы забрать материалы для работы. Салли в это время решила разобрать домашнюю библиотеку.

– Салли, чем занимаешься? Я сейчас заберу документы и обратно в офис.

– Смотри. Я нашла наш старый альбом с фотографиями. Надо будет покрыть его моим восстанавливающим лаком, а то старая картонная обложка совсем испортилась.

– Как давно мы не фотографировались... Слушай, а там фотографии какого года?

– Ого, представляешь, это ещё 2020-й! Нам тогда было, кажется, лет по 15!

– Погоди, не припомню этого места…

– Ты, что, Джим, это же Земля, мы на ней родились.

– Да?! Удивительно красивое место. Однако кажется совсем не цивилизованным.

– Помню, ты раньше считал себя таким взрослым, ходил паспортом хвастался. А у меня он на год позже появился.

– Тогда я был совсем ребёнком. Я бы даже сказал зародышем. Напомни какой год мне уже идёт?

– 722-й, милый.

– Надо же, с моей работой так незаметно пролетает время! Казалось, вот же недавно было моё 500-летие.

– Хочу снова там сфотографироваться...

– Салли... А это хорошая идея! Это вовсе не сложно. Подготовим один из моих кораблей и отправимся туда.

– Ты думаешь мы найдем то место? Это было так давно!

– Не думаю, что современные технологии могут нас подвести, – сказал Джим доставая из стола навороченный навигатор.

– Тогда я пойду собирать вещи!

Салли ушла в 354-ю гардеробную, а Джим с помощью телепорта отправился к коллегам сообщить о планах и просить закончить работу без его участия.

Глава 3

В ДЕНЬ ОТПРАВЛЕНИЯ. Корабль выбран, защита настроена, вещи и продукты собраны. Джим проверил фоторобота, – все прекрасно работало, можно отправляться.

Пролетев 26 воздушных сфер планеты, Джим включил автопилот, рассчитав остановки на планеты для заправки корабля тразуфной энергией.

Первые сутки, а у них они будут равны нашим 53 часам, пролетели спокойно. Но позже Салли начала жаловаться на головные боли и слабость. Измерив давление, Джим решил, что Салли просто не выдерживает нагрузку, ведь на других планетах она не бывала уже лет 200. Джим же периодически летал за новыми технологиями и просто тестировал свои транспортные разработки, поэтому полёт переносил легко.

– Салли, мы остановимся на ближайшей планете и найдем средство от перегрузки.

– Будет замечательно, а пока пойду отдохну...

Глава 4

ВОТ, КАК РАЗ и небольшая планетка с общим числом жителей чуть меньше 3 миллиардов подвернулась. Увы, как оказалось нужного препарата они не изготавливают, ведь и контактируют с другими планетами очень редко. Проснувшаяся Салли, узнав, в чем проблема, спросила, есть ли у них необходимые ингредиенты для создания лекарства, и на радость у них оказалось почти всё, кроме Сиреневой пыльцы Млечного пути. Добрые жители одолжили небольшой исследовательский корабль, с помощью которого Джим как раз мог собрать недостающий ингредиент. До этого наш рассказ протекал спокойно, пора бы добавить немного экшена. Так что пусть огромная метеоритная стена преградит ему путь. Джим вспоминает все летные тренировки и поучения любимого тренера и мастера корабельного дела Эрика Юрьевича.

ГЛАВА 5

ОН ЛОВКО облетает все метеориты и отправляется дальше к Млечному пути.

В романе этому будет посвящено не меньше десятка страниц, но сейчас съэкономим.

ГЛАВА 6

ИВОТ ПЕРЕД ВЗОРОМ Джима появляется небывалой величины и прекрасных молочных оттенков с отливами нежно-розового, голубоватого и сиреневатого цвета Млечный путь. Поначалу Джим путается в панели управления, но нечаянное движение локтем включает нужную кнопку для выпуска засасывающего механизма. Подлетев к наиболее крупному сгустку сиреневого цвета, он всосал его, выжал ненужную влагу и получив порошок, необходимый для лекарства Салли.

Джиму предполагал, что и обратный путь он проделает так же хорошо. Но, к великому сожалению Джима и радости читателя, один из астероидов подбивает корабль.

Ему приходится делать аварийную посадку на ближайшей планете Магнус. Жители не дружелюбно отреагировали на посадку Джима в их парке. Но это ещё малая беда. При посадке бак с собранной пыльцой был разорван… К счастью, Джим успел отсыпать немного образца для своей работы. Теперь его придётся использовать для лекарства Салли.

Есть и ещё одна проблема – речь. Хоть Джим знал немало наречий, язык этой планеты был ему не известен. Единственным выходом был язык жестов, который опять же несколько отличался от общепринятого.

Магнутяны тем временем ходили в недоумении, ворча под нос, что погублен великий культурный парк города. Никто не спешит на помощь Джиму…

Неужели ему придется весь остаток своей бессметной жизни провести в окружении ворчливых магнутян?

ГЛАВА 7

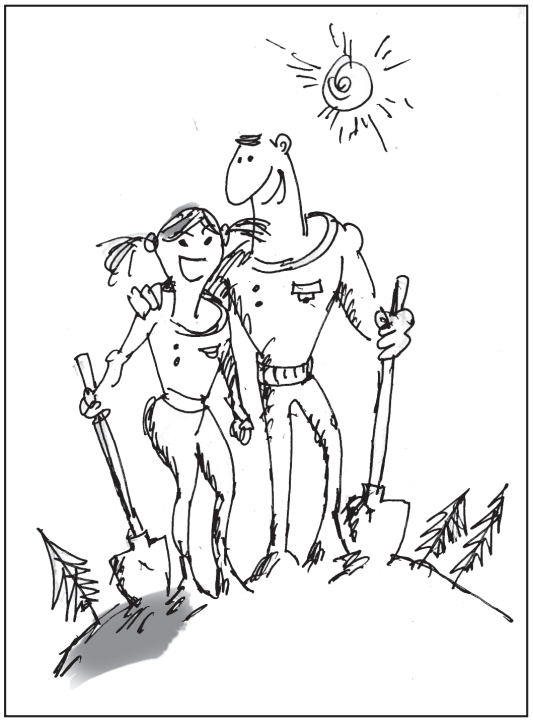
ЖИЛ НА МАГНУСЕ один любопытный и опытный мастер на все руки по имени Гарри. Ему нравилось всё чинить. Любое сломанное, что попадет ему в руки, восстанавливается в идеальном виде. Многие до сих пор задаются вопросом, где же он достает необходимые детали, не производимые на планете.

В последнее время ремонтировать было нечего, а тут выдалась такая возможность проявить инициативу! И Гарри бесцеремонно, не говоря и не жестикулируя, подошёл к остаткам корабля, и за полчаса все починил.

Джим поблагодарил Гарри, и, поскольку он герой положительный, чтобы не остаться в должниках, скинул некоторые свои технологии с микрофлэшки.

ГЛАВА 8

ТЕПЕРЬ МОЖНО было отправляться на маленькую планетку. Там его ждал сюрприз. Из-за маленького размера планеты вращение ее было настолько быстро, что у Салли без конца кружилась голова. Самостоятельно изготовить лекарство она не могла. Тогда под ее строгим руководством Джим смешал разные жидкости, подсыпал порошки, нагревал и остудил смесь. В конце нужно было добавить ровно 33 крупинки Млечной пыльцы. Но читатель должен понять, что успех не бывает без труда. Поэтому в первый раз он пересыпал на две крупинки и пришлось начинать всё сначала. А пыльцы осталась одна чайная ложка… Напряжение нарастает… Потом я опишу, как выступает пот на широком лбу Джима и предательски дрожат руки. Как, преодолевая слабость, Салли мужественно считает крупинки: 31-ая, 32-ая, и… и… Джим делает последний вздох, максимально скашивает глаза на реторту... И 33-я крупинка добавлена в смесь.



Всё? Нет! Вдруг Джим осознает, что подставка для пробирки сломана. И едва последняя крупинка падает в раствор, пробирка тоже начинает падать. Падает медленно, как в блокбастерах, может даже пару страниц. Но в итоге молниеносная реакция Джима позволила ему поймать пробирку, хотя при этом он неприятно бьется об угол столешницы. Салли выпила препарат и постепенно ей стало лучше. Ссадину Джима заклеили нанопластырем, и постепенно ему тоже стало лучше.

Покинув маленькую планетку, наши герои полетели дальше, периодически залетая на попутные планеты и знакомясь с их жителями. Может быть по пути на них нападут космические пираты – если я придумаю, как они от них спасутся. На всякий случай забронирую несколько глав, поэтому сейчас сразу…

...ГЛАВА 12

ЗЕМЛЯ УЖЕ близко. Но тут их ждал сюрприз. Как мы уже знаем, планету люди уничтожили бесчисленными войнами и небрежным отношением к экологии. Джим и Салли не узнали планету, какой ее запечатлела детская фотография: с зелёными лесами, голубыми морями, высокими горами и чистым небом над головой.

Вокруг простиралась пустая пустыня с пустым небом над ней. И даже ветер не гулял над этой пустотой – настолько она была пустой.

Салли заплакала и даже мужественный Джим не смог сдержать слезу.

– Салли! Салли, слышишь? Мы оживим эту планету. Люди же смогли заселить планеты, на которых жизнь ранее не существовала, значить, и вернуть в былое состояние ранее живую планету тоже получиться. Мы найдём всех друзей детства, попросим их о помощи и сделаем фон для нашей фотографии таким, каким он был раньше.

– А если у нас не получится? И кто будет жить на планете потом? Сможет ли Земля справиться без нашего существования?

– Я думаю, ей будет даже лучше без нас. Однако... Может, мы останемся на ней жить?! Будем

заботиться о Земле, заселим её зверушками, посадим все те растения, что росли на ней…

– О, Джим. Это просто фантастика! Давай же реализуем ее!

Глава 13

Их КОРАБЛЬ отправился в путь по планетам, а они тем временем звонили друзьям и спрашивали об их местонахождении. Кто-то был рад помочь, а некоторые просто не могли бросить свою работу. Были и проблемы с номерами – ведь с кем-то слишком давно не созванивались. Спустя 7 лет Джим и Салли нашли почти всех своих товарищей детства, и на помощь им даже пришли друзья друзей, их родные и просто желающие помочь.

Сообща они собрали необходимые растения, животных и воду. Салли изготовила удобрения для мгновенного роста растений. А ещё вещество, которое из ведра воды разливает целое море. Отдельную главу можно посвятить тому, как несознательные граждане решили использовать вещество применительно к ведру спирта, но были вовремя замечены и обезврежены.

В другой главе отличится Джим: из-за его неудивительной неуклюжести капля вещества, случайно упав на землю, мгновенно вырастила огромную гору, и Джим оказался на ее вершине.

В течение 30 лет Джим, Салли и их друзья озеленяли планету различным разнообразием растений, запускали в океаны рыб, осьминогов, морских звёзд и другую красоту. В воздухе стали летать множество разных птиц и насекомых, а по земле ползать небывалое количество зверушек. Планета просто засияла красотой разных мест. И хоть она больше походила на какие-то джунгли, а не на планету 2765 года, цивилизованную застроенную высотными домами, где воздух синтезируется вовсе не деревьями, эта планета была прекрасней всех прочих!

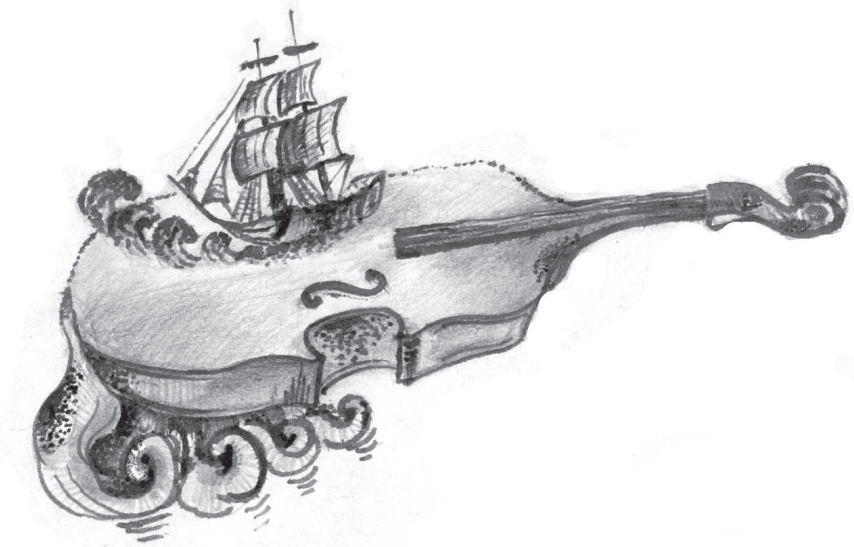
Взглянуть на вновь оживленную Землю слетелись со всех планет. Кому-то она показалась совсем озверенной и нецивилизованной, а кому-то запала в душу и некоторые даже решились перелететь жить сюда. А Джим и Салли наконец сделали такую же фотографию, как в своем старом детском альбоме.

Когда праздник по случаю нового открытия Земли закончился и в небе растаял след последнего звездолета, Джим и Салли облегченно вздохнули. Впереди их ждала долгая счастливая жизнь…

И тут Джим услышал со стороны леса какой-то смутно знакомый звук. Он прислушался… Да, ошибки не было. Кто-то рубил дерево.

Джим вздохнул, сходил в звездолет за битой и направился в сторону леса. По-другому, видимо, никак...

ЯН РАЗЛИВИНСКИЙ



Елизавета Табатчикова

БЛИСТАЮЩИЙ МИР

Ян РАЗЛИВИНСКИЙ родился и вырос на Алтае, жил в Туле, Москве, сейчас тагильчанин с «солидным стажем». Член Союза журналистов России, Союза российских писателей. Автор более трех десятков книг разного жанра, большого количества публикаций в журналах, альманахах и сборниках. Рассказ «Блистающий мир» входит в цикл «Третье путешествие в Зурбаган», написанный по мотивам мира Александра Грина.

Первому читателю...

1.

ОТ ЗУРБАГАНСКОЙ гавани, плотно забитой кораблями, как буфет радивой хозяйки посудой, до площади Процессий – не более четверти часа неторопливого шага. Но юноша, сошедший с толстобокой старой «Валькирии», одолел это расстояние лишь за час. Непреодолимыми преградами на его пути вставали сияющие закатным солнцем витрины с импозантными манекенами и фотографические салоны, обворожительные летние кафе, наполненные щебетом дамочек и запахами пирожных… Да что там! Даже обычные афишные тумбы заставляли юношу замирать, а его глаза – восхищенно распахиваться. Эта непосредственность и желание удивляться, так не шедшие к скованной экономичной походке, выдавали в нем некоего Маугли, впервые оказавшегося в цивилизованном месте. Такого не может случиться, скажете вы. Да полно вам, почему же не может? И в лесах за Херамом, и в предгорьях Ахуан-Скапы, особенно в южной их части, еще немало селений, где «железная дорога», «трамвай» и «аэроплан» – не более чем странные слова из уст заезжего торговца. Видимо из подобной глуши и пожаловал в блистательную столицу сей Кандид,

впрочем, никакого «Кандида» никогда не читавший и звавшийся Йоргеном.

Его деревянная походка, несколько странная для посторонних глаз, объяснялась до банальности просто. Семейство Йоргена было самым бедным из всех бедных семей деревеньки Гебурхаус. Так что Йорген, будучи третьим по счету из сыновей, безропотно носил то, из чего вырастали более старшие представители рода. При этом он старался бережно относиться к вещам, ибо имелся еще и младший брат, которому необходимо было передать в последний путь башмаки с вытертыми до бумажной тонкости подошвами и рубашки, на которых заплат было больше, чем первородной ткани. Нужно сказать, что и в этот вояж юношу отправили не первым классом – несмотря на затихающую, но все еще чувствительную жару, Йорген не снимал тесной курточки, чтобы не демонстрировать аккуратный длинный шов на предплечье. В саквояже лежала почти новая мятая рубашка, но надевать ее еще не настал момент. Там же покоились нехитрые приспособления для бритья, ибо Йорген уже брился (пусть и через день), пара чистых носок, брюки, которым, несмотря на все модные запреты, волей матушки предстояло сочетаться с мятой рубашкой, да еще немного разных мелочей. В правой руке Йорген сжимал самодельный футляр со старой скрипкой.

Стоит упомянуть еще об одном предмете, внешне ничтожном, но хранимом на груди, рядом с парой мятых зурбаганских марок – визитной карточке. Впрочем, опознать в ней именно названное мог сейчас разве что типографский работник, некогда набиравший текст – и то, как знать… Затертый и засаленный прямоугольничек, походивший скорее на тряпичную заплатку, давно потерял золоченую рамку по краю, да и надпись сохранилась лишь невероятным чудом. Но человек с острым зрением и долей воображения вполне мог прочесть на ней следующее:

Луиджи Мастрелло
импресарио
Зурбаган, пл. Процессий

В этих нескольких словах скрывались и главная ценность затертой визитки, и причина прибытия в столицу юноши по имени Йорген.

Наверное, пора уже в общих чертах описать внешность Йоргена, хотя… сделать это мы не успеем, ибо тут в нашем рассказе появляется Дамме по прозвищу Йорк, мелкое, ничтожное и затертое, как визитка, создание.

В иерархии темного мира Зурбагана он занимал ступеньку, ниже которой была разве что садовая дорожка, ибо громких дел за ним никогда не числилось из-за медленного развития ума, не способного строить планы, а серьезных поручений не давали по той же очевидной причине. И даже бутлегеры, коими с началом войны стали все, кому ни лень, не спешили брать Дамме на подхват. В общем, был он настолько мелок, что и в нашем повествовании появится лишь однажды.

Дамме, оправдывая свою кличку, имел пушистые усы и копёшку густых прямых волос, стриженных под горшок. Но повадками он больше походил не на добродушную собачку, а на ворону, которая вроде как бесцельно бродит вокруг вас, на самом деле присматриваясь, можно ли что стянуть.

Дамме точно так же фланировал постепенно пустеющими улицами города, пока не пересекся с неким недотепой, явно из приезжих. В одной руке

недотепа, раззявивший рот на опереточную афишу, держал довольно большой кожаный саквояж с массивным вензелем на посеребренной пряжке замка (Дамме не мог знать, что саквояж не был приобретен за солидные деньги, а выловлен пустым из ручья пару лет назад и, не будучи востребованным владельцем, перешел в собственность семьи Йоргена). В другой – нечто вроде ручного гробика, в котором любивший музычку Дамме признал футляр для скрипки.

Дамме небрежно оглянулся по сторонам. Семейная пара заворачивала за угол, какой-то малец сидел на краю мостовой, играя со щенком, да толстобокая тетушка с корзиной семенила навстречу – больше людей поблизости не было.

В эту секунду Йорген предстал в его глазах не худым долговязым юношей со светлой шевелюрой, а весами, левая чаша которых оказалась заметно тяжелей, что и решило выбор. Подскочив сзади, он сильным рывком завладел саквояжем, толкнул юношу на тумбу и был таков – долой с глаз и из нашего повествования…

Удар был силен и неожидан, Йорген ударился плечом и осел, тихо вскрикнув – не от боли, а от растерянности. Все имущество, не имевшее практически никакой выгоды для похитителя, но бесценное для паренька, исчезло в проходном дворе.

– Караул! – раздался оглушительный вопль сердобольной тетушки, которая с необычайно для ее комплекции прытью мчалась к Йоргену. – Грабят!

2.

ОФОРМЛЕНИЕ мелких дел было поставлено в полиции Зурбагана без лишней формальности, ибо дел этих всегда хватало, а полицейские – не враги себе и излишней канцелярщиной нагружаться не намерены. Старший инспектор Глоух кратко, но неторопливо внес обстоятельства происшествия в толстую растрепанную тетрадь, ничего не упустив, так как сердобольная тетушка пять раз во все более и более цветистых выражениях описала страшное преступление, позволив поникшему юноше лишь вставить несколько фраз насчет содержимого саквояжа. Узнав адрес сердобольной тетушки и заставив ее расписаться, инспектор устно взял клятву явиться по первому зову и подтвердить всё многократно повторенное еще раз в суде, а потом не без труда вежливо выдавил свидетельницу за двери участка.

Затем он основательно устроился в продавленном кресле, подпер плохо выбритый подбородок и уставился на пострадавшего.

Глоуху было за пятьдесят и он походил на грека-контрабандиста, а его большие, в сеточке ранних морщин глаза смотрели печально и в то же время оценивающе, словно он решал, взять ли собеседника в долю, или пришить на месте, сбросив ненужное тело за борт. Контрабандный вид портила лишь бледность лица, ибо большую часть времени Глоух был вынужден проводить в тени полицейского участка либо же в стенах дома, настолько уютного, что в него не хотелось ступать растоптанным служебным ботинком.

– Ну вот, – сказал Глоух голосом, в котором не было и нотки надежды, – Будем искать. Так что ежели вещи… – тут Глоух даже невольно кашлянул, выдавливая малознакомое слово, – …найдутся, то есть, дадим знать, значит. Куда?

Сорочка и ряд других предметов много значили для Йоргена и он посмотрел на толстого инспектора с надеждой.

– Я пока не успел где-то остановиться, сударь Глоух…

– Это, значит, того, – осудил промедление инспектор, – бродяги мне тут не нужны.

– Нет-нет, я завтра иду по поводу работы!.. Вот… – и затертый квадратик, крохотный билетик в блистающий мир, перекочевал на широкую ладонь инспектора.

Контрабандисту-инспектору стало грустно. Визитка была столь ветхой, что ее владелец мог успеть спокойно дожить до преклонных лет и скончаться в окружении правнуков и праправну-

ков. Да и фамилия была просто набором букв, ничего не говорящих инспектору. Хотя адрес был реальным.

Похоже, все-таки на одного бродягу в городе будет больше.

– А это, ты кто?

– Я музыкант, – встрепенулся юноша. – Играю на скрипке. Говорят – хорошо. Хотите сыграю?

– Не, – инспектор невольно отшатнулся, ибо слова «скрипка» и «сыграю» прочно ассоциировались с тугими накрахмаленными воротничками и дорогим костюмом, который, зараза, никак не хотел застегиваться на инспекторском животе. Время от времени дражайшая супруга, предательски заручившись поддержкой двух дочерей, вытаскивала его на балет, который страстно любила, несмотря на то, что одна превосходила суммарный вес почти всей труппы Зурбаганского Республиканского театра. Глоух сопротивлялся, ссылался на неотложные дела, мучился, но в итоге покорно шел, чтобы два часа постыдно бороться с дремотой, в то время как окружавшие с горящими глазами следили за па и фуэте мельтешащих на сцене людей.

– Не, – сказал инспектор, – это… не надо, ладно, – и решительно захлопнул большую тетрадь. На твердом кожаном переплете темнела клякса, которую он собирался стереть уже несколько лет.

– Я могу идти? – спросил тогда Йорген.

Инспектор задумчиво смотрел на кляксу.

– Погодь, – сказал он. Толстые и волосатые, как гусеницы, пальцы несколько раз отбили по темной коже неторопливую мелодию.

Паренька было жалко. Не из-за того, что ему предстояло провести ночь на улицах незнакомого города, а вообще. Бестолковое это дело – музыка. Тут даже инспектор на порядок выше. А что? Сидят там толпой в своей яме и наяривают, что дирижер прикажет, махая своей палочкой. Ну, на свадьбе там к месту, на похоронах, опять-таки, чтобы торжественно и чинно, а так…

Инспектор пожамкал кляксу, но она, разумеется, не оттиралась.

Жалко мальчишку…

Почти сорок лет назад Глоух вот таким же сопляком приехал в Зурбаган, чтобы стать моряком. Был он загорел, как индеец и жилист, будто сплетен из виноградных лоз. И он хотел увидеть и индейцев, и этих мелких постоянно кланяющихся японцев, и эскимосов, которые едят сырую рыбу. Хотел увидеть, как в глухой африканской ночи горят костры, и негры, черные как эта ночь, танцуют вокруг пламени под звуки варварских тамтамов. Хотел – но самым дурацким образом сломал ногу. Крепкие виноградные лозы не подвели и быстро стянули кости, но сделали это как-то неправильно, и хромота осталась на всю жизнь. А кому нужен хромой моряк, если он не пират?..

У мальчишки тоже была мечта – играть. Пусть и не очень понятная этому инспектору с лицом контрабандиста. Но она была.

– Ладно, это, – сказал инспектор, – пойдем.

За приемной комнатой была другая, на три камеры с решетками вместо дверей. Стояло лето, корабли были в деле, и морякам некогда было безобразничать и попадать сюда – так что все три уже неделю стояли пустые. Глоух открыл одну.

– За что, сударь Глоух? – испугался Йорген.

– Давай, это, – сказал Глоух посторонясь, – тут поспишь. Ну а что? Сейчас одеяло принесу.

Он принес казенное одеяло и бумажный пакет с несколькими бутербродами, которые не успел съесть.

– Вода – там, – указал он вглубь коридора. – Гальюн тоже. Утром отопру, значит. Тебе во сколько?

– Я рано встаю, – еще слегка испуганно сообщил Йорген.

– А, это, ладно. Я тоже. Ну всё, бывай.

Он запер участок.

Месяц, как никогда не виданный наяву турецкий ятаган, висел над Зурбаганом. Гладь бухты, частично скрытая корпусами кораблей, мерцала мелко наструганным серебром. Когда Глоух впервые пришел в порт, заросли мачт закрывали горизонт – теперь этот лес заметно поредел, ибо пар навсегда победил ветер.

Инспектор не пошел домой. Он спустился по пустой улице в порт. Парусники и пароходы спали, как слоны и как киты, приручeнные человеком. Фонарей почти не было, но Глоух мог и без света назвать всех, стоящих на рейде – для него список был вечной песней, в которой менялся лишь порядок слов, но не мелодия, придуманная мальчишкой, у которого еще были целы обе ноги.

Пахло смолой, машинным маслом и дальними странами. Инспектор, заметно прихрамывая, неторопливо прошел в дальний угол порта, к невысокому причалу, куда обычно вязали свои лодки местные рыбаки. Лодки тоже походили на приручeнных зверей, только маленьких – черепах, что ли. Черепахи дремали, постукивая друг о друга деревянными панцирями.

Глоух дошел до конца причала. Был прилив, и тяжелая теплая вода поднялась почти к самым доскам настила.

Точно так же неторопливо разувшись, Глоух сел на пирс и опустил босые ноги в море.

Тепло воды тут же пошло по телу вверх и родило тихую улыбку, которой он уже давно не одаривал ни жену, ни занятых собой дочерей.

«Морюшко, – подумал инспектор с лицом контрабандиста, осторожно болтая ногами в теплой воде. – Моё…»

3.

УЖЕ МНОГО ЛЕТ прием являлся процедурой скорее рутинной, нежели полезной – но Суарт, уважавший порядок в делах, не спешил отказываться от давней традиции. После долгого бурного дня и накануне не менее долгого бурного вечера это была своего рода фиеста, время, когда стоит остановиться, отдохнуть и переждать. Как и обычно, на этот раз компанию Суарту составлял Фейт, компаньон и друг, если можно назвать другом человека, который так же, как ты думает о деньгах – и этим сходство практически заканчивается. Закованный в строгий черный костюм, сухой Фейт больше походил на священника, чем служителя муз, а весь его образ жизни заставлял усомниться в необходимости обладания немалым капиталом и тем более – в потребности его приумножать… Зачем копит банкноты и монеты, если их не использовать во благо себе и близким?

Часы пробили раз, обозначив экватор приемного времени. Суарт и Фейт успели выпить по чашке кофе, закурить сигары и поболтать на тему последних политических событий. А, ну и, разумеется, принять восьмерых посетителей, из которых один хотел устроиться помощником осветителя в театр «Лунный свет», а остальные желали выступать.

Работу получил непритязательный поклонник Феба, а прочие таланты были прослушаны и отправлены восвояси ввиду непригодности.

Удивляться тут было нечему: и солисты, и коллективы, кои протежировал Суарт, являли собой нечто вроде наполеоновской старой гвардии, попасть в ряды которой удавалось лишь единицам. Последним приобретением Суарта и Фейта был Мауро Росселлини, человек до безумия глупый, но с великолепным di grazia – лирическим тенором – и неподдельным обаянием наивного водевильного «дядюшки». Уже второй сезон Росселлини успешно зарабатывал деньги для Суара и Фейта, играя в шести самых популярных опереттах, и единственной сложностью, которая имелась с ним – это сложность запоминания текстов. Впрочем, и самых глупых попугаев можно заставлять выучивать длинные речи – это наш тандем прекрасно знал из многолетней практики общения с артистической братией.

Фейт взял из небольшой стопочки визиток верхнюю – точнее, приподнял ее двумя пальцами, как дохлую муху и удивленно посмотрел на Суара.

– О-ля-ля! – сказал Фейт, разворачивая прямоугольничек к партнеру. – А я думал этот человек скончался много лет назад.

Суар чуть подался вперед всем грузным кор-

пусом, безбожно прищурился и изумленно хохотнул.

– Ого, да этой глинобитной табличке без малого три тысячелетия!

Изумление его было обоснованным: уже лет двадцать, если не больше, как он отказался от «громкого» имени Луиджи Мастрелло, под которым колесил по стране с небольшой труппой, больше похожей на шайку разбойников, чудом вырвавшуюся из лап полиции. Впрочем, тогда Суар и в самом деле походил на темпераментного итальянца – и внешне, и характером. Сейчас же юноша с горящими глазами надежно прятался под дорогим костюмом и почти четырьмястами фунтами явно не мускулов…

Даже если бы вся инквизиция Европы вдруг воскресла и принялась пытать Суара, то и тогда бы он не вспомнил, кому и когда сунул эту визитку.

И Суар нажал на кнопку звонка.

4.

ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, что вползет нечто дряхлое – под стать затертой донельзя визитке, но вошел стройный симпатичный юноша, одетый без вкуса и шика, но и не оборванный, как нищие на паперти у собора Святого Исидора Сивильского. К груди он прижимал маленький гробик, в котором с равной вероятностью мог покоиться средних размеров пес или же скрипка. Суар не стал тянуть с интригой и спросил сразу: «Вы играете?»

Юноша робко кивнул, глядя на импресарио широко распахнутыми глазами, в которых плескался восторженный испуг – чем тут же заработал первый минус в мысленном списке «Почему мы не должны брать этого человека себе», ибо артист, даже начинающий, должен непременно иметь долю наглости, самоуверенности и гонора, без которых его потолком будет сакраментальная фраза «Кушать подано!».

– И вы хотели бы играть у нас? – подсказал Суар, уже явно забавляясь.

– Да, – опять старательно обрезав из ответа все лишние слова, сказал юноша, но, поколебавшись, все же добавил:

– Меня зовут Йорген Хенсур. Я приехал из Гебурхауса. И я умею играть на скрипке.

– И хорошо играете?

– Людям нравится, – скромно ответил Йорген. – Но они говорят, что мне нужно выступать в городе, на публике, а не играть на деревенских посиделках.

Так оно и было, и не раз. «Тебе здесь не место, – рассудительно говорил старый Рух, закуривая глиняную трубочку и эта трубочка была такой же старой, как потрескавшееся серое лицо Руха. – Твоя музыка вызывает волнение и отвлекает от работы, а крестьянину нужно работать, чтобы выжить. Тебе нужно в большой город, там много беспокойных людей у которых нет занятий, им понравится твоя игра».

– О-ля-ля! – тихо, словно себе, сказал Фейт, – а нашего гостя, выходит, делегировал народ… Так ты из самого Гебурхауса? – уже громко спросил он, покосившись на Суара. Тот едва заметно пожал плечами. Ну да, может когда-то его шайка и забредала в те края, может за кружкой местного пойла он и сунул кому-то визитку – грех небольшой – но почему ее хранили столько лет и вручили этому недотепе… вот уж загадка, достойная Сфинкса…

Гебурхаус… Суар смутно припомнил заросшие кустарником холмы с редкими плотными рощицами бука. Судя по названию, деревушку миллион лет назад основали выходцы из Германии, но и их упорство не смогло перебороть природы тех мест: когда «Луиджи Мастрелло» оказался в Гебурхаусе, от бауэров и их семейств не осталось и следа, и по-немецки уж точно никто не говорил. Хотя имя у мальца было определенно немецкое.

В памяти всплыли поля со скудными всходами ржи, кучка светлых домиков вдоль ручья, церквушка… о, да деревня-то была не из самых захудалых, коль имелась в ней церковь… В памя-

ти замелькали какие-то невнятные образы и – вот что удивительно! – вдруг возникла плавная мелодия. Суар мог поклясться, что она прямым образом связана именно с этой деревней, но как?

– Покажи-ка руки, – попросил Суар.

Юноша сделал шаг вперед и, зажав футляр под мышкой, неловко вытянул руки. Ну конечно, это были пальцы крестьянина, а не скрипача. И эти мозоли, фу…

– Ты работаешь в поле, – констатировал Фейт.

– Да, сударь. У нас работают все.

– А по вечерам играешь.

– Н-не всегда. Только когда попросят. Или есть настроение.

– Ну что ж, хорошая база для начала головокружительной музыкальной карьеры… – достаточно внятно пробормотал Фейт, глянув на компаньона.

В этот момент в мысленном списке Суара должна была появиться еще пара, а то и больше, минусов, но он рассеянно барабанил по столу, словно не слыша Фейта. Мелодия, странная мелодия уводила его прочь из этого кабинета и этого времени.

– А… знаешь, – задумчиво сказал Суар, обращаясь к Фейту. – Я ведь вспомнил ту обитель хлебопашцев. Господи боже, как давно это было! Тогда мы отрепетировали водевиль «Возвращение гусара» и обкатывали его вот на таких забытых богом местах. Публика там была непритязательная, не требовала пышных декораций, легко прощала, если забывался текст, а к самому тексту претензий было еще меньше: думаю, если бы вместо шуток мы, мон шер, просто пукали под музыку, публика ржала бы еще звончее и хлопала громчее… О темпора, о морес! А после «премьеры» мы напились вдрызг и я познакомился – познакомился! – с каким-то местным музыкантом. Кстати, он неплохо играл – для деревни, разумеется, – и после второй бутылки я предложил ему приехать в Зурбаган, дав эту карточку. Видит бог, если я и ждал визита, то намного раньше… Так твой отец был музыкантом, верно?

– Нет, сударь, он тоже крестьянин. Но он любил играть… («На деревенских посиделках» – усмехнулся Фейт). И он иногда жалел, что не отправился тогда в Зурбаган…

– Да, большая потеря для музыки, – словно очнувшись, Суар решительно хлопнул ладонью о стол. Время приема заканчивалось. Через полчаса нужно было ехать в ресторан «Астория», потом успеть в театр – выйти на поклон в премьере «Mascagno Four»: тот кто говорит, что импресарио должен оставаться за кулисами, глубоко не прав. – Ну что ж, сыграйте нам… что-нибудь… – он выразительно взглянул на Фейта, давая понять, что еще пара минут и весь этот деревенский водевиль завершится.

Йорген помедлил, собираясь с духом.

– «La Folia». Арканджело Корелли, – объявил он, заставив брови слушателей удивленно приподняться. Они не знали, что это произведение было единственной настоящей городской музыкой со скрипкой, которую знал Йорген. Он выучил ее по граммофонной пластинке, невесть как оказавшейся у доброго трактирщика Маурея. Все остальные мелодии Йорген или подобрал сам, слушая записи водевильных песенок, или перенял у отца. Излишне упоминать, что о существовании нотных знаков юноша скорее догадывался, чем твердо знал...

Смычок коснулся струн и возникла мелодия, хорошо знакомая Суару. Но юноша играл ее по своему, мягко, завораживающе и при этом как-то странновато – не зная первоисточника, слушатель наверняка удивился бы, отчего этой плавной мелодии дали имя фолиа – безрассудство…

А Йорген между тем играл, чуть раскачиваясь в такт музыке, и казалось, что он дремал, да, почти дремал, а скрипка играла сама, безо всяких усилий с его стороны, но вдруг глаза его широко и испуганно распахнулись, рука дрогнула, мелодия прервалась – его отрешенный взгляд встретился с другим взглядом – из-за оконного стекла.

– Что?... – Суар вынырнул из забытьи, словно после расслабляюще-теплой ванны ступил на скользкий холодный кафель. Бр-р… Он просле-

дил взгляд Йоргена и скривился еще больше, – О, черт…

Юноше показалось вначале, что человек за стеклом стоит в какой-нибудь люльке. Тем более, что в руках незнакомец сжимал мокрую тряпку. Но уже в следующий миг он понял, что это не так: никаких тросов рядом с человеком не было. Он просто висел в воздухе, почти прижавшись к стеклу. Его худое лицо было бело, словно он увидел призрака. Человек не отрываясь смотрел на Йоргена. Без сомнения он слышал игру.

Фейт привстал в кресле и несколько раз махнул ладошкой – так отгоняют голубей на площади. Человек за стеклом вздрогнул, перевел взгляд на Фейта и, не делая никаких движений, плавно сместился куда-то в сторону, пропав из вида.

Забыв о вежливости, потрясенный Йорген подбежал к окну, прижался лбом, пытаясь заглянуть туда, куда исчез человек – но ничего не увидел.

– Кто это? – прошептал он. – Это же… это правда? Он летал?

– Ну конечно он летал, – недовольно пробурчал Фейт, снова откидываясь в кресло. – Конечно, летал. Это же летающий человек, Друд.

Суар увидел, что разговор уходит в другое русло и тут же вернул всё на круги своя:

– У меня очень солидная фирма, молодой человек. Очень. Как видите, мы можем позволить себе даже мойщика в виде летающего человека. Ну а что еще можно предложить такому человеку? Эффектный, но абсолютно никому не нужный дар. Никому.

Как же так, потрясенно думал Йорген, не отрывая взгляда от опустевшего окна. Только мокрое пятно с потеками свидетельствовало о том, что минуту назад там парил человек. Как вышло, что тебе был дан такой талант, а ты не нашел ему ничего лучшего, чем мыть окна?.. Ну как же так?

Слова Суара доходили до него, словно сквозь толщу воды – тихо и невнятно. Не нужный?.. Никому?..

Суар вдруг резко встал, почти вскочил, что было практически невероятно для столь тучного господина и плотно обнял Йоргена за плечи. Суар был на полголовы ниже юноши, но когда глядел в глаза, казалось, что этот проницательный цепляющий взгляд добавляет его обладателю несколько дюймов.

– Мальчик мой, – тихо сказал Суар, – а вот твой дар полезен и нужен. Ты же суи генерис, неповторимый, – ввернул он по привычке латинскую фразу. – Тебе и место только с нами! Ты не станешь таким, как этот бездельник – пф-ф!.. Миллионы людей по всему свету услышат твою игру. Ты очаруешь всю Землю. О, мой мальчик, если где-то там, в волнах эфира, обитают марсиане, то и они покинут свою красную планету, чтобы насладиться музыкой… – свободная левая рука Суара взметнулась вверх, кулак разжался, словно вспышка, – Лондон! – еще вспышка – Нью-Йорк! – еще – Париж! – Варшава! – Москва! Назови любой город на земном шаре, и я скажу: там тоже влюбятся в тебя! Нас ждет невероятное, фантастическое будущее и такая жизнь, какая не снилась тебе даже в рождественскую ночь! Подожди, – он отстранил юношу от себя, пытливо глядя, словно размышляя, дарить ли ему что-то еще, кроме этих, и так бесценных обещаний, – подожди, я познакомлю тебя кое с кем.

Суар нажал кнопку электрического звонка (у него действительно была очень солидная фирма и банальные колокольчики давно заменило электричество).

– Она уже пришла? Немедленно, немедленно ко мне!

И, внемля его словам, дверь тут же распахнулась, а на пороге возникла – она.

Она…

Та, чье лицо сияло ослепительной улыбкой с афиш всего Зурбагана – от Лисса до Диблья и Сан-Риоля.

Та, чья фотокарточка в скромном алюминиевом овале лежала сейчас в нагрудном кармане пиджака.

Та, чей голос, тускло звучавший с затертой граммофонной пластинки все того же доброго трактирщика Маурея, заставлял его сердце бить-

ся, словно запертая в клетку птица. Виолетта Новак, прима Зурбаганской оперы.

– Мы сегодня точно не пообедаем! – воскликнула она вместо приветствия, но даже банальная фраза прозвучала, как строка из новой арии.

– Виолетта, звезда, ты непременно пообедаешь и в чудесной компании! Позволь тебе представить – Йорген… Йорген…

– Хенсур… – выдавил названный, не сводя глаз с Виолетты. Это был невероятный день, лучший день в его жизни, даже если эти господа сейчас скажут ему «нет!»: он видел настоящего летающего человека и настоящую Виолетту Новак!

– Йорген Хенсур, музыкант, чье имя будет стоять на всех афишах Земли, на всех языках! Знаешь, кто будет ломать смычки при первых звуках его скрипки? Все! Все будут ломать смычки! Это алмаз, который мы должны поместить в надлежащую оправу и превратить в бриллиант!

Облачко капризности, окутывавшее звезду, испарилось вмиг, и она засияла невероятнейше милой улыбкой, той самой, с афиш, с миленькими ямочками на розовых щечках. Такой оценки Суар не давал еще никому…

– Вы смотрите так, как будто узнали, – чуть кокетливо проговорила она, подавая руку.

– Я… – юноша покраснел, словно помидор.

– Весь мир будет лежать у его ног, Виолетта. Он покорит его, дорогая, поверь мне. Покорит вместе с твоим голосом.

– Да?.. – узкая ладошка задержалась в руке юноши на мгновенье дольше.

– Если я скажу, что он играет божественно, то я не скажу ничего. Да простит меня всевышний, но мне кажется, что пять минут назад он отвлекся от создания очередного мира, чтобы послушать этого паренька! Каелос сунт аудиендо – небеса слушают, дорогая, небеса слушают!

Розалия покосилась на Фейта и тот едва заметно кивнул.

– Ну что ж, мне приятно познакомиться… – она пристально всмотрелась в разрумянившегося юношу, пытаясь разглядеть сияющий ореол божественности, но тот, если и был, то видимо, спрятался где-то в шевелюре, а лицо… ну да боже мой – сколько таких лиц она перевидала на своем веку – миловидных, но не излучающих талант, а восторженно впитывающих ее – невероятный и фантастический.

– А мне, я… – пробормотал юноша…

– А ты, мой друг, сегодня поступаешь в полное распоряжение нашей милой Виолетты. Пообедайте, пообедайте всласть, а потом, дорогая, покажи этому Маугли настоящий Зурбаган, и пусть он почувствует, в какой блистающий мир входит. Это будет только ваш вечер. А утром я жду тебя здесь, – обратился Суар уже к юноше. – Мы подпишем контракт и обсудим первые выступления. За тобой заедет авто… скажем, в девять. Это нормально?

– О, я привык вставать в шесть, так что можно и раньше…

– Ах, – хохотнул Суар, – тебе не терпится ошеломить нашу публику? Молодец, молодец! Так держать! Ну, ступайте, мои милые, ступайте!

И лишь когда придвинулся к Виолетте, целуя ее в щечку, улыбка на секунду слетела с сияющего лица:

– Не отпускай его ни на миг, ни вечером, ни – хочешь – ночью. И чтоб утром он был тут…

5.

КОГДА ДВЕРЬ за парой закрылась, Суар мячиком заскакал по комнате.

– Бог ты мой, кто ожидал, что обычный день закончится таким фейерверком! Суар – ты просто гений! Как же ты почувствовал его, ух!.. Так, надо немедленно звать Дрибба – только этот крючкотвор сможет составить контракт, который безмятежно подпишет самый прожжённый пройдоха – не говоря уже об этом мальчишке… Ух! Да только на граммофонных пластинках мы удвоим, а то и утроим наше состояние! Ух!

– Никаких пластинок, – вдруг тихо бросил Фейт, прихлебывая из бокала.

– То… то есть как?

– Никаких. Только живые концерты. Ты ведь хочешь снова услышать его игру?

– Хочу, – охотно согласился Суар, переставая бегать по комнате. Теперь он стоял напротив Фейта, засунув большие пальцы в карманы жилета и выпятив живот, отчего тот стал вдвое больше – как будущие доходы фирмы.

– И я хочу, – скромно сказал Фейт, хотя по внешнему виду это было совершенно незаметно. – И миллионы людей тоже будут хотеть. Так зачем давать им возможность за пару марок бесконечно слушать нашего мальчика у себя дома, если мы можем бесконечно получать эти пару марок с жаждущего носа на каждом концерте?

– Да, – выдохнул Суар, – как же ты прав! Только у нас, только через нас! Организуем гастроли. Зурбаган, Лисс, Гель-Гью – восток пока не берем. Потом сразу какой-нибудь крупный город в Европе. Пусть Рим или Париж – там живут эмоциональные люди. Взрыв восторженных рецензий… Интерес в других странах… Виола поедет с ним. Поможет закрепить успех. Пойдут на нее – услышат его. Бабах!

– Согласен, – степенно, едва заметно кивнул Фейт – как несколько минут назад кивал самой Виолетте. – На первых порах ее имя послужит хорошей приманкой.

– Да-да, какое-то время они будут вместе. Может, даже придумаем какой-нибудь роман, а? Легкую интрижку для газетчиков-пачкунов, а? Но потом наш мальчик отправится один – просто приставим к нему какого-нибудь спутника, чтобы держал на расстоянии толпу и не давал выйти из колеи. Мальчишка – деревенщина, простак, но мало ли что ударит ему в голову…

– Верно, – снова кивнул Фейт. – Он возник, если говорить твоей отвратительной латынью, как деус экс махина и упускать его ни в коем случае нельзя. Виола выходит в тираж. Ее по-прежнему обожают на задворках страны, ее пока что любят в столице, но Европа уже слегка охладела к нашей протеже. Она стареет, она курит… Она становится капризной, в конце концов! Сколько, по-твоему, она протянет еще, сидя на кобыле былой славы? Я думаю, что несколько лет. В прошлом сезоне у нее было больше скандалов, чем концертов…

– Ну, на скандалах мы тоже зарабатывали, не забудь… Впрочем, теперь нам не страшно, – отмахнулся Суар, – теперь у нас есть новый горшочек, который будет варить золотую кашу.

– Горшочек, вари! – впервые за весь вечер улыбнулся Фейт, поднимая тост.

6.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «место, в котором едят» вполне подходило для харчевни доброго Маурея, но этому заведению требовалось добавление вроде «божественное» или, по меньшей мере, «невероятное».

Пылали электрические люстры, в глубине зала играли настоящие музыканты, все столы были покрыты белоснежными скатертями, а полы мерцали, как свежий лед на реке… В ресторане было довольно людно, но, что удивительно, на них никто не обращал внимания, а ведь он пришел с самой Виолеттой Новак! Неужели они обладают возможностью видеть ее так часто, что не изумлены появлением?.. Зурбаган – ты счастливый город!

Не глядя в меню Виолетта скороговоркой пропела длинную и непонятную тираду, на что официант степенно кивнул и уставился на Йоргена.

– Теперь твоя очередь, – пояснила Виолетта.

– А… А может… закажите вы? – Йорген несмело протянул золоченый томик приме.

– Но я же не знаю твой вкус! – искренне поразилась она.

– Я ем всё, – тут же огласил свои гастрономические пристрастия Йорген. – Честно…

– Ну, если честно… – и последовала еще одна тирада-скороговорка, после которой официант исчез с легким изумлением на лице, оттого, что в от-

вет на его поклон Йорген вскочил из-за стола и тоже поклонился.

– Я рада, что мы познакомились, – сказала Виолетта, отпив воды из высокого стакана. У нее был пристальный, изучающий взгляд – совсем не такой как на афишах. Но эти ямочки на щечках, нетерпеливо проступавшие при малейшей улыбке – за них Йорген был готов отдать все, включая драгоценную скрипку.

– А вы… вы не представляете, как рад я… Я с детства восторгался вашим голосом!.. У нашего соседа, трактирщика Маурея, был граммофон и целых две пластинки с вашими… – с придыханием начал Йорген и осекся, вдруг осознав, что выдал комплемент сомнительного свойства.

Стакан уже стоял на столе, поэтому Виолетта не поперхнулась.

– Ну, мой милый, твое детство было так недавно, – проворковала она, потрепав пунцовую щеку юноши.

Легкое касание можно было расценить и как жест успокоения, и как очень вежливую пощечину. Йорген предпочел первый вариант, решив, что поговорка про «молчание – золото» как нельзя лучше подойдет в качестве девиза этого вечера.

На счастье принесли блюда, ни одно из которых даже отдаленно не напоминало то, чем всегда питался юноша, и стало возможным молчать без опасения показаться неуклюжим невеждой.

Казус, правда, случился и в молчании, когда Йорген закусил нечто, похожее на суп, пирожком из блюда. Виолетта ничего не сказала, но через минуту аккуратно подцепила такого же румяного братца и, аккуратно отрезав ножом кусочек, отправила его в рот с помощью вилки.

«Какой же все-таки я…» – только и подумал Йорген. Впрочем, всё это было простительно человеку, пришедшему из мира, где твердое едят или вилкой или руками, а жидкое – ложкой. Их же стол напоминал палубу пиратского корабля после яростного боя – столько ножей, вилок и ложек лежало на нем! Виолетта непринужденно ориентировалась в этом арсенале, меняя вилку для холодных закусок на вилку для мяса, а ложку для первых блюд – на десертную, но Йорген ощущал себя дикарем, оказавшимся в операционной. Оставалось одно – придержать коней аппетита и повторять все за более опытным ездовым.

Вновь заиграла музыка и Йорген отложил туповатый нож, которым кромсал край бифштекса (в таком богатом заведении ножи должны бы быть острыми, как бритвы, а мясо – хорошо прожаренным…).

– Что? – спросила Виолетта.

– Никогда не слышал живой музыки. У нее совсем другое звучание, не как на пластинке. Ну, у нас, конечно играли – я, мой отец, еще Сабо, когда выпьет, любил послюнявить губную гармошку – но вообще-то он охотник, хороший охотник… А тут же целый оркестр…

Оркестр? Виолетта недоуменно покосилась в сторону кучки невыспавшихся музыкантов, извлекавших мелодию – недурно, но по ремесленному холодно: если бы не Йорген, она б и не обратила внимание на эти звуки…

– Суар говорит, что ты очень хорошо играешь.

– Да, кажется… Хотите, я сыграю для вас? – оживился Йорген, решив, что это неплохой шанс загладить неловкость. – Мы можем попросить скрипку и…

– О, нет-нет, не сейчас! – всплеснула ручками Виолетта. – Позже!

– Но мне несложно!..

– Нет, – чуть решительнее и резче сказала Виолетта и добавила с улыбкой, – Мне бы не хотелось, что б твоя мелодия раздавалась посреди жующих физиономий.

Чтобы не брякнуть лишнего, Йорген только кивнул и робко улыбнулся в ответ.

– А знаете, сегодня удивительный день. Я познакомился с вами и видел летающего человека.

– А, Друд… Человек Двойной звезды… Когда-нибудь – быть может – я расскажу тебе его историю. Она длинна, в ней много любви и несчастий... Всё оттого, что люди забывают свое место в обществе и попадают в неприятности… Одно время говорили, что он погиб – так было надо.

Руна Бегуэм хотела услышать, что он разбился в лепешку, и она это услышала… А потом… Он долго лечился за счет Фейта и, кажется, поумнел. Фейт дал ему работу – мыть окна на верхних этажах, ибо теперь Друд не мог летать высоко. Или боялся – что одно и то же.

– Он мог бы…

– Что? Переносить письма влюбленным, как волшебный Купидон?

– Нет, но хотя бы цирк…

– До своего краха он выступал там, а теперь боится арены и толпы больше, чем неба над собой. А я ведь его знала… другим… – Виолетта задумчиво провела по своим белокурым волосам, но тут же спохватилась: – Да брось, чего он дался тебе? Мир принадлежит людям удачливым, таким как Суар, как я, как ты. Все не могут стоять на вершине – тогда это будет не вершина, а равнина.

Когда настала очередь десерта, Виолетта покопалась в сумочке и передвинула что-то по столу к Йоргену.

– Что это? – спросил тот, хотя прекрасно видел – что.

– Расплатишься за наш прекрасный обед, – улыбнулась Виолетта. – И сдачу не бери. Это называется «дать на чай».

– Но ведь это неправильно… – промямлил Йорген, судорожно сравнивая то, что было у него в кармане с тем, что лежало на столе. Медь проигрывала ассигнациям. Возможно, денег и хватило бы, но только в том случае, если бы Йорген дополнительно поработал пару недель мойщиком посуды на кухне этого замечательного ресторана.

– Я тебя умоляю! – хохотнула Виолетта. Суар был прав – это истинный Маугли. – Да половина мужчин, которых я знаю, только так и поступают!

На горизонте возник официант, уверенно взявший курс на их столик.

«Господи, если я сейчас высыплю мелочь на скатерть, я глубоко оскорблю сударыню Виолетту и снова вляпаюсь по самые уши…»

– Я вам обязательно отдам, – торопливо пробормотал Йорген. – только, возможно, не сейчас. Я пока не знаю, когда у меня будет первый заработок…

– Если ты будешь превращаться в наливное яблочко после каждой фразы, то лопнешь намного раньше этого момента. Расслабься, мой милый, очень скоро у тебя будет столько денег, что ты сможешь купить весь этот ресторан и обедать в нем бесплатно!

7.

УЛИЦЫ ЗДЕСЬ не любили. После ресторана они сразу переместились в ателье, где Виолетта с недовольной миной («Это так дешево, но потом мы сошьем тебе на заказ!») выбрала ему невероятнейше новый, никем не надеванный костюм, такой чистый, что первое время Йорген держал руки ладонями в стороны, чтобы случайно не замарать нежно-кремовую ткань. А потом они побывали в цирюльне, которая называлась как-то подругому, городскому, и цирюльник – первый цирюльник в жизни Йоргена – побрил его и подстриг, с помощью блестящей мази создав элегантную прическу как на рекламе средства для волос «Перуин-Пето» в зачитанном журнале… Собственно и о-де-колон, которым сбрызнул он преображенного, как святой водой, был также первым… Вслед за этим, опять же не гуляя, а перепрыгивая от дома к дому на авто, они оказались в похожим на дворец доме и уже там начали перемещение по бесконечным комнатам и залам. За всю свою жизнь Йорген не видел столько людей, сколько за этот день – да что там день, даже за один вечер. Комнаты перемешались и слились в одну декорацию, где юркие работники меняли столы и кресла, ковры и шкафы. Вместе с вещами они заносили новых персонажей и те улыбались с равнодушной доброжелательностью и говорили одно и то же, только разными голосами и с разной интонацией. А Виолетта все порхала и кружилась по лабиринту

комнат, называла всех по именам, смеялась и поднимала бокалы, и уже казалось, что она сама заблудилась здесь и не знает, как выбраться, а потому спешит поскорее покинуть одну компанию и найти другую… А Йорген спешил за ней, вежливо кивал и односложно отвечал, чтобы не показаться глупым в этом обществе красивых, успешных и богатых людей, щурился от непривычно яркого огня сияющих люстр, блеска бриллиантов то ли настоящих, то ли мнимых, и голова шла кругом, кругом, кругом и сквозь мерцающий водоворот блеска он старался не опустить розовый пульсирующий комочек – то ли саму Виолетту, то ли ее сердце, бьющееся в непонятном ему ритме.

В какой-то миг они вдруг выпали из очередной сияющей декорации в очередной коридор и Йорген уже напрягся, ожидая, что за новой дверью в лицо вновь ударит желтый свет, смех и музыка – но там неожиданно ничего не оказалось, только голубоватый полумрак и темные очертания предметов. Виолетта смело шагнула за дверь, и Йоргену ничего не оставалось, как сделать то же самое. Он тут же споткнулся обо что-то и замер.

– Не включайте свет, – чуть небрежно, но властно сказал Виолетта, решив, что он ищет тумблер. – Идите сюда. Сюда, – и тонкие пальцы щипнули ткань пиджака, увлекая Йоргена в глубь комнаты. Он почти ничего не видел, но розовое сердце впереди могло притянуть и в полном мраке.

А самой Виолетте не нужен был свет электричества. О, сколько сердец было выпито в этих стенах! Золотые узоры на обоях, закручиваясь в спирали и узлы, словно бороздки граммофонной пластинки верно хранили мольбы и просьбы тех, кто приходил сюда…

Но, не допуская – пока – двусмысленности, она включила ночную лампу, и небольшой мир вокруг приобрел контуры и краски. Круглый резной столик со шкатулками и большим зеркалом, ряд шкафов и ширма, широкая кушетка, многочисленные безделушки и детали туалета, разбросанные в беспорядке так, словно они танцевали в темноте и вдруг замерли, застигнутые врасплох электрическим светом. То, обо что споткнулся Йорген, было высоким дамским сапогом. Второй же приветствовал собрата из-под кресла, почти скрытый небрежно брошенным на спинку пышным платьем.

Облегченно вздохнув, Виолетта рухнула на кушетку. Да, здесь стоило прибраться, но кто же знал? А сейчас она пребывала уже в том приподнятом состоянии, когда бардак кажется милым беспорядком и не более. Она ожидала, что Йорген тут же подсядет к ней, вполоборота, подогнув длинные ноги – как на картинках в куртуазных журналах, как все те, кто был здесь до него – но он продолжал стоять. Ах, ну да, Маугли…

Но на сей раз не диковатый нрав паренька служил причиной промедления. В этот день у него было много чудес и потрясений – и теперь случилось еще одно: он впервые в жизни увидел настоящую картину.

В простую позолоченную раму был вставлен кусок ночного озера с водой темной и густой, как деготь. Была лунная ночь, но Луна оставалась где-то за рамой и только широкая серебряная дорожка, тускло поблескивавшая на черной глади, напоминала о ее существовании. Гораздо больше света давали бледно-голубые, как комочки фосфора, мотыльки, кружившие над озером.

Двое, мужчина и женщина, стояли в воде, скрытые почти по грудь. Голова мужчины покорно склонилась к плечу женщины, а она властно положила тонкую руку ему на затылок и под лунно-белоснежной кожей светилась изумрудная русалочья чешуя. Русалка смотрела прямо с картины, глазами такими черными, словно сама ночная влага озера прошла сквозь кожу и поднялась вверх, затопив зрачки тьмой.

И хотя в ней, темноглазой и черновласой, вылепленной из бесстыжего лунного света не было ничего общего с сияющей солнечной Виолеттой, на Йоргена смотрела именно она, смотрела со зловещим торжеством и необоримой силой, которую когда-то увидал художник и мстительно запечатлел на холсте.

И он наконец понял, в чьей комнате вдруг оказался.

8.

ОХ, БОГ, СКОЛЬКО ЖЕ ему еще нужно будет избавляться от деревни!.. Виолетта вздохнула и потянувшись, привлекла его к себе так резко, что он почти упал на кушетку рядом, порывисто вздохнул – и невольно полной грудью вдохнул аромат изысканных духов, а вместе с ним и запах, который никогда не знал, запах женщины, еле уловимый, который источает нагретая желанием бархатистая кожа, запах, от которого расширяются зрачки и сердце вдруг начинает колотиться, как река на каменистых порогах у забытой богом деревушки… И поцелуй, которым Виолетта коснулась его в следующий момент, был обжигающе ледяным, как эта вода… и таким же быстрым – он скользнул по губам, уколол, но не пронзил – потому что Йорген отстранился, отпрянул… Он вдруг испугался, что Виолетта услышит сквозь чересчур тонкую кожу и ткань неприлично громкий, оглушительный грохот его огромного, заполнившего все тело сердца, глупого, глупого сердца и поймет, поймет, что он без ума от нее…

Но она не расслышала. С легкой озадаченностью она оглядела его, и хотя в комнате было сумрачно, хорошо рассмотрела растрепанного паренька с ушами алыми, словно сигнальные огни маяка. И озадаченность исчезла, испарилась. Легкая улыбка удовлетворения расцвела на капризных губах, а ямочки на щечках снова сделали ее девушкой с афиш: невероятно, но всё завершилось так неожиданно, так легко и быстро – и больше ничего не нужно было делать. О, сколько раз она видела такой вот взгляд и научилась прекрасно распознавать его!.. Виолетта, Виолетта, это Суар может выпячивать свою толстую губу, а вот для них, этих созданий, она по-прежнему чаровница и небожительница, каждое желание которой ловится, как брошенный в толпу бриллиант…

Еще один паж в небольшой, вечно меняющейся свите...

Что ж, можно было и расслабиться.

– Налей-ка мне вина, – теперь ее бархатный голос звучал чуть снисходительно, а когда приказание было торопливо и неловко исполнено, сказала, пригубив бокал:

– Сыграй для меня. Теперь можно.

Йорген вскочил и скрипка взметнулась в его руке, как шпага верного стража.

Смычок прошелся по струнам – и Виолетта узнала «La Folia» Корелли. Звук чистый и немного печальный легко заполнил будуар, и музыка, рожденная два с лишним века назад, рождалась заново, мягко пульсируя в такт движения тонких пальцев… Что ж, у проходимца Суара несомненный нюх на таланты. Этот малыш станет для него золотой антилопой на многие годы… Как она… Виолетта откинулась на кушетку, вновь припав к бокалу. Да, как она… В ее памяти всплыло лицо Суара – еще без мешков под глазами, морщин и второго подбородка, лицо хищника, каждый день добывающего пищу в бою. «Милая, каппе дием, – сказал он (этот свин всегда испытывал слабость к латыни), – живи настоящим, милая. К твоим ногам упадет мир и ты сможешь взять все, до чего дотянется твоя ангельская ручка!» Его взгляд… его взгляд тоже горел, как у этого парнишки, но не тем же огнем… Упал ли он? Да… возможно… может быть… – она попробовала вспомнить, чего хотела та быстроглазая девчонка с ангельским голоском, для которой петь было так же естественно и просто, как говорить… Попробовала – и не смогла. Словно стена поднялась между той Виолеттой и этой, глухая стена без оконца, без щелки – не подглядишь, не увидишь… Деньги? Слава?.. Что? Что?

Чувство удовлетворения, в котором она буквально минуту назад купалось, развеивалось, словно туман на холодном ветру, непонятно отчего и почему.

Нет, не слава… и не деньги… и не мужчины – уж точно не мужчины: они и так не сводили с нее глаз… Так что?

«Петь! Я же просто хотела петь и чтобы меня слушали!..» – пощечиной, выбивающей слезу, ударила мысль и Виолетта резко выпрямилась,

напряглась. Это были не нее мысли, не то, о чем она желала сейчас думать, это же скрипка, проклятая скрипка наколдовала тоску и тревогу, увела ее туда, куда она ни за что не хотела возвращаться! Мелодия, сотни раз слышанная мелодия, почти неуловимо, но неуклонно менялась, трансформировалась во что-то иное, совершенно незнакомое. Словно черная густая вода разливалась по комнате, вначале тяжело, но спокойно, а потом все убыстряя и убыстряя движение, закручиваясь в темный водоворот, в центре которого стоял мальчик со скрипкой, тонкий, словно пятая струна… Звуки становились резче, острее, тревожнее, смычок метался, разрывая тесное, чересчур тесное для музыки пространство будуара, черные воды бурлили, а побледневшее лицо юноши было обращено к картине. Они смотрели друг на друга, глаза в глаза, глаза в глаза…

Это была не музыка, господи боже мой, это была уже не музыка! Это был камень, которым Йорген вдребезги разбил ее сердце, с каждым взмахом смычка кроша его на все более и более мелкие осколки.

Не выдержав, она захотела вскочить, но музыка словно навалилась на ее, вжала в кушетку, вдавила в эти мягкие подушки, как в болото, и она беспомощно забилась, пытаясь оторваться от них, встать, не смогла – и вскрикнула.

Наверное, в эти мгновения Йорген ничего не видел вокруг себя, но голос, слабый голос, проникший в водоворот, остановил взмах руки. Рухнувшая тишина смела музыку… Недоумевая, Йорген посмотрел по сторонам и вдруг упал на колени перед кушеткой.

– Виолетта… что с вами?.. Вы поранились? Что случилось?

В руке прима сжимала обломанную ножку бокала и темная кровь, стекая по запястью, капала на дорогую обшивку…

– Вам надо… надо перевязать… – Йорген вскочил, метнулся к дверям.

– Не включайте, – жалобно попросила Виолетта. – Не нужно… Всё в порядке. Вот, – она зажала ранку губами, как делала это девчонкой.

Он снова опустился на колени.

– Простите. Это было какое-то наваждение… У меня так бывает…

– Это был талант, милый Йорген, это был талант…

Она сидела перед ним, так и не сумев выбраться из трясины расшитых подушек, ее лицо было вровень с лицом стоявшего на коленях Йоргена, и он снова смотрел в ее глаза, уже не нарисованные на холсте, а живые, сияющие болью и тоской. И ему безумно захотелось взять ее лицо в ладони, словно это могло спасти и защитить от всех бед вселенной и поцелуями стереть тонкие дорожки слез.

И он так и сделал…

Не нужно было ничего говорить – и они молчали.

Но молчание – как вода: ее нельзя пить бесконечно. Виолетта первой насытилась молчанием, последний раз судорожно вздохнула-всхлипнула и крепко взяв горячую ладонь Йоргена заговорила сбивчиво, но решительно:

– Послушайте, что я вам скажу, внимательно послушайте…

9.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ звонок – да, компания Суара была солидной организацией – заставил хозяина кабинета поднять трубку.

– К вам сударыня Новак.

Он не успел сказать «Проси!», как двери распахнулись – эта птичка никогда не умела ждать. Виолетта влетела в кабинет в шорохе длинного пышного платья, метнула шляпку на диван и встала напротив Суара.

– Ну что? Как там наш мальчик? Ты была молодцом?

– О да! Я не отходила от него ни на шаг, ни днем, ни ночью!

– Ой, давай без деталей… Я ждал вас позже. Дрибб с контрактом явится к десяти, а сейчас только девять…

– Наш мальчик рано встает. Деревенская привычка, знаешь ли.

– Нужно будет отучать, а то быстро устанет. Здесь раньше трех часов мало кто ложится… Ну ладно, зови его, поразвлекаю часок рассказами о счастливом будущем. А ты мне подпой.

– С удовольствием, но я одна.

Суар удивленно уставился на Виолетту.

– И?..

– Что – и?

– И почему одна? Где этот Йорген Хен… черт… где?

– Он дает свой первый концерт в Зурбагане.

– Боже, Виолетта, давай без загадок. Ты что, напоила его? Он дрыхнет в твоем будуарчике?

– Да какие же загадки? – Виолетта почти танцуя подошла к окну и рванула за фигурные ручку. Волна упругого теплого воздуха ворвалась в комнату, напомнив, что за стенами кабинета, где вершатся судьбы искусства, буйствует июль.

Суар ничего не понимал, но призывный жест Виолетты заставил его встать и подойти. Он высунулся наружу и тут же побелевшие пальцы с силой сжали подоконник: Суар услышал сквозь привычный шум утреннего города музыку, которую теперь знал и не мог спутать. Где-то далеко за домами играла скрипка.

– Что… он там… делает?..

– То, что я сказала. То, что могла бы делать и я, если… если хватило бы смелости.

– Ты же должна была… что ты ему напела?

Он замахнулся…

– У меня сегодня вечером спектакль, – невозмутимо сказала Виолетта, словно не кулак застыл напротив ее воинственно вздернутого носика, а некто преподнес ей розу.

И кулак опустился.

– Вот так-то. Смирись и успокойся. У тебя по-прежнему одна звезда – твоя милая, бесподобная Виолетта. Цени ее, мой милый!

И точно так же, почти танцуя, Виолетта направилась к дверям.

– И почему мне не хватило смелости, кто скажет? – сама у себя спросила она и махнула ручкой, не найдя вразумительного ответа. – Может, мне всё это просто нравится?..

10.

...ОН НАЧАЛ ИГРАТЬ и его быстро окружили люди, чересчур быстро для того, кто играет на улице. Толпа росла и росла, перегораживая движение, но недовольных не было – подходившие не спешили протиснуться дальше, а просто останавливались, зачарованно вслушиваясь. Волнение прошло, едва полились первые звуки и теперь Йорген играл словно в полудреме, рука сама собой двигала смычок, а он смотрел на окруживших его людей. Их лица были просты и открыты, в них не было того сияния таланта, что пыталась разглядеть во всех несчастная Виолетта, но этот талант им сторицей заменяла душевная чистота. Здесь лица были румяны, а не нарумянены, глаза сияли от радости жизни, а не от выпитого вина, здесь сердца продувались ветрами из бухты, а не пропитывались будуарными ароматами.

Пожилой человек с лицом греческого контрабандиста задержался у толпы, потом решительно пробрался вперед. Его не хотели пускать, но все были местные и потому, узнав личность, все же нехотя отодвигались, давая дорогу. Йорген увидел его и улыбнулся, слегка поклонившись. Скрипичный футляр у ног юноши щедро блестел серебром монеток – словно кто зачерпнул лунных бликов из благословенной бухты Зурбагана. Глоух увидел это и ему стало спокойно. Он вновь протиснулся сквозь толпу и на этот раз дорогу уступали охотнее. Как всегда Глоух провел свой день в пока что пустом участке, и только вечером понял, что мелодия, услышанная утром, все еще почему-то звучит в голове, заставляя улыбаться, в то время как пальцы, толстые и волосатые, словно гусеницы, неумело выстукивают тот мотив…

И Виолетта, выйдя от Суара, решила вдруг пренебречь авто и стояла какое-то время в стороне, слушая удивительную музыку и думая о чем-то своем – нет-нет! – совсем без слезы, хотя и с некоторой печалью. А потом она, словно почувствовав что-то, подняла глаза и увидела на крыше дорогого особняка человека. Виолетте захотела помахать, показав, что помнит его, но не стала – он все равно не увидел бы, потому что сидел, закрыв руками лицо…

Стойте-стойте, а кто это на краю толпы ловко залез в сумочку полной даме – как раз после ухода инспектора Глоуха? Кто заставил портмоне совершить короткое, но опасное путешествие в просторный карман неглаженных брюк? Да это же Дамме Йорк – хотя мы и обещали, что он появится лишь однажды. Но, привлеченный удивительными звуками скрипки, он не смог остаться в стороне и вновь возник – теперь уже в финале.

Не испытывая судьбу, этот рыбак ограничился одной рыбкой но, отойдя на безопасное расстояние, остановился, не в силах уйти. А музыка струилась над толпой, уносилась вдоль залитых солнцем улиц вниз, к бухте, к морю, свободная и чистая, как ветер над Зурбаганом.

– Как же это… – пробормотал дрожащим голосом Йорк, стряхивая с серой щеки слезу и желая сказать «…прекрасно» – но за незнанием этого слова повторяя опять и опять: – как же это… как же это…

ВЕРОНИКА БРУСНИЦЫНА

Елизавета Кипарис

ЛУННАЯ ПРИНЦЕССА

Вероника БРУСНИЦЫНА родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила школу № 80. Учится в педагогическом колледже № 1. Рассказ – первая публикация Вероники.

ВСЕ УЖЕ легли спать и на улицах тушили фонари. Черный кот тенью пробежал вдоль стен домов. В парке кот остановился у самого старого дерева с раскинувшимися ветками. Посте громкого «мяу» дерево словно ожило. Ветви зашевелились, листья зашептали, а ствол, поскрипывая, начал разворачиваться. Вскоре сквозь дерево можно было пройти, как сквозь дверь. Кот прыгнул в образовавшееся отверстие, но на другой стороне так и не появился.

Он прошел по длинному каменному коридору мимо старинных ваз, рыцарских доспехов и редких картин. У кроваво-красной шторы, огораживающей комнату вместо двери, кот вдруг увеличился в размерах, встал на задние лапы, а хвост его пропал.

– Она спит, – сказал юноша в черных одеждах, войдя в комнату. Уже ничто не напоминало о его недавнем кошачьем облике, разве что вкрадчивость движений.

– Отлично. Вернешься к ней утром. И не своди глаз! Фи, опять за птицами гонялся. Не солидно, – послышался холодный женский голос. Пожилая статная дама отошла от окна, и сняла с его плеча маленькое перышко.

– Это по дороге, – сказал скорее сам себе юноша в черном.

ВСЕ УТРО в доме царила суета. Собирались корзинки, искались шляпки. Семья хотела провести субботний день на берегу моря. Наконец, все было собранно и уложено в машину. Пятнадцать минут – и перед ними раскинулся золотой пляж…

Двое ребят бегали с воздушным змеем, в то время как их родители и гувернантка пили чай, сидя на плетеных стульях. За всей этой мирной картиной наблюдал черный кот, сидя у скалы неподалеку.

День пролетел незаметно. Пора было уже возвращаться домой.

Пока взрослые собирали вещи, дети играли в мяч. Вдруг мяч пролетел мимо светлых детских ручек. Девочка побежала за ним к скале. Подняв мяч, она заметила кота, который смотрел на нее своими изумрудными глазами. Она хотела погладить кота, но он грациозно увернулся. Девочка отбросила мяч и пошла за животным. А кот отходил все дальше и дальше, но не убегал, дожидаясь, пока девочка догонит его. Завернув за большой камень, он превратился в юношу и взял девочку за руку.

Почему она не испугалась? Не пыталась убежать? Девочка не знала, кто это, но у нее было чувство, что они знакомы уже давно. Она шла уверенно по незнакомой дороге, ведомая юношей, словно знала, куда и зачем надо идти. И ее не напугало странное дерево, ни то, что пройдя сквозь его ствол, они оказали в длинном темном коридоре.

– Наконец-то ты дома, – сказала статная женщина, увидев девочку.

– Кто вы? – спросила малышка спокойно.

– Да, в этот раз ты растешь медленнее. Скоро полнолуние, а тебе... Сколько тебе, девять?

– Десять, – поправила девочка, – Что значат ваши слова? Не помню, чтобы я когда-то была взрослой.

– Ну вот, каждый год одно и то же... Не верю, что ты совсем ничего не помнишь. Ты просто издеваешься! – проговорила женщина устало и немного раздраженно. Ее сильный уверенный голос ударялся об холодные стены и отражался звоном в вазах и зеркалах. – Кот, избавь меня от этих мук. Отведи ее в комнату и как можно быстрее все напомни.

– Как пожелаете. Пойдемте, ваше высочество.

– Почему вы назвали меня «высочество»? – спросила девочка у Кота в коридоре, – я что, королева?

– Нет, вы – принцесса. Каждый год лорд Тьмы поглощает Луну, в надежде поймать вас. Наша госпожа наложила на вас заклятие защиты. Во время этих страшных и холодных дней в какой-нибудь семье появляется ребенок – это вы. Никто не удивляется вашему появлению, для всех вы родная. Вы живете с ними, пока опасность не угаснет, а на новолуние возвращаетесь к нам.

– А как же мои родители сейчас? Они будут беспокоиться, начнут искать...

– Они ничего не вспомнят. Сейчас они пьют дома чай и уверенны, что у них всегда был один ребенок.

– Это так печально.

– А я думаю, что это глупо. Люди – очень глупые существа.

– А ты разве не человек?

– На счастье, я человек меньше, чем наполовину.

– А госпожа? И я… Я ведь тоже человек – разве я глупа?

Кот остановился и серьезно посмотрел ей в глаза.

– Нет, – сказал он, – ваше высочество ни в коем случае не глупа. И вы не человек, как и наша госпожа.

Пройдя еще немного по коридору, Кот остановился у очередной шторы, перегораживающей коридор.

– Это ваша комната, – сказал он.

В комнате стояла большая кровать с палантином, ковер на полу делал комнату еще уютнее, казалось, что от картин с лесными пейзажами на стене веяло ароматом свежей травы и сосновых шишек, внимание приковывало большое зеркало в золотой оправе.

Девочка взглянула в зеркало и улыбнулась. На нее смотрела уже не девочка, а девушка с серебряными глазами.

Она переоделась в платье темно-синего цвета, расшитое золотыми звездами. На комоде, в шкатулке с драгоценностями, девушка увидела ожерелье из сапфиров. Как только застежка защелкнулась на шее, в комнату заглянул Кот.

– Ваше высочество, обед подан.

– Спасибо,– ответила она, – я уже вспомнила, где столовая. А что будет на десерт?– весело спросила принцесса.

– Ваш любимый йогурт, – ответил Кот,– но я все же больше предпочитаю молоко.

Они дружно беседовали во время обеда, ведь всегда были хорошими друзьями. Вам даже не представить, как печально было Коту, когда он видел свою принцессу маленьким ребенком в чужой семье. Он знал ее, но не мог подойти и поговорить... Сидит каждый день на окне и наблюдает за ней, а она смотрит на него, но не узнает.

– Не пора ли начинать готовиться к балу? – подмигнув Коту, сказала принцесса во время обеда.

– Но ведь луна только начала расти, – улыбнулся Кот

– Я хочу, чтобы в этом году бал Полной Луны был лучшим из всех!

– Хорошо. Составьте список гостей, а я разнесу приглашения. Позвать портниху?

– Да, если это тебя не затруднит.

– Опять вы собираетесь устраивать эти нелепые танцы с лесными дикарями, – вошла в обеденный зал госпожа.

– Зачем же вы так говорите? – возразила принцесса, – чем они хуже вас?

– Живут в лесу, ходят, уткнувшись в землю. Их ноги ни разу не видели туфель, а глаза – книг. Они живут в своих норах и не стремятся к чему-то возвышенному.

– К чему возвышенному тянетесь вы? – разозлилась принцесса.

– К небу, к звездам! Там наш дом, традиции и культура. А вы, ваше величество, кажется, стали забывать об этом, живя среди людей!

– Госпожа, не ругайте юную принцессу, – замолвил слово Кот.

– Юную... Кому, как не тебе знать, что внешность бывает обманчивой. За столько веков могла бы уже чему-то научиться…

– Почему вы так говорите? Почему презираете всех? Что они вам сделали? – слова женщины задели принцессу – обитатели леса были ее друзьями. Она вспомнила веселые танцы у костра под звездным небом. Девушка не смогла сдержать свои эмоции и на ее глазах заблестели слезы, похожие на сапфиры в ожерелье.

– Да потому что именно из-за них мы сидим в этом каменном заточении не одну сотню лет! – госпожа вздохнула и опустилась в кресло, грациозно, как всегда. – Как я понимаю, вы оба не знаете этого, – сказала она.

Госпожа рассказала принцессе и Коту историю, случавшуюся давным-давно в нашей Солнечной системе. Два великих правителя – Солнце и Луна – господствовали над Землей. И не было равных им по силе.

Но однажды появился Лорд Тьмы. Никто до сих пор не знает, откуда он пришел.

Когда у Луны появилась дочь – наследница отцовского могущества, Лорд Тьмы сделал всё, чтобы заточить ее в своих владениях и забрать силы. Тогда король Луна вызвал Лорда Тьмы на поединок. Неделю бились они. Увы, к тому времени Луна уже успел передать искру своих сил дочери, поэтому был слабее. В этой битве Лорд Тьмы одержал победу.

На счастье, принцессу успели спрятать в диком лесу на Земле. Там она должна была жить, пока не вырастет, и пока искра силы в ее сердце не разгорится ярким пламенем.

Лорд Тьмы не хотел сдаваться. Черные волки спустились на Землю и кинулись на поиски принцессы. Злые звери днями и ночами искали ее по лесам, губя все на своем пути. Деревья болели, сохли и падали. Зверей почти не осталось в лесах, птицы не пели. Казалось, некуда спрятаться от черной напасти… Но каждое полнолуние волки выли: «Мы не нашли ее!..» Это было тяжелое время, тяжелое для всех, но… предательство остается предательством, и оправдываться не имеет смысла!

Лесные духи согласились на сделку с Лордом Тьмы – они обещали отдать принцессу при условии, что волки навсегда покинут их земли.

Я и Солнце вовремя узнали об этом и успели укрыть принцессу до прихода гонца. До сих пор Лорд Тьмы не оступается, и каждый месяц он поглощает Луны в надежде поймать принцессу, а люди уже тысячи лет называют это новолунием…

– Какая печальная история, – сказала девушка с серебряными глазами. – А где сейчас дочь Луны?

Госпожа посмотрела ей в глаза с такой нежностью и теплом, что ответа не потребовалось.

– Поэтому я против бала Полной Луны. Нельзя доверять тому, кто предал даже один раз, – сказала она.

– Нет. Я считаю, что это необходимо! И в этом году все будет по-иному. Обещаю, мы освободимся от влияния Лорда Тьмы раз и навсегда!

– Что ты задумала?

Но принцесса уже выбежала из столовой, и ее было не остановить. Только черный, как тень, кот следовал за ней.

ОГРОМНАЯ поляна была освещена миллионом светлячков, а в середине горел костер, достающий яркими языками до неба. Из леса выходили дриады, нимфы, фавны, сатиры... Кто-то весело заиграл на флейте игривую мелодию, под которую все пустились в пляс. Вино из спелого винограда лилось огненной рекой.

Вдруг небо стало черным, но это были не тучи. Повеяло могильным холодом. Все гости тут же устремились под защиту леса. Это Лорд Тьмы со своей стаей черных волков спускался на землю.

– Наконец-то я нашел тебя, – сказал он, протягивая костлявую руку к принцессе. – Твой отец был сильным противником, и я получил много силы от него. Но этого мало! Мне нужно всё, до последней искорки!

– Вы так любите Луну? – спросила принцесса. От его голоса по всему телу бегали мурашки.

– Наивное дитя, – хриплый смех вырвался из уст Лорда Тьмы, – Мне наплевать на вашу «красоту», мне нужна бесконечная власть над Вселенной!

– Не подходи к ней! – госпожа встала рядом с принцессой.

– Не ожидал от тебя такой глупости… – проговорил Лорд Тьмы. – Ведь мы оба знаем, что ты не ровня мне, покровительница астероида, который сгорел в атмосфере. Теперь живешь на этой планете среди людей. Ты понимаешь, о чем я? В любой момент может случиться так, что ты вообще останешься без дома. Что же тогда делать? Останется только одиноко скитаться по необъятному Космосу и жалеть об утраченном. И, поверь мне, таких как ты там немало. Каждая звезда когда-то гаснет… Когда моя звезда стала тухнуть, я не позволил ей это сделать. Попытался увеличить в размерах и снова зажечь в ней жизнь. И она вспыхнула, ослепительно вспыхнула, сжигая всё на своем пути! Но позже стала меркнуть, сжиматься, а потом и вовсе стала черной. Да, мы все когда-то будем скитальцами, но если тебе хватит могущества отобрать силы у всех звезд и планет, ты сможешь вечно править!..

– Но это будущее одного, – сказала принцесса, – а как же те, кто останется без своего дома?

– Чтобы иметь право на жизнь, нужно иметь достаточно силы. Когда покровитель остается без силы – он не может больше жить. Так и погиб твой отец.

– Каждый имеет право на жизнь. Ведь важно не то, сколько силы ты имеешь, а что ты с ней делаешь. Тогда ты никогда не останешься один, – возразила принцесса.

Ее время настало. Искра, которую отец передал ей, загорелась в серебряных глазах принцессы. Впервые она почувствовала свою связь с

Луной. Это было прекрасное ощущение, похожее на волнение и спокойствие одновременно. Казалось, что легкие чем-то переполнены, от этого было тяжело вдохнуть, руки девушки затряслись и кровь прилила к щекам. Луч лунного света, прорвавшись сквозь мрак, осветил поляну. В то же мгновение Лорд Тьмы скорчился от боли, словно этот свет обжигал его кожу, но тут же распрямился и… и будто даже стал выше... Силы принцессы больше не вредили ему, а наоборот, питали. Из уст Лорда Тьмы вырвался самый громкий и устрашающий смех, который только можно представить.

– Будь твой отец жив, он бы разочаровался в такой слабой дочери! – обратился он к принцессе.

Такие слова больно ранят любого, но госпожа и Кот стояли рядом, и это придавало принцессе уверенности.

На поляне творилось невероятное. Свет и тьма волнами ходили от края до края, то накрывая чернотой троицу, то озаряя серебром Лорда Тьмы. Было видно, что Лорд уже становится не таким сильным от лунного света, но и принцесса держалась из последних сил… Заметив это, злодей отдал приказ своей армии. Вороны взвились черными тучами, волки оскалились и бросились на принцессу, госпожу и Кота. Казалось, что они были обречены…

Помощь пришла, откуда ее не ждала Госпожа. Испуганно притихший лес вдруг ожил, зашумел, заверещал!.. Дриады высоко взметнули свои руки-ветви и вороны запутались в них, а фавны и сатиры с зажженными факелами кинулись на волков.

И вновь всё закружилось в черно-серебряном вихре…

Уже обессиленный Лорд Тьмы медленно таял под лунным светом. Чем больше чужой силы поглощал он, покровитель Черной дыры, тем больше становился мрак в его душе, который позже и погубил его. Ведь мрак может только разрушать – и своего обладателя тоже…

– …А КАК ЖЕ сгорел твой астероид? – спросила в один из дождливых дней принцесса у госпожи.

– Ну ты же помнишь, что говорил Лорд Тьмы. Он сгорел в атмосфере, ведь тебя надо было спрятать на Земле, – просто ответила госпожа, помешивая чай в фарфоровой чашечке.

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЕВА

Анна Стасова

АНИНА ВЕСНА

Екатерина СОЛОВЬЕВА родилась и выросла в Верхнем Тагиле. По образованию филолог, закончила НТГСПА. Живет и работает в Нижнем Тагиле. Публиковалась в альманахах «Световой год», «Пульсар», «Пришельцы», коллективном сборнике «О ком к ночи не говорят», местной периодике. Автор сборника «В темноте».

АНЯ МЕЛАНХОЛИЧНО принимала из отвёрстой пасти воющего копира уже шестой лист, когда услышала знакомый голос и шуточную песенку:

– Пришла весна, весна-красна,

В саду чирикали и квакали лягушки...

Аня прислушалась: пели на улице, прямо под распахнутым окном. Гитара послушно наигрывала задорную мелодию в чьих-то уверенных руках. Истошный визг старого больного «Самсунга» подло перекрывал роскошный мужской баритон и заглушил добрую половину песни. Девушка поморщилась и нетерпеливо бросила на стол готовые, ещё горячие, копии. За окном покашляли, провели по струнам, и зазвучала «Восьмиклассница». Аня быстро отодвинула громоздкий горшок с монстерой на подоконнике и, изнемогая от любопытства, высунулась в окно. И почти сразу ослепла от яркого весеннего солнца, безжалостно топившего грязный снег и лёд с крыш и улиц. Когда глаза немного адаптировались, разноцветные плывущие пятна превратились в вещевой рынок напротив офиса, дорогу с односторонним движением и невысокую фигуру прямо под окном. Менестрель, как ему и подобает, был облачён в малиновую вельветовую куртку и синие джинсы. Тёмно-русые вьющиеся волосы лежали аккуратной шапкой и поблёскивали

на солнце. Рядом, на асфальте, уже сухом и свободном ото льда, приглашающе распахнул свой зев чехол от гитары. На чёрной ткани уже загорали несколько мятых червонцев и россыпь блестящей мелочи. Аня с удовольствием прослушала «Восьмиклассницу» до конца, бессовестно разглядывая коренастого певца, и, затаив дыхание, спросила:

– Зайцев? Сашка, а ты чё тут делаешь?

Исполнитель медленно обернулся.

На круглом, чисто выбритом лице отразилось удивление:

– Анна Паллна... а ты чё тут делаешь?

– Работаю, – не без гордости улыбнулась девушка и поняла, что заливается краской: так было всегда, когда на неё смотрели эти серые миндалевидные глаза.

– Вот и я, – блеснул зубами менестрель, – работаю... На билет до дома...

– А чё стряслось? Почему такое безденежье?

Зайцев неопределённо повёл плечом:

– Тёмная ночь... Тёмные личности... Вот и нет наличности...

– Сашка, – запинаясь, проговорила Аня, – у меня обед сейчас. Пошли в пиццу. А денег я тебе дам. На вечерней электричке как раз успеешь до Баженовки.

–Я сегодня сказочно богат, как Крёз, чтобы в пиццерию девушку сводить, – кивнул певец на футляр.

– Даже не думай. Я угощаю.

– Я так не могу.

– А ты через «не могу». Всё, я одеваюсь и выхожу.

Девушка торопливо застегнула пальто, схватила сумочку и выбежала на улицу. И снова временно ослепла. Как раз когда в глазах прояснилось, подошёл Саша с гитарой в чехле.

«Он всё такой же... необыкновенный!» – с нежностью подумала Аня.

А вот что думал он, для неё всегда оставалось загадкой. Двенадцать лет назад их познакомил общий друг, Олег, бывший парень Ани. Собственно, бывшим он и стал ровно с того момента, как познакомил. Конечно, уже тогда эти отношения дали трещину, и девушка пыталась, как могла, наладить их. Переехала к Олегу, пыталась вести хозяйство в квартире его родителей, но всё тщетно: любовь к благоверному равномерно отмирала. Зато другое чувство, яркое и волнующее всё больше и больше завладевало Аниным сердцем. Она сопротивлялась, как могла: устроила Олегу романтический ужин, ездила с ним на рыбалку и даже пыталась ковыряться на пару с ним в его полудохлом «Иже», провонявшем бензином. Благоверный всё воспринял, как должное, не проявив ни единого признака беспокойства, и Аня решилась. Уверенности ей добавил недавний случай, когда она слегла с высокой температурой, а Олег, как обычно, роющийся во внутренностях мотоцикла, изредка прибегал к ней с тем, чтобы поведать об успехах в сборке коробки передач и перепайки контактов.

Предложение «остаться друзьями» Олег бодро проигнорировал, и на день рождения Сашиной мамы заявился в качестве Аниного парня. Когда основная масса гостей разошлась, остались только сам Саша, Олег, Аня, Лена, Вера и Безумный Толян (сама именинница отправилась на работу в ночную смену). Компания собралась вокруг Зайцева, который виртуозно исполнял на гитаре известные песни, а кто знал слова – подпевал. Аня просто таяла от волшебного голоса, от серых глаз и улыбки Саши. Наверное, она глазела слишком откровенно, потому что Зайцев спросил:

– Вы, говорят, с Олегом разбежались? Врут?

Аня от неожиданности покраснела, побледнела, снова покраснела, но ответила:

– Правда. Мы теперь друзья.

– Врёт, – безапелляционно заявил Олег, с хрустом дожёвывая огурец. – Всегда вместе были, так и останемся.

Ане не хотелось скандалить, а при Саше в особенности, и она промолчала. С того вечера они не виделись целый месяц, ведь основным поводом для встреч служил обычно Олег, а его девушка старалась теперь избегать. Иногда даже по-

лучалось, но чаще бывший любил стонать под дверью, пускать вонючий дым от сигареты в замочную скважину, или засыпать пьяным у порога. Лишь однажды Лена, их общая подруга, попросила занести какую-то книгу Зайцевым, а Ане было по пути. Ясное дело, что к знакомому подъезду она летела на крыльях. Дома оказался только Саша. Таким он виделся девушке ещё лучше: невыспавшийся, всклокоченный.

– В-в-вот, – протянула она книгу дрожащей рукой.

Саша принял томик и грустно посмотрел на Аню. Девушка неуверенно улыбнулась, переминаясь с ноги на ногу: сердце стучало часто-часто, не позволяя развернуться и выйти за дверь.

– Са-а-ань... Кто там? – раздался знакомый голос из спальни, и Аня забыла, как дышать.

Из комнаты выглянула растрёпанная голова Веры, девушка распознала подругу, покраснела, и быстро нырнула назад. Аня, оглохшая от бешеного пульса и подступивших слёз, машинально нащупала дверную ручку и выскочила из квартиры.

Через месяц она поступила в университет и навсегда уехала из Баженовки.

Сколько лет прошло – уже закончила вуз, и на работу устроилась и квартиру себе купила, продав старую, а Сашку Зайцева забыть не смогла. И вот теперь он стоит здесь, с гитарой, всё такой же улыбчивый и сероглазый, будто они расстались только вчера.

В пиццерии, как и всегда, толпилась тьма народу.

– Тебе с колбасой? – спросила Аня, перекрикивая гам. И на кивок Саши сразу скомандовала: – Занимай место, я сейчас принесу.

Они болтали, запивая горячую пиццу кофе, и смеялись, будто не было этих двенадцати лет, разлучивших их так жестоко. За окном по тротуару скакали синицы, плескались в лужах воробьи, празднуя отличный солнечный день.

– А чего ты в Баженовку возвращаешься?

– Работу бросить пришлось. Поживу пока у матери, ей летом на даче моя помощь не помешает. Подыщу что-нибудь ближе к осени. Говорят, сейчас в ресторанах певцам деньги приличные платят… Вижу, ты не замужем?

– Ты, кстати, тоже, – покраснела Аня, поднимая опрокинутый стаканчик с вылившимся кофе. – Вера была против?

Саша опустил глаза и долго изучал подушечки пальцев, загрубевшие от гитарных струн.

– Против был Олег. Он ведь мне друг какой-никакой… был… спился он сейчас. А тогда клялся и божился, что у вас всё отлично, чтобы я и не думал к тебе подкатить… А потом… Вера… ты ведь не поверишь, если я скажу, что всё это было ошибкой?

Аня вцепилась в кромку стола так, что побелели пальцы. В горле пересохло, как в старом колодце, сердце стучало так громко, что шума посетителей и музыки почти не было слышно.

– Когда он нас познакомил, я сразу тебя запомнил. А потом ночью уснуть не мог, всё видел, как ты улыбаешься, когда переносицу почёсываешь… А потом, когда вы разошлись, Олег просто не вылезал от меня, знал, что сразу к тебе побегу. Попойку устроил, Веру позвал… так и вышло… я потом себя жутко ненавидел. Сразу за тобой в другой город уехал, думал, найду. А мы вот как встретились…

Аня смотрела в окно, не в силах встретиться взглядом с Сашей. С залитого солнцем тротуара исчезли синицы и воробьи. Там целовались голуби. Пальцы менестреля нашли пальцы девушки.

– Ты приедешь? Приедешь ко мне в Баженовку?

Она улыбнулась:

– Конечно.

И подумала: «Такая весна стоила всех этих лет ожидания…»

Мария Щербинина

СЕДЬМОЙ

КТО-ТО НЕ ЛЮБИТ число тринадцать. Кому-то поперёк горла цифра шесть. Лёха не любил число семь. Семь – волшебное число: семь голов у дракона, семь дочерей у царя, семь витязей-Симеонов... за что в сказках так любили это число, Лёха так никогда и не понял. И каждый раз вздрагивал, когда какая-нибудь бабка в автобусе бормотала: «На Семик надо...» или «Седьмица уже на носу, а ты, Пятровна...» в такие моменты горячий пот кипятком обдавал спину, а сердце заходилось в бешеном темпе.

Работал Лёха инженером в местной компании по продаже интернета. И обожал свою работу. Устанавливал свичи на пыльных чердаках, оскальзываясь в голубином помёте. Тянул и обжимал витуху на разных предприятиях: и на производстве, и в мелких конторках, где тусовалось вообще два-три унылых продажника. Писал айпишники и настраивал разные патчи, если проблемы были. Показывал, в какой разъём надо кабель втыкать, ибо там сетевая карта, а не «вон там выше, где дырка для мышки». Это же как рояль настраивать: потом интернет по проводам польётся, как музыка из инструмента. Спасибо Данилычу: научил в этом понимать, любить технику.

Не любил только Лёха «оральников». Люди по работе попадались разные, и гламурные блондинки, и бывшие прапорщики. Но когда попадались «оральники», было хуже всего. Встанет такой над тобой, пока ты под столом пыль глотаешь да кабели разводишь, и откроет орало. И непонятно, зачем это: вроде и вопросов по работе не задаёт, и куда лучше лезть-не лезть не говорит. А только орёт что-то вообще левое: про грыжу, про операцию, про тёщу, про Путина. И наушники от плеера в уши не вставить: начальник Полосюк любит на громкой связи звонить, мол, клиенты так впечатляются от того, что всё на контроле. Сколько Лёха Полосюка не убеждал, что фигня всё это, и по гарнитуре все вопросы решить можно, начальник махом в глухого превращался. Мол, тебе бабки хорошие отстёгивают, живи да радуйся.

После работы Лёха ехал домой через старый свой район, Пантелеевку, где до смерти бабушки жил. Пантелеевку Лёха не любил: гнилое место, гиблое. Как плывун или топь вонючая. Пан-

телеевка... Едешь в трамвае мимо – и отвернуться хочется, будто стыдно, что такие места на свете есть. Во дворах руины бараков как после бомбёжки, мешки с мусором прямо у подъездов бродячие собаки рвут, куда ни ступи – шприц от «крокодила» или презервативы пользованные...

Есть за что не любить. Только не место таким себя делает, а человек место, – так часто Данилыч говорил, когда Лёха пацанёнком был. А познакомились они, когда Лёха в подъезде под лестницу забился весь в слезах.

Ещё с детства его там детдомовским дразнили и били; дня не проходило, чтобы он домой грязный и весь в крови не возвращался. До тех пор, пока он по науке Данилыча нос Ваське Писареву не расквасил, а Гоге Даридзе за Домом Культуры два зуба не выбил...

Данилыч и сдачи давать научил, и как паять показал, и схемы-платы разные. У него не квартира была, а целый цех радиодеталей. Старенький он уже был, голова тряслась, но соображала. Он и надоумил Лёху поступать на инженера. Словом, если б не Данилыч, лежать бы Лёхе сейчас в наркологии без ног от «крокодила» или в канаве – от палёнки. Или вообще гнить на зоне вместе со всеми одноклассниками. Ибо страшное место – Пантелеевка. Мясорубка натуральная. Того же Данилыча из-за пенсии в три рубля в переулке забили (Лёхе тогда двенадцать было, он у могилы Данилыча до ночи проревел).

Так что когда померла бабка Степанида, Лёха, не будь дурак, пошёл к нотариусу и вступил в наследство. А когда восемнадцать стукнуло, продал квартиру на Пантелеевке каким-то узбекам и купил себе другую, в Арьтемьево, поближе к центру. Там даже ночью можно было спокойно, без арматуры, за пивом сходить. Вообще Лёха пиво пил редко: насмотрелся в детстве на соседей по лестничной клетке, когда супруги Медведевы в зюзю пьяные каждую пятницу через порог переползали. А вот чай крепкий и сладкий очень уважал. Особенно после седьмого числа каждого месяца.

Родителей своих Лёха никогда не видел. Бабушка говорила, что убили их обоих, когда квартиру грабили. А его, Лёху, не нашли: спал себе тихо под простынкой младенцем, ничего не слышал. Фоток родительских бабка, правда, никогда не показывала. Говорила, с деньгами воры унесли. Ну и на кладбище ни разу не сводила могилы показать: то «не помню, хде оне», то «ноги болять», то «праздник сягодня святой, нельзя сягодня к покойникам».

Так что Лёха не будь дурак к десяти годам твёрдо уверился в том, что врёт Степанида (ну какие воры на фотки позарятся?). Не знает она настоящих родителей и не знала никогда. А где их искать и надо ли – Лёха тогда не понимал. Он уж потом, когда переехал в Артемьево, и в детдом сорок пятый на горушке ходил-искал, и в адресный стол – там все только плечами пожимали, мол, нет таких, не слыхали о такой фамилии. Бабка кормила-поила, лечила, ну, иногда из-за пакостей за ухо таскала – жить можно.

Года три назад после корпоратива сдружился Лёха на работе с Генычем. Вот Геныч-то и посоветовал в полицию пойти, заявление на розыск родителей подать.

«Адрес узнаешь, глянешь на них издалека. Ну чтобы ясно стало, стоит к ним вообще подходить или как. А то окажутся алкаши хитровыделанные. Да как на алименты подадут. Моя бывшая вон три года со своими дебилами судилась, доказывала, что не содержали в детстве».

И когда Лёха сидел в полицейской дежурке и ждал, пока в «обезьянник» отволокут очередного забулдыгу, чтобы наконец заняться им, откуда-то слева позвал знакомый голос:

– Э, слышь! Ты! Волосатый!

Лёха резко обернулся, так, что густая шевелюра подпрыгнула, и столкнулся взглядом с каким-то вонючим гопником за решёткой. Спортивный костюм заключённого был весь в засохшей грязи, по лысой бритой башке стекала кровь, а один глаз заплыл от хорошего фигнала. Гопник подмигнул здоровым глазом и довольно ухмыльнулся:

– Лопух! Я тя сразу признал!

Лёха заморгал, мысленно сравнивая интона-

ции. Если добавить в этот голос нот повыше и убрать прокуренный хрип, то...

– Васька Писарев...

Гопник радостно оскалился разбитым ртом, закивал, будто старому знакомому, хотя Лёха никакой радости при виде него не испытал.

– Слышь, лопух! Давай поближе. Расскажу чего.

Лёха не двинулся с места.

– Оби-и-женка... – уродливо передразнил Васька и харкнул кровью на пол камеры. – Баба сопливая! Прально мы тебя били! Чмо детдомовское... Мать рассказывала на кухне. А я подслушал... помню, да... бабка тебя привезла откуда-то. Чужак. Даже не из нашего детдома!

Васька встал, прижался лицом к толстым прутьям и уже хотел харкнуть в Лёху, но тут же получил дубинкой по морде от подошедшего опера.

– Тихо сидеть, Писарев! Скоро тебя уже в СИЗО увезут!

Так Лёха узнал о том, что он приезжий.

За неделю до седьмого числа, в четверг, он как обычно принёс Полосюку заявление на отгул.

– Опять... – начальник скривился. – Может, перенесёшь на недельку? Там в «Сторублёвке» сетку тянуть. Ребятам тяжело без тебя будет.

Лёха молча помотал головой.

Полосюк знал эту железобетонную упёртость. Ещё четыре года назад он скандалил и орал «Уволю!». Лёха молча клал сверху заявление на увольнение и смотрел, как Полосюк в ярости рвёт его. Клал следующее – уничтожалось и оно: невыгодно было Лёху увольнять. Постоянные клиенты просили именно его прислать в случае чего.

– Что у тебя за праздник-то такой? – ворчал Полосюк, исподлобья глядя на него. – Ладно бы день рождения! Так и то, он в октябре у тебя. Я смотрел в отделе кадров. Меня уже всё руководство задёргало, почему у меня инженер каждый год отгул седьмого июля берёт.

Лёха молчал.

Вспоминал...

Вечером, шестого июля, когда ему было девять лет, бабка сказала:

– Собирайси, в гости поедем.

Лёха приуныл. Потому что «в гости» обычно означало пить чай с какими-нибудь скучными старухами и слушать про рассаду. Там даже книжки были скучные: без картинок, с мелким шрифтом и все про коммунизм или про любовь.

Но в этот раз они сели на электричку и долго ехали куда-то за город. Солнце уже садилось, когда они сошли на станции «Садоводы» зашагали вдоль разноцветных садовых домиков, заросших малиной.

– Баб, а мы к кому идём?

– К подружке моей старинной. Заночуем у ей. Завтра малины насобирам на вареньице и домой поедем...

– ...Ладно, иди, – Полосюк вернул заявление с резолюцией. – Хотя, погоди-ка... езжай на Васильевскую, там кабель порезали. У Лены заявку возьми.

Лёха поспешил к ресепшну. Леночка нравилась ему давно: вся миниатюрная, худенькая, белая, как Снегурочка. Вот только была она крепко замужем, да так крепко, что из-под рукавов блузки часто темнели синяки, оставленные супругом. Геныч говорил, что любит Леночка своего дебила, вот и терпит, не разводится. И каждый раз, когда Лёха видел на Леночке багровые отметины, мечтал начистить поганое рыло её мужу. Но потом давил в себе злость (насильно-то мил не будешь) и оставлял на её секретарской стойке то душистый чай с травами, то брошку, словом, чтобы на мужика никто не подумал.

Когда он увидел Леночку впервые, ему будто крышу снесло. Он оставил на её столе белую кустовую розу. А потом Леночка пришла вся в синяках, а её муж-дебил прямо в офисе заявил, что если ещё хоть один цветок от местных хахалей увидит, то простыми синяками она не отделается, получит по полной. Геныч Лёху тогда удержал и телефон из рук выбил, чтобы в полицию не звонил: «Не будет заяву писать, сколько раз такое было».

* * *

– ЧЁ ВОТ ТЫ делашь? Чё ты мне тут провода портишь? – разносилось по тёмному подъезду. – Я те сказал, интарнета нет у меня. В компутере смотерть нада, значит. А ты в коробку полез!

Лёха стоял на стремянке, меняя кабели, и думал о том, как не любит оральников. Истеричный мужик был недоволен всем. Их компанией, самим Лёхой, погодой, соседями, существованием интернета, инопланетянами.

– Итить-е-мать! Звонишь вам звонишь, не дозвонишься! Отвечат дура кака-то! У вас там нормальные-то работают, а? Или только таки, как ты? Школу-то кончил? Понабир-рают с улицы… Сталина на тебя нет! Враз бы к стенке поставил!

Голова в предчувствии седьмого числа раскалывалась, как перезревший арбуз. Казалось, ещё одно оральниково слово – и лопнет, и разлетится по стенам серая каша из мозгов. Руки тряслись, провода путались в пальцах.

Мужик суетливо подтянул треники, просеменил по площадке.

– Слышь, контора! Долго ишшо возиться бушь?

– Пока не восстановлю линию, – в который раз механически ответил Лёха. – У вас кто-то провода перерезал.

– Не ты ли перерезал?! – пошёл на новый виток мужик. – Шоб я тебе денег побольше уплатил, а?!

Лёха резко спустился, оказавшись нос к носу со скандалистом. Тот заткнулся от неожиданности и попятился.

А Лёха прикрыл глаза и шумно втянул ноздрями воздух. Ещё. И ещё раз. Оскалился так, будто во рту были длинные зубы, намного длиннее и острее человеческих.

– Ты чё это, парень? Шутки... это... со мной шутить вздумал? – забормотал клиент. – И не воняет у нас тут нигде. Вчера жена всё мыла...

Лёха ощутил, как пальцы сжали тяжёлый кримпер для обжимки проводов. Он щурился, пытаясь вспомнить, как зовут клиента, отступающего к своей двери.

«Кожевников? Ковязкин? Козодоев?»

Но вместо этого видел, как красной сетью пульсирует гнилая кровь вокруг силуэта. Она была даже не красной, коричневой – заражённая неизлечимой болезнью. В голове молотом бились слова: «первый споткнётся…»

– Я закончил, – Лёха сморгнул и бросил кримпер в чемоданчик.

– Шоб ты сдох! – взвизгнул клиент, перекрестился и хлопнул дверью.

Лёха мельком глянул в подъездное окно: день стремительно заканчивался, и среди мрачных тополей во дворе не горел ни один фонарь. Он поторопился на маршрутку, ругая про себя Полосюка за поздний наряд. Проезжая в миллионный раз мимо Пантелеевки, вспомнил тот вечер. Накануне седьмого числа он всегда вспоминался до мельчайших деталей. Будто всё было вчера.

Подружка бабкина Лёхе не понравилась. И он не понимал почему. Вроде и чаем напоила, и плюшками накормила (точнее, пыталась, Лёха от булок отказался). А всё смотрела как-то... И крестилась.

До двух (по его наручным часам) они с бабкой собирали малину. Лёха смотрел, чтобы не было червяков внутри ягод, а баба Стёпа зевала и зевала. Наконец, поставила ведро на землю:

– Пойду я, Лёшик, прилягу. Оть, дремота одолела.

Лёха ещё пособирал для виду малину, но потом тоже бросил: скучно одному было. Да и куда столько этой малины?

Он оставил вёдра на хозяйской веранде, залез на второй этаж и до вечера провалялся с библиотечной книжкой, которую взял с собой – «Герои ниоткуда».

Когда стемнело, он спустился вниз. За старым круглым столом бабка с подружкой гоняли чаи.

– Заспалась я чавой-то, Лёшик. Завтра пое-

дем, – бабка подвинула к нему тарелку с пирожками.

Подружка её опять недобро зыркнула, но чаю налила:

– На-ко, поешь. А потом погулять сходи. И так весь день дома просидел.

Дома Лёха поставил воду на пельмени и прислонился лбом к оконному стеклу. Сумерки сползались со всех сторон, теребя призрачными паучьими лапами тополя и сохнущее на верёвках бельё во дворе. Правее, рядом с гаражами, трое мальчишек бегали с палками.

– Ты убит! – кричал один, тыча палкой.

– Ты ранен! – кричал второй, не желая сдаваться.

Лёха поморщился, задёрнул наглухо шторы и закинул пельмени в кипящую воду. Выругался, что забыл посолить, и достал банку с солью. Только видение мальчишек и не думало отпускать. Напоминало о тех, других детях. Которых он встретил тогда вечером, на узкой тропинке, поросшей метровыми лопухами и мать-и-мачехой.

Их было шестеро. Пять мальчиков и одна девчонка: с хвостиками, ещё семечки плевала, не переставая. Один мальчишка держал нитку, на другом конце которой из последних сил жужжал и пытался улететь овод: нитка была продета сквозь него.

– Здорово. Я – Дюша, – подошёл круглый, как пончик, мальчик. – Это вон Миха. Близнецы – Вадя и Валя.

– Я – Диса, – отозвался мальчишка с оводом.

– Зинаида, – девочка усмехнулась как-то совсем по-взрослому.

– Лёха. Чем вы тут в этой глуши маетесь?

– Дьявола будем вызывать. Меня бабка научила. Во.

– И где? Прям дома, что ли?

– Мыла, что ли, объелся? Дуйте за мной!

Они пошли на чей-то заброшенный участок с дырявым забором. Крохотный, когда-то голубой, домишко покосился. Дорожки заросли жгучей крапивой, и приходилось пробираться сквозь неё, шипя сквозь зубы.

Остановились в густых зарослях малины, у дверей чёрной от времени бани.

– Всё. Заходите. Лёха! Ты последний.

Внутри бани было душно, будто её недавно покинули последние парильщики. Пахло дешёвым земляничным мылом и крапивным шампунем, они белели в свете свечки на грубом бревенчатом подоконнике. А когда Диса ещё и дверь закрыл, у Лёхи по вискам пот побежал.

Дюша поставил на полок толстую свечу и чиркнул спичкой. Ребята встали кругом, и он начал начитывать с тетрадного листочка:

– Князь горы каменной, выдь к нам! Покажи лик свой чёрный! Зганута…

Лёха глянул на ребят. Зинаида перестала щёлкать семечками. А Диса почему-то подхихикивал. По одинаковым лицам Вади и Вали бежали от свечи кровавые блики.

Лёха пожалел, что попёрся сюда и уже хотел уйти, но тут по ногам из щелей в досках вдруг потянуло жутким холодом. Таким, который до костей пробирает.

Дюша сунул бумажку в задний карман штанов и кинулся к выходу:

– Валим, валим отсюда!

Лёха рванул следом, но наткнулся на запертую дверь. И когда понял, что остался в бане один, замолотил по двери кулаками.

– Откройте! Что я вам сделал?

Дверь не поддавалась. Похоже, её подперли чем-то. Снаружи раздался глухой голос Дюши:

– Дьявол всегда забирает седьмого. А ты пришёл последним. Я тебе специально сказал последним заходить!

Рядом кто-то издевательски загоготал.

Лёха заорал от бессилия и с силой пнул дверь:

– За что ты меня так?! За что?!

– А что мне было своих друзей отдавать?! – взвизгнул Дюша. – А ты сегодня был, а завтра нету! Ты чужой!

За дверью заржали. Смех постепенно затих, растворившись в ночи.

Свеча вдруг погасла, будто кто-то задул.

Лёха понял, что дрожит мелкой дрожью: в спину кто-то мерзко дышал. Он медленно развернулся. В темноте плыла пара жёлтых глаз, похожих на кошачьи. Они резко подёргивались то вправо, то влево. А когда поднялись под самый потолок, Лёха всхлипнул от страха.

Он представил, как эта тварь набросится на него, придавит к полу. А потом начнёт откусывать – сначала руку…

– Хрен тебе! – вдруг заорал Лёха, размазывая по лицу слёзы. – Пошёл ты!

Горькая обида, что эти засранцы его тут бросили, колыхнулась в груди.

«А сами сидят, поди, в кустах, ржут и слушают, как мои кости на зубах у демона затрещат».

Зганута заинтересованно пощёлкивал в темноте и рваными скачками постепенно приближался. Лёха со злостью пнул эмалированный тазик, и он перевернулся, жалобно звякнув.

– Дурак ты, Зганута! Что, нету у вас в аду школы для демонов, да? Считать не умеешь?

Демон угрожающе зашипел. Он был так близко, что в скудном свете луны, падающем из окна, стал виден низ его уродливой морды с острыми кривыми зубами.

– А я тебя научу, Зганута, – продолжал Лёха, клацая зубами. – Шесть – он выставил вперёд пятерню и большой палец, – это больше, чем один, понимаешь? Шесть душ в обмен на одну. Целых шесть!

Демон уже разинул было пасть, но вдруг замер. Втянул узкими ноздрями воздух. Принюхался. И весь как-то противно затрясся, будто в лихорадке. Лёха понял: смеётся.

А потом раздался у самого уха такой скрежет, что у Лёхи ноги покосились. Сам не зная как, он расслышал в этом гуле: «Считай!» Слова сами возникали в голове, будто кто их туда вложил.

– Первый запнётся, второй упадёт, третий разобьётся… – Лёха уже в предбаннике. Дверь открылась легко, а за ней – никого.

– Четвёртый закричит, пятый заплачет… – он уже на крыльце.

Вылезая через дырку в заборе, Лёха зацепился футболкой за проволоку и отчаянно рванулся наружу. И, не поворачиваясь к бане, закончил:

– Шестой умрёт…

Вдруг в ночи раздался приглушённый хрип. Позади зашумели кусты, и кто-то тонко вскрикнул. Лёха стоял и не мог сдвинуться с места от ужаса. Глухие удары доносились с заброшенного участка, явно со стороны бани. Детские голоса выли, плакали, звали на помощь.

Наконец он зашагал прочь. Ноги подгибались, но крики всё ещё звенели в ушах. Лёха поднял глаза вверх, лишь бы не оглянуться. По небу плыла краснобокая луна. В чёрных зарослях малины громко стрекотали кузнечики.

И откуда-то сверху что-то упало. Лёха наклонился и в синем свете луны увидел стоптанный детский сандаль. Точно такие же носил Дюша.

* * *

С УТРА В ОФИСЕ почему-то было тихо. И как-то скорбно. Это сильно давило на нервы: обычно по пятницам в отделе продаж делали ставки (проигравший проставлялся), в бухгалтерии смеялись и угощали печеньками, а инженеры собирались в местный паб. Леночки на ресепшне не было. Лёха даже глянул на календарь: а вдруг четверг так и не кончился? Нет, первое июля.

Лёха пожал плечами и попробовал проскользнуть в серверную. А серверную он любил. Любил так, что мог жить там, выходя наружу только за пищей или на вызовы клиентов. Во-первых, там никогда не было «оральников», а во-вторых – окон. Только негромкое, уютное жужжание вентиляторов в чёрных корпусах серверов. И никаких окон. Ни одного окна, из которого каждый месяц седьмого числа на тебя пялится шесть детских синих безглазых лиц (потому что трупные черви выедают сначала глазные

яблоки). Они пялятся и шепчут без остановки: «Дьявол всегда забирает седьмого…»

Леночка поймала его как раз у входа в серверную. Помялась, подтягивая выше ворот белой водолазки, за которым снова темнел синяк. Лёха подумал, что сейчас она похожа на ту злополучную розу, которую он пять лет назад оставил на стойке. Сломанную розу. А ещё – о том, что будь он на месте её мужа, никогда бы не поднял на неё руку. Любил бы и берёг, как хрупкий цветок. И пусть бы даже выглядел, как этот придурок-муж, всё равно, лишь бы она его тоже любила.

– Привет, Лен.

– Привет. Тебя Полосюк вызывал. Зайди к нему.

– Зачем?

Леночка опустила глаза, и тень от длинных ресниц виновато упала на красивые скулы. Лёха понимающе кивнул и отправился на казнь.

В кабинете начальника сидел молодой парень в форме. Лёха пригляделся – надо же, полицейский.

«Приехали».

Полосюк катал ладонями белую шариковую ручку. А все, кто его знал, помнили, что если в ход пошла «каталка», Полосюк в бешенстве.

– Ты себе что позволяешь, Лопухов? Ты на заявке что делал?

– И вам здравствуйте. Провода менял.

– Почему у меня с утра жалоба на столе? Ты что такое с этим мужиком сделал, что его всю ночь в реанимации откачивали?!

– Ничего. Не подходил. Руками не трогал. Конфликт не поддерживал... а клиент очень агрессивный был.

– В драку лез? – меланхолично поинтересовался полицейский.

– Ругался. Недоволен был всем. Мешал работать... кричал ещё...

– Тэ-э-экс... – он что-то отметил в большом блокноте. – Свидетели есть?

Лёха пожал плечами.

– Ну, может, пара соседей мимо проходила. На верхние этажи.

– Значит, так, – Полоюск долбанул ручкой о столешницу, – пиши объяснительную. Сначала вот для полиции, – он кивнул в сторону стража порядка. – Потом мне. Лично.

Лёха взял у Леночки два листа с ручкой и уселся писать. За стенкой на пару с кем-то глухо бухтела кадровичка. Можно было даже разобрать «Ленка вся уревелась, дура» и «сказал личинки сопливые». Вспомнилось, как Геныч в разговоре как-то обронил, что Леночкин муж детей не хочет, а она у детских садиков стоит и плачет.

Лёха сжал виски. Мысли путались. Он пытался сосредоточиться на нужных словах, а в голове стучало: *«второй упадёт»*. Да так сильно, что он едва не вписал это в объяснительные. Губы шевелились, чтобы произнести проклятые слова вслух, и Лёха сунул в рот жвачку.

Когда он уже заканчивал вторую объяснительную, в кабинет заглянул ещё один полицейский, взмокший от жары, с красными пятнами на щёках. Он кивнул первому:

– Ну ты тут всё? Поехали. Костров вызывает, – мимолетно бросил взгляд на Лёху и вдруг сощурился. – Ты ж Лопухов? Точно! Ты ж заявление писал на поиск родителей! Бабка твоя прямо партизан. Еле нашли! Жила она раньше в Краснополье. Потом переехала в Лесной, к племяннице. Как её там? Алла Жданова.

Лёха вскинулся, но полицейский поднял ладонь:

– Не. Жданова умерла давно. Ещё в восемьдесят пятом. В общем, нашли соседку её, Ждановой этой. Она тоже сюда, к нам, из Лесного перебралась. Адрес запишешь?

* * *

ПО АДРЕСУ он добрался только к вечеру, когда над городом расползлась громадная синебрюхая туча и предупреждающе зарокотал гром.

Ему открыла женщина лет пятидесяти, может, шестидесяти. На голове старомодная жёсткая «химия» шапкой, уставшие глаза за очками.

– Здравствуйте, мне ваш адрес в полиции дали. Я про бабушкину племянницу узнать пришёл.

Она окинула его долгим взглядом, поправила шаль на плечах.

– Вы проходите на кухню, – и ушла внутрь. Потом вдруг обернулась, будто что-то вспомнила. – Меня Лида зовут.

Лёха закрыл дверь, бросил куртку на вешалку и последовал за хозяйкой. Она сидела за столиком на махонькой хрущёвской кухне и размешивала в чае сахар. Когда Лёха сел напротив, подвинула вторую чашку к нему. Помолчала, протёрла очки.

– Мы с Алкой дружили… одно время. С пирогами в гости друг к дружке ходили. Да вы пейте чай-то…

Лёха послушно отхлебнул и тут же закашлялся: кипяток!

– Горя-ачий! – рассмеялась Лида. – Алка только такой и пила, другой никакой и не признавала… – вдруг улыбка увяла, и она заговорила, поглаживая ручку своей чашки. – Любила она одного человека. Петьку Лопухина. С тех пор, как он к ней заехал, я к ней ни разочка не заходила. Зато она ко мне по ночам бегала. Вся в синяках да в слезах. Сколько я её ни молила его бросить, она ни в какую: найдёт, убьёт, ты его не знаешь… А чего мне его не знать, если я сама мили… ой, полицию к ним вызывала. Боялась я, убьёт он её.

– А бабушка Степанида? Она знала?

– Алка мне её телефон не давала ни в какую. Я уж потом сама по фамилии в справочнике Лесного адрес нашла. Письмо наугад написала, так, мол, и так… Потом Алка сама ко мне пришла. Вся бледная. Говорила, будто Петька к ней по ночам ходит... только вот помер Петька-то, ещё на Сретенье! Задавило его мусоровозом пьяного!

Лёха забыл про чай. Сердце бешено заколотилось.

– А потом?

– А потом мама у меня слегла, я к ней и переехала ухаживать. Как свечка за месяц стаяла, царствие небесное… Вернулась я домой, гляжу, у Алки-то пузо на нос лезет. Я и вспомнила её слова про Петьку. Схватилась, да поздно. Пока к батюшке в Новоандревск ездила, увезли её рожать. Тогда и Степанида приехала. Не дошло моё письмо. Алка сама ей, видать, звонила из больницы.

– Погодите… – Лёха потёр переносицу. – Не сходится! Вас же месяц дома не было. Когда у неё пузо вырасти успело?

– То-то и оно! – Лида сгорбилась, нахмурилась. – Не Петька к ней ходил. Схоронили Петьку-то!

– А кто тогда?

– Будто сам не знаешь… иди-ка давай домой, темняется уже. Не к ночи такие разговоры.

Лида встала и начала теснить его к выходу.

– А дальше? – Лёха уцепился за дверной косяк. – Как Алла умерла? Как…

– Дальше-дальше… – пробормотала Лида, выпихивая его за порог. – Умерла Алла при родах. А Степанида мальчика с собой увезла. Алёшенькой называла.

И захлопнула дверь перед его носом.

* * *

ШЕСТОГО, после обеда, когда Лёха вернулся с выполненной заявкой от «Радиала», кадровичка объявила, что фирма судиться с клиентом Ковязкиным не желает. Поэтому хорошо бы ему, Лёхе, написать заявление по собственному.

Лёха растерялся. А потом обозлился.

– Я писать ничего не буду! Я в трудовую инспекцию пойду! Ни в чём я не виноват!

– Да ты хоть понимаешь, – зашипела кадровичка, – что с утра Полосюку главный звонил? Ковязкин этот помер! Ему руки-ноги поотрывали! Тебя тут боятся все!

И правда, Лёха только теперь заметил, что все стараются с ним не сталкиваться. Болтовня у продажников затихла, как он вошёл. Леночка убежала в архив. И из остальных инженеров никого.

Липкий страх опутал ноги. Стало тяжело дышать.

Голос в голове ясно произнёс: «третий разо-

бьётся...» и стало понятно, кого он имел ввиду – кадровичку.

– Я ни в чём... – прошептал Лёха, – я не виноват...

А в голове запульсировали слова Лиды: *«Не Петька к ней ходил. Схоронили Петьку-то».*

«А вдруг я этого… Ковязкина? А вдруг?»

Лёха выбежал на крыльцо и достал мобильник из кармана. Пальцы не попадали по клавишам телефона.

– Геныч, Геныч, помоги, а? Я прямо в дерьме весь… Надо с этим как-то… всё уже… чтобы с концом… а то каждый год же, мать твою, каждый грёбаный год… я же когда мелкий был, седьмого из дома сбегал, чтобы бабку н-н-н…

– Да чё случилось-то? Лёх… ты расскажи…

– Я не виноват… они сами… они первые!

– Так, Лёх, ты щас где? Ладно… давай подъезжай ко мне. Мы с Максом тебя на остановке встретим.

* * *

ПОКА ШЛИ к дому, поднимались на лифте, Лёха малость пришёл в себя и осознал, что Геныча сегодня Полосюк пораньше отпустил. А Макс – лучший друг Геныча, пусть и очкастый хипстер в бороде.

Когда на кухонный стол Геныч выставил бутылку текилы и зелёный лимон, Лёха ощутил дикое желание осушить хотя бы половину, чтобы не видеть и не слышать этот мир. Но он знал: облегчения это не принесёт, и проблему не решит. А седьмое наступит уже через несколько часов. Так что надо успеть оказаться дома до полуночи.

– Давай, Лёх, – Геныч оседлал табуретку и нацедил всем по рюмке. – Начинай.

Лёха попытался. Но язык заплетался, нижняя челюсть дрожала и выстукивала дробь. Тогда он цапнул со стола рюмку и осушил, давясь обжигающей горечью. Закашлялся, и Макс сунул ему кусок лайма. Такой ядрёный, что на глазах выступили слёзы. Лёха им даже обрадовался: если потекут настоящие, будет не так стыдно.

– Помнишь в девяностых детей убили? В садах, на «Садоводах»? В газетах не писали ничего. А слух про трупы всё равно пошёл.

– Ну… – Геныч нахмурился, – допустим, помню.

– И я помню, – встрял Макс, с аппетитом жуя лайм. – Целиком так никого и не нашли. От кого – руку. От кого – ногу.

– Ты продолжай, – велел Геныч. Он вдруг перестал ободряюще улыбаться и сложил руки на груди.

По мере того, как Лёха рассказывал, за окном стемнело, а оба собеседника ни разу не притронулись к текиле. Только на эпизоде про вчерашнюю встречу с Лидой Геныч снова наполнил рюмки. Лёха взял свою, но руки так тряслись, что половину разлил. Кое-как влил в себя остатки и вдруг отрешённо добавил:

– Я как-то забыл задёрнуть шторы. Устал сильно… Окно в спальне всё чёрное. А посередине их лица мёртвые. Синие. Они не смотрят… Едят своими мёртвыми глазами сквозь стекло, прижимаются ладошками. И так каждый год. А губы чёрные шевелятся, будто говорят…

– И что говорят? – спросил Макс. Его глаза за толстыми линзами казались вытаращенными от страха.

– Погоди-ка, – Геныч встал. – Щас вернусь. Отлить надо.

– Ну, – Макс толкнул в плечо Лёху. – Что они тебе говорят?

Тот достал из дальнего кармана кошелька истёртый тетрадный листок и расправил его, как улику, безмолвное доказательство старой трагедии. Странно, что он волшебным образом сохранился, найденный в мокрой траве шестнадцать лет назад, рядом с сандалем покойного Дюши. Но слова, нацарапанные детским почерком, всё ещё были видны.

Макс выхватил бумажку и с завыванием простонал:

– В бездну взываю к тебе! Меноел Асходон! Князь горы каменной, выдь ко мне! Покажи лик свой чёрный! Аннима Зганута…

– Не надо! – Лёха в ужасе вырвал листок и порвал его. – Ты не понял! Он же придёт!

– Никто не придёт, – хмуро заявил из коридора Геныч. – За тобой за самим только придут.

– Ты что, Геныч? – Лёха подскочил, думая сбежать. – Не веришь?!

гливо оттолкнул бывшего друга. – Я дурку вызывал. И ментов заодно.

Лёха рванул к выходу, но был отброшен в угол кухни мощным ударом Геныча. Геныч тяжело дышал. Опрокинув рюмку, он издал дикий крик ярости.

И тут лучший друг вцепился в ворот его футболки и с силой встряхнул.

– Ну, почему, верю. Верю, чтоб ты сдох! Потому что брат у меня был. Андрейкой звали. Дюша сокращённо!

– Я не знал… – бормотал Лёха. – Он же сам демона выз…

– Не было никакого демона! – взревел Геныч. – Это был ты! Всегда был ты!

Макс сунулся между ними:

– Харэ, народ, щас соседи сбегутся!

– Не сбегутся, – Геныч разжал пальцы и брез-

– Я с тобой, тварью, бок о бок работал! А ты, мразь, брата моего…

– Стемнело уже. Седьмое скоро, – обречённо ответил Лёха из угла. – Выпусти, – он повернулся к напуганному Максу. – Хоть ты ему скажи.

– Значит, полюбуются на тебя во всей красе! – Геныч сплюнул. – Урод…

Лёха обхватил затылок ладонями и, раскачиваясь, забормотал:

– Четвёртый закричит, пятый заплачет, четвёртый закричит, пятый заплачет…

За окнами окончательно стемнело. Геныч си-

дел в коридоре на табуретке, как на посту, и курил, не сводя взгляда с бывшего друга. Макс, которому Геныч пить запретил до приезда полиции, тоже затянулся длинной пахучей сигаретой.

Очертания кухни смазывались в клубах дыма. Лёха не мог разглядеть часы на стене, чтобы понять, сколько осталось.

«Если Геныч вызвал психиатрическую бригаду, где она? Когда приедет?» Время тянулось невыносимо медленно. Но хуже ожидания было знание того, что произойдёт. Всё случится снова. Как в тот раз. Только тогда душила лютая злоба, а теперь – горечь. Она поднималась со дна души, как ил со дна колодца – всё выше и выше, заставляя пальцы сжиматься в кулаки.

«Надо же, братца своего грёбаного пожалел. Подонка, который меня живьём этому демону отдал. А я, как дурак, правду… Друг, называется…»

Лёха закрыл глаза и ждал. Считал минуты, которые превратились в одну сплошную сизую дымку, затянувшую кухню до потолка паутиной. Поэтому и вздрогнул от неожиданности, когда прямо из стены, рядом с ним, высунулась знакомая чёрная морда и, жутко оскалившись, проскрежетала:

– Давно не виделись, братец! Тебе папаша привет передавал.

В вечернем свете Зганута выглядел ещё ужаснее. В звероподобном виде угадывалась издевательская пародия на человека.

Макс заорал первым: демон прыгнул на него, прижав к полу. Брызнуло чёрным на стену, хрустнули очки, вдавленные в глаза. Лёха отвернулся, сглотнув: текила поднялась к горлу.

– Макс! – заорал Геныч. Он ворвался на кухню и врубил свет. – Макс, ты…

Крик оборвался, когда он увидел Зганту в полный рост. Тот стоял на задних лапах, подёргивая головой – принюхивался. С когтей на линолеум капала кровь.

– Я тебе говорил, что это не я, – бесцветным голосом проговорил Лёха, поднявшись. – Ты не поверил… Зато с братцем своим теперь свидишься.

Геныч ещё секунду таращился, переводя взгляд с него на демона. А потом схватил со стола полупустую бутылку и врезал ей по демонской башке. Зганута взвыл так, что Лёха зажал уши: в них будто вогнали раскалённые спицы. Когда слух вернулся, Лёху всё-таки вывернуло: Зганута, склонившись над мёртвым Генычем, откусывал и чавкал. Видимо, расправа была короткой.

Чужим голосом Лёха хрипло заговорил:

– Ты больше не будешь никого убивать.

Зганута хрюкнул от удовольствия и продолжал жрать, не обращая на него никакого внимания.

Лёха отчётливо произнёс:

– Первый запнётся, второй споткнётся, третий упадёт, четвёртый закричит, пятый заплачет, шестой умрёт…

Зганута впервые оторвался от трапезы и рыгнул. До него дошло.

– Стой! – проскрипел он, протягивая вперёд когтистую лапу. – Стой, отродье! Замолчи! Ты хотел, чтобы я их убил! И я исполнил заклинание!

– Хотел. А теперь хочу, чтобы и ты умер.

– Я всех твоих врагов могу убить!.. – взвизгнул демон. – Только заклинание скажи!..

Лёха отрешённо смотрел на окровавленный пол. Он весь сгорбился, так, что, казалось, руки стали ниже колен, кулаки сжались. И каким-то холодным, нечеловеческим голосом повторил:

– Шестой умрёт…

Зганута схватился за горло. Его когтистые пальцы обхватили челюсти. А потом резко рванули.

Лёха отвернулся, глядя в зеркало в конце коридора. Всё повторялось, как в детстве. Предательство. И считалка.

За спиной с тошнотворным хрустом демон выворачивал себя наизнанку. «Может, только так он мог умереть, кто его знает?»

Сквозь приоткрытое окно стало слышно, как где-то внизу свистнули лысые покрышки. Хлопнула скрипучая дверь полицейского «бобика».

Лёха зажмурился и закончил заклинание:

– …а седьмой спасётся...

* * *

ЛЁХА СИДЕЛ на потолке и равнодушно смотрел, как суетятся полицейские. Один из них вызвал «Скорую», чтобы констатировать смерти. Другой вышел в подъезд, видимо, искать понятых среди соседей. Третий осторожно фотографировал на мобильник мёртвого Згануту. Четвёртый что-то постоянно говорил в рацию. Психбригада, похоже, так и не приехала; может, нашёлся псих пострашнее.

Лёха глянул ещё раз на покойного Геныча, и не ощутил ничего. Ни грусти, ни сожаления. Столько лет дружбы, а теперь внутри сосущая пустота. И как-то плевать на всю эту невидимость, чёрную кожу и умение ходить по потолку. Одно хорошо: проклятые синие рожи больше не будут всю ночь в окошко пялиться. До смерти хотелось вернуться к той, почти спокойной жизни, когда раз в месяц получаешь зарплату и обжимаешь коннекторы.

Лёха уже хотел наведаться в бухгалтерию в новом обличии, спросить насчёт выходного пособия, как вдруг в голове набатом забили слова:

– Князь горы каменной! Меноел Асходон! Выйди ко мне! Яви мне свой чёрный лик!

Его скрутило будто железным обручем и понесло куда-то прямо сквозь стены. Сквозь дома и огороды. В ушах свистело, перед глазами всё смазалось от скорости. От боли Лёха взревел, но это был рёв не тигра: а какой-то невообразимо жуткой твари. Дикая ярость охватила его. Такая, что хотелось убить того, кто произнёс снова эти проклятые слова. Поэтому он даже не сразу понял, куда его забросило.

В маленькой спальне было темно, и только свечка на столике в белом блюдце качала круглый шар света. Рядом на коленях стояла Леночка со сложенными будто в молитве ладошками, в больших глазах плескались оранжевые блики, точно невыплаканные слёзы. Лёха чуть не прослушал её слова из-за того, что халатик на ней распахнулся.

– Помоги мне, Чёрный князь… Верни мне милого моего таким, какой он раньше был! Возьми что хочешь. Одного его люблю…

И тут раздался удар. Бум! И ещё один.

– Открывай, тварь! – дверь в спальню затрещала, выгибаясь. – Закрываться от меня вздумала?! Щас я тебя поучу жизни!

Лязгнул замок, хрустнули крепления в дверной коробке. Леночка привычно опустила голову, закрыв затылок, вся сжалась. И в этот момент Лёха задул свечу. Двинул лапой, отправляя дебошира в небытие. И рокочуще изрёк:

– Первый споткнётся …

Сделка состоялась. В кромешной тьме всё разом стихло, только Леночка, сухо всхлипывая, шарила по стене в поисках выключателя. Свет вспыхнул так резко, что она зажмурилась, закрылась ладонью от люстры.

Лёха понятия не имел, как сейчас выглядит. Да это было и не важно. Он просто стоял у кровати и несмело улыбался своей Снегурочке, придерживая замок, вывалившийся из дверного паза.

– Ты прости меня, маленькая моя, – сказал он чужим голосом. – Прости дурака за всё. Больше не повторится. Обещаю. А дверь я починю.

Леночка стояла напротив, округлив глаза и не веря. В её взгляде читалось, что она так давно слышала такие слова, что не помнит, что они значат. Она осторожно подошла и коснулась его щеки, будто проверяя, настоящий ли.

– Сёма… это точно ты?

– Я. Теперь точно я.

– И, – Леночка нервно облизнула нижнюю губу, – детей ты всё ещё хочешь?

Лёха задумался. Этот вопрос пах новой жизнью, новыми возможностями. Надеждой на что-то другое, лучшее. У его ребёнка может быть хорошая жизнь. Вместо равнодушной бабушки – любящие родители. Вместо боли и унижений – друзья. Он научит его стоять за себя. И никто никогда не запрёт его в бане на растерзание демону… Потому что отныне демон будет на страже. Потому что белую розу никто больше не сломает. Никогда. Вот для чего всё это случилось.

– Да, – ответил Лёха. – Хочу. Седьмой спасётся.

ВЛАДИСЛАВ МАЛЫШЕВ

Анастасия Шаяхматова

СРАЗУ ПОСЛЕ ТИШИНЫ

Владислав МАЛЫШЕВ родился и вырос в Нижнем Тагиле. Учится в профессиональном колледже (НТГПК) им. Н. А. Демидова. Пишет прозу. Публикация в нашем альманахе – дебют автора.

«СВЕТЛОВ ИГОРЬ Александрович, 23 года, живу в Екатеринбурге. Да – только что закончил институт. Нет – опыта работы не было…»

Эти слова, словно разученное стихотворение, мне приходилось проговаривать раз за разом на каждом собеседовании. Хорошее знание текста не помогало. В стране кризис, даже опытным специалистам не всегда удается найти работу, а тут – вчерашний студент…

Но, видимо, по пословице «вода и камень точит», однажды на очередном 1001 собеседовании мне сказали «да». Не дворник, не сторож – техник по компьютерным системам! Почти моя специализация. Выходя из здания компании и, наконец поняв, что произошло, я расплакался. Я плакал, а по лицу блуждала счастливая улыбка.

Следующие две недели я осваивался на новом месте. Работы было много, а компания находилась почти в центре города. Приходилось вставать ни свет ни заря, чтобы успеть вовремя – хорошо что ехать можно было без пересадок: хоть на автобусе, хоть на трамвае, это уже как душе будет угодно. Работа заключалась в техобслуживании и ремонте компьютерных систем. Это было то самое дело, которым я хотел заниматься. Ничего странного: мне всегда было сложно общаться с людьми, а вот с техникой я был на «ты». Теперь могу сказать, что наконец-то я живой.

…Тот день был самым обычным, какой может быть рядовая среда рядовой недели. После работы я сошел за несколько кварталов от дома и, набрав продуктов, отправился в книжный. Вот еще одно место, где мне комфортно. Каждый раз, когда я смотрю на эти бесконечные ряды книг, у меня дух захватывает. Ни одна электронная библиотека, пусть хоть в миллион книг, не сравнится с книжными стеллажами. Взяв интеллектуала Апдайка и пару фантастических книжек, чтобы расслабиться, я вышел на улицу.

Сырой осенний воздух уже сгустился в сумерки, уличные фонари налились мутным желтоватым светом. Сразу захотелось домой, забраться с ногами на диван, еще раз пролистать книжки, прежде чем выбрать ту, с которой начну и…

…сам не пойму, отчего я отвлекся. Загорелся зеленый свет и я, задумавшись, шагнул на переход, не посмотрев влево… в этот миг, взвизгнули тормоза, кто-то испуганно вскрикнул за спиной.

А потом был резкий, сокрушительный удар. И тишина. Самая громкая тишина в моей жизни.

ВОКРУГ СТОЯЛА сплошная тьма. И было очень тихо. Я не мог ни говорить, ни дышать. Только вглядываться в темноту, в надежде что-то разглядеть.

По ощущениям, это продолжалось минут 10-15, после чего начало светать. Это можно было сравнить с ранним рассветом, когда темный небосвод начинают разрывать лучи, и облака расплываются, давая дорогу свету. Я услышал какие-то звуки, но они сопровождались таким сильным эхом, что ничего нельзя было разобрать.

Наконец, я начал понимать очертания места, в котором находился. Это была небольшая комната в сине-зелёных тонах. В этой комнате не было ничего кроме столика с увядшими цветами, ведра с какими-то свечками и маленького окна с раскрытой форточкой, из которой доносились звуки городской жизни вперемешку со странным грохотом. Я лежал на какой-то высокой кровати, а мое тело было утыкано проводами. В ушах стоял непрерывный тихий звон, мешавший что-либо расслышать внятно. Я попробовал выговорить хотя бы слово, но рот пока не слушался. Зато пальцы уже слегка шевелились. Опустив глаза на руки, я удивился от того, насколько они тонкие. Само тело я не видел, его скрывала простыня, но было такое ощущение, что оно очень легко, будто я вообще не существую, а то, что я вижу – не более, чем фантом...

Но нет, фантомом я точно не был: об этом очень быстро напомнил желудок. Боже, как же я был голоден! И я всё никак не мог вспомнить, что же случилось до того, как оказался в этой комнате…

Вдруг я услышал шаги. В комнату заехала тележка, а за ней показалась женщина в синем фартуке. Остановив тележку, она подошла к окну и, помедлив, переключила какой-то тумблер на кондиционере – по крайней мере, прибор напоминал его и был встроен в форточку. Напевая себе под нос, женщина вернулась к тележке и принялась мыть пол. Она была воплощением беззаботности. Раньше я не обращал внимания на уборщиц, но в этот раз, увлеченно наблюдал, как швабра рисует круги по полу. Эта ситуация вызвала улыбку.

– Не спите? – спросила женщина, вдруг оторвавшись от работы. – Не вставайте, пожалуйста, пока я не домою.

Уборщица оперлась на швабру и сдула прядь волос с лица.

– Ну, чего вы улыбаетесь? Не видели раньше? Я первый день…

Я хотел было ответить, что и для меня этот день, судя по всему, первый, но у языка было другое мнение – он предпочитал пока что оставаться онемевшим.

Внимательно осмотрев себя спереди и сзади, уборщица нахмурила брови, фыркнула и сгинула за дверь вместе со своей тележкой. Дверь осталась приоткрытой.

Из дверной щели мало что было видно: только кусочек белого коридора.

– Девушка! Подойдите, пожалуйста, – послышался голос уборщицы. – Слушайте, там у вас какой-то пациент лежит и улыбается, как дурачок.

Я ещё ему говорю, мол вы чего? А он дальше… влюбился что ли?..

Дверь вновь распахнулась и на этот раз передо мной предстала медсестра – молодая девушка в белом халате. Она была настолько удивлена, что я и сам испугался её реакции.

– Очнулись? Как вы себя чувствуете? Где-нибудь болит? – нахлынула волна вопросов от медсестры, подбежавшей к приборам. – Показатели хорошие, давление, правда, низковатое, но это ничего… Вы можете шевелиться?

Я едва заметно отрицательно покачал головой, только тогда и сообразив, то это и есть движение.

Первый раз в жизни мое «нет» вызвало такую радость. Девушка расцвела в улыбке и выбежала, а я остался лежать, по-прежнему не в силах вспомнить, что же со мной произошло.

В моей комнате были электронные часы, которые показывали ровно два часа. Странно, когда уборщица вошла в комнату, действительно, было довольно светло, а теперь я даже не мог рассмотреть углы комнаты. Зато дышать стало намного легче.

В коридоре послышался какой-то шум, суета. В мою палату буквально ворвалась троица – мужчины и та самая медсестра. Мужчины, судя по солидному виду, были врачами.

– Здравствуйте, Игорь, – неуверенно проговорил один из них. – Меня зовут Мальцев, Андрей Сергеевич. Я главврач этой больницы. Всё время, пока вы были в коме, моей задачей было наблюдать за вами и ждать вашего пробуждения. И наконец вы проснулись.

На этот раз у меня получилось кивнуть.

– Да, пока вы не можете говорить. Это нормально. Хотя… Мы первый раз сталкиваемся с подобным случаем. Но если вы что-то хотите нам сказать, то вот, держите.

Он положил под мою руку какой-то предмет, похожий на планшет. Я начал набирать текст.

– Спасибо вам. Я не помню, что со мной произошло, – прочитал доктор с экрана и кивнул. Он обменялся взглядом с коллегой и произнес:

– Игорь, вы попали в аварию. Двадцатого марта 2020-го года. С того момента и до сегодняшнего дня вы находились в коме. Сегодня девятнадцатое апреля 2035-го года. Вы пробыли в коме пятнадцать лет...

Я НИЧЕГО НЕ МОГ сказать. В прямом и переносном смысле. Теперь я понял, для чего в моей палате стояло ведро со свечками, этот торт был посвящен моему тридцать восьмому дню рождения.

И тут на меня нахлынул поток воспоминаний. Я начал вспоминать всё – от собеседования до того судного вечера. Воспоминания, словно ленточки проносились мимо меня. Всё что происходило вокруг – было не важно.

Наконец, я вынырнул из потока видений.

– Я вспомнил всё, – прочитал доктор на экране.

– Это хорошо, – сказал он, – вам предстоит пройти курс реабилитации, чтобы снова вернуться к нормальной жизни. Вам заново придётся научиться ходить, говорить, есть и пить. У нас с вами много работы…

Вдруг за окном начался сильный ветер. Воздух потемнел, приобрел оранжевый оттенок.

– Закрыть окна! – распорядился доктор. Все снова засуетились.

Я не понимал, что происходит, и доктор заметил это.

– Ох, долго вас не было с нами, – начал доктор, – за 15 лет экология кардинально изменилась. Заводов стало только больше, а вследствие этого климат поменялся. Границы между временами года постепенно стираются: теперь зимы теплее и малоснежнее, а лето прохладнее и дождливее. Воздух… воздух стал тяжёлым, грязным. В верхних слоях атмосферы бесконечная коричнево-оранжевая дымка. Во время ветра поднимается пыль. А ветра дуют почти постоянно… Приходиться ходить в повязках и очках. Растительность начинает умирать. Мы уже забыли, как выглядит природный зелёный цвет. Внутри зданий мы ставим фильтры, кондицио-

неры, поэтому здесь можно свободно дышать, но на улице...

Я был поражен рассказом доктора. В «прошлой жизни» я никогда не задумывался о проблемах загрязнения окружающей среды. Похоже, стоило. Всё равно как-то не верилось. Такой уж я человек. Пока сам всё не увижу, не поверю.

– Всё закрыто, Андрей Сергеевич, – заглянула в палату медсестра.

– Отлично, Настенька. Ну, вы отдыхайте. Через пару-тройку часов я конкретней введу вас в курс вашей реабилитации, – сказал доктор, проверил мои приборы жизнеобеспечения, и ушёл, оставив медсестру.

ПРОШЛО некоторое время после начала реабилитации. Самостоятельно управлять коляской я уже приноровился. Научился и говорить, заикаясь, но почти всегда разборчиво. С экологией в будущем были большие проблемы, но медицина, к счастью, не была запущена…

Наконец мне разрешили выйти на улицу. Теперь-то я сам на всё посмотрю. Увижу, что случилось с нашей страной.

Я, в сопровождении медсестры, отправился на задний двор больницы. Этой медсестрой была та самая девушка, обнаружившая меня в день пробуждения. Мы успели довольно сильно сдружиться, что было удивительно – ведь я не особо ладил с людьми.

Накинув верхнюю одежду, натянув повязку и очки, мы вышли во двор. Погода была скверная («Как всегда», – сказала Настя). Туи стремительно летели над городом, в воздухе кружилась легкая, как прах, оранжевая пыль. Неподалёку от выхода, метрах в пяти от нас, расположился старый давно отключенный фонтан, наполовину забитый оранжевой пылью. А дальше – дальше почти ничего не было видно. Я совсем не был приспособлен к такому воздуху. Всё время, что я был в больнице, мне приходилось дышать через приборы, фильтровавшие воздух. А тут я столкнулся с тем, какой он есть на самом деле.

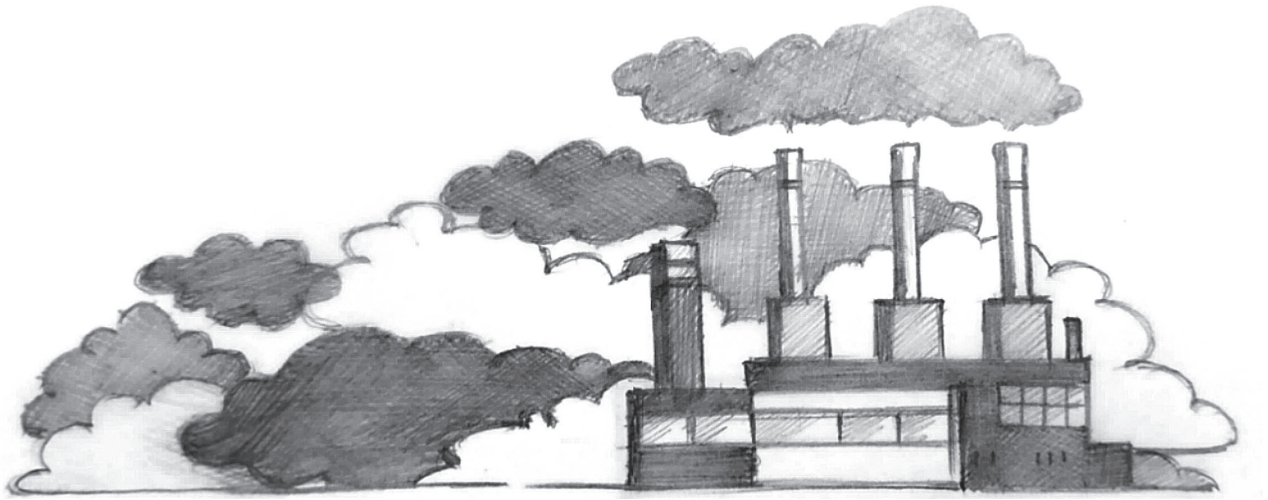
– Я хочу дальше. Хочу осмотреть весь двор, – произнёс я.

– Что? Нет, нельзя далеко отходить от здания. Мало ли что…

– Прошу... Я должен увидеть всё сам, но из-за этой пыли ничего ведь не разглядеть.

– Хорошо... Если только быстро, – сдалась девушка после недолгих раздумий.

Настя покатила меня вперед, куда глаза глядят, образно говоря. Шум заводов звучал так, будто мне силой пытаются запихнуть его в голову. Покрытые пылью лавочки и столики, посеревшие напольные вазы, какие-то битые и целые горшки разных размеров… Вдоль невысокого, в метр



ограждения – изрядно прореженный строй запыленных чахлых кустов.

Доктор не обманывал, когда описывал неприглядный мир будущего.

Увидев в строю кустарников изрядную брешь, я подкатил коляску туда и, вцепившись в край ограждения, заглянул за заборчик.

Тот, что я принимал за двор, оказалось большой площадкой на плоской крыше больницы. Когда-то, видимо, здесь была оранжерея, в которой бил небольшой фонтан, а выздоравливающие грелись под теплыми лучами солнца, или наоборот, сидели в густой тени зеленых кустарников, вдыхая аромат цветов… Сейчас о назначении этого уголка можно было только догадываться.

Не добавлял оптимизма и вид внизу. Там были еле видны дорожные полосы, по которым не спеша ползли машины. По тротуару шагали прохожие, все в плащах, масках и очках. Все люди носили одежду коричневых и серых тонов. На спинах у многих я увидел что-то вроде ранцев с шлангами, которые подводились к маскам. Растительности вообще не наблюдалось – ни клумб, ни деревьев. Всё было как-то грязно и грустно…

Раздавшийся где-то неподалеку гул насторожил меня. Люди на улице засуетились. Кто-то ускорил шаг, кто-то побежал… Многие устремились к павильонам, похожим на закрытые автобусные остановки.

Я не верил, что это возможно – куда уж хуже?!. – но погода начала ухудшаться. Ветер усиливался, небо из оранжевого стало темно-серым. Вдруг, за нашими спинами, в больнице включилась сирена.

– Внимание! Начинается ураган! Всем немедленно покинуть открытые зоны! Закрыть все окна и двери!..

Но и без предупреждения мы уже спешили к дверям. Увы, я не мог двигаться быстро, поэтому указал Насте идти вперёд. Я крутил колёса, как мог, а ураган стремительно приближался. Слышно было, как он поднимает предметы позади меня. Настя уже пропала за стеной пыли, а я двигался наобум, надеясь, что не свернул в сторону. Еле слышны были какие-то голоса, пытавшие-

ся перекричать ураган и сирену. Вдруг я ударился лбом об дверь. Она была уже заперта. Нет, этого не могло быть, Настя не могла бросить меня тут… Слабость охватила вдруг всё тело… Тяжело рыча, ураган налетел сзади, легко оторвал руку от дверной ручки, подхватил меня вместе с креслом, столиками, и листьями, закружил в водовороте. Вокруг была сплошная тьма и пыль. И тут я увидел, как на меня летит стол… Я зажмурил глаза, ожидая столкновения...

...СНОВА очнулся в больнице. Тяжёлое дыхание сопровождалось попискиванием каких-то аппаратов. Зрение еще не прояснилось, но я уже понял, что в палате произвели перестановку. Или это была другая палата? Передо мной стоял кто-то в белом. Доктор?..

Так… Я живой… Значит, ураган… Я с трудом повернул голову к окну. На улице было светло и чисто.

– О, вот вы и очнулись. Лежите, не вставайте, – произнёс доктор. У меня что-то было со слухом – я не узнавал голос. Или это другой врач?..

– Что… произошло?.. Настя… с ней все в порядке? Сколько я лежал?..

– Успокойтесь, вам не стоит много говорить. Дайте организму прийти в себя. Вы были в коме после аварии. Находились в ней месяц.

– В коме? Опять? А ураган?.. И… почему так светло… там… – я попытался кивнуть на окно, с трудом выдавливая слова непослушным ртом.

– Какой ураган? Светло – потому что сейчас два часа дня. Не беспокойтесь, вы очень быстро войдете в норму. Пару недель, и вы сможете вернуться домой, к своей работе.

Зрение почти прояснилось. Да, это был какой-то другой, неизвестный мне доктор. Надо спросит, где Андрей Сергеевич… Месяц… Мало тебе пятнадцати лет, теперь к ним добавился еще и месяц…

– Какое… сейчас… число? – еле слышно пробормотал я.

– Что? Двадцать первое апреля 2020-го года. Ну ладно, лежите. Я бы советовал вам поспать, но вы и так, видимо, насмотрелись снов, – доктор приветливо улыбнулся и вышел.

А я лежал и смотрел в окно. В чистое, светлое окно. И ждал, когда пройдет онемение и пальцы, хотя бы пальцы начнут двигаться. И первое, что я сделаю, это ущипну себя. Крепко, изо всех своих сил, до слез, до стона, до синяка.

Потемнеет ли после этого окно, или останется по-прежнему светлым?..

Валерия Акулова

БАРХАТ, ПЛАЩ И МАСКА

1.

– НУ И ПОГОДКА сегодня!

– Да уж, в самый раз для танцев.

– Настя, у тебя вода ещё осталась?

– Да, бери, – Настя передала бутылку подруге.

– Спасибо!

Пока танцовщицы отдыхали, зрители болтали с музыкантами. Даже сейчас улица не затихала, наполнялась хохотом и разговорами.

– Ну как? Завтра сюда же? – переговаривались танцовщицы.

– Конечно! – ответила Настя, – завтра обещают погодку получше.

– Вот и славно! Ну что, девчонки, за работу?

Танцовщицы вернулись на свои места, улица снова наполнилась музыкой. Прохожие подходили поближе, слушали, улыбались, кто-то подкидывал мелочь… Уже в конце в футляр от скрипки легла вдруг крупная купюра. Пожилой представительный мужчина в светлом костюме и с федорой на седых волосах, положивший купюру, задержался после того, как смолкли последние аккорды. Половина танцовщиц прочему-то засмущалась его появлению… Настя была из другой половины – она поглядывала на своих подруг, опустивших глаза в землю, и не понимала, что происходит.

– Аня, что случилась? – шепнула Настя своей подруге. – Это кто?

– Насть, ты чего? Это Игорь Михайлович, Тимофеев. Режиссер городского театра.

Только тут Настя поняла... Как она могла не узнать Игоря Михайловича? Ведь она с детства ходит в театр! С детства разглядывает эти яркие афиши, ждет премьер... Как она могла не узнать его знаменитую фетровую шляпу с серой лентой?

– Девушки, добрый день, – приятным басом сказал мужчина, подходя ближе.

– Здравствуйте, – заулыбались они в ответ.

– Отличное выступление, браво!

– Ой, спасибо, – ещё сильнее засмущались девушки.

– Прошу прощения, как вас зовут? – спросил он, снимая шляпу. Его взгляд был определенно направлен на Настю.

– Мы «Мюскадель», – ответила она.

– Это хорошо, – улыбнулся Игорь Михайлович, – но я спрашивал, как зовут конкретно вас.

Настя оглянулась, словно ища поддержки у подруг.

– Меня… Настя.

– Славно! Анастасия значит? А не хотели бы вы, Анастасия, зайти в наш театр? Познакомлю вас с артистами, глядишь, и захотите выступать у нас?

– Но… почему я?

– Меня впечатлило то, как вы танцуете. Полностью отдаваясь танцу, вы можете совершенно не замечать, что происходит вокруг. Вот мне и стало интересно, сможете ли вы попробовать себя в театре?

– Я … не знаю, что сказать, я…

– Подумайте над этим, а если всё получится, наш театр с радостью примет новую актрису. Хорошее выступление, девушки, – сказал директор, приподняв шляпу и похлопав по плечу гитариста, – парни, сердце стынет от вашей музыки. Всего наилучшего и удачи!

– До свидания, – так же хором, но уже менее воодушевленно ответили девушки.

Танцовщицы разделились на два лагеря. Кто-то радовался за Настю, говорить какая она молодец, кто-то, нахмурившись, стоял в стороне.

– Почему ты сомневаешься? Неужели не хочешь выступать в театре?

– Я хочу, просто… это так неожиданно. Вдруг я ударю в грязь лицом? Вдруг он начнет сомневаться в своем выборе?

– Это совершенно не важно! – сказала Аня, – цепляйся за шанс обеими руками.

– Да, – поддержала другая девушка, – ты ведь хотел этого с самого детства, сама говорила.

– Вы правы, – сказала Настя, изменившись в лице, – Я всю жизнь мечтала быть на сцене. Я не могу просто так взять и отказаться от своей мечты, ведь, возможно, другого такого шанса больше не будет.

Вечерело. Девушки начинали собираться домой, а парни радостно пересчитывали «сокровища скрипичного футляра».

– Слушай, Аня, я завтра…

– Не придёшь, – перебила Настю подруга. – Я знаю, и желаю тебе удачи.

Девушки обнялись, попрощались и разошлись кто куда.

2.

ОГРОМНЫЙ драматический театр с радостью принял новую актрису. Широко раскрыв двери, он проглотил Настю целиком. Внутри толпились люди. Настя подошла как раз к началу очередного спектакля.

– Извините, могу я увидеть Игоря Михайловича? – спросила Настя у девушки из персонала.

– Вы Анастасия? Новая актриса?

– Ну … да, – смущенно ответила она.

– Конечно, меня предупредили, пройдёмте со мной.

Амфитеатр захватывал дух. Балкон и бельэтаж, обвивающие стены и усеянный креслами партер глядели на огромную сцену, закрытую красными шторами. Люди не торопясь занимали свои места. Настю провели на самый верх, в одну из ложи балкона. Она села и поддалась ностальгии воспоминаниям из детства, когда она приходила с мамой, садилась на кресло и целых два часа не могла оторвать взгляда от сцены.

– Здравствуй, – прозвучало басом позади.

– Здравствуйте! – обрадовалась Настя, увидев Игоря Михайловича.

– Ну, как впечатления? – спросил он, присев рядом.

– Нет слов, одни эмоции. Я вспоминаю, как приходила сюда совсем маленькой, смотрела на сцену, и мечтала оказаться там. Уже дома, я надевала мамины платья и придумывала себе образ…

Настя засмущалась, поняв, что заговорилась.

– Интересно! – улыбался директор, – Что ж, теперь у тебя появится возможность надеть платье и войти в образ, но уже на сцене, если, конечно, захочешь. Мы тут готовим одну пьесу. У нас были проблемы с её постановкой, но теперь, если ты согласишься помочь, думаю, у нас всё получится.

– Конечно! Уже не терпится начать, – обрадовалась Настя.

– Ну и славно! Тогда после пьесы заскочим в гримерку, познакомлю тебя с артистами, – Игорь Михайлович взмахнул своей неразлучной шляпой.

– Мне можно остаться на пьесу? – спросила Настя, удивленная тем, что её ещё не выпроводили.

– Конечно, наслаждайся.

3.

– ГРАФ КОЛДУЭЛ, подайте мне пожалуйста воды.

– Но, графиня, может чего покрепче?

– Вынуждена отказаться, мне ещё сегодня домой в салон.

– Вы и каретой сами будете управлять? – спросил граф.

Оба рассмеялись

– Игорь Михайлович идёт! – вмешалась девушка.

– Неплохо ты вспылила в третьем акте, – сказал граф Колдуэл, снимая парик. – Мне даже не по себе стало.

– Ой, что ты, что ты, – отмахнулась графиня, отстегивая подол платья. – Ты тоже довольно хорошо сыграл растерянность.

– Добрый день, уважаемые! – сказал режиссер, зайдя в комнату.

– Добрый, Игорь Михайлович! – ответили артисты хором.

– Я смотрю вы всё ещё в образе? Всё никак не можете смириться с последним выступлением?

– Да, буду скучать по этому парику и по этим рейтузам, – ответил мужчина в костюме толстяка, – Я смотрю, вы не один к нам зашли?

– Ох, да. Дамы и господа, это Анастасия, наша новая актриса. Мне кажется, она отлично подойдет на рол Сианны.

– Добрый день, – смущенно сказала Настя.

На Насте скрестился десяток заинтересованных взглядов.

– Игорь Михайлович, неужели всё-таки удастся воскресить эту пьесу?

– Думаю, да.

Многие из актеров обрадовались, но некоторые, тяжело вздохнули.

– Ладно, Анастасия, потом ещё познакомитесь поближе, а пока вот тебе сценарий. Прочти его и приезжай на читку, скажем… в следующий вторник? – спросил режиссер у всех артистов. Все согласились.

– Хорошо, спасибо. Тогда, до вторника.

По пути домой, Настя много думала о том, что её ждёт. Она была рада, что ей хватило сил уцепиться за этот шанс, но понимала, что это ещё не всё. Что если ничего не получится? Что если они разочаруются в ней? Что если эта роль достанется другой? Эти мысли, Настя с усилием выталкивала из своей головы. Приехав домой, заварив чай и насыпав корм своему коту, она села за стол и открыла сценарий.

Королевство Лиферия осталось без Короля. Король умер. Судьба этих земель и их жителей легли на плачи молодого принца Вальдера, наследника короны. Дабы укрепить свои позиции на троне, он решает прибегнуть к довольно банальной практике – жениться. В этой пьесе, у Насти была интересная роль: она играла Сианну, таинственную принцессу в маске. Сианна была одной из претенденток на звание жены принца Вальдера. О ней мало что было известно. Люди знали, что она происходит из богатого рода, что она единственная наследница, но вот саму её они не знали. Сианна редко показывается на баллах, носит только черное, а ко всему прочему, скрывает свое лицо за фиолетовой маской.

Дочитав до бала, на котором принц наконец выберет себе принцессу, Настя осталась в недоумении. Сценарий внезапно обрывался, оставляя концовку в воображении читателя.

4.

– ЭТО ЖЕ очевидно, принц Вальдер! Вы должны выбрать меня! Я ведь самая красивая принцесса! – разносилось эхом по залу.

– Красота, нынче, уже не цениться! Цениться статус и приданное, поэтому, выберут меня!

– Девушки, спокойней! – успокаивала мачеха. – Пусть король сам решит, Лисциллу, Ангелену или же Сианну ему выбрать.

– Отлично! Все молодцы! – сказал Игорь Михайлович, – сегодня на этом всё, всем спасибо, все свободны.

Актеры не торопясь начали собирать свою вещи. Кто-то делился планами на вечер, кто-то всё ещё обсуждал сценарий, а кто опять сидел в недоумении.

– Игорь Михайлович, можно задать вам вопрос? – спросила Настя, отводя режиссера в сторону.

– Конечно, что случилось?

– Я хотела кое-что спросить. Почему эта пьеса не закончена?

– А, ты об этом, – с неохотой произнес режиссер. – Дело в том, что до тебя мы пытались поставить эту пьесу, но успехов не добились. Кто-то из актеров в итоге ушел. Мне показалось, что проблема в сюжете, а именно в его кульминации, вот и оставил его пока открытым.

– И что же с ним будет?

– Пока не знаю, нужно думать. Ты себе этим голову не забивай, – директор положил руку Насте на плечо, – Готовься к роли, репетируй, а сюжетом я займусь.

Выходя из театра, в голове Насти всё ещё остались вопросы: почему пьеса не добилась успеха? Неужели только из-за сюжета? Может, бывшие актеры как-то повлияли на это? Вопросов появилось только больше.

– Настя, ты сейчас куда? – спросил кто-то сзади.

– Маша? Я домой поеду.

– Просто мы собирались в кафешку заехать, поболтать. Ты как? С нами?

Настя от природы была застенчивой девушкой. Из всей группы только с Машей ей удалось сблизиться больше всего. Возможно, это из-за её возраста: она была уже зрелой женщиной, постоянно просившая всех называть себя именно Машей. Символично то, что в пьесе Маша играет роль матушки принца. Так что если не по пьесе, то в жизни Сианна смогла сблизиться с мачехой будущего короля.

– Нет, спасибо, – ответила Настя, – в другой раз.

– Ну хорошо, тогда до встречи, – сказала Маша и отправилась к остальным.

– Настя не сможет, – донеслось до девушки.

– Кто бы сомневался, – сказал кто-то и все дружно захихикали. Маша оглянулась, смущенным взглядом попросив прощения. Но Настю это особо не волновало. В её голове не было место для новых раздумий.

5.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ репетиции, для Насти был словно праздник. Выступать на улицах было весело, но быть актрисой театра – совсем другое дело. Это именно то, о чем она мечтала с детства: большой театр, репетиции, сюжеты и, конечно же, наряды. Когда читка закончилась, актеры с радостью нырнули в свои костюмы. Принцессы примеряли свои платья и парики, новый король тоже был рад наряду и короне, похоже только актер, играющий полного барона Бальмонта, был не доволен своим костюмом. Мешковатый костюм с накладным животом и искусственная борода – это не то, что он ожидал от постановки.

Настя, затаив дыхание, пробиралась в свою гримерку. Наконец, подойдя к шкафу, в котором висел её наряд, она выдохнула и открыла дверцу. Если черное, шелковое платье удивило и обрадовало её, то маска Сианны просто застала врасплох. Фиолетовая, бархатная маска лежала в квадратной коробочке, обшитой все тем же бархатом.

– Да, прекрасна и опасна, – произнесла Маша, заметив застывшую Настю.

– О чем ты?

– У этой маски плохая история. Звучит смешно, но она приносит неудачу, а все, кто владел ей до этого – пропадали.

Настя не поддавалась суевериям, но от этих слов ей стало не по себе.

– Кто надевал эту маску до меня? – спросила Настя после долгого молчания.

– До тебя Света Смирнова, а до неё Наташа Иванова. Обе как-то раз просто не пришли на репетицию.

Настя не отрывала глаз от маски.

– А, ну ещё была Ксения Матвеева. Эта история интересней: у неё были какие-то разногласия с начальством, а потом её просто выгнали. Пьеса заморозилась, сценарий поменялся. Из-за неё мы всё ещё не можем выступать.

Настя опять, без собственной на то воли пустилась в раздумья.

– Только ты не переживай, – добавила Маша, – это просто совпадение. Уверена, у тебя всё получится.

– Ага, спасибо, – довольно холодно ответила Настя.

Как бы не старалась Настя выкинуть все дурные мысли в голове, у неё ничего не получалось. Она стояла на остановке и думала. Её мечта начинает сбываться, но на душе всё равно лишь мрак.

«Все эти люди вокруг, куда они спешат?» – думала она, – «Неужели все они уверены в завтрашнем дне, идут только вперед и не о чем не замо-

рачиваются? Неужели только я одна так загружаюсь?»

Во всей этой толпе, Настя заметила человека, который просто стоял и смотрел на неё. Кто-то в черном плаще с капюшоном на той стороне дороги не отрывал от неё глаз. Её это насторожило. Она посмотрела по сторонам, может он смотрит не на неё? Но когда она повернулась обратно, подозрительная фигура уже исчезла.

6.

– ЗДРАВСТВУЙТЕ, вы не заняты? – спросила Настя, приоткрыв дверь.

– Нет. Здравствуй, заходи, – ответил Игорь Михайлович.

– Вы извините, что я так часто пристаю к вам с расспросами, просто меня кое-что беспокоит.

– Всё в порядке, – улыбнулся режиссер, – спрашивай.

– Да я опять по поводу пьесы. Говорят, что до меня уже кто-то играл Сианну?

– Правда, играли. Света и Наташа. Только вот однажды пришли ко мне и сообщили, что больше не хотят выступать. Такие напуганные были. Я их спрашиваю, мол: «Что случилось?», а они ничего не ответили. Обе уволились…

– Странно это, – ответила Настя.

– Да, – вздохнул Игорь Михайлович.

В комнате зависла тишина. Только тиканье часов раздавалось эхом.

– Но, Игорь Михайлович, я слышала об ещё одной девушке. Кажется, Ксения, верно?

Игорь Михайлович отвел взгляд. Было очевидно, что тут что-то не так. Он подошёл к окну и засунул руки в карманы пиджака.

– Да, была и такая.

– Но что случилось?

– Обычные творческие разногласия, – ушёл от ответа режиссер, – ничего примечательного.

Он стоял и смотрел в окно. Вдруг, будто что-то или кого-то увидев, режиссер задернул шторы и развернулся.

– Ну, надеюсь, ответил на все твои вопросы. Рабочий день закончился, а значит самое время отдохнуть.

7.

ВОЧЕРЕДНЫХ попытках отвлечься от дурных мыслей, Настя, с удивлением, обнаружила книжную полку в гримерке. Там лежали пара зарубежных пьес, которые Настя уже читала, пара наших и одна книга с интересной обложкой. Это была «Гроза» А.Н. Островского. Книга обшита странным материалом древесного оттенка, корешок был исписан позолоченными фигурами, окантовывающими фамилию автора. На обложке же была грустная девушка, вписанная во всё тот же позолоченный круг.

– Не обложка, а настоящее искусство, – сказал Настя.

Как только книга была открыта, из неё тут же выпал какой-то лист. Настя подняла его и начала читать.

День 42.

Так и знала. Я с самого начала догадывалась, что это произойдет. Похоже, кому-то «сверху» не понравилась та моя пламенная речь. Какие чувствительные, прямо до слез пробирает их боязнь за собственную шкуру и репутацию! До меня всё равно не доходит. Почему всего лишь предложив другую концовку, они так категорично к этому отнеслись? Да, я довольно горячо отстаивала свою позицию, но разве это плохо? Разве плохо то, что я прониклась Сианне?

Всё-таки решили меня выгнать прямо на улицу. Пусть только попробуют! Я им всем ещё покажу! Они поймут, что значит…

Запись вдруг прерывается. Похоже, что-то или кто-то помешал её закончить. Небрежно вырванный лист, впоследствии спрятанный в книгу, подтверждает спешку автора. Скорее всего, этот лист из какого-то дневника. Но почему его спрятали именно в эту книгу? И почему вскоре не забрали?

Настя услышала чьи-то шаги, свернула и так небрежный лист и засунула в карман.

– Ты ещё здесь? – спросила Маша, зайдя в гримерку, – я думала ты уже давно ушла.

– Да, вот задержалась.

– Что это у тебя? – Маша подошла ближе и взглянула на книгу, – «Гроза»? Хорошая пьеса, но мне не нравится, я там Барыню играла, старуху сумасшедшую… А обложка-то какая, загляденье!

– Да, мне она тоже приглянулась. Ну ладно, я пойду, а то уже поздно.

Уже дома Настя ещё пару раз перечитывала эту записку. Похоже, в её голове начало что-то проясняться.

8.

В ТЕЧЕНИЕ нескольких дней Насте было не по себе. Тот разговор с Машей и неловкая ситуация с директором не ответили на её вопросы, а задали новые. В очередной вечер после репетиции, Настя шла домой уставшая и рассеянная. Она не заметила, как осталась на темной улице совсем одна.

– Ой, а где это я?

Настя решила обойти через переулок и выйти на рынок. Задержав дыхание, она отправилась вперед. Переулок был жуткий и тесный. Надеясь услышать хотя бы беззаботное пение птиц, она услышала гнусный крик вороны. Пройдя до середины переулка, она уже успокоилась.

Вдруг, из-за угла появилась темная фигура. Она вмиг приблизилась к Насте. Что-то сверкнуло.

– Тебе важна эта роль!? – раздалось эхом по переулку.

– Что…

– Ты играешь в театре! Я этого не допущу!

– Но, я не понимаю…

– Отвечай! Ты готова отдать жизнь за роль Сианны?

– Да! – прокричала Настя.

Прогремел гром, по асфальту и мусорным контейнерам забарабанил дождь.

– Почему? – спросила незнакомка уже измененным голосом.

Настя подняла голову и увидела женскую фигуру в плаще с капюшоном.

– Стойте, при чём тут вообще театр?

Настя вдруг всё осознала. Все события до этого, все её вопросы и догадки сложились в единый пазл.

– Вы… Ксения? Первая актриса на роль Сианны?

Женщина молчала.

– Неужели вы… избавились от остальных актрис, игравших эту роль? – спросила Настя дрожащим голосом.

– Ничего я не делала, – уже спокойным голосом, опустив взгляд, отвечала Ксения, – Я их просто припугнула, и они сами отказались от этой роли.

– Но… зачем вам это нужно? Я слышала, что у вас были разногласия с режиссером и…

– Разногласия? – Ксения посмотрела Насте прямо в глаза, – Они избавились от меня при первой удобной возможности! Новые правки в сценарии мне не понрави-

лись, я предлагала лучший вариант, но это их не волновало. Они избавились от меня, а после этого всё-таки изменили сценарий.

Ксения изливала душу Насте, совершенно незнакомому человеку. Её голос эхом отражался от мокрых стен переулка.

– Постой, почему ты не отступила? Почему ты так вцепилась в эту роль?

– Это всё, что у меня есть, – отвечала Настя, – До этого, я была простой уличной актрисой. Выступала в каких-то лохмотьях и получала гроши. Да, мне нравилось это, нравилось танцевать прямо на улице, под хорошую музыку, но это было не то, о чем я мечтала. Мне дали шанс, и я использовала его. Огромный театр, я на сцене в шикарном платье – это ведь моя мечта детства, но… – Настя достала из сумки какой-то сверток, – так нельзя. Я догадывалась, что рано или поздно встречу вас. Вот, возьмите. Она ваша по праву.

Настя протянула сверток, из которого виднелся фиолетовый уголок. Эта была она – маска Сианны. Ксения застыла. Она глядела на бархатную маску. Захотев снова прикоснуться к ней, она не отказала себе в этом.

– Как же она прекрасна, – улыбаясь, проговорила Ксения. – Я не могу её принять. Она должна быть на сцене, там её место.

– Но как же…

– Тише, я уже всё решила. – Ксения перевела взгляд на Настю. – А ведь мы так похожи: ты, я и Сианна. Теперь, она твоя. Играй достойно.

9.

– ИНТЕРЕСНО, кого же выберет принц Вальдер? – переговаривались гости.

– Не знаю кого выберет наш принц, но я, пожалуй, выберу картошку с селедкой.

– Уважаемые барон, вы можете хотя бы пять минут не принимать пищу?

– А что ещё делать на пиру? – спросил Бальмонт с набитым ртом.

– Тише вы! Герольд сейчас будет говорить.

Все прервали свои дела, пожалуй, кроме Бальмонта.

– Дамы и господа! – заголосил распорядитель праздника, – Добро пожаловать на праздник! Сегодня, наш славный король Вальдер выберет себе в жёны одну из прекраснейших девушек со всей Лиферии! Надеюсь вы оценили по достоинству гостеприимство короля Вальдера? Музыка, что ласкает ваши уши. Угощения, что у нас в избытке, – графиня толкнула локтем барона Бальмонта, от чего тот чуть не подавился.

– Что ж, угощения, пока, придётся отставить, – продолжил распорядитель, – так как сейчас начнётся главная часть нашего праздника! Встречайте, виновник торжества, его величество король Вальдер! – герольд отправил последнее слово эхом разносится по залу и махнул музыкантам, что бы те начали торжественную песню. Над музыкантами и артистами гордо развивалось полотно с надписью: «Мюскадель». Двери зала распахнулись и вперед выбежали детишки, раскидывая лепестки роз. За ними же, в красном плаще с золотыми узорами, гордо задрав голову вышел король Вальдер. Когда же король уселся на трон, распорядитель провозгласил следующее:

– Прекрасный наш молодой король Вальдер достоин не менее прекрасной королевы! Встречайте! Лисцилла из рода де Жермен!

В дверях появилась девушка, красоту которую не оценил бы только лишь слепой: шикарное, белоснежное платье, подол которого собирал лепестки роз за собой, диадема, державшая длинные, блондинистые волосы, глаза цвета моря. Она была главной претенденткой на титул королевы.

– Шикарно, шикарно! – вытирая пот с лица, произнёс распорядитель. – Но, попрошу я вашего внимания, ведь на наш скромный праздник прибыла Ангелена из рода де Базиль!

Под торжественную музыку, в зал вошла довольно скромная девушка. Она была не красавица, одета в обычное зеленое платье с острыми углами, её темные, аккуратно уложенные волосы

были закреплены того же зеленого цвета бантом, но какой у девушки был взгляд! Блестящие янтарные глаза смотрели прямо перед собой, но всё равно проникали в сердца гостей. Было не понятно, как такие прямые брови не сжались от смущения. Ангелену сразу присмотрели советники короля, так как её род сказочно богат и всегда с радостью принимался при дворе.

– Что за девушка! – вздохнул распорядитель, – что за взгляд! Сразу видно, девушка пришла сюда стать королевой! Чего не скажешь о следующей девушке. Лицо её скрывает бархатная маска, история её окутана тайной. Должны судьбу мы благодарить, что, хотя бы, имя её на наших устах! Встречайте! Таинственная Сианна!

Ажиотаж был не такой бурный. Когда в зал вошла девушка в чёрном, шёлковом платье и прекрасной фиолетовой маске, гости застыли. Неторопливо шагая по лепесткам роз, она подошла к своему месту рядом с королем и остальным претенденткам на корону и так же спокойно села.

– Что ж… самое время продолжить пир! – неуверенно произнес распорядитель и похлопал в ладоши.

Кто-то из гостей всё ещё следил за претенденткам на корону, кто-то уже вел бурные беседы, а кто-то яростно налетал на треску с луком и овощами.

Режиссер сидел и нервничал. Впервые за долгие годы. Сидя на балконе и смотря на спектакль со стороны, он каждый раз спрашивал себя: «А вот тут не затянуто? А здесь хватает ли деталей?» Единственное, за что он не переживал – это за актеров. Их игрой он восхищался.

– Хм, вы думаете?

– Конечно! Кого как не Лисциллу выберет король!

– А как же Ангелена? У неё целое состояние! То, что нужно молодой короне.

– Почему вы даже не рассматриваете Сианну? – спросила полная женщина, приятная на вид.

– Вы должно быть шутите! Кто ж знает, что скрывается там под её маской?

– Не знаю, что там скрывается, – продолжила женщина, – но, похоже, это приглянулось матушке.

И правда, Сианна не скучала, а о чем-то активно переговаривалась с матерью короля. Король же, в свою очередь скучал от разговоров с претенденткам. Диалоги о нарядах с Лисциллой он

плохо воспринимал, а разговоры о деньгах с Ангеленой вообще не переваривал. Особенно во время праздника, полностью за счет короны. Его интриговала Сианна, по-хорошему интриговала. Раз его матушка – самая мудрая женщина на свете о чем-то говорить с Сианной, значит в ней что-то есть.

Тарелки пустели, гости пьянели. Праздник был настолько торжественным, что уже даже распорядитель валился со стула. Чувство праздника не покидало ни один стол, кроме королевского.

– Это же очевидно, принц Вальдер! Вы долж-

ны выбрать меня! Я ведь самая красивая принцесса! – разносилось эхом по театру.

– Красота, нынче, уже не цениться! Ценить ся статус и приданное, поэтому, король выберет меня! – спокойно констатировала факт Ангелена.

Все гости затихли, уделяя всё внимание спору девушек.

– Девушки, спокойней! – успокаивала мачеха. – Пусть король сам решит, Лисциллу, Ангелену или же Сианну ему выбрать.

Взгляд Сианны был направлен в зрительский зал. На фиолетовой бархатной маске скрестились сотни горящих взглядов…

Актеры замолчали. Настя не сразу поняла, что её черед говорить. Всему виной женщина, сидевшая в зрительском зале. Хоть черные очки скрывали её настоящую личность, но Настя не могла не узнать эту улыбку.

– Госпожа Сианна, что вы скажете по этому поводу? – спросил король, будто подталкивая Сианну на разговор.

– Король сам сделает выбор, – наконец сказала Сианна, не отрывая глаз от женщины, – а нам остается лишь рассчитывать на его мудрость.

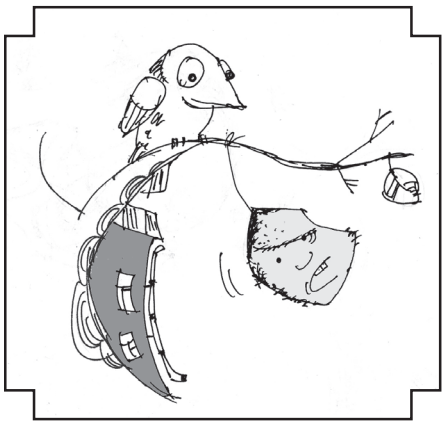
– Верно! – подтвердил король. – И я уже сделал свой выбор. Я выбираю Сианну!

Весь зал затаил дыхание. Даже барон Бальмонт оставил ложку. Лисцилла и Ангелена переглянулись и рухнули в кресла. Зрительский зал разделил недоумение гостей банкета. Женщина в очках не смогла сдержать слез. Она прикрыла глаза бархатной перчаткой, чтобы никто не заметил предательского блеска.

– Ура! – икая воскликнул распорядитель, – музыку!

В тот же миг заиграла торжественная музыка. Гости всё ещё не могли прийти в себя. Сианна, наконец, сняла маску, которая скрывала прекрасную темноволосую девушку. Её выразительные зеленые горели нежностью и любовью. Король попросил руки Сианны, они поднялись, и Вальдер легким движением надел блестящую драгоценную корону на голову Сианны, королевы Лиферии. Все аплодировали стоя и зрительный зал тоже. Режиссер, вскочивший с кресла, громко аплодировал своим артистам. И только женщина в очках не хлопала. Она не могла перестать плакать.

ОКСАНА ИСУПОВА



Василий Васильев

В ПАРИЖ!

Оксана ИСУПОВА родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила школу №45. Училась в УрГУ им. Горького. Работает в редакции молодежного журнала «МАКАР» («Маршрут карьеры», Нижний Тагил). Пишет прозу. Автор сборника рассказов «Соленый вкус оладий», соавтор книг «Мы с Вагонки», «Капитаны производства».

– Я УМРУ, УМРУ, умру! Боже мой! Мой живот вспорот, кишки наружу, чем я заслужил такие страдания?! Сначала этот идиот вытащил меня из дома, потом опустил в кипяток! Рубаха моя вымокла и прилипла к внутренностям, они набухли и начали вытекать сквозь одежду... Но ему мало: садист взял мое трепещущее тело и, накрутив на какую-то железяку, давай меня мять, выжимая последние соки! А все из-за этой ненормальной – его жены: «Хочу в Париж, хочу в Париж! Людка летала, а я чем хуже?!» Довела мужика своей истерикой! Тот со психу взял и выбросил меня в окно! Прямо на мороз! Пока летел, все вспоминал своих братьев, уютно устроившихся в нашем картонном доме. Потом зажмурил глаза, попрощался со всеми, и, бац – упал в лапы этого противного дерева. Пальцы его впились мне в бок так крепко, что теперь я вынужден умирать медленно и мучительно! А почему? Я-то в чем виноват?! Это все чертова Людка со своим Парижем! Со мной так нельзя-а-а!

Так причитал использованный чайный пакетик, волей судеб, попавший на старую яблоню. Он выпал из окна пятого этажа и повис на одной из ее веток. Посмотреть на дебошира слетелись местные воробьи, голуби и вороны. И даже рваный женский капроновый носок, уже два месяца проживающий веткой выше, открыл свой глаз-дырку и наклонил вниз голову.

– Я умру, я точно умру! – продолжал биться в истерике пакетик.

Его истерзанная, еще недавно белая рубаха, просохла на ветру и приобрела желтоватый оттенок. Разбухшие чаинки, что наполняли живот, слиплись меж собой и навеки застыли в той форме, которую им придали человеческие пальцы, когда выжимали остатки заварки.

– Ты чей такой будешь? – поинтересовался взъерошенный воробей.

– Я ни чей, а чай! – возмутился пакетик.

– Откудава? – подтянулась ворона.

– Кажется, оттуда, – показал пальцем ноги вверх женский носок. – Он пролетел мимо меня, я аж проснулся!

– Да мне то что! Я тут умираю! Умираю, а некому нет до меня дела! Домой хочу! К маме!

– Помилуйте, какая же у вас мама?! – засмеялась ворона.

Все захихикали. Чайный пакетик разозлился так, что захотел побить обидчиков:

– Вот я вам сейчас задам! Перестаньте дразниться!

– Смотри с сучка не упади. Мал ты еще, браток, на нас замахиваться, – еще больше раззадорились пернатые.

Пакетик подумал и убрал сжатые кулаки обратно в карманы своей рубахи, в них было липко, влажно и неуютно.

– Прошу прощения, сосед, – потянулся он к носку. – А эти кто?

– Эти – птицы! Та, что нахальная, огромная и серая – ворона. Пестрый поменьше – голубь, а те маленькие задиры – воробьи. Они все тут живут. Постоянно околачиваются на этой яблоне.

– Так это и есть те самые, которые только и делают, что гадят на подоконниках?

– Чего?! – накинулись птицы.

– А я то что?! Так идиот говорил, который выкинул меня сюда, – начал оправдываться пакетик.

– С птицами так не шути, – посоветовал рваный носок. – Они живо разорвут на части.

– А что мне делать?

– Смирись и обживайся на дереве! Может, и провисишь так не один год. Лето не за горами, в листве спрячемся... А зимой придется померзнуть.

– Померзнуть? Зимой? Спрячемся? Нет! Я так не могу! Я умру, умру, умру! – снова заблажил пакетик.

– Перестань орать! Ты не умрешь. Я ведь выжил! Моя хозяйка тоже отправила меня сюда. Сначала я чуть с ума не сошел, а потом смирился. Уж лучше сюда, чем в мусоропровод. Я ведь совсем не знаю, что случается с теми несчастными, которые проходят через него.

Но пакетик не унимался и продолжал свою истерику. Постепенно публика стала разлетаться, устав от крикуна. Воробьи и голуби поспешили к мусорке, разыскивать хлебные корочки. Ворона отправилась проводить ревизию на других деревьях. А рваный женский носок снова уснул.

– И все-таки я умру, – уже шепотом промолвил пакетик и тоже закрыл глаза.

Вскоре, он заснул. Ему приснилась загорелая индианка, бережно поглаживающая его еще по сухому пузу. От наслаждения пакетик замурлыкал, как кот.

Ему было так хорошо, что не хотелось просыпаться. Но вдруг что-то неожиданно плюхнулось сверху, повисло на соседнем сучке его ветки, и истошно завопило:

– О, Боже мой! Я умру, умру, умру! Какой идиот посмел вынуть меня из домика и бросить в кипяток! Я – настоящая великомученица!

Пакетик открыл глаза и чуть не подпрыгнул от удивления: перед ним висела чайная пирамидка. Нить, торчавшая из ее головы, закрутилась вокруг его лейбочки. Пакетик уловил соблазнительный фруктовый аромат. Он уставился на незнакомку. Та замолчала и кокетливо отвернулась в сторону.

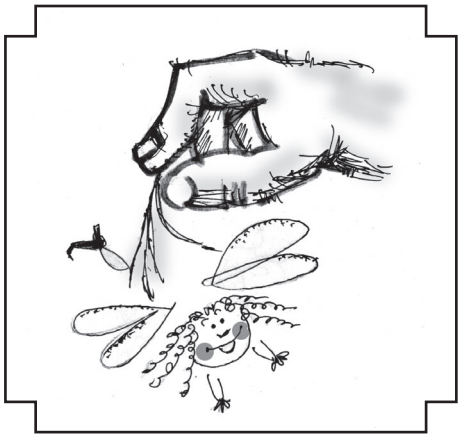
В этот момент подул резкий ветер, ветка, на которой зависла парочка, закачалась, и пакетик с пирамидкой сорвались вниз. Летунов подхватила оказавшаяся рядом сорока. Поймав за спутанные нитки, она понесла их куда-то вдаль.

Но теперь пакетику не было страшно!

– Черт побери! – воскликнул он. – Никогда не знаешь, где встретишь свою судьбу!

Он повернулся к спутнице и заглянул в ее испуганные глаза:

– Летим в Париж, детка! Там, на Эйфелевой башне мы проведем наш медовый месяц! Со мной скучать не придется! Чувствую, тебе будет, что рассказать нашим внукам! И пусть все завидуют!



Василий Васильев

ФЕЯ И ВЕЛИКАН

ВЕЛИКАН вышел из пещеры и прямиком направился в свой огород. Впервые за несколько дней выглянуло солнце и успокоило беспрестанно рыдающее небо. Великан щурился. Светило обжигало его лысину и голые грязные плечи.

– Кхэ! – отмахивался он от докучного желтка.

Гигант почти побежал к теплице, но едва не запнулся о развязавшийся шнурок ботинка. Верзила нагнулся, чтобы исправить неладное.

– Плюм-с, пум-с, пум-с!

В этот момент что-то совсем маленькое прыгнуло на его громадную спину и поползло вниз к руке.

Великан выправился, начал дергаться, вертеться и пританцовывать от щекотки. Существо оказалось на редкость проворным – не успел верзила поднять ладонь вверх, как оно уже очутилось на большом пальце. Великан поднес руку ближе к лицу, чтобы разглядеть неугомонную букашку. Ею оказалась маленькая девочка, настолько крохотная, что силач обомлел.

– Эге! – промолвил он.

Но девчушка не слышала. Она пыталась высвободить свою ножку, застрявшую в трещине ладони. Великан слегка дернул пальцем, и девочка отлетела в сторону. Она крепко ударилась головой о мизинец его руки и замерла.

– Кто ты? – спросил верзила.

Незнакомка не отзывалась. Взгляд её уперся в одну точку, а глаза, будто растекаясь по лицу, становились всё шире и шире.

– Э-эй! – прикрикнул великан и поднес ладонь к самому носу.

Гостья, подумав, что перед ней чудовище, чуть не заплакала. Она уже было скривила свои губки, но, увидев его сморщенный лоб – передумала и принялась считать глубокие морщины.

– Да кто же ты? – повторил свой вопрос великан.

– Я – маленькая фея! – гордо сказала девочка. – Должна вам сказать, что у вас тут очень грязно, фи!

Гостья поползла по великаньей ладони, внимательно изучая каждый ее изгиб. Чопорно ковыряла черноту, забившуюся в складках и глубоких линиях. Добравшись до пальцев, она начала прыгать с указательного на средний, со среднего на безымянный, затем на мизинец, а потом поскакала обратно. Волосешки ее колыхались, а подол платьица поднимался вверх. Она пропрыгала туда и обратно несколько раз, после чего приземлилась

в середину ладони и удобно улеглась в ее мягкой ямке, натянув платьице на обнаженные коленки.

Великан смотрел на свою руку, боясь пошевелить ею. Сначала ему казалось, что он сошёл с ума. Тут фея снова заговорила:

– А ты кто?

– Великан!

– Какое смешное имя: Ви-ли-кан! –расхохоталась она. – А где ты живешь?

– Живу? – гигант задумался. – Не знаю, живу ли, но сплю в пещере.

– Да-а? Как странно…

– Не знаю, – пожал плечами великан.

– А твои друзья? Твоя семья?

– Да нет у меня никого!

– Как странно… – девчонка потерла курносый нос, – а хочешь, я буду твоим другом?

– Наверное, хочу… – неуверенно проговорил великан.

Он не мог глаз оторвать от новой знакомой. Было в ней что-то нелепое, и вместе с тем трогательное. Великан почувствовал, как у него защипало в носу, кажется впервые в жизни он захотел плакать.

– Так хочешь или не хочешь?! Как-то ты говоришь неуверенно! – рассердилась фея и топнула ногой.

Бровки ее, как две стрелки, устремились к переносице, отчего выражение лица сделалось особенно милым. Великан улыбнулся.

– Конечно, хочу!

– Только я смогу дружить с тобой всего три дня!

– А потом?

– А потом я полечу домой.

– Ты умеешь летать?

– Конечно! – девочка слегка обиделась. – Все нормальные феи умеют летать

– А где ты живешь?

– В цветочной долине! С мамой, младшими братишками и сестренками.

– Никогда не слышал о такой долине. Ты не врешь? – удивился великан.

– Я-а-а-а? Вру-у-у? Я? Вру? – от негодования фея захлопала глазами. – Меня в жизни так не оскорбляли! Я вообще никогда не вру! Я, между прочим, самая приличная фея!

– А –а-а-а… Прости, я же не знал! Не сердись, пожалуйста. Я просто никогда не был в цветочной долине.

– Подумаешь! Я, например, никогда не была в пещере, но я же не сказала, что ты врешь! Вот ты странный! Цветочная долина находится очень далеко. Там живут бабочки и пчелы, они угощают меня сладким нектаром по вечерам, а днем я работаю – подсушиваю крылышками слезинки малышей.

– Каких малышей?

– Самых обыкновенных. Детей! Они не должны плакать! Дети всегда должны смеяться! Знаю я одно средство, как утешить маленьких озорников, но это мой секрет, – фея прищурила глаза.

– А как ты оказалась здесь? – великан не унимался.

– Не слишком ли много вопросов?! Считай, что у меня отпуск. Мы – феи, практически никогда не отдыхаем. Вот меня – отпустили, но я должна вернуться через три дня, так что давай не будем тратить время и побыстрее начнем дружить!

– Давай!

Три долгих дня фея и великан провели вместе. Три ночи она засыпала на его ладони, а он не смыкал глаз, боялся пошевелиться, чтобы не раздавить, не стряхнуть и не потерять ее.

По утрам, не успев надеть туфельки, фея прыгала по его пальцам, ощущая их тепло. Иногда она забиралась к великану на плечо, и они вместе ходили и осматривали его огород. Силач показывал ей свои грядки, жаловался на дождливое лето и скудный урожай, иногда рассказывал о растениях, учил, как нужно заботиться о цветах. Фея все время перебивала великана. Поначалу он немного сердился, но потом даже полюбил этот ее недостаток.

Все три дня светило солнце, и лишь, когда феин отпуск подошел к концу, оно вдруг скрылось в неизвестном направлении. Небо сделалось скорбным.

– Пожалуйста, не улетай… – прошептал великан.

– Я не могу… Меня ждут, понимаешь. Там старенькая мама, маленькие сестренки и братишки, там малыши, которые постоянно где-то плачут… Их так много, а нас фей – так мало. Я не могу никого подвести…

– Мне кажется, что я лю….

– Тс-с-с, – она не дала ему договорить, – давай просто посидим и помолчим. Мы очень много с тобой разговаривали, и совсем не молчали вместе…

– Останься! – умолял великан.

– Может я могла бы взять тебя с собой? – неуверенно прошептала фея. – Ты бы смог жить в цветочной долине?

– Не могу…

– Я так и знала…

– Ты очень красивая, а я неуклюжий и страшный… жених!

– Но это все неважно, ведь я тебя…

– Тс-с, – прошептал великан, – давай просто помолчим, как ты и сказала…

Минуту смотрели друг на друга. Он огромный и неуклюжий, проживший всю жизнь в пещере, она – маленькая и яркая, чудом упавшая на его ладонь…

– Пора! Я буду долго вспоминать твои руки, забитые грязью трещинки, буду помнить твою улыбку, и… твой огород. Ты здорово управляешься с ним. Растения слушаются тебя.

– Странно. Раньше я думал, что могу общаться только с ними… В семье не понимали меня, и я ушел, чтобы жить один… Эх, долгая история, к чему теперь об этом… Что-то я хотел тебе сказать, что-то еще…, – он начал запинаться и теребить свою безрукавку.

Фея смотрела на него.

– Подожди, пожалуйста, не улетай, я вспомню… черт! Никак…

Великан растерялся и покраснел:

– Мы больше не увидимся?

– Я даже не знаю, где я буду завтра… Но, я думаю, что тебе стоит только закрыть глаза, как я тут же появлюсь…

– Я не забуду тебя…

– Прощай! – фея сжала губы, чтобы не заплакать.

Она последний раз взглянула на своего большого друга, а потом поднялась ввысь. Вскоре начался сильный дождь. Великан стоял под ним, словно под душем, пытаясь прийти в себя. Крупные капли барабанили по его лысине, затекали в уши и рот, но он, казалось, не чувствовал этого.

Только когда дождь закончился, верзила вернулся в свою пещеру. Он уселся в любимое кресло-качалку и начал раскачиваться взад и вперед, словно маятник.

– Крих-крих-крих, – заскрипело оно.

От этой колыбельной силач уснул. Впервые за эти три дня.

Когда проснулся, была уже ночь. Великан подошел к старенькому комоду и выдвинул его последний отсек. Там лежали, утопая в пыли, письменные принадлежности. Раньше хозяин часто пользовался ими.

– Это еще не конец! Я все равно увижу тебя снова! – уверено сказал себе великан.

Затем вытащил чистый лист бумаги, достал перо и баночку чернил. Уселся за стол и принялся работать. К утру он написал сказку про маленькую фею.

АННА АНДРОСЕНКО

Римма Дубовицкая

БЕЗДРУЗЬЁВЩИНА

Анна АНДРОСЕНКО родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила УрГУ им. Горького (факультет международных отношений). Дебютировала как поэт в местной печати. Публиковалась в сборниках «Предчувствие света», «Голос». Автор повести «Желтый клевер. Дневник Люси», по которой в 2019 г. был снят художественный фильм. Рассказ «Бездрузьёвщина» написан в соавторстве с Сергеем Зябаровым (Украина).

ДАРЬЯ С ДЕТСТВА считала, что живёт один раз. А значит, за столь короткое время надо стать сильным человеком. Если имеешь друзей – то настоящих, если ищешь любовь – то она приходит в отношениях постепенно, и надо над ней работать. Если рассказывать другим, то только о том, что уже идёт по плану. В двадцать два она уже точно знала, что так и будет жить. Девушка успела съесть пуд соли с парнями, потерять «ненастоящих друзей», которым не могла доверять секреты. В компании она славилась энциклопедическим умом и острым язычком. Но главное, что её отличало – нетерпимость к намёкам. Приятелей забавляло, как Даша бесится из-за недомолвок.

Но однажды «сильный человек Даша» усомнилась в правильности своей стратегии. Она начала общаться с Лёней – молодым преподавателем немецкого. Даже при маме девушка каждый раз смущалась, вспоминая о нём, чем вызывала массу подшучиваний над собой.

– Ну что, когда мы тебя замуж выдадим? – иронично допытывалась мать. А Дарья принимала всё всерьёз, сердито отвечая: «Тогда, когда решу я». Её ужасно бесило, что мама торопит события.

И вот сегодня, когда после очередной прогулки с Лёней Елена Сергеевна снова начала подтрунивать над смущённой дочерью, мол, как у вас там всё развивается, Даша не выдержала и вспылила:

– Мама, ну прекрати! Я больше ничего не буду рассказывать о своих отношениях с кем-либо, раз ты так!

Правда, через полчаса она устыдилась и пришла извиняться, но мама в долгу не осталась и заявила:

– Друзей у тебя настоящих нет, а со мной ты обсуждать ничего не хочешь. Так вот и общайся сама с собой, бездрузьёвщина!

Сказала, как отрезала. Даша убежала в свою комнату-берлогу и закрылась там. «А ведь мама права! Отсеялись все друзья, и никого не осталось, кто мог бы подставить плечо. Знакомые из «сети» – не в счёт: они далеко, кто-то даже за рубежом. Не с кем поделиться своей жизнью. Да и слово-то какое гадкое – «бездрузьёвщина»…» Она горько заплакала и ночью ушла из дома.

Улицы спящего города встретили незнакомку без особой радости. Наоборот, они с осторожностью отнеслись к шагам Даши, норовя сбить её с пути. Недовольно скрипел асфальт под подошвой старых ботинок. Фонари с их длинными шеями, будто сговорившись, сдали полномочия мраку. Лампочки не горели. Иногда громкие автомобили возвращали город к жизни, которому снились миллионы лиц и голосов. Проезжая по трассе, машины заставляли нервничать тишину, отвечавшую наглецам презрительным молчанием.

К счастью, или к сожалению, но юная беглянка даже не подозревала, куда приведёт её столь сомнительный поступок. Затуманенный рассудок совершенно не обращал внимания на маршрут. Шла она быстро и, поэтому, очень скоро очутилась так далеко от дома, что, впервые остановившись, просто оторопела.

Вместо привычных построек перед ней располагался весьма необычный лес. Нет, деревья в нём росли настоящие и вели себя прилежно. Странность состояла в их разнообразии.

Если вы подумали о смешанных лесах, то наивно ошиблись. Глаза Даши не смогли найти даже двух одинаковых деревьев! Конечно, можно сослаться на темноту, обволакивающую вязкой паутиной всё живое. Но благодаря обилию звёзд девушка сумела рассмотреть достаточное количество растений, чтобы признать уникальность леса. К тому же, он точно не выглядел густым.

Позабыв о тяжёлых размышлениях, Даша шагнула вглубь рощи проторенной тропинкой. «Значит, раньше здесь кто-то уже бродил». Где-то впереди замаячило пятнышко света.

На мгновение Даша застыла. Страх нежно провёл по её ладоням, призывая вернуться домой и забыть сегодняшнее приключение. Ещё не поздно было прислушаться к голосу разума. Но вспомнив о ссоре с мамой, девушка сжала кулаки и медленно пошла навстречу неизвестности.

Через несколько метров она снова остановилась. К стволу ветхой сосны была прибита табличка, на которой неоновым светом горела надпись: «Поляна Одиноких. Вход – только для отчаявшихся существ».

Оставшийся путь к поляне не принёс никаких сюрпризов. В голове Даши судорожно зрели различные предположения. Наконец-то она оказалась на территории, окружённой охранниками-деревьями.

Если многообразие флоры вызвало у девушки исключительно приступ удивления, то от представшей картины она невольно вскрикнула и наверняка бы убежала, если бы не окаменевшие тотчас ноги. На маленьком участке травы нашлось место для всевозможных представителей нашего мира.

Прежде всего, Даше бросился в глаза колоссальных габаритов слон. Занимающий значительную часть поляны, он спокойно хлопал ушами. На неподвижном хоботе удобно уселась пластмассовая кукла. Синее платье доставало ей до колен. Рядом с гигантом прыгал на единственной ноге нарцисс. На одном из его лепестков сверкали изумрудные точечки – глаза. Последним, кого удалось разглядеть девушке, был крохотный воробы-

шек. Птенец примостился прямо у источника света – десятки светлячков смешались в ярком клубке, который и привёл сюда Дашу. Заметив стоявший посреди поляны стул, девушка попыталась сесть. Но деревянный предмет тут же отпрянул со словами:

– Осторожнее, барышня! Не видите, я отдыхаю.

Даша и сама подскочила от удивления:

– Вы разговариваете?

– Ну да, не слышали что ли? – голос звучал раздражённо. – Ох уж эти люди…

– Извините, а от чего вы отдыхаете? – полюбопытствовала девушка.

– От людей, которые десятилетиями сидели на мне. Я постарел, начал чересчур громко выражать свой протест против незнакомых ягодиц на своём сидении, и вот так оказался здесь.

«Здесь…» – эхом отдалось в мозгу девушки.

– А я убежала от детей, которые меня забыли, – раздался тоненький девчачий голос. Даша повернулась и увидела, что это куколка решила с нею поговорить.

– Сама знаешь, – продолжала симпатичная игрушка, – сейчас даже тем, кто ещё пешком под стол ходит, интересны всяческие приставки и компьютеры. Что такое кукла? Поиграл, полюбовался и забыл… апчхи! До сих пор пыль из тёмного чулана не сходит с меня.

Кукольный румянец действительно потускнел от времени. Даша понимающе качнула головой.

– Ах бедный милый цветочек… Хочешь, я посажу тебя в землю, и ты прорастёшь?

Головка нарцисса мотнулась туда-сюда и указала на стебелёк. Корней-то у него не оказалось. Наверное, кто-то обрезал, а потом его выбросил. Какая жестокость!

– Ты, наверное, убежал от мамы, как и я? – продолжила знакомство Даша.

Слон качнул головой и грустно, протяжно протрубил. Да, год назад передавали новость, что из местного зоопарка сбежал слон – не детёныш, но и ещё не взрослый – подросток. Полиция неделю разыскивала животное по всему городу, но так и не нашла – странно, как будто слонёнок сквозь землю мог провалиться, как будто его могли похитить террористы, без требования выкупа.

– И ты тоже? – спросила Даша у птенчика.

– Я с самого рождения хотел самостоятельно жить и добывать себе пищу, – голосом мальчишки-хулигана произнёс воробышек. – Как только научился летать, быстренько покинул родное гнездо. Так и очутился здесь.

«Здесь…» – отозвалось эхо над волшебными деревьями.

– Только никто из нас не помнит, каким именно образом очутился на этой поляне; не старайтесь, барышня, – проскрипел старинный стул.

На поляне воцарилась такая тишина, что слышен был шум ручейка вдалеке.

– Помню только я, – ответила гостья. – Я услышала слово «бездрузьёвщина». И пришла сюда сама.

После этого слова все странные обитатели волшебной поляны, как по команде, тревожно уставились на Дашу.

– Зачем ты произнесла это слово? Оно несёт ужас. Теперь убегай!

Даша охнула, хотела вскочить и бежать, куда глаза глядят, но не тут-то было. Ноги приросли к земле, словно она нарцисс. Тело одеревенело, как будто она превратилась в ещё один старый стул.

В этот момент пространство осветили тысячи огоньков – по два огонька зажглись на стволе каждого дерева, что росли вокруг мрачной поляны. Эхо всё громче и громче повторяло: «Бездрузьёвщина, бездрузьёвщина»…

– Что это, Боже мой? – завизжала от испуга Даша.

Картинки из старых сказок вмиг всплыли перед её глазами. То, что ранее принималось за вымысел, превратилось в ужасную реальность. Ветхая сосна с табличкой по чьей-то неизвестной воле поднялась над землёй и подлетела к Даше. Надпись про одиноких существ заменили более странные слова: «Солнце спит, оно устало, для любви нам надо мало».

Дерево сделало в воздухе пару кувырков и за-

стыло над головой девушки. Его огоньки-глаза часто моргали. Исполненные бессилия, они искали помощи. Но какой? И каким образом несчастной сосне могла помочь приросшая к земле Даша? Новые вопросы пугали своей необъяснимостью.

А меж тем, остальные деревья наступали. В отличие от хвойной родственницы они явно замышляли что-то нехорошее. Скрежет их веток походил на хронический кашель полоумного старца. Пространство вокруг живого костра смыкалось.

Пленники поляны теперь дрожали и боялись даже дышать. Слон закрыл глаза ушами, кукла почти потеряла сознание. Остальные старались не смотреть на приближающиеся деревья.

«Солнце спит, оно устало…» – неведомый голос пробежался по лесу. Светлячки, заменявшие огонь, тут же погасли и обратились в десятки угольков. Воробышек так протяжно пискнул, что кукла заплакала. Даша хотела последовать её примеру, но чудом сдержалась. Она пыталась думать о спасении. Ведь ещё чуть-чуть, и деревья поглотят их беззащитную компанию.

К тому же, от углей синими струйками начал подниматься дым. Вот одна из них медленно обволокла стул. Тот вздрогнул и мгновенно покрылся корочкой льда.

– Не может быть, – проскулил изумлённый нарцисс. – Что с ним случилось?

Никто не ответил. Обитатели поляны удручённо смотрели друг на друга, ничего не понимая. Синие струйки дыма действовали подобно фантастическим лазерным установкам – к чему бы они ни прикасались, всё покрывалось смертоносным льдом. Вот уже бедный нарцисс и даже несколько деревьев стали его жертвами.

«Солнце спит, оно устало…» – без устали твердил тихий голос.

Даше не хотелось верить в происходящее. К оцепеневшим ногам со всех сторон приближалась опасность – неугомонные деревья и холодные струи скоро прикоснутся к ней и тогда…

– Нет! Не будет никаких «тогда»! – громко вырвалось из уст Даши. – Солнце спит, оно устало, для любви нам надо мало: пара дружеских объятий, тёплый чай, цветное платье, чтобы птицы на нём пели, чтобы бабочки летели, чтобы мама была рядом и хрустела шоколадом. Солнце, милое, проснись, всем нам просто улыбнись, чтобы в нашей чудной роще в миг не стало бездрузьёвщин!

С этими словами Даша пристально посмотрела на нависшую над ней сосну, глаза которой с благодарностью засияли. Девушке показалось, что на неё смотрит она же сама.

* * *

СОЛНЦЕ сочилось сквозь окно, угощая кухню светлыми каплями. Рядом стояли две женщины. Младшая из них рассматривала узоры на стекле, оставленные на память ночным морозом:

– Смотри, мам, как красиво! Вон слон с большими ушами, а вон тот, маленький узор, похож на воробушка. Если хорошо присмотреться, то здесь и куклу, и цветок, и даже стул можно увидеть. А сколько здесь деревьев! А знаешь, что мне нравится больше всего на этой картине? То, что все эти существа обнимаются, мамуль.

– Ты – моя фантазёрка, – улыбнулась женщина постарше. В одной руке она держала чашку с чаем. – Тебе бы сказки писать.

– О, вчера ещё «бездрузьёвщина», а сегодня уже «фантазёрка». Быстро же ты меняешь мнения, – игриво пролепетала Даша и поцеловала маму в щеку.

– Прости, пожалуйста. Вырвалось у меня нечаянно. Кстати, сегодня же последний день в этом году. Завтра Новый Год! Приглашай Лёню к нам на праздник.

– Ура! Обязательно приглашу. И, конечно же, надену твоё любимое платье!

– А, то самое, – таинственно произнесла мама, запивая чаем шоколадную конфету.

– Да, мам, то самое. Платье, на котором поют птицы и летают бабочки.

Римма Дубовицкая

EL PASTELERO

Люблю заходить к господину Пастелеро в кондитерскую лавку. Здесь можно отведать любви и мечтаний, потому что все сладости он печёт с любовью. Странно осознавать, что ты ешь продукт любви к самому тебе. А ещё он любит вставлять в разговор с тобой звуки песен. Другим людям не понять, что таким образом он передаёт мне информацию о тех, кто испытывает горе.

– Добро пожаловать! Господин Иванофф, хотите ещё булочек с корицей? – улыбка его соткана из насмешливых солнечных зайчиков; правый его глаз сиреневый, а левый – цвета морской волны. В этих глазах вспыхивает добрый огонёк, когда заходят первые посетители. Но самая любимая его гостья – госпожа Лунная, эта загадочная молодая женщина, которая заказывает только кофе и что-нибудь обязательно сладкое. Она грустна, но её присутствие всегда распространяет тепло в помещении маленькой кондитерской.

Госпожа заходит в помещение, шурша полами длинного чёрного пальто, кивает знакомым посетителям и идёт к стойке.

– Как я рада тебя видеть, Пастелеро, – кажется, что кроме самого кондитера никто не видит её секундную улыбку.

– Привет, госпожа! Я уже боялся, что ты не придёшь,… прошла неделя, и я хотел уже идти на твои поиски.

– Я болела. Всё ещё немного нездоровится, и в «норке» отопления не дали. Быть может, твои сказочные пирожные вылечат меня?

Никто, в общем-то, и не слышит, о чём они разговаривают. Но после её ухода Пастелеро ещё долго работает с мечтательным выражением лица.

Даже самые старые жители города Туч не вспомнят, в какой день, какого года этой кондитерской стал управлять странный господин М. Точно так же никто не знает, где живёт госпожа Луна. Она в шутку называет место, где живёт, «норкой», но никогда не отвечает на вопрос прямо.

И непонятно, почему пирожные Пастелеро так прекрасны на вкус.

КОГДА-ТО СРЕДИ людей жили существа, делавшие земную жизнь прекраснее. Многие ошибочно принимали их за ангелов, потому что у них были за спиной «типа крылья». Некоторые не могли ходить или обладали слишком большими головами, но всё равно были прекрасны для людей. Так прекрасны, что быстро покинули эту планету, не выдержав глупости и жестокости окружающего мира.

Когда был метеоритный дождь, одной из ночей к нам спустился инопланетянин. Один глаз его был нежно-сиреневого цвета, а другой цветом был похож на морскую воду в глубине.

В своё время он был влюблён в самую красивую девушку тех мест, где приземлился, но та предпочла другого. Красавица не знала, что ранит в самое сердце, ведь считала его просто другом…

После этого он обрубил крылья и поклялся больше никого не любить… Так заканчивают все «типа ангелы». Но ведь инопланетяне – не ангелы, уже потому, что живут вне всех религий. Ему пришлось жить на Земле, потому что никуда дальше договор между земной и иной цивилизациями его не пускал. Полностью очеловечившись, он забыл своё инопланетное имя и стал называться то ли Максимом, то ли Михаилом… как-то на М, но очень похоже на «Марсианин».

Работу он выбрал себе посредственную – ну что такое в современном мире повар-кондитер? Человек, который делает сладости – непризнанный гений пирожных. Он может остаться таким до конца жизни и не быть узнанным. Покупатели приходили редко – только когда хотелось подсластить чем-нибудь свои будни, укороченные фастфудом. Серые будни текли своим чередом – и ничто не должно было меняться.

ОДНАЖДЫ по маленькому городку пошли слухи о прибытии загадочной женщины, которая лечит душевнобольных людей. Она собирала вылечивающую музыку, определяла диагноз больного и пела для него песню без слов. Тогда у больного в мозгу происходил интересный процесс – он, к удивлению своих родственников, вылечивался и быстро возвращался к нормальной жизни. Говорят, что просто так женщина не появлялась на людях – все знали о ней, но никто не видел.

ПИШЬ ОДНАЖДЫ в кондитерскую лавку «Пастелеро» зашла очень грустная молодая леди в чёрном до щиколоток пальто и с вьющимися волосами. Инопланетянин как раз отрабатывал смену официанта и разносил посетителям заказанные булочки со сладкой начинкой.

Внимательные глаза разного цвета уставились на клиентку. Марсианину никогда не приходилось видеть её ранее. Но, когда взгляд встретился с глазами цвета кофе, он вдруг застыл от удивления.

Он одёрнул себя – нельзя вот так бесцеремонно рассматривать хорошенькую клиентку. Женщина могла разгневаться, однако она приветливо улыбнулась молодому продавцу. На вид она была моложе, чем он сам.

– М-мм… добрый день! Чего желаете, госпожа? – учтиво спросил Марсианин.

– Два эклера, господин, – так же вежливо ответила она.

Инопланетянин стремглав помчался в кухню, откуда через минуту принёс ей два аппетитных на вид пирожных. Леди поблагодарила его и, дождавшись, пока он отойдёт от её столика, надкусила один.

– Хм! – сказала она задумчиво.

Марсианин так хотел узнать, понравилась ли его стряпня, что специально держался поблизости от её столика. Услышав «Хм!», он поспешно подошёл к ней.

– Вы сами сделали эти пирожные, не так ли? – неожиданно спросила она.

– Конечно, сам! – сердце забилось чаще. Ну что, ну что же она думает? – Как вы их находите?

– Они холодны, эль пастелеро. Холодны, и их сладость хочется побыстрее забыть.

ХОЛОДНЫ? От возмущения он даже не спросил, почему она зовёт его по-испански.

– Пирожные не должны быть горячими, се-

ньорита! – он сделал вид, что каждый день разговаривал на эту тему. – Или желаете, чтобы мы подогрели их для вас?

– Я не о том, – мягко сказала девушка. – В них есть все ингредиенты, кроме одного.

– Какого же?

У повара даже ноги подкосились – как он мог так оплошать?! Что он пропустил в рецепте?

– Того, что делает слаще любое пирожное, и что приправляет любую иную пищу. Того, что делает прекраснее души повара и того, кто это ест…

Марс подумал, что сходит с ума. Или же эта дамочка – сбежавший пациент психбольницы. Но сиренево-голубые глаза внимательно следили за своей собеседницей.

– То есть?

– Любовь, – уточнила девушка. – Её здесь нет.

– Её нет нигде никогда. И на свете её не существует, – огрызнулся господин М.

Девушка очень долго смотрела на собеседника. М. внезапно почувствовал какое-то помутнение в сознании. На минуту весь мир вокруг исчез. Остались только они вдвоём с незнакомкой.

– Ай-ай-ай, – сказал спокойный голос где-то в его мыслях. – Не знаю, в чём ты разочаровался, но твои вкусные, хоть и холодные пирожные здесь совершенно ни при чём! Фантомные боли от отрезанных крыльев – это тебе не плюшки выпекать.

– Кто вы, госпожа?

– Любовь есть, друг мой. Ты лишь попробуй приоткрыть дверь в своё сердце – и оно станет ещё прекраснее, чем есть сейчас.

Кофейный глаз подмигнул ему.

– Я не умею любить…

– Попробуй. В этом городе вокруг много красивых женщин, способных на светлое чувство.

Марс покачал головой.

– С меня хватит этого. Не буду любить!

– В крайнем случае, ты можешь завести другое, не менее вкусное чувство – дружбу, – при этих словах глаза сощурились, а девушка беззлобно усмехнулась. – Просто попробуй почувствовать… и сладости не будут такими холодными…

– Эй, сеньор! Можно мне ещё столько же булочек? – донеслось из-за соседнего с сеньорой столика.

М. на минуту отвлёкся на других посетителей, а когда бросил взгляд на этот столик – странной посетительницы и след простыл. Только записка с номером телефона, да деньги за почти нетронутые эклеры остались на подносе.

– Вы не знаете, что за дама только что была здесь? – спросил Марс у одного из завсегдатаев.

– Честно говоря, ни я, ни кто-либо другой не знает этого; сеньорита появилась в прошлое полнолуние и, по слухам, через две недели покинет наш городишко. Но она помогла вылечить мою тяжелобольную дочку от приступов ненависти к себе. Теперь Клара никогда не будет себя ранить – помогла музыка, которую поставила ОНА. И теперь у нашей девочки всё хорошо.

Старик закашлялся. М. быстро принёс ему воды.

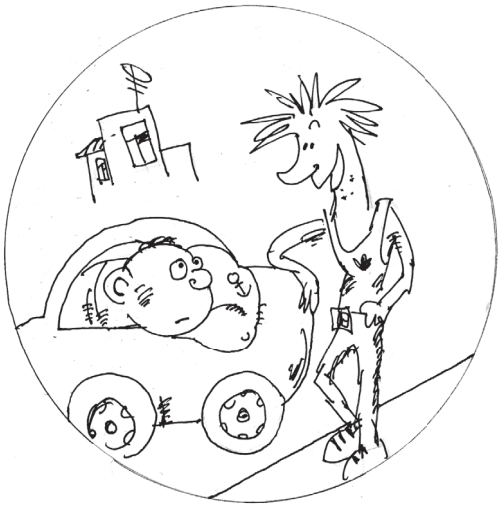
– Она спасла нашу девочку от психического расстройства, – закончил он после приступа. – А мы с женой даже имени её не знаем! Мне ещё чаю, будьте добры!

В ГОРОДЕ Туч каждое утро раздавались звуки музыки из кондитерской. После того вечера в заведении появилась радиола, и клиенты могли не только покушать сладостей и попить кофейку, но и потанцевать. Дамы вздыхали при одном лишь упоминании о кондитерской лавке и молодом чародее сладостей. Со временем старый владелец кондитерской лавки ушёл на пенсию, оставив своё дело полностью на попечение М. Мужчину уже полюбили горожане, и ему дали уважительное прозвище Эль Пастелеро*.

Мне рассказывали что-то о госпоже Луне. И Пастелеро почему-то часто меня так называет. Но я не помню, могла ли быть ею. Точно так же и М. не помнит о тех годах, когда был просто инопланетянином. Однако он всё время пытается что-то мне рассказать…

* *Кондитер (исп.).*

АНДРЕЙ БОРТНИКОВ



Василий Васильев

ЛОХМАТЫЙ ЖЕРДЬ

Андрей БОРТНИКОВ родился и вырос в Нижнем Тагиле. Публиковался в местной печати. Профессиональный фотограф, лауреат фотопремии «35 AWARDS» (2018). Тяготеет к юмористической прозе. Публиковался в местной периодике, коллективных сборниках. Автор двух книг юмористических рассказов.

– О А ТИХО ВЫ, мужики. Слушай, чего скажу. Короче, лечу я сегодня утром на своей колымаге с Выи на Красный Камень. Хорошо так разогнался. Сами знаете, дорожка в том районе – песня… Смотрю, клиент голосует. О, думаю, ща деньжат стригану, как раз бензин на исходе, хоть заправлюсь. Я по тормозам. А скоростища-то на моей колымаге, как на Формуле, – сверхзвуковая. Покрышки завизжали, чуть по ободу не стерлись. Подходит клиент. Смотрю, молодой пацан – еще не бреется. На подбородке только из бородавки две волосины торчат. Сухой, как жердь. На голове не волосы, а лохмы. Из лохмов обломки расчесок выглядывают. Видимо, иногда все-таки причесываться пытается. В потертых и рваных джинсах. На ногах – розовые кеды… Ну, как есть неформал.

– Шеф, – говорит он, – кажись, опаздываю.

– О, нормалек, – думаю, – еще и за скорость доставки сверху накину. А он, понимаешь, говорит:

– Шеф, часы дома забыл. Скажи, будь любезен, сколько сейчас времени?

– Чего-о? – говорю. – И ты меня за этим остановил? И я из-за этого губил тормозную систему?

– Ну да, – говорит, – а че тебе трудно сказать, который сейчас час?… А если у тебя в принципе

нет часов, тогда незачем меня от прогулки отвлекать. Я побрел тогда.

– Погоди, – говорю, – есть у меня часы.

Беру гаечный ключ и из машины вылезаю. Он спрашивает:

– Шеф, а зачем ты машину опрастываешь?

– Да, – говорю, – у меня часы в багажнике.

– Кремлевские куранты с кукушкой что ли? – язвит он.

– Угадал, – говорю, – Кремлевские… И с боем… И с кукушкой. Я, говорю, тебе сейчас такие куранты покажу. Ты у меня трели куковать будешь. Москва по тебе сверяться не побрезгует.

Он отбежал в сторону и кричит:

– Ну-ну, давай, только догони вначале, а там посмотрим, кто из нас кукушка.

– Чего-о? – говорю. И зафитилил в его сторону гаечным ключом.

Он ключ на лицо принял, лбом его в руку переправил и в меня засанда-лил. Я увернулся, ключ над головой гакнул, со звоном прошил заднее стекло, между сиденьями завяз и только тогда остепенился внутренний мир машины коверкать.

Думаю, ювелирно лохматый бьет – прицельно. Сейчас я ему за это в дыню настучу.

– Ну все, – говорю ему, – ты теперь ошибка природы на данный момент. Откуковал ты свою кантату.

А он, представляете, хохочет, заливается.

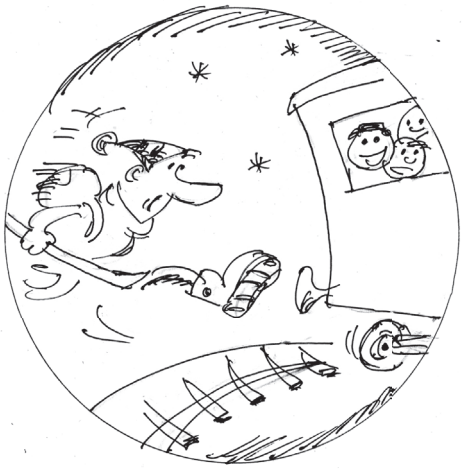
– Ку-ку, – кричит, – поцелуй, – кричит, – меня… Ну, сами знаете, куда – в щёчку.

У меня лицо от услышанного пунцовыми пятнами обагрилось, как у красной девицы со стыда. И вчистил я тогда, мужики, за этим лохматым жердём без оглядки. Даже в салоне влажную уборку сделать забыл. Чуете, как расчувствовался?

Как долго мы с ним играли в догонялки – не засекал, но когда я его упустил, на улице уже смеркалось. И то ли кеды у него реактивные, то ли моя пятёрка по физкультуре в первом классе липовая была – не знаю, но факт остаётся фактом – удрал жердина.

Ко всему прочему, пока я за ним бегал, мою машину раздели. Приёмник увели и бензин слили. В гараж на лямке приехал. Вот тебе и стриганул деньжат на бензин.

Короче, мужики, к чему я этот наклон осуществляю… Просьба у меня к вам, мужики. Если кого-нибудь из вас остановит на дороге лохматый жердь в розовых кедах и спросит у вас время, то не трогайте его, пожалуйста, – он мой! У меня с ним своя калькуляция…



Василий Васильев

ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

А началось все с того, что я сдуру купил на вокзале пирожок с мясом.

Вернулся я тогда со Старателя – на пейзаже лыжами там ходил.

За время следования в электричке проголодался. И вот, чтобы заморить червячка, купил этот самый пирожок. Будь он неладен.

Откусил от выпечки и иду на трамвайную остановку, тесто пережевываю.

В одной руке лыжи, в другой пирожок, будь он неладен. На улице – зима под минус тридцать оборотов. На богатырском теле спортивные атрибуты мамон поддерживают. Под лыжными ботинками морозец похрустывает, отчего мурашки гусиной кожей тело покрывают. Настроение отличное. Восторг, одним словом.

Откусываю второй раз. Обонянием чувствую – опять тесто. Где же мясо?

Заглянул в пирожок. Емкость, главное дело, для мясных продуктов в пирожке наблюдается, а самой говядины не прослеживается.

«Ага, – думаю, – обронил».

Разворачиваю оглобли обратно. Смотрю – лежит, а вокруг голуби его обступили.

Шуганул я пернатых лыжами. Кусок поднял, отряхнул, чтобы доесть, а эти гиены с крыльями надкусать успели до половины.

В руках покрутил, хотел было докушать, но чего-то побрезговал я в тот момент пищу после голубей принимать. Видимо, из гигиенических соображений. Хотя шмат еще приличный оставался, ешь да ешь.

Бросил назад говядину голубям – нате, кусайте дальше, хищники. А сам стою, ни жив, ни мертв. Сердце тоской поджабилось – не по карману мне продовольственными товарами разбрасываться.

Пока с этим поступком разбирался – трамвай проворонил.

«Ага, – думаю, – шут с ним, другой подойдет».

А потом думаю: «Какой же я, на шиш буду спортсмен, если обыкновенный стандартный трамвай не догоню?!»

А в таких случаях я парень резкий по натуре, как ультразвук. Сказал – отрубил. Решил – сделал.

И если мне припекло общественный транспорт догнать, то никуда он от меня не денется. Догоню и глазом не моргну.

Решил и побежал.

Ага, значит. Бегу наутек, догоняю. В одной

руке лыжи, в другой – выпечка размах локтей затрудняет. Сознание подсказывает: надо избавиться от балласта. Начинаю избавляться.

Первым делом доел пирожок, вернее то, что от него оставалось. С лыжами сложнее – они у меня единственные и неповторимые. У них спереди концы отломлены по самые крепления. Жалко откидывать. На креплениях еще ходить да ходить можно.

Но спортивный интерес требует. Иду у интереса на поводу и в промежутке между второй и третьей остановкой все же избавляюсь от лыж.

Хотя честно скажу: не по карману мне имуществом раскидываться. И что за денек сегодня – одни убытки!

Ага, бегу дальше, сокращаю расстояние. Пять остановок позади, язык трепыхается за спиной.

На третьей остановке мне надо было сходить, но спортивный азарт крепко держит за ноздри и не отпускает с дистанции. Да и поздно уже сходить, все равно я ее пропустил.

Догнать трамвай стало делом чести.

После шестой остановки дыхалка начинает подводить. Пора переключаться на второе дыхание.

Ага, переключился.

Расстояние между мной и вагоном резко сократилось. Иду след в след.

После десятой остановки делаю последний предсмертный рывок и наконец-то настигаю трамвай.

В запале заскакиваю на «колбасу» и прикладываю язык к подернутому изморозью стеклу, чтобы остудить.

Примерно за три остановки привел дыхание в порядок и остыл. Да так хорошо остыл, что примерз языком к стеклу.

Вяло попробовал забрать язык в рот – не получилось. Уперся ладонями в стекло и потянул на себя. Язык растянулся, как резиновый жгут, но покидать заднее стекло отказался. Мало того, что отказался, так и мою физиономию пришпандорил к изморози.

Подергался я лицом – бесполезно. Примерзло. Подергал руки – бесполезно, ладони тоже плотно пристыли.

Ага, думаю, основательно влип. А потом думаю: «А чего, неплохо все получилось. Хорошо отдых проходит. Не многие могут себе позволить на «колбасе» бесплатно разъезжать.

Ага, еду дальше, отдыхаю.

Трамвай развернулся на конечной и постучал колесиками в обратном направлении. Вместе с ним и я, весело приплясывая на колбасе для разнообразия.

Внутри вагона сквозь изморозь проявился рисунок моей физиономии. Глаза выпучены, нос как у Хрюши – пятачком и изо рта язык торчит.

Пассажиры на задней площадке заволновались. Волнение, из уст в уста, пробежалось до передней двери и кто-то в водительскую кабину сказал:

– Уважаемая водительница! Бесчувственная обстановочка у вас в салоне среди народа прощупывается! У вас на заднем стекле профессиональный хулиган рожи корчит и отпугивает потенциальных билетоплательщиков, не считая безбилетных. Хотя последние тоже возмущены. Люди жалуются, что невозможно в таких условиях наслаждаться поездкой.

– Сейчас посмотрим, – отвечает водительница, останавливает движение, подходит ко мне и с гневом в голосе говорит, – Мужчина, – говорит, – вы что, совсем наглость потеряли? Среди бела дня на «колбасе» бесплатно прохлаждаетесь? Отойдите, – говорит, – с «колбасы». Не мешайте работу маршрута осуществлять!

А я мычу, сказать ничего не могу, язык в другом направлении занят. А она не унимается:

– Отойдите, – говорит, – по хорошему, или я сейчас меры буду ужесточать!

И ужесточила, поганка. Схватила меня за спортивный инвентарь и оторвала от трамвая вместе со стеклом.

Приземлился я расчетливо – на спину. Пожертвовал, так сказать, собой, ради государственного имущества. Уберег стекло от порчи.

А эта поганка вместо благодарности как заверещит:

– Ми-ли-ци-я!!!

И что интересно, голос у нее зычный такой, душевный, с турбонаддувом. Далеко слышно. Кого хочешь разбудит, даже милицию.

Подъехал УАЗик. Подходят два милиционера. Спрашивают:

– В чем загвоздка, богиня?

А она в мою сторону пальцем некультурно тычет и кричит:

– Вот, поглядите на это безобразие! Поглядите, поглядите, не стесняйтесь. Мужчина стекло забрал и не отдает.

– Да, – говорят они, – опасный случай. Криминальная хроника в разгаре. Что ж, – говорят, – будем разоблачать!

Берут стекло в руки и давай его трясти да вертеть. Я на стекле как пиявка болтаюсь. Никак оторваться не могу.

А они трясут и трясут, вертят и вертят. Довертелись до того, что у одного милиционера голова закружилась и он в обморок упал.

Второй говорит:

– Матерый преступник попался. Но ничего, сейчас мы его физически попробуем обезвредить. Надо же как присосался к народному добру!

И ногой, главное дело, в стекло уперся, меня за уши взял и тянет, оторвать пытается. На полметра голову растянул. Тут у него из пальцев уши выскользнули и я на исходную точку чпокнулся.

Почпокал он моим лицом раза этак три – устал. Стоит, отдыхает.

Я про себя думаю: что же это такое творится на белом свете. Никакого уважения к частной собственности… Нет, мне, конечно, не жалко, чпокайте себе на здоровье моим лицом. Но кожный покров зачем на ушах растягивать?..

Который в коме милиционер был, из нее вернулся и говорит:

– Хм, – говорит, – случай отягчающий. Ни дать ни взять боевик. Придется, говорит, гражданина в отделение конфисковать.

Водительница это услышала и как заверещит:

– Не отдам стекло в отделение! Отрывайте гражданина здесь. Некогда мне тут куковать! Мне по расписанию мчаться надо! И как, скажите, – верещит она, – я без стекла пассажиров по остановкам разгружать буду? Они у меня теперь в отверстие выпадывать повадятся!

– Успокойтесь, богиня, отвечают ей милиционеры, – расслабьтесь. Этот вопрос мы с вашим командованием уладим. Вы, – говорят, – сейчас двери откройте, пассажиров выпустите и езжайте со спокойной совестью в парк. А мы преступника в отделение отвезем и вырвем из его загребущих лап народное достояние. И стекло он вернет вам в целости и сохранности, еще спасибо за это скажет. Кроме этого он оплатит вам простой и погасит задолжность трамвайного парка за электроэнергию. А заодно и работникам образования зарплату проплатит своей зарплатой.

Она успокоилась и даже криво улыбнулась.

Погрузили меня на самосвал (в УАЗик я по габаритам не прошел) и доставили в отделение медвытрезвителя. Почему в вытрезвитель – до сих пор не понимаю.

В отделении еле-еле протиснули в душевую кабину и затолкали, не снимая одежды, под горячую воду.

Из соска хлынуло водоснабжение, стекло моментально оттаяло и тут же – хлюп! – вдребезги кокнулось о кафельный пол.

– О-о-о! – говорят милиционеры, – за такие выкрутасы вам вышка светит – не меньше. Теперь мы это стекло на вас и повесим.

А второй милиционер, с окладом повыше, говорит мне:

– Все, – говорит, – раздевайтесь до трусов. Судить вас сейчас поведем… И перестаньте паясничать, опустите руки! Вы не в плен сдаетесь, а в органы. И язык уберите в рот, не усугубляйте и без того для вас незавидное положение.

А как я, скажите на милость, буду не усугублять, если у меня мышцы рук и лица свело? И они остались в той же самой причудливой форме: глаза выпучены, нос как у Хрюши – пятачком, изо рта язык торчит и руки на раскорячку.

Раздели они меня тогда сами. Стянули спортивный костюм через верхнюю голову. И остался я в одних труселях веселой расцветочки.

Взяли меня милиционеры под загнутые рученьки и повели в кабинет, под трибунал.

Я иду, а у меня ноги оттаяли, подкашиваются. Со стороны посмотреть – «чунга-чангу» танцую.

Завели меня в кабинет, а там кворум из трех человек сидит. В центре женщина в белом халате, а по краям двое мужчин в погонах и фуражках.

Правый мужчина, у которого погоны дороже, спрашивает:

– Как ваше ФИО?

Ага, думаю, данные на памятник сразу решили собрать. А потом думаю: а чего это я буду вам свою фамилию налево и направо рассказывать, язык изнашивать? Не дождетесь, думаю, не на того напали. И сижу принципиально, сведенным языком молчу.

Мужчина в дорогих погонах выдержал тактическую паузу и говорит:

– Отлично! Показания давать отказывается, так и запишем!

Его сменила женщина в халате. Она в перспективе вонзилась взглядом в мой язык и говорит:

– Присядьте, – говорит, – потом встаньте, достаньте указательным пальцем правой руки нос и скажите «а-а!».

Я про себя думаю: это что же на белом свете творится? Она что, надо мной издевается? Неужели ей не видно, что у меня нет настроения показательными выступлениями заниматься? Совсем тетенька без нравственности, а еще медицинского работника из себя строит.

Но на всякий случай присел. А вот встать уже не смог – ноги совсем ватными стали.

– Отлично! – говорит врач, – выполнять команды частично отказывается. Деградация личности на лицо и подлежит изоляции от общественности – так и запишем.

Левый милиционер, который в погонах подешевле, говорит:

– Да вы посмотрите на него, он же лыка не вяжет, абсолютный аут. Это сколько же надо было водки выпить, чтобы дойти до такого первобытного состояния!.. Нет, надо его строго изолировать! Что ж, – говорит он, – Отлично! Будем определять гражданина на неопределенный срок до утра. Пока моральный облик не обретет.

И определили меня до утра. За ночь, худобедно, у меня члены расправились и приобрели человеческий вид. А под утро меня отпустили.

Вышел я во двор в полусыром костюме. В руке – штраф за медицинские услуги и разбитое стекло. На улице мороз за минус тридцать оборотов. Влажность на костюме ледяной корочкой покрылась. Настроение отличное. Восторг, одним словом.

Дожидаться, когда мой костюм застынет окончательно и превратится в скафандр, я не стал. Ноги в руки сгреб и домой понесся. Слава Богу, в этом виде спорта у меня навыков – хоть отбавляй.

Прибежал домой, а дома заглянул в бумажку и обомлел. У меня зрение тут же на пять диоптрий подсело, а в желудке пирожок пять раз перевернулся, будь он неладен. А размеры штрафа, скажу я вам, такие, что в голове не укладываются и из ушей нули на плечи свисают. Такие цифры мне даже по телевизору видеть не приходилось. Вот.

И на пейзажи я после того раза забросил выезжать. Я теперь домашними видами физкультуры увлекся. Сейчас осваиваю в ванной спортивные танцы на воде. Это намного безопаснее.

Правда, соседи снизу жалуются, что затапливаю, но, ничего, привыкнут…

И последнее: пирожки, будь они неладны, я на вокзале больше не покупаю: примета плохая, одни убытки… Огромные убытки! Вот.

ЭДУАРД ПЕЧЕНЕЖСКИЙ

Сергей Трухин

ИСТОКИ

Эдуард ПЕЧЕНЕЖСКИЙ родился в Екатеринбурге. Учится в Институте Радиоэлектроники и Технологий УрФУ им. Бориса Ельцина. Первое стихотворение написал в ноябре 2015 года. Также пробует писать прозу. «Нахожусь в постоянном поиске себя и своего стиля...»

Фрагменты повести «Истоки» – первая публикация автора.

ПРОЛОГ

ОБЖИГАЮЩИЙ песок жалил стопы. Солнце уже садилось за горизонт, редкая пустынная живность расползалась по своим норам. Кахотеп шел уверенно, но каждый его шаг отзывался в голове сотнями мыслей и сомнений. Поправив мешок на своем плече, он устремил свой взгляд на скалу, почти полностью сокрытую дюной, и оценил оставшееся расстояние.

«Еще добрый час пути. Кеймнвати уже должен быть на месте».

У САМОГО подножия скалы зиял беспросветной тьмой вход в пещеру. Протиснувшись в него и дважды свернув направо, продолжая спускаться в недра земли, Кахотеп оказался в тускло освещенном гроте. Как и

думал жрец, его брат уже ждал в условленном месте.

У небольшого костра, плотно обложенного камнями местной породы, сидели Кеймнвати, Саба и Ибони. Саба, жена жреца, находилась в раздумьях и медленно поглаживала одного из четырех молодых ягнят, мирно дремавших в тепле огня. Брат Кахотепа же со своей женой сидели как на ножах, ежесекундно вздрагивая от любого шороха и ожидая, что из узкого прохода вот-вот появится или стража фараона, или Кахотеп.

Каково же было всеобщее облегчение, когда долгожданная встреча случилась. Братья устремились друг к другу, радостно обнявшись и обменявшись рукопожатиями, вместе направились к костру. Ибони поприветствовала Кахотепа сдержанным поклоном, а Саба, выйдя из ступора, задумчиво-грустно улыбнулась мужу.

– Мы ждали тебя еще на заходе солнца. – Кеймнвати явно хотел знать причину опоздания брата.

– Дюны вновь переместились, пришлось потратить время на поиски ориентиров.

– Принес? – вопрос Кеймнвати заставил всех присутствующих невольно вздрогнуть.

Сделав глубокий вдох, Кахотеп многозначительно промолчал и высыпал на камень перед собой содержимое заплечного мешка: человеческий череп, небольшой кусочек лунного опала, керамический сосуд с песком и позолоченный анкх – четыре элемента ритуала, а также два тряпичных мешочка с травами. Все взгляды теперь были направлены на груду занимательных вещиц и только на нее. Взгляд Кеймнвати выделялся среди прочих искрой одержимости.

– У НАС БУДЕТ всего одна попытка. Помнишь последовательность действий?

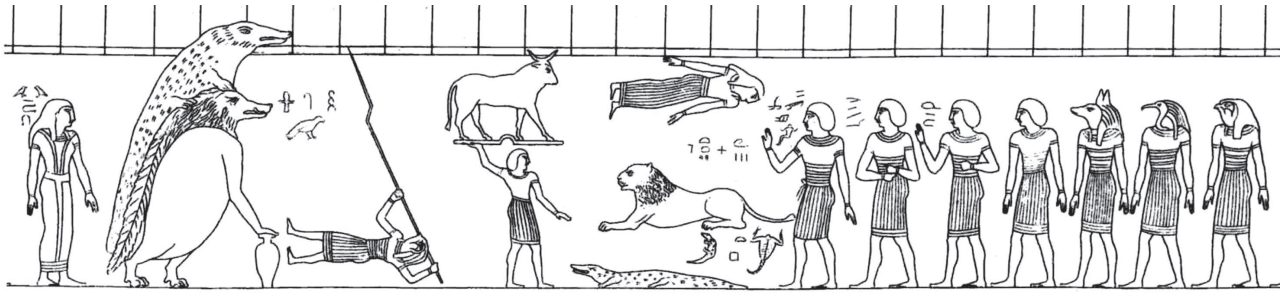
– Кахотеп, брат, во мне будь уверен. Свою задачу я выполню. Можем начинать?

Кахотеп не ответил. Вместо этого он еще раз оглядел пещеру. Два монолитных камня, напоминающих своей гладкой и прямой поверхностью алтари, на которых твердой рукой Кеймнвати вывел при помощи угольной сажи мистические символы и иероглифы, заняли Ибони и Саба. Лежа на спине, каждая из женщин в скрещенных на груди руках сжимала маленький тканевый мешочек. На их оголенных животах, выдававших то, что и Ибони, и Саба носят под сердцем детей, были изображены более минималистичные и менее сложные, чем на камнях, но такие же сакральные символы, смысл которых был известен одним жрецам и Богам. Эти рисунки были начертаны уже красителями, которые получили из сбора магических трав еще в предыдущее полнолуние.

Меж камней стояла конструкция из палок и веток, предназначенная для подвешивания дичи. Четыре ягненка теперь дремали аккурат рядом с ней, не подозревая об уготованной им участи. Кахотеп ходил из стороны в сторону, в полумраке вчитываясь в древний текст, перенесенный им на папирус из Книги Мертвых верховного жреца. Ему необходимо было без ошибок и запинок прочитать сложнейшее заклинание, осечки быть не могло.

Кеймнвати сидел чуть в стороне и крутил в руках нож для жертвоприношений, любуясь как начищенное и наточенное лезвие отражает в себе свет факелов, расставленных в углах воображаемого ромба, центром которого являлись два импровизированных алтаря. Периодически он поднимал взгляд на брата, ожидая от того сигнала готовности, но находя лишь раздражающие перемещения и повод для собственной тревоги, вновь опускал глаза на нож и готовился к предстоящему ритуалу.

Наконец, спустя еще, наверное, четверть часа, Кахотеп пересек периметр ромба и кивнул брату. Кеймнвати, на секунду все же растерявшись, поднялся и подошел к ягнятам, по пути успокаивающе и любя посмотрев в голубые глаза жены. Убедившись, что все готово, жрец поочередно опустил в огонь факелов по одному оккультному предмету из мешка и с этой секунды ритуал считался начавшимся.



ПЛАМЯ задрожало, а густая тьма обступила четырех отступников со всех сторон. Кахотеп начал медленно и монотонно зачитывать строчку за строчкой. Кеймнвати ждал фразу, которую уже заучил, означающую, что необходимо перерезать горло первому ягненку. Слова брата его гипнотизировали, а дыхание предательски хотело сбиться.

И вот она, та самая фраза. Плавно, без сожалений и заминок, нож пересек одну артерию за другой. Еще несколько секунд потребовалось Кеймнвати, чтобы подвесить дергающихся в последних конвульсиях ягнят на центральную конструкцию. Теплая алая кровь по выщербленным в каменной породе траншейкам обтекла камни-пьедесталы и начала заполнять две небольшие глиняные чаши, поставленные по одной у каждого из алтарей. Теперь – ожидание следующего сигнала.

Тем временем тьма, и без того густая, будто ожила, зашевелилась и, как бы перетекая из самых дальних углов пещеры, продолжила сгущаться у факелов, словно по команде потускневших. Дыхание женщин постепенно замедлилось, а зрачки расширились – они впали в состояние сна, напоминающего осознанный кошмар.

Кахотеп старался не выдавать своего испуга, но страх и так сочился из воздуха каменной пылью и ночной прохладой, проникая в каждого присутствующего через дыхание. Но жреца пугало нечто более существенное: лишь он за пределами ромба видел мрачные тени, что перемещались в такт размеренного чтения заклинания, изредка мечась или совершая рывок в сторону, когда Кахотеп делал вдох для продолжения зачитывания текста.

Холодный и липкий пот тонкими струйками стекал по лицу заклинателя, а глаза бегали от пергамента к теням и обратно, каждый раз проверяя, что потустороннее все еще по ту сторону очерченного для ритуала пространства. Вся надежда Кахотепа была на силу пламени в факелах и тех необычных трав, что подпитывали огонь, находясь в составе горючей смеси, ведь погружение в темноту сейчас значило бы мгновенную, но мучительную смерть.

Кеймнвати же ждал сигнала. Почти не моргая, он следил за чашами. Нельзя было допустить их переполнения. К тому же с минуты на минуту должна была прозвучать фраза Кахотепа, знаменующая начало следующего этапа ритуала. Наверное...

Сигнал. Кеймнвати схватил дрожащими от длительного ожидания руками одну из чаш и, аккуратно приподняв голову своей жены, все еще находящейся в трансе, начал вливать в нее успевшую начать сворачиваться кровь ягненка. Глаза Ибони были пустыми, в них не было привычной энергии жизни, которую помнил Кеймнвати. Внезапно появившийся страх заставил его руку дрогнуть и пролить несколько капель крови. Тут же совладав с собой и собравшись с мыслями, Кеймнвати продолжил выполнять свою задачу, невзирая на нарастающее чувство тревоги.

КАК ТОЛЬКО Кахотеп увидел, что ритуал близится к завершению и обе чаши пусты, ему полегчало, потому что это значило – самый опасный этап позади. Возможно, редкие лучи солнца, вестники рассвета, кое-как доходившие до грота, а возможно и всеобщее ободрение, разбавили тьму, беспрестанно пытавшуюся штурмовать освещенный участок пещеры. Теперь, как сильно бы не напрягал зрение жрец, ему

не удавалось разглядеть ни одной живой тени. Окончательно успокоившись, Кахотеп впился взглядом в текст и не отвлекался более ни на что до самого конца ритуала. Кеймнвати тем временем смотрел мертвенным взглядом на живот своей беременной жены.

ПРОШЛО ТРИ месяца. Все собравшиеся в доме Кахотепа хранили тишину. Каждый думал о своем, но траурное молчание довлело над всеми. Наконец раздался плач маленького Атона, единственного сына жреца, выведший всех из анабиоза скорби. Первым заговорил Кеймнвати.

– Кахотеп, брат. Мы не говорили об этом. Думаю, другого случая не будет.

Вновь в комнате нависло тягостное и вяжущее молчание. Саба отошла успокоить сына, и в комнате остались два брата.

– Кеймнавати, я знаю как это выглядело, но уверяю тебя: заклинание не могло навредить твоему сыну...

– Знаешь как это выглядело? Ты видел это маленькое, только что появившееся на свет, черное и оттого будто сожженное тело моего сына? Так не бывает! Здесь не обошлось без магии, и все это знают! Все в городе об этом говорят! – Кеймнвати был близок к истерике, а глаза его преступно расширились, выдавая роящееся в египтянине безумие.

– Послушай. У тебя два здоровых мальчика и девочка. У меня полностью здоровый сын. Заклинание защиты сработало. Они растут и развиваются. Кеймн, наших детей хранят боги. Возможно нам просто не хватило жертвенной силы на защиту твоего четвертого ребенка. Мы не могли знать, что у Ибони родятся четверо. И, я напомню, все это – твоя идея...

– И это оправдывает тебя?! Ты не предупреждал, что может случиться нечто подобное, если нам не хватит ягнят! Я ведь мог еще одного купить... Или двух... Или не втягивать в это мою бедную Ибони...

Кеймнвати спрятал лицо в ладонях и тихо заскулил на манер побитой собаки, а после, сорвавшись с места, выбежал из дома брата, оставив того в раздумьях.

САБА КОРМИЛА Атона грудью, когда в дом ворвалась стража самого фараона. Через крики и слезы ее вместе с беззащитным сыном поволокли на центральную площадь перед храмом, где уже собралась бесчисленная толпа зевак и сердобольных египтян, неравнодушных ко всему и поддерживающих любое насилие ради всеобщего блага и мира.

Кахотеп был прикован к одному из трех деревянных столбов, под каждым из которых аккуратными рядами, будто пирамидами, выложили хворост. Сабу также приковали цепями к столбу, а маленькому двухмесячному Атону, по общему решению жречества, хватило веревки, которой его за правую ножку привязали к месту казни. Подле трех костров на коленях стоял Кеймнвати, оголенный по пояс.

По команде верховного жреца, после обвинения в святотатстве и очернении наследия фараона, хворост подожгли, а грузный стражник начал наносить удар за ударом свистящей в воздухе плетью по спине Кеймнвати.

Опять крики. Опять слезы. Ничего не понимая, малыш громко плакал и звал маму с папой, морщась от ужасной боли, что приносил ему огонь. Тщетно пытаясь перекричать восторженный и одобряющий рев толпы, Кеймнвати умолял брата простить его за то, что не сумел сохранить в тайне его ритуал. Но Кахотеп не держал зла. Он беспристрастно принял свою участь, потому что знал, на что идет и чем рискует. Об одном он жалел и отчасти винил брата: Атон был еще слишком юн, а Саба не заслуживала такой участи.

В ТОТ ДЕНЬ ветер развеял маленькую кучку пепла, оставшуюся от Атона. Кеймнвати навсегда упал в глазах окружающих, став предателем, отцом проклятых детей. Имена им были Рашиди, Уми и Мескэнет.

КНИГА

ВСЮ СВОЮ жизнь я веду споры со своими родными. Их взгляды на жизнь и мысли о мире мало отличаются от взглядов и мыслей простых смертных. Этим Мескэнет и Уми похожи на маленьких детей, которых выгнали из дома еще до наступления осознанного возраста. Дети впитывают информацию как губки воду – быстро, без разбору, но разве это не опасно? Информация всегда обладает силой. Правда или ложь – не имеет значения. Правда способна резать, ложь способна обжигать.

С самого начала начал я знал. Знание было моим даром и проклятием одновременно. Мне известно абсолютно все: как начнется и закончится последняя война, почему в типографии поленятся добавить букву «ё» в фамилию главного героя одного романа и зачем сторож на кладбище начинает завтрак со странной молитвы. Меня лишили возможности взрослеть. Я никогда не обожгусь и не порежусь, потому что сам обжигаю и режу. Я есть и правда, и ложь. Каждое убеждение, каждое философское изречение уже сказанное или еще не придуманное, каждая жизненная позиция, считающаяся некоторыми за ниспосланное откровение, уже сидят в моей голове с рождения.

Но знания мои начинаются от происхождения мира и заканчиваются у наших истоков. Я не способен знать мысли и чувства моей сестры и моих братьев. Они закрыты для меня, а потому вызывают интерес. Или даже голод. Я хочу знать. Я должен знать. Как они будут реагировать на происходящее в мире? В чем они видят цель нашего пребывания среди смертных? Какие эмоции возникнут на лице у Мескэнет, когда...

ПЕРО НЕСЛОСЬ по бумаге со скоростью первых лучей утреннего рассвета. Строчка за строчкой рождался в полумраке дешевой съемной квартирки шедевр. Джордж понятия не имел, откуда у него столько сил и энергии, но остановиться не мог. Всю ночь он не переставая работал над своей первой книгой, до завершения которой всегда оставалось «совсем немного».

Когда вчера вечером он садился за письменный стол, ему казалось, что до безупречного финала осталось два абзаца. После написания первого, второй раздробился на три других, не уступавших размерами двум изначальным. Рука, выводившая на бумаге буквы, будто нашла драгоценный клад из мельчайших деталей и кончиков тонких второстепенных сюжетных нитей.

Затем появилась идея эпилога, доносившего до читателя столь много пищи для раздумий, что и опытный критик долгое время не решался бы вынести вердикт произведению. Последние строчки книги рождались уже в присутствии тысячи пылинок, тщательно выделяемых в окружающем воздухе комнаты редким солнцем, пробивающемся сквозь щели в плотной материи темных штор.

Эффектно и быстро опустив перо в чернильницу и оставив его там, Джордж откинулся на спинку стула и устремил взгляд в потолок, будучи чертовски довольным собой. Его лицо осветила блаженная улыбка, видимо ослепившая писателя и заставившая прикрыть глаза. В такой полудреме Джордж и провел следующие несколько часов вплоть до полудня. Книга была закончена.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ дом мистера Грея находился почти в самом центре города. Сюда ежедневно съезжались амбициозные писатели и графоманы не только страны, но и всего мира в целом. Каждый мечтал продать свое произведение именно здесь, с самого детства разучивая биографию мецената-основателя издательского дома. Это было необходимо, потому как ходили слухи о каверзных вопросах на личных встречах и излишней одержимости Мартина Грея самим собой. И в самом деле, какой уважающий себя английский джентльмен решится взять под свое крыло писателей, чтобы сделать доброе дело и вывести их на мировой уровень, если они даже дату рождения своего покровителя не знают?

В этот знаменательный день, сразу после пробуждения, Джордж надел свой любимый костюм, всего лишь дважды ношеный: на свадьбе и похоронах своей приемной матушки; аккуратно сложил объемную рукопись в потрепанный дипломат, наспех проглотил несколько пожаренных яиц и отправился в знаменитый издательский дом, где оказался уже через четверть часа. Казалось, что сами ноги внезапно стали крыльями и несли хозяина к месту каждодневных мечтаний любого писателя.

И вот он, волнующий момент. Мысленно перекрестившись и обратившись про себя со словами благодарности к матушке, Джордж открыл перед собой дверь в удивительный мир творчества.

С первых минут все казалось ему великолепным: каждый сотрудник носил строгий и элегантный костюм, приветствовал первым и широко улыбался; в воздухе стоял запах типографской краски и бумаги, сводящий с ума любого, хоть раз бравшего в руки свежий номер какой-нибудь газетенки или занимавшегося писательством. Что уж говорить про внутреннее убранство и интерьеры многочисленных зал и кабинетов, по которым повели Джорджа сначала для получения формы А-12, затем В-14, а после – даже Е-76!

Великолепие издательского дома затмевало собой любую другую вещь в этом мире. До блеска начищенные полы, дубовые столы и стулья и наконец золоченые потолки и люстры сбивали с толку, переносили тебя в другой город, другое время. Здесь не было бедности и проблем, преследовавших каждого там, за самыми первыми дверьми.

Ярким хороводом какого-то ритмичного танца первобытных племен пронеслись все председатели и заместители, секретари и служащие. Джордж потерял счет времени и полностью отдался в руки верно знающих все на свете людей. Каждый из тех, кто брал в руки рукопись писателя, со временем удивленно поднимал брови и широко раскрывал глаза, а после сетовал на то, что ему не хватит смелости и полномочий работать с таким воистину великим произведением. Поэтому за одним шел второй, за вторым третий, у третьего был обед, поэтому сразу к четвертому...

ДЖОРДЖ НЕ ПОМНИЛ, как именно оказался в кабинете у мистера Грея. Спросить этого он тоже не мог, потому что тело отказывалось слушаться, а челюсть отвисла от одного вида камина основателя издательского дома. Мистер Грей молча и вдумчиво изучал рукопись. В такой тишине еще вчерашний домосед и по совместительству прожигатель жизни, растрачивающий последние сбережения ради призрачной удачи и до сегодняшнего дня воображаемого романа собственного сочинения, и один из богатейших и солиднейших людей в стране, а может и на всей планете, сидели около получаса.

Камин очаровывал и приковывал своей роскошностью. Он был таких размеров, что Джордж понятия не имел, сколько стоит единожды растопить это чудо света. Рядом с ним, на небольших настенных полочках, виднелись разнообразные кубки и награды, выполненные, судя по всему, из чистого золота.

«Сколько же бумаги и бекона можно купить на одну такую?» – думал Джордж.

– Мистер...

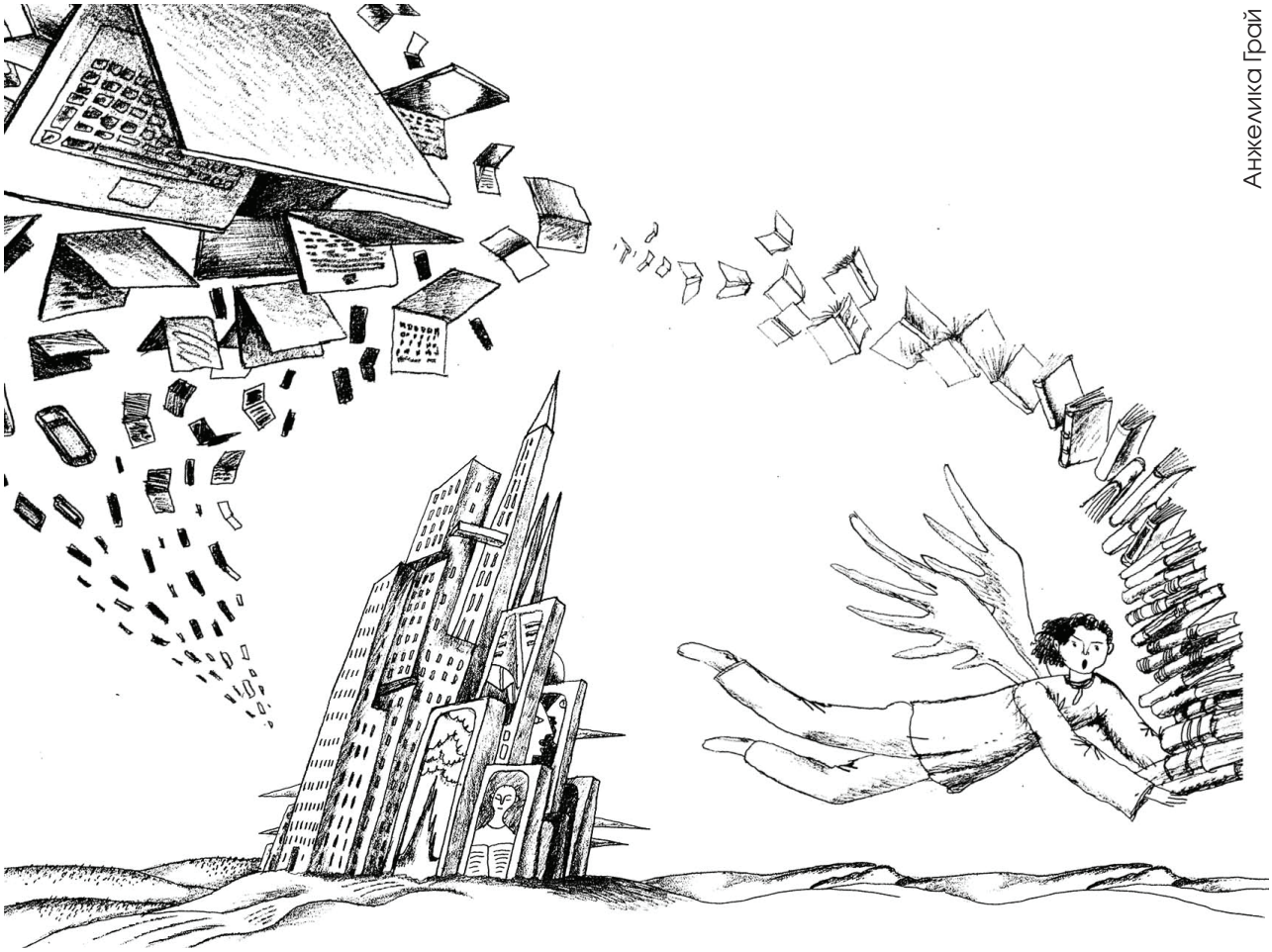
– Картер. Джордж Картер, – ощутив прилив сил, писатель вернул себе и дар речи, однако отвести взор от камина он все равно не мог.

– Мистер Картер, ваша книга заслуживает особых похвал. Пожалуй, мы могли бы ее более внимательно изучить, чтобы понять, сможем ли издавать литературу такого уровня. – Грей растягивал слова и говорил, не отрывая взгляд от рукописи.

– О, конечно, мистер Грей, спасибо вам большое! – Джордж был вне себя от радости. Его глаза все-таки отпустили камин и теперь гуляли по всей остальной комнате, а он думал, как сильно бы им гордилась матушка.

– Хотя возможно стоит отдать ее корректорам и редакторам уже сейчас, чтобы они начинали работать. Так сроки выйдут меньшие, и отпечатать вашу книгу мы сможем быстрее...

– О большем я и мечтать не мог, мистер Грей! – глаза Джорджа светились от счастья. Неужели уже совсем скоро он сможет позволить себе такую же роскошную жизнь?



Анжелика Грай

– Вижу ваш энтузиазм, что ж... – Мартин Грей поднял глаза на писателя и опустил руки, мертвым хватом вцепившиеся в рукопись, на суконный стол, – думаю, уже сейчас я могу назвать эту книгу шедевром. Можете ли вы, мистер Картер, сегодня же продать нам эксклюзивные права на свое произведение? Обещаю, сумма в чеке вас приятно удивит.

Лишившись дара речи вновь и судорожно проглотив накопившуюся тут же слюну, Джордж резко закивал, а в голове у него закружились мысли, будто флюгер в шторм. Разве о таком он мог мечтать вчера? Или позавчера?

Сердечно распрощавшись с Мартином Греем, бедный писатель прошел еще через пару кабинетов и вышел из здания издательского дома уже богатым и уважаемым мистером Джорджем Картером. С этого момента началась его новая жизнь.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ЖЕ день Джордж поменял свою съемную квартирку на роскошный дом, неподалеку от центра города. Наняв в прислугу дворецкого и экономку, он зажил богато и счастливо. Денег хватало на любое желание и любой каприз, казалось, все детские мечты наконец исполнились. Еще его приемная матушка жаловалась, что приходится покупать и пить наполовину скисшее молоко, а теперь посмотрите: есть и знакомые, продающие свойское молоко сразу из-под коровы, и сразу два строгих костюма, один из которых внезапно оказался нелюбимым, и даже камин.

О, какой же это был камин! Признаться, Джордж специально подбирал такой дом, в котором уже была бы основа для будущего предмета восхищения. Конечно ее пришлось переделать, расширить дымоход, переделать и украсить трубу, увеличить очаг, но какой же красавец получился в итоге из этой основы, спустя несколько дней шумных и дорогостоящих работ! Теперь Джордж, занимая кресло в гостиной и закрывая глаза, представлял, как он будет звать друзей к себе домой, они будут пить чай, причмокивая губами, нахваливать индийские сорта, ругать китайские, а потом еще целый час наслаждаться красотой камина.

Проблем было всего две: Джордж терпеть не мог чай и у Джорджа не было друзей. Но главное, у него теперь были деньги! А значит он всегда сможет купить кофейный сорт чая, а может даже купит какую-нибудь плантацию, чтобы выращивать такой, а потом найдет друзей. Только не глупых, а каких-нибудь умных, возвышенных. Желательно писателей. Точно! Джордж пойдет в издательский дом и найдет там друзей! Хотя зачем искать? С ним явно захотят дружить все, кто там появляется. Он даже мистера Грея позовет на чаепитие, и они вместе будут любоваться камином.

В таких блаженных мыслях витал Джордж около месяца. Затем он стал замечать, что количество цифр на счете в банке начало уменьшаться. В тот момент его обуял страх бедности. Джордж не хотел возвращаться в свою старую квартирку! Нет, ни в коем случае! Нужно было срочно получить еще денег.

Вспомнив, что его книги печатаются и продаются, мистер Картер неспешно собрал редкие расписанные по многочисленным ящикам письменного стола черновики, которые все еще по привычке выдавливал из себя вечерами, в новомодный портфель и вальяжной походкой отправился в издательский дом мистера Грея. Через тринадцать четвертей часа он уже подходил к дверям...

– О, МИСТЕР КАРТЕР, здравствуйте, садитесь! Будете чай? – Мартин улыбался и выглядел даже моложе, чем при первой встрече. Он стал шире в плечах, небольшая проплешина на голове заросла новыми волосами, а несколько едва замечаемых при первой встрече старческих пятнышка на лице вовсе исчезли.

– Здравствуйте, мистер Грей. Если только с кофе. Я пришел к вам по делу. Видите ли, деньги у меня начинают заканчиваться, вчера мне сказали, что я не могу позволить себе плантацию. Я бы очень хотел начать выращивать кофейный чай и, если позволите...

– Не спешите, Джордж. Присядьте для начала, не стойте столбом у дверей. – произнеся это, мистер Грей подождал, пока знаменитый писатель сядет у стола, и продолжил, – я прочитал вашу книгу два раза. Шедевр из шедевров, право. Пожалуй, за такой ценный и редкий экземпляр я готов заплатить еще немного, но не уверен, что вам хватит на плантацию.

– Позвольте, а как же отчисления с продаж? Мне обещали что-то около тридцати пяти процентов с каждой книги! – Джордж начал волноваться. Его уже не заботил внутренний интерьер кабинета, он беспокоился из-за дьявольских огоньков в глазах основателя издательского дома.

– О, конечно. Дело в том, что продавать вашу книгу мы не будем. Из печати неделю назад вышло два экземпляра, один из которых я с радостью и безвозмездно отдам вам. Однако второй останется у меня, и я готов его, номинально, купить. И тридцать пять процентов от этой символической продажи пойдут вам в карман, – улыбка и не думала уходить с лица Мартина, по которому теперь начали гулять странные тени, неизвестно откуда взявшиеся. Огоньки в глазах на секунду замерли, а после исчезли в черноте неестественно широких зрачков.

– Но как же... люди узнают об этой книге? Обо мне? – пот выступил на узеньком лбу Джорджа, заставив его невольно вздрогнуть от пробежавшего по спине холода. Писатель все еще силился найти источник света, создающий подвижные тени на лице мистера Грея, но камин был потушен, шторы из двойной темной ткани задернуты, а лампа на столе горела ровно, без подрагиваний.

– Книга слишком хороша, чтобы люди о ней знали. Не беспокойтесь, ваше творчество в надежных руках, – улыбнувшись напоследок, Мартин резко посерьезнел, потянулся в один из дальних ящиков дубового стола за книгой, которую затем явил на свет и совсем уже недружелюбно протянул Джорджу вместе с чеком, в котором читалось пятизначное число, – Всего доброго, мистер Картер. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество!

ДЖОРДЖ НЕ ПОМНИЛ, как именно оказался дома. Спросить этого он тоже не мог – не у кого. Бедный писатель лежал в своей спальне на огромной и мягкой двуспальной кровати, отделанной позолотой и неслыханными узорами, и смотрел в потолок. Он вспоминал свою недавно отпечатанную книгу, подаренную ему самим Мартином Греем, на обложке которой не был указан автор. Только название. «Повесть для тебя...».

«Матушка».

Тоска и грусть навалились разом. Джордж вспоминал контракт. Там, действительно, не было сказано, что книга обязана тиражироваться огромными количествами на продажу.

«Мое имя купили».

Мистер Картер наконец почувствовал то одиночество, что тянулось за ним все эти годы. Оно медленно, но верно сжимало леденящей хваткой горло писателя, сбивая дыхание и вызывая боль в груди. Не помогали мысли ни о камине, ни о дворецком, ни об ароматном беконе с яйцами. Только пустота оказалась за душой у творца. Больше он не ощущал себя мистером Картером. Да что уж говорить, он даже и Джорджем себя не ощущал...

«ДЖО-О-ОРДЖИК! ТЫ ГДЕ? Милый мальчик, ты опять играл с теми детишками? Что я говорила, тебе не стоит с ними общаться. У них свое будущее, у тебя свое. Они тебя утянут за собой, ясно? Тебе не нужно с ними общаться, у тебя есть я и книжки. Смотри какая книжка! Это ни какая-то чепуха, это классика литературы, мой мальчик. Что? Да нет, не трать время на эти глупости, ты не напишешь такую же. Джорджик! Я что сказала? Не напишешь, хватит ныть! Хватит, я сказала! Давай лучше я тебе чая заварю... Пей его. Пей! Пей...»

МЕСКЭНЕТ ПЛАКАЛА. Никогда прежде я не видел такой реакции у сестры на смерть человека. Мы стояли у небольшого полотна, на котором она собственноручно вышивала судьбу очередного доморощенного писателя. Видимо, этого она любила. Но теперь у самого края прекрасной вышивки слева выправилась ниточка, подозрительно похожая на петельку. Она мерно раскачивалась из стороны в сторону, отсчитывая секунды уходящего времени.

Моя сестра всегда была слишком сентиментальной. Сколько бы раз я не объяснял, что сейчас мы не можем вмешиваться в дела смертных, она меня не слушала. Вплетая в судьбу этого бедняги лучшие нити, Мескэнет дала ему все необходимое для взлета. Но чем выше ты можешь взлететь, тем легче и тоньше становишься. Тем легче будет расслышать звучный хруст косточек и тем тоньше окажется игла, что пронзит сердце болезненным уколом.

Все люди смертны. Глупо убеждать себя в ином. Все различаются в мыслях и эмоциях, они составляют особенность каждого человека, создают его личность, помогают преодолеть трудности. Но если все мысли и эмоции в твоих голове и сердце – не твои, значит и дорога под ногами не твоя, а сияющие доспехи, защищающие от напастей, сделаны из хрупкого стекла, а вовсе не из крепкой и полированной стали. Так в чем смысл такой жизни?

Моя сестра все еще плакала, а такт раскачивающейся петельки полностью совпадал с тактом другой петли, привязанной к богатой позолоченной люстре в одном богатом доме неподалеку от центра города. Я увидел все, что мне было интересно, и ушел обратно в летнюю беседку, чтобы заварить себе еще чашку листового зеленого, по пути размышляя об абсурдности, но гениальности идеи о кофейном чае.

ЕВГЕНИЙ СТАВЦЕВ

Наталья Ветошкина

ДЕМБЕЛЯТА

Евгений СТАВЦЕВ родился в Орле, но вскоре семья переехала в Нижний Тагил. Закончил машиностроительный техникум, затем исторический факультет Нижнетагильского пединститута. Заведующий музеем «Дом Черепановых». Автор большого количества научных и научно-популярных статей. Лауреат премии имени О.Е. Клера – высшей музейной премии Свердловской области.

Публиковался в альманахе «Российский колокол». Часть рассказов собрана в авторские сборники «Человек у реки», «Монолог о счастье».

ПИВО СТЕКАЛО по вагонному стеклу, смешиваясь с осевшей на нём дорожной пылью.

– Что вы делаете? Совсем уже с ума посходили? – разразилась криком проводница, обращаясь к двум стоящим на перроне молодым парням с пустыми бутылками.

Они никак не отреагировали на ругань в их адрес. Коротко-стриженные ребята в спортивных костюмах с тяжёлыми сумками, перекинутыми через плечо, были навеселе и корчили рожи своему приятелю, находящемуся в вагоне, по другую сторону вагонного стекла.

Парень приглушённо смеялся и косился на проводницу, как бы показывая всем своим видом, что он не отвечает за поступки друзей, веселившихся на перроне.

К этому времени внимание проводницы переключилось на другого молодого человека, лежащего на верхней полке и громко, на весь вагон

кричащего кому-то в телефонную трубку о том, что он скоро приедет и чтобы друзья, все как один пришли на вокзал встречать. Этот громкий телефонный монолог можно было и простить, если бы он не сдабривал каждую произнесённую фразу обильным матом.

– Ты что раскричался? – обратилась к парню-матершиннику, всё та же проводница. – Ты смотри у меня, я долго повторять не буду – у меня там в служебке топор наточенный стоит…

– Катя! Ну не сердись. Войди в моё положение – меня распирает от радости. Это же счастье. Я домой еду! – начал оправдываться парень с верхней полки.

– Я понимаю. Но зачем материться-то на весь вагон?

– В армии это нормальная разговорная речь, там без мата тебя вообще не поймут.

– Ну, ты же теперь не в армии, привыкай к гражданской жизни, – вступила в разговор пожилая пассажирка, сидящая на нижней полке.

Парень высунул голову в проход плацкартного вагона. Его глаза искрились не то от счастья, не то от лёгкого похмелья. Сперва он посмотрел на свою пожилую соседку снизу, а потом крикнул так, чтобы его слова были услышаны всеми, кто находился в вагоне:

– Уважаемые граждане-пассажиры, простите меня пожалуйста, если кого-то я обидел. У меня так непроизвольно получается от эмоций. Я в армии отслужил! Домой еду! Это капец какой-то! Ой!.. Ну, вот видите.

По вагону пронеслось среднее что-то между смехом и возмущением. Пожилая женщина на нижней полке обречённо махнула рукой.

– Вот и извинился… – проговорил мужчина из соседнего блока.

– Уткнись в подушку и не мешай пассажирам отдыхать, иначе я тебя высажу на первой же станции, – пригрозила проводница.

Парень послушно забился в угол полки, но от того, что он отвернулся с телефоном к стене, тише его речь не стала.

После того, как по громкой связи было объявлено об отправлении, вагон заполонили парни. Им было по 19-20 лет. Разные по росту, весу, комплекции, высокие и плотные, маленькие и щуплые, но все коротко-стриженные, с искрящимися глазами. От них пахло табаком и пивом – возможно не от всех, но запах чувствовался.

– Лёха! Ты что не вышел? Мы курнули – больше в пачке сигарет не осталось, – обратился к лежавшему на полке матершиннику, рослый парень.

Лёха прервал телефонный разговор и обернулся к высокому парню:

– Озеров, ты четырёх вэ-дэ-вэшников в соседнем вагоне видел?

– Видел.

– Меня братва сегодня ночью встречать будет. Мы хотим потрясти десантуру на счёт телефонов. Семён видел у них айпад крутой. Надо позаимствовать. Ты в теме?

Озеров отрицательно помотал головой и пошёл дальше.

– Тебе что, ай-пад не нужен?! – крикнул вслед Лёха.

– Нет! – отозвался Озеров.

Лёха спрыгнул с полки и на ходу, надевая на ноги тапочки, побежал по вагону за приятелем. Его громкий голос постепенно растворился где-то в другом конце вагона. Теперь покой пассажиров прерывал только басистый смех ребят, что-то бурно обсуждающих между собой.

Маленький щуплый паренёк отделился от этой шумной компании и пересел на свободное боковое сидение, напротив того места, где сидела пожилая пассажирка. Он долго сидел, молчал и задумчиво смотрел в окно. Время от времени ребята окликали его, чтобы сыграть в карты. Но паренёк оборачивался лишь тогда, когда его называли «рядовым Егоровым». Он продолжал смотреть в окно.

Спустя некоторое время пожилая пассажирка решила с ним заговорить.

– Ты тоже домой едешь? – спросила она.

– Домой.

– Отслужил?

– Да, как сказать… – вздохнул паренёк. – Они

вон отслужили – у них дембель. – Паренёк кивнул в сторону шумной компании.

– А ты, что же?

– А я комиссован, по здоровью.

– А служите вы вместе?

– Да, – грустно сказал Егоров.

– Не обижают тебя ребята?

– Нет.

– А где вы служите?

– Под Благовещенском. Пограничные войска.

– Значит, границу нашу охраняете?

– Охраняем.

– Я слышала, что там сейчас спокойно.

– Спокойно. У нас с Китаем мир.

Женщина протянула пареньку плитку шоколада.

– Угощайся, а то небось по сладкому соскучился?

– Спасибо, не хочу, – заскромничал Егоров.

– Бери, бери, – настаивала женщина.

– Спасибо.

Рядовой Егоров виновато улыбнулся и взял шоколад.

– Это тебе спасибо.

– За что? – удивился Егоров.

– За то, что страну нашу охраняешь.

– Я-то что… – замялся солдатик. – Я не один.

Он кивнул в сторону своих ребят.

Женщина улыбнулась и одобрительно покачала головой.

День близился к завершению.

Проводница Катя приглушила свет, чтобы пассажиры готовились ко сну.

Ребята разошлись по своим местам, лишь одна небольшая группа, среди которой выделялся высокий и степенный Озеров, продолжала что-то обсуждать, перейдя на полушёпот. Лёха, наконец, успокоился и улёгся спать, но даже во сне что-то бурно продолжал обсуждать, чем вызывал смешки у своих не спящих приятелей.

Проснувшись ночью за два часа до прибытия в Пермь, я обнаружил, что ребята не спят. Они, молча, сидели в полумраке спящего вагона. От их спортивно-вольного внешнего вида не осталось и следа – все как один были одеты в парадную военную форму, от всех пахло дешёвым одеколоном и кремом для обуви. В отблеске пробегающих мимо станционных фонарей, отражались их склонённые стриженые головы и серьёзные задумчивые лица. Они сидели и молчали, изредка посматривая на часы и в тёмные окна вагона.

Озеров с сержантскими погонами, Семён, рядовой Егоров, Лёха с орденом на груди и ещё двадцать молодых красавцев, сидели и молчали, посматривая друг на друга, раскачиваясь в такт бегущему вагону. Для них это были последние минуты, проживаемые вместе. Некоторые из них, может быть, ещё встретятся когда-нибудь, а некоторые видят друг друга в последний раз. Но время службы останется в их памяти навсегда.

Под самое утро, когда горизонт на востоке едва-едва окрасился алым, поезд прибыл в Пермь.

Несмотря на ранний час, на перроне, к которому подали наш поезд, было многолюдно. Восторженное состояние встречающих чувствовалось по всему полусонному вокзалу. При виде спускающихся из вагонов солдатиков, послышались девичьи визги, громогласные восклицания молодых людей, смех, свист, крики, кто-то хлопал в ладоши и лопал от восторга надувные шары, принесённые встречающими. Все обнимались, целовались и фотографировались на память: сержант Озеров с повисшей на его шее маленькой сестрёнкой, примеряющей фуражку брата; рядовой Егоров с родителями, специально приехавшими из деревни на вокзал, чтобы встретить единственного сына; Семён с двумя девушками; а Лёха в обнимку с встречающими его друзьями и десантниками из соседнего вагона фотографировался на их айпад.

БОРИС ТЕЛКОВ

Наталья Старцева

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ СЕРАФИМОВ

Борис ТЕЛКОВ родился и вырос в Нижнем Тагиле. Окончил горно-металлургический техникум имени Черепановых. Член Союза писателей России, автор почти двух десятков книг. Лауреат Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова, премии Губернатора за выдающиеся заслуги в области литературы и искусства, литературной премии «Чаша круговая». Редактор журнала «МАКАР» («Маршрут карьеры»).

ЭТО МОЙ двоюродный братец. О существовании его я узнал в возрасте шести лет. Вовкины родители приехали в наш город невесть откуда и купили себе дом в том же поселке, что и мы, только в другой его части. Чтобы нас сдружить, взрослые решили, что лето мы должны провести вместе.

Мама привела ко мне в комнату белобрысое угрюмое существо и сказала, чтобы я поделился с ним игрушками. Уже через пять минут родственничек, скучая, с треском выкрутил моему любимому плюшевому медведю лапу и с насмешливым любопытством подал ее мне.

– Да, ничего, пустяки, и зачем медведю четыре лапы… – пробормотал я, часто моргая, почти хлюпая глазами.

У моего братца были хваткие, исцарапанные кошками пальцы с широкими, лопатообразными ногтями.

Ночью я так и ничего не придумал.

Выход из положения братец подсказал сам. Валяясь который уже час на полу и демонстрируя мне скуку, Вовка спросил, не вынимая палец из носа: «А что это за дырки на полу?» У родственника был такой садистский «манер», выражаясь старинным «штилем», беспрестанно задавать вопросы, вовсе не интересуясь ответом. Надо сказать, что несколько дней назад я нашел на свалке

будильник, брякающий потрохами, как чахоточный при кашле, и разобрал его на части. Зубчатым колесом от часов я проехался по половицам раз, другой, любуясь точечным следом, отдаленно напоминающим ход жука-древоточца. Именно эти насечки и заинтересовали моего братца. Я был сердит на него за бесконечные, безразличные вопросы, поэтому хмуро буркнул:

– Это у нас по ночам пауки бегают… – подумал и добавил мстительно: – Вот какие!!!

И показал пространство между двумя руками.

Палец замер в носу моего родственника, как приклеенный, веснушки почернели… Тут меня осенило: «Вот оно – попался!»

Наши кровати стояли напротив друг друга, вдоль стен детской, и первой же ночью я провел к постели моего врага несколько дорожек – многоточий. Одну, особенно жирную и вальяжную, я вытянул из-под жестяного, перламутрово отсвечивающего сундука недавно умершей бабушки.

Как всякий злодей, Вовка не страдал плохим аппетитом и не мучился бессонницей, поэтому утром я, свесив голову с подушки, некоторое время любовался проделанной работой – линии были графически четки и стремительны, как на карте военных действий. Я уже слышал торжественную барабанную дробь и приветствовал своих офицеров обеими руками… «Да, мой генерал! Слушаюсь, мой генерал! Ваш план, гениален!!!»

Мой безмятежный враг проснулся в полдень. Я терпеливо ждал, пока он, изрядно покряхтев и понежась всласть в постели, опустит на пол свои мосластые ноги с длинными узкими ступнями и оттопыренными в разные стороны набалдашниками больших пальцев. Мой час пробил!

– Осторожней!!! – резко прошипел я и указал глазами ему под ноги.

В одно мгновение мой братец по-петушиному вспорхнул на спинку кровати и замер на никелированной трубе, как на насесте. Его испуг был так неподделен, что я сам, невольно дернувшись, прилип спиной к ватному ковру с двумя лебедями и прудом.

Насладившись видом своего врага, балансирующего на спинке кровати, я, оглядев пол, заговорщицки махнул ему рукой:

– Уходим…

Перепрыгивая с табуретки на табуретку, мы, держа одежду в зубах, кое-как выбрались из «зловещей» комнаты.

Несколько дней Вовка был моей покорной тенью, старался во всем угодить, а с приходом сумерек просто держался за рукав моей рубахи. Потом он вновь – сначала как-то незаметно – начал дерзить, к нему вернулся самоуверенный сон, и я решил возобновить воспитательные эксперименты.

Проснувшись часов в шесть, когда весь дом еще спал, я взглядом полководца и художника, окинул отведенное мне для творчества пространство между кроватями, уже меченное несколькими точечными линиями. На сегодняшний день они меня не удовлетворяли, это было слишком мелко, проба пера, разведка без боя.

В мои нынешние планы входило изобразить развернутую панораму настоящей битвы. Пол должен быть буквально перепахан движением воинских колонн, я жаждал крови и разрушений. Мне нужны были краски, способные передать весь ужас ночного побоища. В течение часа я ползал по полу, размазывая томатную пасту и разрывая в клочья спичечные коробки и ненужные

игрушки. Цветным мелом, острием ножа и зубчатыми колесиками я насытил пространство таким кошмаром, что Вовка, когда проснулся, вопя, вылетел из комнаты, высоко вскидывая ноги, как турист, угодивший в реку с пираньями…

Прибежали мои родители и тоже увидели панораму таракано-паучьих боев.

Братец-оккупант с позором бежал к себе на родину, а мой талант великого мистификатора не был оценен родителями в должной мере. Даже более того… Но о грустном – не будем.

КАК Я УЖЕ говорил, особой любви к друг другу мы никогда не испытывали, более того, когда судьба сводила нас вместе, эта встреча всегда заканчивалась как-то не очень хорошо, и что самое обидное, всегда для меня.

В школе нас, как братьев, посади за одну парту.

На первых же уроках чистописания выяснилось, что у Вовки не просто каллиграфический почерк, но и какой-то подражательский дар – он мог один в один перенести в свою тетрадь все, что учительница писала мелом на доске: закорючки под тем же наклоном и нажимом, буковки такой же округлости. Первая учительница, женщина добрая и простодушная, не могла нарадоваться успехам моего братца. На родительских собраниях она с восторгом говорила:

– Знаете, иной раз не могу понять, где я писала, а где он. Удивительно способный мальчик!

Задумалась бы она вовремя над своими словами…

Мне, с моим почерком «ураган в лесу», ставили Вовку в пример.

Это было обидно, но самое страшное то, что мой родственник едва не пошатнул меня идеологически.

Когда наш класс готовили к приему в октябрята, нам читали на уроках в большом количестве рассказы о Ленине, вели беседы о том, какой это был прекрасный человек, и как он любил детей. Однажды во время одного такого урока, когда мы много узнали о семье вождя мирового пролетариата, учительница подошла к моему братцу и погладила его по ершистой макушке.

– Скажи классу, Вовочка, тебя так назвали, наверное, в честь нашего дорогого Ильича?

– Да… – почти проблеял покрасневший Вовка, и исподлобья обвел класс смущенно-самодовольным взглядом, мол, а кто вы, вообще, такие…

Мне стало не по себе. В своем сознании я никак не мог найти схожие черты, провести хотя бы зыбкие параллели между таким великим человеком, как Ленин, и мой хитроумный родственничек. Уж, наверное, маленький Владимир Ильич никогда не стал бы отрывать моему плюшевому медведю лапу и подлизываться к учительнице.

Дома я чуть не закатил истерику родителям. Меня терзали два вопроса. Первый: в честь кого назвали моего братца? И второй – о чем думали они, давая мне такое неочемошное имя?!

Не снимая заснеженных валенок, с портфелем в руке я прошел на кухню и задал первый вопрос. Мама пожала плечами, дескать, откуда я знаю, а отец, хлебавший щи, хмыкнул:

– Да в честь Вовки-гармониста! Известный пьяница и бабник…

И тут же получил от мамы подзатыльник.

Мне стало легче. О своем имени я решил не спрашивать. Так спокойнее – назвали и ладно…

Много лет спустя, когда деяния Ильича стали рассматривать с другой стороны, я подумал, что разудалый Вовка-гармонист – все же более достойная кандидатура для присвоения его имени детям.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ Вовки продлился до второго класса. Выяснилось, что пишет то он хорошо, но соображает туго, вернее, неохотно.

К тому времени я уже вырвался в отличники, Вовка, наоборот, скатился до двоек, но при этом опять оказался в более выгодном положении, чем я.

Меня, как брата и пятерочника, приковали к Вовке чуть ли не кандалами и сделали ответ-

ственным за все, что он ни натворит. Поднимали из-за парты обоих и чихвостили перед всем классом. Вовка, криво ухмыляясь, косился на меня. Типа, ты-то как, родной?

Когда ему надоедали двойки, он просто-напросто брал мой дневник и один в один переносил туда все благодарности и пятерки с росписями учителей. Получалось очень правдоподобно. Наша бедная учительница, женщина предпенсионного возраста чуть не сошла с ума, изучая Вовкин дневник. Она не могла понять, где ее почерк, а где подделка. Дальше – больше. Учительница начала сомневаться в себе. Живо рассказывая о чем-либо, она вдруг резко замолкала, запускала карандаш под паричок, что-то там рассеянно почесывала, а потом подозрительно спрашивала нас: «Дети, а это я вам уже не говорила?»

Короче говоря, тезка Ленина довел ее до того, что она вырвалась на пенсию, как на свободу.

К третьему классу Вовке окончательно надоело учиться. И навсегда! У него появились другие интересы. О некоторых из них расскажу подробнее…

У Вовки были две старшие сестры, девушки крупные и уже активно встречающиеся с парнями. От своего братца они просто стрелялись, потому что тот нагло вмешивался в их личную и даже интимную девичью жизнь. Вовка вбегал в их спальню, когда они переодевались, подглядывал за ними сквозь дырку в туалете, торчал под окнами бани, не оставлял наедине с потенциальными женихами, короче говоря, держал их в страхе и напряжении: его белобрысая башка могла возникнуть откуда угодно и в самый неподходящий момент. При этом он оставался фигурой неприкасаемой, неподлежащей никакому наказанию, так как был обожаем матерью. Наверно, своей внешностью и пороками он сладко бередил ее сердечные воспоминания об ухарегармонисте.

Однажды моя мама на какой-то праздник пришла в гости к своей сестре. Нас с Вовкой отправили погулять. Во дворе братец, оглянувшись по сторонам, шепотом спросил меня, хочу ли я посмотреть, в каких трусах ходят его взрослые сестры. Мне стало жарко от такого неожиданного и очень неприличного предложения, казалось, даже снег растаял под моими валенками. Я, испуганно, как лошадь замотал головой, но Вовка смотрел на меня в упор так насмешливо-испытующе и одновременно всепонимающе, что я отвел глаза в сторону: да, всю жизнь мечтал.

Братец похлопал меня по плечу: дескать, молодец, настоящий мужик, я в тебе не ошибся.

И Вовка поделился своим планом. Он оказался прост. Сейчас сестры что-то стряпают на кухне, бегают с тарелками в зал, накрывают стол. Мы затеваем игру на кухне, катаем машинки, перекидываемся мячами, неважно что – главное, при этом мы снизу, как бы, между прочим, заглядываем под короткие платья суетящимся девушкам.

Мы отправились на дело.

На кухне, поглядев на озабоченные распаренные лица сестер, их розовые колени, крупные зады, я оробел. Я выбрал самый дальний угол комнаты, сел там и принялся играть с мячиком. Сначала я, как ребенок-дебил, тупо катал его меж раскинутых по полу ног и боялся оторвать глаза от пола. Потом, немного осмелев, стал наблюдать за тем, как резвиться мой братец.

Что он только не вытворял! Ползая на коленках, Вовка гонял свой грохочущий жестяной са-

мосвал возле самых ног сестер, проезжал колесами по их пальцам. Девушки взвизгивали, хлестали его тряпками, а братец только хохотал и катался по полу, увертываясь от ударов. В конце концов, он совсем обнаглел, лег на спину и стал хватать проходящих мимо поварих за икры. Потом укусил за пятку одну из сестер, несущую в зал парящую тарелку с супом. Та никак не ожидала этого: от неожиданности она вскрикнула и всплеснула руками. Тарелка, пролетев полкомнаты, треснулась об пол как раз рядом со мной! Остатки горячего супа окатили мне лицо…

Орали все трое – сестры и я. Прибежали родительницы. Мама, не разобравшись, больно дернула меня за вихры – не вертись под ногами! Вовка, глубоко ковыряя в носу пальцем, смотрел на происходящее из окна с улицы. Уже одетый.

Через полчаса все, кроме меня, успокоились и пропустили по рюмке домашней настойки. Обиженный на весь мир, я лежал на коврике в детской. Лицо, смазанное какой-то вонючей жидкостью, подпекало изнутри. Хотелось домой.

Вовка тихо вошел в спальню и лег рядом со мной. Моя красная, опухшая физиономия привела его в восторг, и он пообещал мне показать моющихся в бане сестер.

На этот раз я твердо отказался.

– Как хочешь. Значит, Кольке с соседней улицы покажу, – пожал плечами Вовка. – Он мне за это пугач обещал.

К сожаленью, эта история ничему меня не научила. Еще не раз я поддавался на Вовкины авантюры...

В те осенние каникулы мы отдыхали у дедушки. Вовке быстро надоели разрешенные развлечения, и он предложил взобраться на крышу сеновала.

Едва мы добрались до края крыши, чтобы с высоты оглядеть просторы, как тут же были замечены дедушкой. Вернее, он нас не увидел, а только услышал подозрительную возню наверху сеновала.

– Эй, а ну-ка слазьте… Задницы вам сейчас надеру! – неуверенно и в то же время грозно крикнул дедушка и вразвалку направился в нашу сторону.

Мы сначала прижались к дощатой крыше, потом, занозя пальцы, стали, как ящерицы, сползать к карнизу. У его края замешкались.

– Давай прыгнем и убежим, будто нас не было! – выпучив от страха глаза, предложил Вовка.

– Давай! – согласился я и посмотрел вниз – земля казалась так далеко!

– Прыгай! – прошипел Вовка мне в лицо.

– А почему я? – меня возмутила наглость моего братца.

– Потому… потому что он тебя видел, а меня нет! Если ты ему попадешься, скажешь, что был один на крыше, – вдруг выдал Вовка. Для размышления и спора уже не было времени, аргумент братца показался мне хоть и досадным, но убедительным.

И я сиганул вниз. Врезавшись пятками в мерзлую землю, я едва не потерял сознание от резкой боли. У меня было ощущение, будто глаза теннисными шариками выскочили из глазниц…

Так я первый раз сломал ногу. В тот день бедному дедушке досталось даже больше, чем мне. Его назвали старым пугалом. В этой кутерьме про Вовку вообще не вспомнили. Пока все домашние с воплями носились вокруг сеновала, он отсиживался на его крыше, а когда меня, как раненого бойца, унесли в дом, он осторожно спустился на землю по тому пути, по которому мы поднялись вверх.

Вечером Вовка гвоздем пытался проковырять мой гипс.

Следующая история обошлась мне еще дороже. Случилась она уже в летние каникулы.

Мы также отдыхали у дедушки. Вовка активно скучал, то есть мешал мне отдыхать.

Когда мы уже чуть не разодрались, братец в качестве примирения предложил сделать ружья, стреляющие «пульками» – согнутыми в дугу проволочками.

Наверное, из такого «ружья» стрелял каждый мальчишка в детстве. Изготовлялось оно доволь-

но просто. По сути – это облагороженная рогатка. На конце рейки полметра длиной закреплялась резинка. В то время это был страшный дефицит, поэтому дилетанты вынимали ее из собственных трусов или бабушкиных байковых панталон, хранящихся в сундуке. Настоящие «оружейники» использовали круглую, так называемую авиационную резину или разрезали на лоскутки противогаз. Кстати говоря, эти же умельцы рейке придавали форму ружья и даже раскрашивали ее под соответствующий цвет.

На другом конце палки делалось из толстой, почти негнущейся проволоки особое приспособление – зажим с курком. Пулька продевалась в резинку, оттягивалась к концу палки и зажималась в приспособлении. Далее было достаточно нажать на курок, как проволочка, лучше всего медная, тяжелая, со свистом летела в нужном направлении. У специалистов такая пулька легко пробивала упаковочный картон, а если в полете разворачивалась рогулькой вперед, то вонзалась остриями и в фанеру. Такое попадание считалось особым шиком у стрелков.

На тайное изготовление ружей и поиск резинок у нас ушел день. С последними было сложнее. Пришлось пойти на настоящее преступление. Мы срезали края у дедушкиного шахтерского респиратора, в котором он опылял химикатами растения в саду.

На следующий день мы объявили войну курицам. Это для них был черный день. Мы стреляли по ним из-за каждого угла. К вечеру обеспокоенная бабушка решила, что ее курицы подхватили какую-то болезнь, вроде птичьего безумия – солидные наседки с криком носились по двору, словно готовились подняться стаей в небо. Дед, нацепив очки на нос, перед сном взялся перелистывать свою садоводческо-ветеринарную библиотечку.

Пришлось оставить куриц в покое. На следующий день мы стреляли по различным мишеням за сараем. Сначала это нас развлекало, а к обеду наскучило. Хотелось более острых ощущений…

Мы решили сыграть в индейца и бледнолицего. Бегали, ползали по двору и огороду, стреляли из «ружей». Уговор был не целиться друг в друга, а только куда-нибудь рядом. Понятно, что с каждым выстрелом в нас все острее возникало дьявольское желание пустить пульку как можно ближе к телу противника…

И вот я попал Вовке в мочку уха. Стрелял издалека, из засады, но все же щелчок по уху, наверное, был ощутим. Мой братец завизжал от боли, закрутился на месте волчком и даже упал на землю, меж картофельных грядок. Я страшно испугался и кинулся к нему с извинениями. Когда я добежал до него, он вдруг вскочил, схватил валявшееся «ружье» и навел его мне прямо в лицо.

До сих пор помню его перекошенное, мокрое от слез злое лицо…

Пулька, выпущенная на волю в полуметре от моего лица, развернулась в воздухе и остриями вонзилась в мой широко раскрытый глаз.

Через час я уже был в больнице, и врачи решали, что делать, чтобы вернуть мне зрение – под слизистой оболочкой глаза колыхалась кровавая лужица.

В больнице я пролежал две недели. Натерпелся всяких ужасов – уколы ставили прямо в глаз. Хорошо хоть он этого не видел… Зрение вернули, но уже не стопроцентное. Впервые в мой адрес было произнесено слово, которое мне показалось омерзительным – очки…

Вовка не навещал меня в больнице, и вообще я его не видел тем летом. Когда первого сентября пришел в школу, весь класс уже знал, какой мой братец меткий охотник – подстрелил меня, как белку, в глаз.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ школы наши пути с Вовкой разошлись. Мы почти не виделись: где он и что с ним происходит, я изредка узнавал от его сестер или одноклассников, случайно встреченных где-нибудь в городе.

Он обучился на шофера, потом, якобы, попал в дурную компанию. Стал крепко выпивать, поколачивать родителей, и вообще жить за их счет.

Когда я служил в армии, Вовку посадили за

тунеядство. Ненадолго, на год, но факт судимости имел место в его биографии. Точно также, как и у его тезки, вождя мирового пролетариата. Не знаю, имел ли проблемы с законом деревенский гармонист. Судя по его ухарству, то да. Получалось, что дурная наследственность со всех сторон, не оставила Вовке никакого выбора. Одна только фамилия давала надежду на светлое будущее…

Выйдя на свободу, братец продолжил начатое. Почти, как Ленин. Только тот с удвоенной силой накинулся на царизм, а Вовка – на алкоголизм. Он уничтожал спиртное до тех пор, пока не допился до серьезного заболевания – до цирроза печени. Казалось бы, еще немного, и все – кладбище. А было ему в ту пору около тридцати лет…

Но Вовка… оставался Вовкой: он как-то умел выкручиваться из таких ситуаций, в которых другие просто тонули. В нем проснулась животная жажда жизни – Вовка бросил пить раз и навсегда, сел на жесткую диету. Более того, все свое окружение – отца, мать, сестер – одним словом, всех он заставил работать на свое выздоровление.

Я точно не знаю, что он делал, но вся эта индустрия родственников добывали ему какие-то травы, чудодейственные настойки, таблетки. В те тяжелые перестроечные годы, когда у простого люда в стране не было денег на обычную еду, Вовкины родители поочередно продали корову, овец, чтобы снабдить своего сына всем, что он не пожелает.

И Вовка выкарабкался.

После болезни он стал совсем другим человеком. Хотя, нет! Тем же самым, только перекинул свою страсть с одного предмета на другой.

Худосочный и верткий Вовка, у которого с самого детства штаны сзади сползали до половины тощих бледных ягодиц, теперь потолстел, порозовел, полысел (почти как самый человечный вождь), стал ходить вразвалку и говорить степенно. Пьяниц он открыто презирал и называл «алкашней».

Хозяйство родителей Вовка прибрал к рукам, как и самих стариков. Теперь они ходили только по строго отведенным половицам. Братец привел в дом женщину огромного размера, молчаливую и работящую. Заведенная с утра (Вовкой в постели или каким иным способом), она не знала устали: за день перелопачивала все немалое хозяйство – наводила порядок в доме, огороде, ухаживала за коровами, свиньями, кроликами, курицами…

Сам Вовка работал где-то на самосвале, привозил в дом мешками комбикорм, стройматериалы. Потом пересел на «Волгу», возил начальство. От него набрался важности, разговаривал со всеми поселковыми жителями через губу. В свинарник Вовка теперь даже не заглядывал: что там надо сделать, давал указания великанше, выглянув из окна машины.

Детей у них не было, но сей факт не расстраивал Вовку: он не привык делиться любовью. Ему и так было хорошо.

После смерти родителей он дал понять своим сестрам, что им ничего не светит из наследства. Они судились с ним, но Вовка опять как-то извернулся и, образно выражаясь, сестрам досталась дырка от бублика. Кажется, он умудрился доказать суду, что родительский дом построен на его деньги.

Я ИНОГДА хожу за грибами в тот лес, что начинается сразу за поселком, где прошло мое детство. Удивительно, но там, как и прежде, хорошо растут маслята, попадаются рыжики, сыроежки. Благородные грибы, вроде белых, красноголовиков, ельничных груздей, в поселковом лесу редкость. Да и не в них дело… Это родной лес для меня. Здесь я все знаю. Каждый соснячок, полянка связаны с какой-то историей из детства…

Тут я почему-то вспоминаю слова отца: «Пойдем, поищем грибы по-над краем леса…» Наверное, правильнее будет сказать «по краю леса», но я, если собираю грибы со своей семьей, всегда говорю, так же, как отец…

Возвращаясь из леса, я прохожу мимо Вовкиного дома. Иногда вижу его самого. В расстегнутой рубахе на просторном пузе с воронкообразным волосатым пупом, в резиновых сапогах он

поливает из шланга сверкающую иномарку. Вовка поглощен процессом. Рядом покорно стоит великанша с куском поролона в руке. Время от времени мой братец берет у жены губку и смахивает с зеркальной поверхности невидимое пятнышко. На звук моих шагов он поворачивает голову на бычьей шее и смотрит настороженно на дорогу.

Его взгляд проходит сквозь меня…

Меня он не видит. Не узнает или знать не хочет. Как и я его.

Я смотрю на Вовку, и всякие мысли посещают мою голову. Например, такая: «Вот стоит мой братец, родная кровь. И какие же мы разные!» А иногда мне начинает казаться, что по сути своей мы – одинаковые. Мы оба любим жизнь, цепляемся за нее, жаждем ощущений, удовольствий, только Вовка проявляет свою страсть к жизни в реальной мире, а я – в бумажном, выдуманном…

Когда я так думаю, мне начинает казаться, что это я, купчина с лопатообразными руками мою с великаншей дорогую машину, чтобы поехать с ней в город, на рынок, а Вовка бредет с пакетом маслят домой. Вечером, после рюмки водки под жареху, он сядет за стол и будет дописывать начатый вчера рассказ…

ЕЛИЗАВЕТА КИПАРИС

Елизавета Кипарис

БЕЛОУХИЙ МАЛЫШ ПИНК

Елизавета КИПАРИС учится в НТГСПИ на факультете художественного образования. Любит чтение, пробует себя в прозе, увлекается изобразительным искусством, в большей степени графикой. Участвовала в городских и областных выставках, всероссийских конкурсах. Занимала 1 место в Всеросийском конкурсе «Рассударики» (2018) в номинации декоративно-прикладное творчество, 1 место в областном конкурсе декоративно-прикладного искусства «Стильные штучки» (2018) в номинации «Изделие из природного материала».

ГЛАВА 1. НОВЫЙ ДОМ ДЛЯ ХОМЯКА С РАЗНЫМИ УШАМИ.

ОДНАЖДЫ УТРОМ, когда весь небосвод заполонили распустившиеся яркие цветы облаков, в зоомагазине родился хомячок. У него были необычные ушки: одно было белым, а другое серым. У хомячка были сестра и брат. Сестру звали Хрумка, потому что она постоянно что-то грызла, а брата – Кешью за то, что он очень любил эти орешки. Жили они с родителями в большой клетке, которая стояла на полке между клетками с попугаями и морскими свинками.

Хомячок был доволен жизнью, целыми днями бегал в колесе, играл, пел и танцевал вместе с братиком и сестрой. Своего имени он пока не знал, так как имена давали люди, приходившие в магазин.

Однажды, в солнечный день, к ним в магазин зашла девочка лет десяти. На голове у нее был красивый розовый бант в горошек.

Хомячку эти горошинки напомнилм еду и он подбежал к прутьям, чтобы получше рассмотреть девочку. Цокая своими атласными туфлями, она тоже подошла к клетке. Девочке очень понравился пушистый зверек с необычными ушками, и она купила его.

Новый дом напугал хомячка: там не было ни

родителей, ни брата, ни сестры. Когда девочка несла его, он видел необычайно высокие сводчатые потолки и непривычно длинные коридоры, сияющие от полос солнечного света. Мимо проплывали пузатые вазы с пышными цветами. На их лепестках сияли золотые лучи, льющиеся из приоткрытых окон, а за ними, прямо за оконными рамами – лежал огромный мир, пока что неведомый хомячку.

Поджав лапки возле щёк, хомячок разглядывал оттенки на стенах, напоминающих своим цветом орехи кешью, какие он часто видел у своего брата. Это помогло хомячку успокоиться.

Оказалось, что девочку звали Элла. Посадив хомячка в просторную, просто огромную клетку, девочка, улыбаясь, сказала: «Маленький Пинк, тебе здесь будет хорошо!».

«У меня теперь есть имя!» – обрадовался хомячок, тут же забыв о своих страхах...

Глава 2. Знакомство.

ЭЛЛОЙ ДЕВОЧКУ называла высокая стройная женщина с приятными чертами лица, улыбавшаяся часто и тепло. Она улыбалась даже новому маленькому пушистому члену их небольшой семьи, состоящей из девочки, её родителей и мудрой бабушке.

Еще членами семейства были ворчливый кот по имени Пушок и с молчаливая золотой рыбкой Берти.

Кот был очень важным. Он чувствовал себя хозяином дома и любил стучать лапой по стеклу аквариума Берти, пугая её. Пушок, конечно же, не взлюбил хомяка с первого дня, потому что Пинку уделяли больше времени, чем ему. Поэтому он частенько тряс клетку Пинка и пытался просунуть туда лапы. Но отважный хомячок не давал себя в обиду и кусал кота за лапы, а иногда и вовсе гонялся в специальном шарике по всему дому за котом, который не слишком-то любил его средство для передвижения – ведь он не мог достать оттуда своего новоявленного врага...

Аквариум с Берти стоял рядом с клеткой Пинка. От такого соседства золотая рыбка прямо расцвела, и засветилась, словно и в самом деле была золотой. Она даже разговорилась и теперь Пинк часто слушал ее повествования о морских глубинах и исполинских жителях, о которых она узнала из телепередач и научных журналов, небрежно брошенных бабушкой на край стола с аквариумом. Но, разумеется, об этих нюансах рыбка не рассказывала, по большей степени ссылаясь на свои собственные приключения.

Глава 3. Побег из клетки.

СЕМЬЯ ДЕВОЧКА жила в своем доме, и поэтому кот каждый день свободно гулял на улице, хвастаясь этим перед Пинком. Пушок всегда говорил, что на улице гораздо лучше, чем в клетке. Там нет ни прутьев, мешающих смотреть. Там даже в ненавистном Пушку шаре можно было кататься, не стукаясь о стены – настолько просторно на улице! А сколько там красивых вещей, которые никогда не появят-

ся в доме: мягкая трава, на которой можно валяться, разноцветные листья, которыми можно играть... Пинку стало очень интересно: как там, на улице... Даже девочка и её родители каждодневно куда-то выходили из дома, но хомячок не знал, куда и зачем...

Однажды ночью Пушок пришел к Пинку и с горящим, блестящим взором заговорщика зашептал:

– Пиинк, а знаешь, что я видел?

Пинк навострил белое ушко...

– О, ты не поверишь! Я даже не уверен, стоит ли тебе об этом рассказывать, уж слишком важная информация, знаешь ли...

– Что-что?

Кот наклонился поближе к клетке и так же шепотом произнес:

– Я видел свадьбу светлячков! Там были разные лакомства: горошек, зерна и всякие вкусности! А самое главное… Я видел таких же, как ты! – восторженно воскликнул он, для большей окраски своих чувств взмахнув пушистым хвостом.

– Подожди, – недоверчиво заговорил Пинк, переступая с лапки на лапку. – Как это? Пушок, открой мою клетку! Пожалуйста, я только туда и обратно!

– Беги прямо, а потом, когда увидишь полынь – это такое длинное растение серебристого цвета – сверни налево, – с важным видом освободителя открыв клетку хомяка, произнес кот, самодовольно улыбаясь.

Пинк выбежал из клетки. Хитрый кот показал на дырочку в стене, которую проделала очередная мышь. Пинк юркнул туда, а кот радостно метнулся к детскому стульчику и, двигая его, закрыл ножкой стула дыру.

«Ну вот и все, избавился наконец от этого глупого Пинка. Сейчас снова буду единственным и любимым Пушком, и все лакомства будут только мои. Мяу!»

В хорошем настроении он направился рассказывать Берти свою подлость – пусть помучается, что ее дружок пропал!..

Глава 4. Свадьба.

Пинк бежал со всех своих хомячьих сил туда, где происходила свадьба. Вот и полынь. Он невольно остановился, задрав мордочку: полынь он видел впервые и был поражён, что такие растения вообще существуют. Он с интересом рассматривал желтые шарики, серебрящиеся в свете Луны, которую тоже, кстати, впервые видел вот так, в полном великолепии, а не мельком, в окне.

Кот не врал, когда говорил о том, насколько свобода ударяет в голову. По всему маленькому тельцу словно бы растекся неведомый волшебный эликсир, заставляющий сердце биться чаще, а дыхание – прерываться. Он чувствовал, как его лёгкие наполняются свежим воздухом, а ветер шныряющий повсюду, ласакет его шерстку своими прохладными пальцами. Ветер колыхал высокую траву, и хомячок прислушивался к её шуршанию, на фоне которого терялось далекое таинственное уханье совы...

Впервые он ощущал себя таким крохотным среди этого, и в самом деле, как рассказывал кот, огромного пространства. Пространства, настолько большого, что он казался лишь маленькой точкой на широком листе бумаги. Но Пинка это не пугало, напротив, он был заинтригован всем происходящим и с огромным любопытством рассматривал каждую деталь, стараясь запомнить как можно детальнее каждый фрагмент своего небольшого, как он думал, путешествия туда и обратно.

По освещённой ночным светилом дорожке хомячок добирался до места, о котором рассказывал кот. Уже на половине пути Пинк услышал волшебную музыку, нежную и мелодичную. Невольно покачивая головой из стороны в сторону, хомячок замедлил шаги, и тут он увидел перед собой целое пиршество! Там были мышки-полевки, хомяки, птицы, гусеницы, и даже бледная, словно невыспавшаяся, моль. Летучие мыши присутствовали здесь в качестве оркестра.

На камнях были разложены разные вкусно-

сти. Так Пушок не обманул его! Пинк с радостью уплетал их за обе щёки и смотрел на яркое зрелище. Хомячки, бывшие на свадьбе, обсудили меж собой появление новичка, нашли его вполне дружелюбным и некоторые даже подошли познакомиться.

Тем временем светлячки собрались в круг и, вертясь, начали взлетать, при этом кружась и освещая все вокруг тусклым светом. А потом молодожены взлетели ввысь, сверкая так ярко, что Пинк даже закрыл глаза. А светлячки вокруг начали танцевать, прыгая, словно в воздухе были ступеньки. Вскоре они улетели ввысь и стали казаться звёздами в ночном небе, а спустя какое-то время растаяли без следа…

Постепенно стали расходиться и гости. Смолк оркестр летучих мышей, опустела поляна. Пинк остался один посреди высокой травы, колыхающейся на ветру. Теперь тишина не казалась притягательной – она пугал и заставляла съёжиться.

ГЛАВА 5. ОГОРОД.

С САМОГО УТРА Пинк пытался найти дорогу в свой дом, но не мог. Он отчаянно бродил по зарослям травы, а в животе уже урчало: пришла пора завтракать. И Пинк совсем отчаялся, как вдруг увидел что-то знакомое... Да это же стручок гороха! Пинк помчался навстречу завтраку, как вдруг увидел другого хомяка, бегущего наперерез.

Тот шустро прибрал горох в свои щёчки, и вопросительно посмотрел на Пинка.

– Это моя территория! И что ты, собственно говоря, тут делаешь? – невнятно спросил он Пинка.

– Я потерялся! – отчаянно проговорил он.

– А где ты живёшь, и как тебя зовут?

– В большом доме, где живет маленькая девочка Элла. А меня зовут Пинк, – с огорченным видом произнес он.

– Я знаю этот дом и Эллу, – равнодушно ответит хомяк, махнув лапой. – Ой, да тебе ведь до дома далеко, да и не безопасно. А как ты вообще здесь оказался?

– Мне хорошо жилось в клетке, но я захотел посмотреть на мир, – сказал Пинк.

– Ну и как тебе этот мир? – саркастически спросил хомяк, обнажив свои жёлтые зубы. – Кстати, меня зовут Грин, – продолжил он чуть позднее и более внятно, проглотив наконец-то горошину.

– А чем ты тут занимаешься, Грин? Разве у тебя нет дома, ты тоже потерялся?

– Вот еще! У меня тут рядом своя норка!

– А может ты проводишь меня до дома? Я не знаю дороги,– умоляюще попросил Пинк.

– Ты понимаешь, зима на носу, а у меня не все кладовые еще заполнены!.. Тружусь тут, ьружусь... Ладно, я тебе помогу, но и ты мне помоги с запасами на зиму! – произнес Грин, деловито вытягивая свою лапу для скрепления уговора рукопожатием.

– Хорошо, – согласился Пинк, уверенный в помощи хомяка.

Грин повел Пинка на огород, где росла кукуруза, горох, подсолнухи, лук, редиса, тыквы, фасоль и много чего ещё…

– Вот, – объявил Грин, – видишь? Нужно, чтобы запасы отсюда переместились туда, – и он махнул лапкой в сторону далекой норки.

Пинк бегал до норки хомяка и обратно на огород, собирал зерна до самого вечера, и очень устал, поэтому сразу же лег спать под большим камнем – в свою норку Грин ночевать не пустил, сославшись на то, что в ней мало места. Но перед сном Пинк успел подумать об Элле, своем доме и о том, как же он соскучился...

Наутро Грин разбудил хомячка и они снова пошли на огород, разрывать землю и таскать картошку в кладовую Грина.

Катя очередную картошку Пинк спросил:

– Ну а сейчас хватит тебе на зиму? У тебя же все кладовые полны.

Грин, жуя листок салата, махнул лапкой в сторону:

– Вон там у меня есть еще одна норка, так вот она пуста.

– Тебе же на зиму и одной кладовой хватит, куда так много? – удивленно спросил Пинк.

– А мышки-полёвки и другие хомяки, которые все тащат у меня? Должно быть несколько кладовок! – продолжая жевать свой салат нахмурился Грин.

ГЛАВА 6. РАЗОБЛАЧЕНИЕ.

ПРОШЛА неделя, а Грину все было мало, хотя уже заполнили и вторую кладовку. Накопившиеся усталость, обида и отчаяние побудило Пинка бросить морковку в Грина:

– Ты жадный и прожорливый хомяк! Сколько можно заниматься заготовкой на зиму? Я хочу домой!

– Да успеешь ты домой, а вот зима не за горами, – спокойно ответил тот и бросил в ответ горошину.

– Ну, всё, я ухожу! – отрезал Пинк.

– Да куда тебе идти-то? Со мной будешь, идти тебе некуда.

– Некуда?! Ты меня что же, решил пожизненно своим рабом сделать?

И возмущенный Пинк, отбежав в сторону, демонстративно лег в тень большого камня.

В это время мимо пробегала мышка-полёвка и услышала их ссору.

– Грин тебя использует! О его жадности знают если не все в округе, то большинство. Он таким несносным стал после того, как его изгна-

ли из клана хомяков! И раньше был, конечно, противным, но не настолько... А тебе, кстати, до дома-то совсем недалеко, так что я могу проводить, но ты мне обещай, что иногда будешь давать сладости со своей кормушки. Повезло тебе меня встретить! – закончила мышка, подмигнув.

– Терять мне нечего, пойду с тобой, – согласился Пинк.

Увидев, что Пинк покидает поляну, Грин встрепенулся:

– Эй, а как же опасности, которые ждут тебя на пути? Ведь тебя некому будет защитить! Останься!..

Но Пинк на это ничего не ответил.

ГЛАВА 7. ДОРОГА ДОМОЙ.

ДОБЕЖАЛИ они до дома и в самом деле очень быстро, а ведь Пинку казалось, что он ушел очень далеко.

– Наконец-то я дома!

На террасе за круглым столом сидела девочка. Она грустила и пила горячий шоколад. Пинк тронул лапкой её ногу, девочка вскрикнула и посмотрела вниз:

– Пинк! Где же ты был? Мы тебя обыскались! Знал бы ты, малыш, как по тебе скучали и мама, и папа, и бабушка. Даже наша Берти и то сникла – почти совсем не показывается и всё сидит в своем замке... – произнесла девочка, протягивая ему кусочек сахарного печенья...

Пинк был счастлив оттого, что его искали и волновались и что наконец-то он дома со своей семьей. Единственный, кто был не рад, это Пушок, злобно сверкнувший яростными голубыми глазами:

– Это ещё не конец, Пинк!..

Но планам кота не суждено было сбыться: его увезли в далекую деревню к бабушке Эллы, которая давно хотела заполучить подмогу, так как мыши изрядно подпортили её мебель. Кот сидел в машине, которая увозила его от дома и думал, как же ему не повезло... Ведь у бабушки, чтобы заслужить кусочек колбаски, надо будет потрудиться, ловя мышей, и потрудиться на славу...

МАКСИМ ВАСЮНОВ

Богдан Долматов

ПРИВЕТ, ФИДЕЛЬ!

Максим ВАСЮНОВ вырос в Нижнем Тагиле. С 7-го класса публиковал заметки в местной прессе, как прозаик дебютировал в сборнике «Предчувствие света». Учился в педколледже, затем на факультете журналистики Уральского государственного университета, параллельно работал в телекомпании «Телекон», затем на Первом канале в программах «Время», «Доброе утро!». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Наш современник» и др. В настоящее время журналист и сценарист. Автор романа «RASSOLNIKI», сборника прозы «Следы ангела» и поэтической книги «От стрекозы до луны». Работал над фильмами для телеканалов «Звезда», «ТВЦ», «РЕН ТВ», «RTVI». В 2015 стал соавтором сценария художественного фильма «Триста», в котором, среди других, сыграл еще один тагильчанин – актер Ярослав Жалнин.

1.

«СЕГОДНЯ ночью умерла Надя. Никогда не думала, что придется это писать. Она до последнего верила, что сможет победить. Спи спокойно, ангел».

Под постом о смерти Нади была ее фотография в черной рамке. Та самая фотография, которую сделал я, когда мы вместе отдыхали в лагере для городских активистов. Она здесь влюблена и улыбается какой-то неземной улыбкой. В общем – если бы я выбирал фотографию для прощального поста, то я бы тоже поставил эту.

Надя, Надя. Странные параллели. С ней связана моя первая влюбленность. И с ней же – первое дыхание смерти. До этого никто из ровесников не умирал, и смерть казалась привычкой стариков. А тут – на те. Зря обо мне забыли, я хожу за каждым. Вы чувствуете иногда холодок по спине? Вы еще вздрагиваете, как от удара током! Так вот – это я балуюсь.

Надя, Надя. Нет, у нас не было ничего серьезного. Обычная влюбленность подростков. Бумажные сердечки, длинные смс, медленные танцы, прогулки после отбоя на мыс любви – типичная романтика загородных лагерей. Впрочем, что-то все-таки случилось тогда между нами – мы еще долго общались в сети, следили за жизнью друг друга. И вот в эту ее жизнь я был влюблен даже больше, чем

в наши с ней воспоминания. Надя не жила, а летела. Университет, КВН, театр, молодежный парламент, маленький бизнес, путешествия, паломничества, организация концертов, бег по утрам в субботу, литературные вечера… Селфи и фото обновлялись каждый час. И так было лет десять. Потом я уехал в другой город, дела, заботы, семья, за Надиной жизнью было уже не угнаться. Да и времени на соцсети стало меньше. Чем взрослее человек, тем меньше ему хочется ставить лайки.

Однажды мне прислала письмо наша общая знакомая:

Мы собираем деньги на лечение Нади.

Что случилось?

Рак. Уже три химии позади.

Как это? Шансы есть?

Небольшие.

Полез на ее страницу. Там ни слова о болезни. На фото – как всегда улыбчивая, счастливая. Только теперь все чаще – в платочке.

Она молодец, держится.

Да, она умница. Не сдается.

Прошло месяца три. Что-то дернуло меня написать Наде. Она ответила. Поболтали, посмеялись, договорились, что когда я приеду на малую родину, вместе сгоняем в тот наш лагерь, там красиво. К тому же есть, что вспомнить!..

Через два месяца ее не стало.

И вот я приехал один. Просто после похорон мне некуда было идти.

Вывеска над железными воротами «Звездный» – буквы синие вперемешку с ржавчиной. На воротах замок. Что за фигня? Неужели не попасть внутрь? Чуть в стороне на территории лагеря домик охраны. Он же когда-то был административным корпусом. В одном из трех окон горит свет. Хоть что-то. Пинаю по воротам, машу руками, кричу – «Эй, есть кто? Але-е-е!». Кричу и вспоминаю, как однажды, в день самоуправления, Надя была директором лагеря, а я навязался – охранником. Чтоб быть с ней рядом. Ух и строгой она оказалась! За опоздание в столовую лишала обеда, за прогул зарядки – завтрака, а тому отряду, который плохо подготовится к вечернему концерту – обещалось самое страшное – лишение дискотеки. В итоге кто-то выбил стекло в кабинете директора. Влетело мне, как плохому охраннику.

...Пружина на дверях пропела старой гармонью, на крыльце административного корпуса показался человек в спортивном костюме и в очках с толстой оправой. Маленький, пришибленный, меньше всего он походил на охранника. «Дядя Федя!» – сразу узнал я его. Или как он называл

себя «Фидель», в честь Фиделя Кастро. Я его запомнил, потому что в отличие от других охранников Фидель выпускал из лагеря без всяких вопросов. И также – впускал. Иногда мы оставляли ему за такую чуткость пару бутылок пива.

– Тебе что?

– Да я, вот тут…

Попытался ему рассказать коротко зачем я приехал. Он долго смотрел на меня из под очков, будто пытался узнать.

– А в каком году тут были?

– Кажется, в четвертом.

– Нет, не помню. Да тут столько всех перебывало, согласен? – И снова взгляд из под очков.

– Ну заходи что ли, – наконец «узнал» он. И открыл ворота.

– А лагерь давно закрыт, не работает, – рассказывал охранник, пока мы шли в корпус, – я тут один живу.

– Охраняете?

– Нет, живу.

– Как это?

– Так вот, это дом мой. Приватизировали еще в девяностые. Люди помогли. Так и живу.

В доме пахло сигаретами, сыростью, кошками. Все было завалено коробками, книгами, старыми половиками. Работал маленький телевизор в углу. Рядом с входом накалялся железный чайник на электроплитке.

– Ну ты это, иди тогда, наверное, погуляй, – Фидель не растерял чуткости за эти годы, – тут ничего не изменилось, а потом приходи чай пить, потрепемся с тобой, раз приехал!

В эту минуту я пожалел, что не взял с собой выпить. Хотя хотел.

Второй раз я пожалел тут же, когда вышел и свернул на главную аллею лагеря, по обе ее стороны стояли длинные одноэтажные корпуса, между ними – карусели, качели, спортивные площадки, веранды… Я запомнил все это живым, многолюдным, «общий план» лагеря засел в моем сознании как что-то шумное, яркое, солнечное, карусели крутятся, качели взметают до неба, девчонки визжат, на верандах идут репетиции, на площадках парни режутся в настольный теннис… Теперь ни шороха, ни звука, качели как вкопанные, карусель – не сдвинуть с места, старые теннисные столы провалились, и в целом вид у всего какой-то приплюснутый, скукоженный, будто лагерь придавило горем. Не от смерти Нади, здесь какое-то свое горе, какая-то своя смерть.

Я дошел до конца аллеи, до последнего корпуса, все думал о том, что вот-также ветшают наши воспоминания, наши мечты, все наше прошлое. Лишь моменты – веселая шумная карусель, а в целом – полоса ржавых качелей. Не потому что не было ничего хорошего, а потому что мы за делами настоящего редко вспоминаем свое прошлое, редко трогаем его, и оно ржавеет, приходит в негодность.

Сначала, наверное, обижается от нашего невнимания, пытается напомнить о себе скрипом, треском, шорохом листвы. Но разве докричишься до кого сегодня, все разъехались, переженились, заработались. Так и умирает прошлое – от невостребованности. Кладбище воспоминаний.

Возможно, я все-таки не прав, возможно, приди я сюда по другому поводу, приди сюда с Надей, то у меня бы рисовались другие образы и ассоциации. Возможно ту же ржавую карусель я бы обнимал и гладил по холодной коже, в благодарность за то, что она помнит минуты наших нежностей и радостей. Помнит наше тепло.

Возможно… Но сейчас захотелось убежать отсюда и больше не возвращаться. Я даже не дошел до Мыса любви, самой высокой точки лагеря. Оттуда были видны извилистая река и леса, что раскрасили пространство от горизонта до лагеря всеми оттенками зеленого. А по ночам с мыса доставали звезды. Головокружительный вид.

Голова здесь кружилась не только от пейзажей.

Сегодня на мыс не тянуло. Вероятно, я боялся, что и пейзажи будут уже не те, не наши.

...Спустя пять минут я вернулся к Фиделю.

2.

– ВЫ ЗДЕСЬ один живете? Тут же можно с ума сойти!

– Давай выпьем за знакомство, ко мне редко люди заходят! – Фидель достал бутылку водки, поставил ее на табурет перед своим креслом, на табурете уже стояли рюмки и лежали огурцы. Я сел на пуфик рядом – такие раньше были в корпусах для малышей. – Ну как тебе наше хозяйство нынче? – он кивнул на окно, которое выходило на главную аллею.

– Грустно все, – признался я.

– Хм, грустно! – усмехнулся он, – да это вообще швах. Такой лагерь загубили! Все области сюда приезжали! Активы! Спортсмены! И всё как не было.

– А вы-то тут как застряли?

– А я чё, – и дальше Фидель стал рассказывать историю, которая меня так захватила, что я даже перестал думать о Наде. Нет, в этой истории не было богатых перипетий, не было красочных событий, в том-то и дело, что это была история человека забытого и потерявшегося, но при этом какая-то очень наша что ли, русская.

– У меня мамка здесь работала поваром, потом тоже сторожем. Мы здесь круглый год жили, в школе я был на домашнем всегда. Вот тут жили, а еще дома раньше стояли за столовой – для рабочих, дома эти снесли потом. Мамка моя с девок тут ишачила. Ей за это еще при Брежневе квартиру обещали. Но так и тянули. А в 90-е уж стало понятно – не видать квартиры. Вот она и пошла к одному начальнику, другому, всех их знала, тут же их дети всегда отдыхали, а ее как главного повара ценили, ты что! – такие блюда готовила, в лучших санаториях не подавали... И не воровала никогда. «Ты, Наташа, не воруешь, потому у тебя так вкусно всегда», – директор говаривал, забавный мужик.

Ну в общем к одному сунулась, к другому, потом приезжает – все, говорит, дали нам жилье. Где, мама? Ты чего? – Да здесь прям, вот тут в этом доме и приватизировали. Адрес – Звездная, 1, к городу относимся. Так что ты, говорит, Федька нынче житель городской. А я смеюсь – городской, ага, в городе и не бывал никогда. Да я и до сих пор в городе-то три раза был, по документам ездил, – Федя налил себе уже вторую рюмку. – А тут в прошлом году хватились, видать, – как это на территории лагеря территория приватизирована, кто допустил? А кто б ни допустил, по документам все законно, мамка – молодец, все грамотно провернула, – Фидель довольно потер свои коленки и снова потянулся к бутылке, огурцы лежали не тронутыми, – А тут, видать, территория нужна стала, считай, река вокруг, да плюс лагерь на горке стоит, виды божественные, зачем лагерь, когда можно коттеджами застроить или еще чем! И застроили, если бы не я! Меня же не выгнать, хотя пытались, – Теперь Фидель затряс ногой, будто занервничал. К тому же снял очки, стал протирать их краями олимпийки.

Молчал.

Ждет, чтобы я спросил у него, кто и как пытался выгнать, – понял я. Мне было не жалко, и даже интересно, потому я действительно спросил.

– Да кто, кто! Откуда я знаю! Приезжала целая комиссия. Депутаты даже, журналисты, прокуратура, еще какие-то лбы, вы, говорят, тут незаконно. Уезжайте. Ну я им и ответил все как надо. Потом один из тех, кто депутат якобы, подошел по-тихому: «Сколько ты хочешь за этот дом», спрашивает. А я ему – «Не продается», так и сказал, понял! – И он снова потер колени. На этот раз Фидель был доволен собой.

– А я бы продал, – признался честно Фиделю, – Назвал бы цену кругленькую, чтоб на большую квартиру хватило и уехал бы. Что в такой глуши делать, семье ведь здесь по-любому неудобно.

– Да нет у меня никакой семьи и не было, мамка умерла пять лет как, я один.

– Ну тогда, наверное, здесь да, хорошо, одному-то. Если еще и работа есть.

– Мне по инвалидности платят, да так, в де-

ревнях халтурю, хватает. Много ли надо на огурцы и доширак, согласен?

Разных я встречал одиночек, но так, чтобы жил кто один в заброшенном лагере – впервые. Да еще добровольно. Какой-то монах, только за кого и за что ему здесь молиться?

– И не скучно?

– Книг хватает, – отрезал Фидель. Я понял, что ему действительно не скучно.

– И никогда не хотелось отсюда уехать?

– Нет, – отрезал он снова. И снова выпил. Я ждал, что после рюмки он заговорит о том, что здесь у него самое дорогое место, что здесь его родина, здесь он обрел гармонию, или расскажет еще какую-то историю, после которой я начну завидовать его отшельнической жизни, но он молчал. Даже как-то насупился на меня, мол, чё докопался.

Мы посидели, посмотрели телик, там шел какой-то бандитский сериал. Время от времени Фидель снимал и протирал свои очки, тряс ногой и гладил коленки. Я долго вспоминал, кого мне это напоминало. Пока не вспомнил младшего брата, когда ему было лет 12-13 он с таким же азартом смотрел футбол.

Потом я снова вспомнил Надю, как однажды мы с ней убежали из лагеря, погулять по городу, и как нас потом нашел на своей машине директор. Нам потом рассказывали – когда нас не досчитались на вечерней линейке, взрослые чуть с ума не посходили. Потому как из этого лагеря никто никогда не убегал, и никто не знал, что делать в таких случаях. Мобильных в то время тоже не было – родителям быстро не сообщишь, да и стоит ли сообщать – не дай Бог скандал раздуют, а это ведь лучший лагерь, что начальство скажет! О начальстве во все времена думали больше, чем о детях.

По тревоге тогда подняли весь лагерь, и все, кто старше двенадцати, прочесывали территорию до самой реки. Кричали, гудели, чуть костры не жгли. Нашли в итоге только пьяного сторожа. Вот смеху было.

– Помните, тут работал такой парень деревенский сторожем? Краснощекий! Постоянно напивался, к девкам приставал, – спросил я у Фиделя.

– Да, Леха! – оживился он. – Классный парень был! Всегда при деньгах и никогда не жалел в долг! Пил, да. Но кто не пьет, кто без греха? Давай, за Леху выпьем, не чокаясь, замерз он, на рыбалку пошел, и так в воде на берегу нашли. – Фидель выпил, и впервые за долгое время отвернулся от телевизора. – Это же он меня Фиделем прозвал! Не, ну как он!.. По Фиделю-то я сам пёрся. У меня значков только с Фиделем было штук двадцать. Журналы собирал, флаги вешал кубинские, даже пиво было – на этикетке Кастро!

– Я думал Фидель, потому что Федя…

– Не, ты чё! Мы с ним сидели как-то на веранде, уже после отбоя, пили, ясное дело. И он мне говорит: «Вот Фидель мужик ушлый, такими делами ворочает. Если бы все такие были как он, мы бы давно в шоколаде жили. А ты, говорит, он мне, ни рыба ни мясо, двадцать пять лет, а ни работы, ни жены, одно слово – фанат Кастро. А сам-то ты ни фига не Фидель. Не Фидель не фига, Не Фидель». Так и звал меня постоянно – эй, НеФидель. А потом уж прижилось. Уже и без «не» стали называть. А мне не жалко, чё, – Федя привстал, потянулся к ближайшей связке с книгами. Достал одну верхнюю, «История меня оправдает», успел прочесть я. – У меня вот и книги про Фиделя есть. Я его всю жизнь изучаю. Думаю, откуда в человеке столько силы? – Федя полистал страницы, – Так и не могу понять.

Какой проницательный был Леха, успел подумать я, пока Федя листал очередную биографию кубинского революционера. Русские мужики всегда под бутылку ставят правильные диагнозы. Помню, мне Федя всегда казался каким-то чересчур инфантильным, ничего ему не надо, ничего он не умеет, ничего не хочет, ничего не интересно. «Дядя Федя, а можно вас попросить с нами в зарнице поучаствовать?». «В заднИце идите со своими поучаствовать, мне что, делать больше нечего?». «Дядя Федя, а расскажите про Зеленую Пионерку, она реально существует», «Существует, чего еще надо рассказать?». И так всегда.

Про Кастро только мог часами рассказы-

вать. Но чем больше времени уходило с распадом СССР, тем меньше его о Кастро спрашивали.

Теперь я понял, что дядя Федя не-Фиделем был не только с нами, это его обычное состояние.

Мы допили первую бутылку, на табурете появилась другая.

– Фидель, а ты вообще где-нибудь был кроме лагеря и города?

– В деревнях был, говорю же.

– Нет, так чтоб путешествовать.

– А на кой мне путешествовать, да и на какие шиши?

– А образование у тебя какое?

– Школа.

– Училище там какое-нибудь?

– Не-е, а зачем, мне после школы сразу тут работу предложили. Сначала дворником, потом в кочегарке, потом уж сторожа мамка помогла мне получить. Работка не бей лежачего! А то все волновалась, что мне тяжело метлой ишачить да угли переворачивать. А сторожем реально по мне работка, лучшего и не надо, согласен?

– Слушай, – осмелел я, – а любовь у тебя была? Тут же столько девушек классных всегда крутилось! Лагерь для лучших же!

Фидель ответил не сразу, только после того как снял очки.

– Ну была!

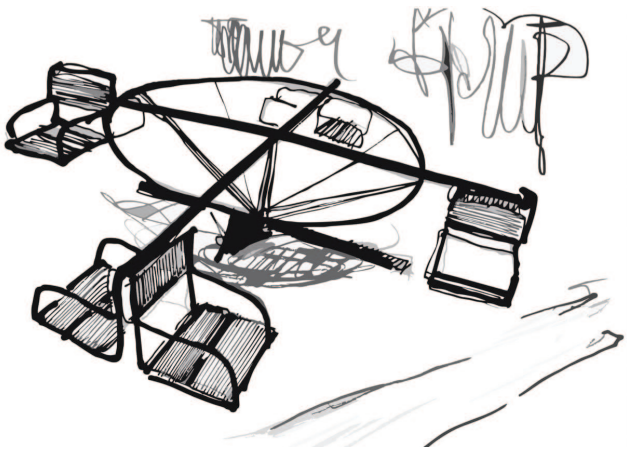
– А что с ней? – когда выпиваешь на двоих вторую бутылку, то свойство бестактности у вопросов пропадает.

– В Америку уехала.

Упоминание Америки давало надежду, что может быть хоть история любви Фиделя окажется интересной. Тем более про любовь сейчас мне хотелось говорить больше всего – лагерь, Надя, водка опять же.

И Фидель рассказал. Было это в начале девяностых. Приехала на смену дочь директора завода. Маруся. Толстушка, дурнушка, но Федя втрескался в нее, как Кастро в Кубу. Весь лагерь ржал над ним – нашел кого выбрать. Ну что ему на мнение лагеря, когда мама поддержала – хорошая девушка, из хорошей семьи. А то что страшная, так изменять не будет. Не то что твой отец…

– Не страшная она, просто упитанная, – оправдывал Федя невесту.



Очередная рюмка водки влила в меня очередные воспоминания о Наде. Крутится карусель, Надя встает на сидушку, одной рукой прижимает подол платья, другой пытается взлететь. «Хочу лететь», – говорит она мне нежно. И отпускает платье. Карусель кружит, Надя летит, ветер оголяет ее ноги. «Как же я хочу летать!» – кричит она и просит сильней раскручивать. Потом вдруг слышу: «Лови!» – и она прыгает с карусели мне в руки. Мы падаем в песок, смеемся, целуемся. Надя, Надя…

– Из-за меня она на все смены приезжала в лагерь, – все это время Фидель тоже вспоминал о своей Марусе, я, кажется, что-то пропустил, – А когда эмигрировала, учиться уехала, то письма писала. Три письма.

– А потом что?

– Ничего. Я же не отвечал.

– Как?!

– А смысл? Америка это же вон где…

– Кастро там рядом же был! – пошутил я. – Вот поехал бы к Марусе! Стал бы американским гражданином уже.

Так и не понял я – на что он обиделся. На Фиделя или на американского гражданина, но после этого он уже не предлагал выпить и снова отвернулся к телевизору.

Я лишь спросил у него еще:

– Ты чего реально ни о чем не жалеешь и тебя тут все устраивает?

– Да в задницу все, – Фидель был, как и я уже сильно пьян, и не уверен, что он расслышал мой вопрос.

Минут через пять, в тот момент, когда по телевизору начались новости, я уснул, прислонившись к стене.

3.

СНИЛСЯ холод. Оказывается, он может присниться. Какая-то белая глыба, айсберг что ли, медленно падал на меня. А через мою грудь текла река, ее волны сначала тоже были холодными, обжигали душу, но постепенно становились все теплее, теплее. В какой-то момент приснился автобус, заполненный детьми. Это нас везли в первый раз в «Звездный». Все галдели, кричали, лезли в окна, махали руками проезжающим навстречу машинам. Одна девушка сидела грустила, с зеркальцем в руках, это была Надя, я то и дело поглядывал на нее, потом зеркальце упало, разбилось. Я подошел, чтобы поднять его. В этот момент из зеркальца потекла кровь. Снова стало холодно. Страшно и холодно. Надя снова улыбалась. И говорила «Я лечу».

Надя была в том же платье, в котором ее хоронили. В синем с красными маками.

От ужаса я проснулся. Долго приходил в себя, потом вспоминал, где я. На мне висели половики, видно, я ими накрылся, когда улегся на пол, головой на пуфик. Наконец, ко мне стали возвращаться слова и картинки вечера. Они тоже были холодными. Пустыми. Какой-то пустой разговор. Пустая судьба. Неприятными были эти воспоминания. Не за ними я приехал в лагерь.

В углу по-прежнему работал телевизор, там шло какое-то шоу про моду, на табурете стояла недопитая бутылка. Рядом валялись книги. Фиделя не было. За окном уже вовсю светало. Я посмотрел на часы – половина четвертого утра.

Спать больше не хотелось, я завернулся в половик и вышел на улицу.

Деревья и кусты набухали утренней росой, росы было много и кусты акации со своими продолговатыми желтеющими листьями в этот час больше походили на гроздья леденцов. Или льдинок.

Было еще по-утреннемуознобно. Ветер продолжал испытывать на стойкость стебельки полевых цветов, которыми заросли площадки и корпуса.

В горле сушило, несколько раз я ртом втягивал в себя прохладный воздух, не помогало. Наконец, я затянулся утром во всю грудь. Меня тут же пробил запах травы и сосен. Этот запах! В котором мы засыпали и просыпались каждое лето и который еще долго преследовал нас, когда мы разъезжались по своим городам. Соснами пахли волосы Нади…

Меня пробило. И я не смог не заплакать.

Надя, Надя. Меня потянуло ближе к соснам, в самую гущу запахов и воспоминаний. На Мыс любви. По пути я осторожно, чтобы не разреветься совсем, бросил взгляд на нашу карусель. Она по-прежнему стояла как вкопанная. Я попытался с ней заговорить – все, чтобы сдержаться: «Хоть бы скрипнула ради приличия. Ради прошлого. Железная дубина!».

Но свои круги карусель уже описала в судьбах сотен и тысяч ребят, которые многое сделали на ней впервые в жизни – укатались до головокружения, прыгнули с нее в песок, поцеловались, задрали юбку соседке, покурили, обсудили девчонок из соседнего отряда, парней-старшаков, забили стрелку тому, кто тебе сильно не нравился, потому что сильно нравился той, которая нравилась тебе… Карусель как памятник, маятник, маяк…

На Мыс любви по-прежнему было непросто взобраться. Резкий подъем без ступенек, перил, без кустов , за которые можно было бы уцепиться. Только одни толстые стволы пахучих елей, да пара лип.

Еле-еле – сноровка потеряна – ставя ступни

перпендикулярно тропинке, я взобрался на самый верх. И на тебе – Фидель. Сидит на детском стульчике, курит.

– А-а-а, какие люди! Ну и быстро ты вчера вырубился! Не привык, поди, такую бодягу пить?! – Фидель заржал и потянулся к коленям, но быстро убрал руки от штанов – наверное, вспомнил про сигарету, – смотри вон как! – сказал он уже другим тоном, завороженным, и кивнул на горизонт.

Передо мной нарисовалась картина из фэнтези или советского кино. Синее– синее небо, такая же синяя река. На том берегу – могучий зеленющий лес, накрытый сиреневой дымкой. Туман как паутина ткался с широкой реки, с неба, окутывал саму реку, окутывал небо. Маленькие прозрачные облачка – как мыльные пузыри, которые пускал в этот час кто-то зависший между водой и лесом – медленно проплывали мимо нас с Фиделем на расстоянии вытянутой руки.

– Красиво, согласен? – спросил Фидель.

– Да уж! За одно такое утро я бы тоже остался здесь навсегда, – сказал я то, что подумал в этот момент.

– Да не, сейчас уже не так красиво, – Фидель запустил в один из облачных пузырей окурком, – вон смотри, видишь в лесу сколько фонарей?

Я пригляделся – и правда – сразу не заметил – сквозь зелень и фиолетовый туман пробивались круги тусклого света.

– Город все ближе, а там вон – видишь, где самые яркие фонари в строй встали, там трасса новая с мостом. Раньше ничего этого не было, выходишь сюда – и сразу в раю! Лагерь-то наш был как чудо-остров посреди всего этого, а теперь – об-

ступают нас, скоро вытеснят к чертовой матери. Настроят тут домов, испоганят все, потравят. Но я сказал, что пока жив – никому не дам лагерь снести, а они и не снесут пока мой дом тут. Зачем им коттеджный поселок с моей халупой посередине, согласен?! Выкусят, на!

Фидель говорил еще, даже заводился, пару раз ударил себя в грудь, показал «фак» кому-то на горизонте, сплюнул, снова закурил.

– Недавно ко мне тут девчонка приходила, – сказал он, когда успокоился.

– Какая девчонка? Тут же никто не ходит, и забор кругом.

– Да я сам не понял, откуда и кто. Видно с деревни что ли, там за рекой под мостом деревня начинается. За грибами, может, пошла и перелезла, кто их разберет. Но меня знает. «Привет, Фидель! – говорит, – как живешь?» И такая говорит со мной, как со старым знакомым.

– А как выглядела?

– Ну такая, миловидная, улыбается, волосы такие темные волнистые. А, – запнулся Фидель о воспоминания, – меня еще удивило, как она так за грибами пошла в платье. А она в платье была. Таком легком. Синее, с красными маками.

Меня зазнобило, показалось, что кто-то холодным льдом обкладывает корни моих волос.

– А когда точно приходила? Вспомни.

– Так три дня назад.

– Так это же когда она у… – Я не договорил. Сел на землю, сжал руками голову, почувствовал, как огромная глыба льда падает на мою спину и проходит сквозь меня, не причиняя мне боли, не оставляя царапин.

Пожирает вечной мерзлотой.

– Она долго тут сидела со мной, – говорил Фидель, как сквозь толстую стену льда, – Молча сидела. О чем-то думала. Красивая девка!

Я ушел из лагеря к первому автобусу. Напоследок еще раз попробовал сдвинуть с места старую карусель – не поддалась. Обожгла ладонь остывшим железом.

НАДЕЖДА ЧЕРНАВСКАЯ

Марина Ильина

КАНИКУЛЫ НАЧИНАЮТСЯ

Надежда ЧЕРНАВСКАЯ родилась в Ирбите, живет в Нижнем Тагиле. Публиковалась в газетах и журналах, участвовала в межрегиональных поэтических фестивалях, конкурсах. Автор сборников стихов и рассказов «Полустанок», «Сундучок», «Чудо-огород», «Жить на пять!», «Давайте верить в чудеса!». Ряд стихотворений был положен на музыку, став песнями.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, правду говорят, что мечты иногда сбываются.

Целых пять дней в деревне! Какие милые родители, что отпустили меня с подружкой погостить у её тетки. Это будет наш первый Новый год не дома, а в загадочной Слободе, про которую Полинка все уши прожужжала. И вот – свершилось!

Мы такие счастливые – никто нас не сопровождает из взрослых. От этой свободы за спиной гигантские крылья растут. Все-таки, уже в седьмом классе учимся, почти самостоятельные! А Полинка так вообще – отличница, ей в школе всё время книжки дарят и благодарности пишут за хорошее воспитание. Совсем недавно «Войну и мир» на торжественной линейке вручили, хвалили за отличную учебу и примерное поведение.

Рядом с такой-то и за меня беспокойства нет.

Едем в холоднющем автобусе уже больше часа. Ноги стали мерзнуть, пуховые платки то и дело на затылок сползают, а руки стали ледяными, неуклюжими. Сидим, прижавшись друг к дружке, молчим. Неуютно, зябко. И тревога берёт, встретят ли? Автобус ведь довезёт нас только до райцентра, а дальше до Слободы – как добираться? Мы с Полинкой не знаем. Нас должны были встречать. И встретили... трое рослых парней в овчинных полушубках, валенках и больших рыжих мохнатых шапках-ушанках. Это были подружкины двоюродные братья. Увидев сестру, они разулыбались. Подшучивая над нашими замерзшими носами и холодными руками, представились. Старшего звали Михаил, потом Сергей, младший – Николай.

Михаил был уже женат, Сергей после службы

в армии работал в совхозе механизатором, а Николай был нам почти ровня – и с белозубой улыбкой сообщил, что следующей осенью в армию служить пойдёт.

Я про них всё давно знала от подружки, но никогда их не видела. Красивые...

В сторонке стояла запряженная в санирозвальни лошадка. Шерсть её местами была покрыта инеем, а над спиной на дуге сверкали металлические колокольчики. В санях горкой лежало сено.

– Ну, гости, занимайте почётные места в салоне, – шутливо сказал Михаил.

Чувствовалось, что он здесь главный.

Все стали рассаживаться. Мы с Полинкой устроились на сене.

Серега с Николаем приткнулись к старшему брату, который прыгнул в сани последним. Умело управляя лошадью, развернул её в нужном направлении. Животное покорно выполняло команды и сани, оказавшись на дороге, сначала медленно, потом попроворнее побежали по скользкому насту.

Слов за это время было сказано мало.

Братья, стоя на коленях у передка саней всё время оглядывались на нас с любопытством, наблюдая нашу бестолковую возню. Мы с Полинкой никак не могли сесть нормально, нам было неудобно, непривычно, мы ворочались и хихикали.

Я впервые ехала в деревню зимой, да ещё на санях, которые везёт лошадь, самая настоящая живая лошадь! Когда-то, в семилетием возрасте в летнюю жару я ездила с родителями в гости к своей тете в деревню на автобусе. Гостили у неё неделю, а когда нужно было уезжать обратно домой, прошли сильные дожди, автобусы не ходили и нам пришлось идти пешком сорок пять километров, это я запомнила на всю жизнь.

Сколько чего со мной приключилось за эту гостевую неделю! – петух на меня кидался, в угол загнал, гусыня чуть не поклевала, потому что сарафан на мне был красного цвета. А дорога домой показалась мне такая длинная, бесконечная просто! Так устала, так устала, что даже земляника мне невкусной казалась. Когда в лесу передохнуть на поляне сели, отец целую горсть принёс земляники, а мне пить воды хотелось... А сейчас совсем другое дело. Я на всё вокруг смотрела с огромным интересом. Уже начало смеркаться, но были хорошо видны деревянные домики с маленькими окошками и старинными резными ставнями, занесенные снегом широкие ворота и заледенелые проторённые тропки к колодцам.

Через райцентр мы проехали под разноголосый лай собак, бежавших за санями.

На пятерых места было маловато, сидеть стало неудобно, ноги быстро затекли. Мы уже давно выехали на простор. Снег под копытами мерно поскрипывал. Разговор мало-помалу оживился. Даже начали шутить.

– Девчонки, выпить хотите? – откуда-то появилась неполная бутылка водки.

Мы замахали руками. В голос: «Нет, мы не пьём. А далеко ещё ехать нам?» «Не волнуйтесь, красавицы, скоро приедем, вот только поле это осилим. Дорога тут накатана, но заносы... А то бы выпили с нами, всё веселее ехать-то, а, девчонки?». Это были Серега с Николаем – балагуры.

Михаил следил за дорогой, ловко управляя лошадью. Натянул поводья, прикрикнул, свистнул и лошадка перешла в галоп. Сани то и дело сильно потряхивало из стороны в сторону. В любой момент они могли перевернуться. Мы с Полинкой всё время хватались друг за дружку и просили Михаила не гнать так сильно, но он нас не слышал. Для него это было привычным делом.

А парни, Серега с Николаем, допили из бутылки водку, умудрившись не расплескать ни капли. Они смеялись уже без всякой причины, потом стали горланить частушки, «ржали» сами над собой.

Мы пугливо переглядывались с подружкой: скорее бы уж эта Слобода, где же она?!

Кругом была ровная снежная гладь, ни деревца, ни огонька. Колючий пронизывающий ветер, снежная пыль в лицо, да диковатые песни раздухарившихся деревенских парней. Я решила отвернуться от ветра и сесть поудобнее, как в это время сани дернуло в сторону, да с такой си-

лой, что я, как пушинка, вылетела из них далеко в снег.

«Свободный» полёт оказался неудачным. Я ушибла ногу. Было больно, но самым обидным оказалось то, что моего падения никто не заметил. Подружка сидела в санях ко мне спиной, парни продолжали петь, размахивая рыжими шапками и хохоча над собой. Лошадь, погоняемая Михаилом, неслась вперёд во весь дух.

В первые мгновения я думала, что они всё видели и остановятся, чтобы забрать меня, но прошло некоторое время – и никого не было...

Сижу в сугробе, рассуждаю сама с собой: но ведь бросить же не должны, что они в деревне скажут, если приедут без меня?

Я попробовала встать, но тотчас провалилась. В валенки набился снег, нога болела. Попыталась вылезти из сугроба на дорогу – тщетно. Сижу по пояс в снегу, хоть реви. Кругом ни души и темень вокруг. Где я, где подружкина деревня, где эти пьяные олухи? А если не вернутся за мной? Какое жуткое ощущение беды!

– А-а-а... Эй! – закричала я во весь голос туда, куда скрылась повозка.

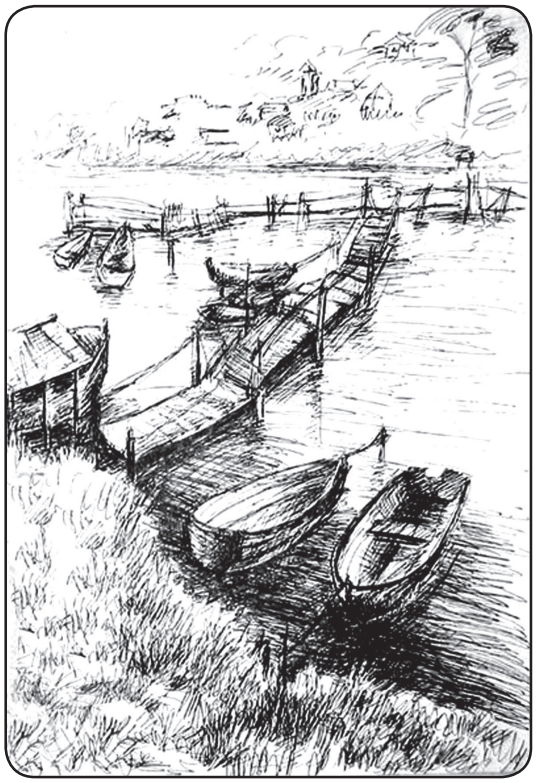
«Вернитесь, я здесь!...» – уже в полной безнадёге шепчу я для самой себя.

Вот тебе и свобода, вот тебе и каникулы. Да чтоб я еще куда поехала!..

И вдруг я увидела перед собой лошадь! И всю нашу компанию. Хохотали друг над другом от души. В том числе и я – от радости, что не пропала в деревенских бескрайних снегах, что меня не бросили в беде.

Серега с Николаем вытянули меня из сугроба, как травинку, вытряхнули снег из моих валенок, усадили рядом с надрывающейся от смеха Полинкой. Лошадка повезла нас в заветную Слободу уже ровнее. Протрезвевшие встрещальщики сдали нас подружкиной тетке, как самый драгоценный груз...

ОЛЬГА МАЛЬЦЕВА



Марина Ильина

А ВЫ КУПАЛИСЬ ЭТИМ ЛЕТОМ?

Ольга МАЛЬЦЕВА по профессии инженер-строитель, живет в Нижнем Тагиле. Любит путешествовать, пишет стихи, занимается живописью. Лауреат конкурса «Серая шейка» в номинации «Художественные произведения о детях и для детей». Автор книг «Селфи на качелях», «Эхо уральских гор».

В ЭТИ ВЫХОДНЫЕ меня пригласили в сад. Это означало, что можно отправиться на пленэр в комфортных условиях, расслабившись. Можно работать не торопясь и в любое время спрятаться от ветра, дождя, грозы и вообще – остановиться, когда захочется, а не когда придётся.

Кроме того, меня ожидали прекрасные виды, цветы, речка, русская баня и хорошая компания. В общем, всё, что душе угодно…

В автобусе, проезжая через реку, сердце ёкнуло детским воспоминанием. Купание – лучшее, что может быть летом. Но в это эмоциональное настроение быстро включился разум – на улице прохладно, вода холодная, горло болит, и Ильин день прошел, значит в воду – ни ногой, да и купальник не взяла с собой.

Наконец я на месте, и мы прогуливаемся с хозяйкой по живописному саду, по пути высматривая виды для пленэра, она тоже пишет ино-

гда. Река манила и просилась на холст. Мы зашли на высокий деревянный пирс. К нам с кряканьем устремились прикормленные неповоротливые утки, лопухи кувшинок качались на воде от волн и волнищ. Волнищи создал мечущийся по реке туда-сюда сосед в красном спасжилете, который тарахтел на водном мотоцикле и нарушал идеалистическую тишину.

– Не прокатишь мою родственницу? – крикнула по-хозяйски Елена Ивановна, соврав про родственницу.

Я промычала себе под нос что-то типа того, что, может, не надо. А у самой радостно запрыгало сердце. Сосед Андрей уже разворачивался к нашему причалу, а у меня в голове мельтешили обрывками важные детали, которыми разум пытался достучаться до меня. Спасжилета нет, часы могут намокнуть, речка не такая широкая, можно, если что доплыть до берега, носки лучше снять, шлёпанцы тоже, грудь продует, защиты от ветра нет и жилета нет, флисовую кофту хоть застегнуть…

Мотоцикл подплыл к причаленной лодке, пирс для погрузки пассажирки был слишком высок. Я второпях рассовывала по карманам снятые носки и часы, аккуратно ступала, чтобы не замочить штаны…

Наконец, водружение моего тела на плавсредство состоялось, и мы отчалили.

Мне показалось, что мотоцикл со мной стал метаться ещё яростнее. Утки едва успевали рассыпаться в разные стороны и тяжело взлетать, нырок тут же смылся под воду. Я не успела подумать, как же будем разворачиваться на узкой реке, как мотоцикл уже выписывал крутой вираж, вставая на одно «крыло». Боже, за что же уцепиться, чтобы не мешать управлению?! Я схватилась за руль снизу, вывернув ладони вверх. После поворота можно было бы расслабиться, но мотоцикл развернулся так, чтобы взлетать и падать на водяных трамплинах – высоких волнах, образованных им же. Вот это – кочки!

Наконец, ровная гладь, и машина взревела ещё громче. Ветер словно пронизывал насквозь, продувая и выдувая… Выдувая всё…

– Проду-ду-у…, – мысль о простуде, не успев нарисоваться, тут же разорвалась тоненькой паутинкой и улетела с порывами ветра…

Развевались волосы, глаза сильно щурились, только зеркальный блеск воды скакал в них. Одежда плотно облепила тело, так явственно своё тело я никогда не ощущала. Какой плотный и сильный воздух! Казалось, что на него можно опереться и он поднимет!

– Я лечу-у-у! – кричало всё во мне, и даже рука оторвалась от руля, чтобы помахать в воздухе…

Неожиданно прямая опять превратилась в крутые виражи, волны-трамплины, и мы летели и летели по воде. Я уже не понимала, сколько раз мы поворачивали и поворачивали… Виражи, трамплины, полет и полёт… Тело слилось с мотоциклом и с ветром… Вода слилась с небом…

Наконец мы устремились к родному пирсу с одинокой фигуркой, машущей нам издалека.

– Сможете забраться? – учтиво поинтересовался капитан.

– Вы протяните ей руку! – продолжал он командовать, обращаясь уже к хозяйке сада.

Слегка подавшись в сторону причала, я сильно наклонила мотоцикл.

– Надо бы в другую сторону перенести центр тяжести, – прикинула я, но не успела выполнить это движение, как вновь услышала командный волевой голос.

– Дайте руку! – прямо в ухо громко прокричал сосед за моей спиной…

Я протянула руку и еще сильнее подалась в сторону пирса, пытаясь дотянуться до Елены Ивановны. Мы были слишком низко, чтобы она могла ухватиться за неё. Пришлось привстать, опираясь на одну ногу. Мотоцикл накренился ещё сильнее. Он поглотил всё моё внимание.

– Интересно, насколько он устойчив в воде, насколько его можно наклонять? – размышляла я.

И машина медленно начала переворачиваться, отправляя и соседа, и меня в воду. Может быть, это показалось, что медленно. Я только успела подумать:

– Всё!

Глаза увидели подводную муть. Руки, ноги замолотили в воде, чтобы выплыть вверх. Вынырнув, я продолжала молотить конечностями, поднимая фонтаны брызг. Не сразу увидела, что рядом стоит сосед по грудь в воде, удивлённо взирая на меня. Мотоцикл уже качался на поверхности в обычном рабочем положении.

Мне хотелось уточнить, можно ли здесь вставать, потому что я боюсь воды. И уже открылся рот, но в последний момент я передумала спрашивать, и ноги провалились в илистое дно.

Страх сменился свободой и весельем, больше нечего было бояться. Вода казалась тёплой, то ли от одежды, то ли после сильного охлаждающего ветра.

– Можно купаться! – сердце ёкнуло детской радостью.

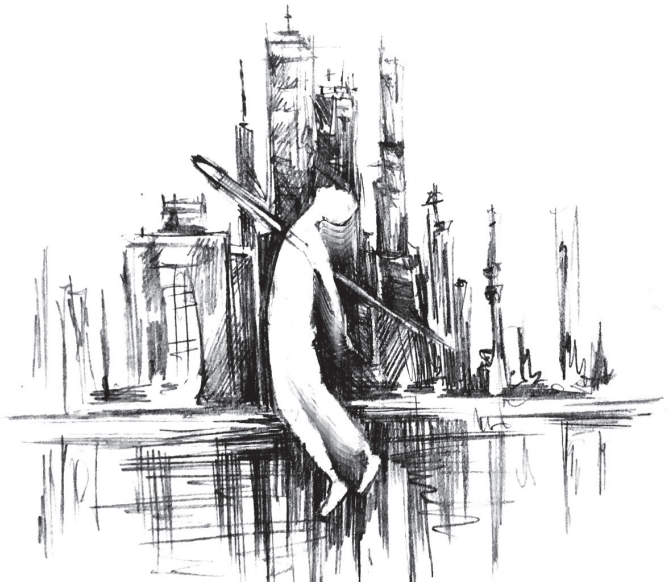
Я поплыла вдоль берега, к ступенькам на берегу, туда, где обычно купаются. Одежда, развеваясь в воде, нежно гладила тело, непривычно и приятно.

Сосед вскочил на мотоцикл, который чихнул пару раз и умчался.

В нашей «аварии» всё же мог быть один пострадавший. Хозяйка сада так заливалась смехом, что я испугалась, вдруг задохнётся. Она не могла ничего выговорить даже после того, как я предстала перед ней. Одежда плотно прилипла к телу, сворачиваясь в складки, словно боялась отпустить меня. С каждой складки струйками стекала вода. На белой флисовой кофте местами висела тина, и илистые пятна смотрелись колоритно.

Всё закончилось русской баней и чаем с мёдом…

ЕКАТЕРИНА ПРЯМКОВА



Анастасия Шаяхматова

РЕШАТЬ ТЕБЕ

Екатерина ПРЯМКОВА (ныне Перевозкина) родилась в Нижнем Тагиле. Закончила школу 95, сейчас заканчивает обучение в колледже по специальности «Право и социальное обеспечение». Пишет стихи и прозу. Печаталась в газете «Тагильская школа».

Я СИДЕЛ на кухне один. Мне было достаточно света фонаря за окном. Даже слишком много. В стакане блестела ядовитая прозрачная жидкость, которую я так и не научился пить залпом. Алкоголь не поможет. Ничего не поможет.

С улицы послышался крик. Снова кто-то лишился близкого, а может стал свидетелем убийства. Но это уже не считается преступлением. Теперь лишить кого-то жизни – в порядке вещей.

Я был ребенком, когда власти приняли решение изменить привычный уклад общества. В тот день мы с семьей смотрели какую-то комедию по телевизору в гостиной. Вдруг трансляцию прервала голубая надпись: «Внимание! Обращение президента!». Мы взволнованно замерли на своих местах, стерев с лиц улыбки. Президент просто так к народу не обращается.

Его лицо появилось на экране, и он произнес слова, которые впоследствии мы будем учить в школе:

«Уважаемые граждане! В связи с участившимися случаями насилия и убийств среди населения, а также сложности спорных судебных разбирательств о правомерности применения холодного и огнестрельного оружия, правительством было принято решение изъять у граждан страны всё, чем можно нанести вред другому человеку. Оружие всех видов и прочие колюще-режущее предметы подлежат добровольной передаче сотрудникам службы контроля. Неповиновение и сокрытие опасных вещей повлечет наказание.

Взамен каждому человеку, достигшему возраста двадцати одного года, предоставляется лицензия. Лицензия дает право на одно убийство любого человека, достигшего озвученного возраста, без порицания и уголовного преследования. Правом можно воспользоваться единожды с помощью датчика контроля. Специальный датчик контроля будет вживлен вам для обеспечения вашей безопасности. Он будет располагаться на шее совершеннолетнего гражданина и передавать информацию в управление.

Правом по лицензии нельзя воспользоваться в отношении сотрудников СК. Подобные действия повлекут наказание».

Первые пять минут после трансляции стояла мертвая тишина. Никто не знал, как реагировать на подобные нововведения. В нашей семье никогда не было оружия. Мы были законопослушными гражданами, поэтому, когда через полчаса в наш дом ворвался наряд контроля, никто не сопротивлялся. В отличии от многих других жителей страны. Шесть месяцев беспрерывных убийств, сопротивляющихся новому режиму. Полгода новых и новых «опасных» находок. Через год у каждого совершеннолетнего был датчик контроля на шее. Датчик представлял собой круглый имплантат с чипом и капсулой с ядом. Стоило коснуться его рукой и навести пальцы другой руки, как пистолет, на человека, чтобы его убить. Капсула в шее разрывалась, и тело падало на землю.

В безопасности были лишь несовершеннолетние. Кто-то из них с нетерпением ждал двадцать первый день рождения, кто-то вздрагивал при упоминании слова «лицензия». Отсутствие оружия и датчиков защищало детей, но не их родителей. Тысячи сирот отправлялись в интернат еженедельно в первые годы нового режима. Многие из них в последствии становились контролерами – работниками Службы Контроля. Их задачей было следить, чтобы никто не причинял вред другим без лицензии. Стоило реализовать свое право на убийство, за тобой устанавливался особый контроль. На первых порах люди, обезумели от жестокости вокруг. Лишившись близких или единственного «выстрела», они нападали друг на друга и убивали голыми руками. Только тогда люди узнали, что контролёры имеют безлимит на убийства. И что есть вещи страшнее смерти. Тех, кто наставлял палец на блюстителя закона или убивал человека незаконно, ждала особая тюрьма, где люди подвергались жесточайшим пыткам. Что конкретно делалось с осужденными было неизвестно, потому что выхода из той тюрьмы не было. Только смерть.

Контролеры – жестоки. Разговаривать с гражданскими им запрещено. Максимум, что можно было услышать от работника СК, это: «Все потенциально опасные предметы подлежат изъятию». Когда они появлялись на улице в своей черной форме и датчиками, мигающими красным, люди настораживались.

Я НЕНАВИДЕЛ контролеров. Один из них убил моего отца, когда мне было девять. Папа шел со мной из школы, когда нас остановил молодой новобранец. Его лицо не выражало ни единой эмоции. Словно робот он, потребовал предъявить содержимое карманов. Отец послушно достал все и показал правоохранителю.

– Опасно, подлежит изъятию, – отчеканил контролер и забрал из его рук мою поделку из пластиковой бутылки и пластилина. Папа едва успел выразить возражение, как рука контролера безжалостно направила на него два пальца. Вторая на секунду замерла возле датчика.

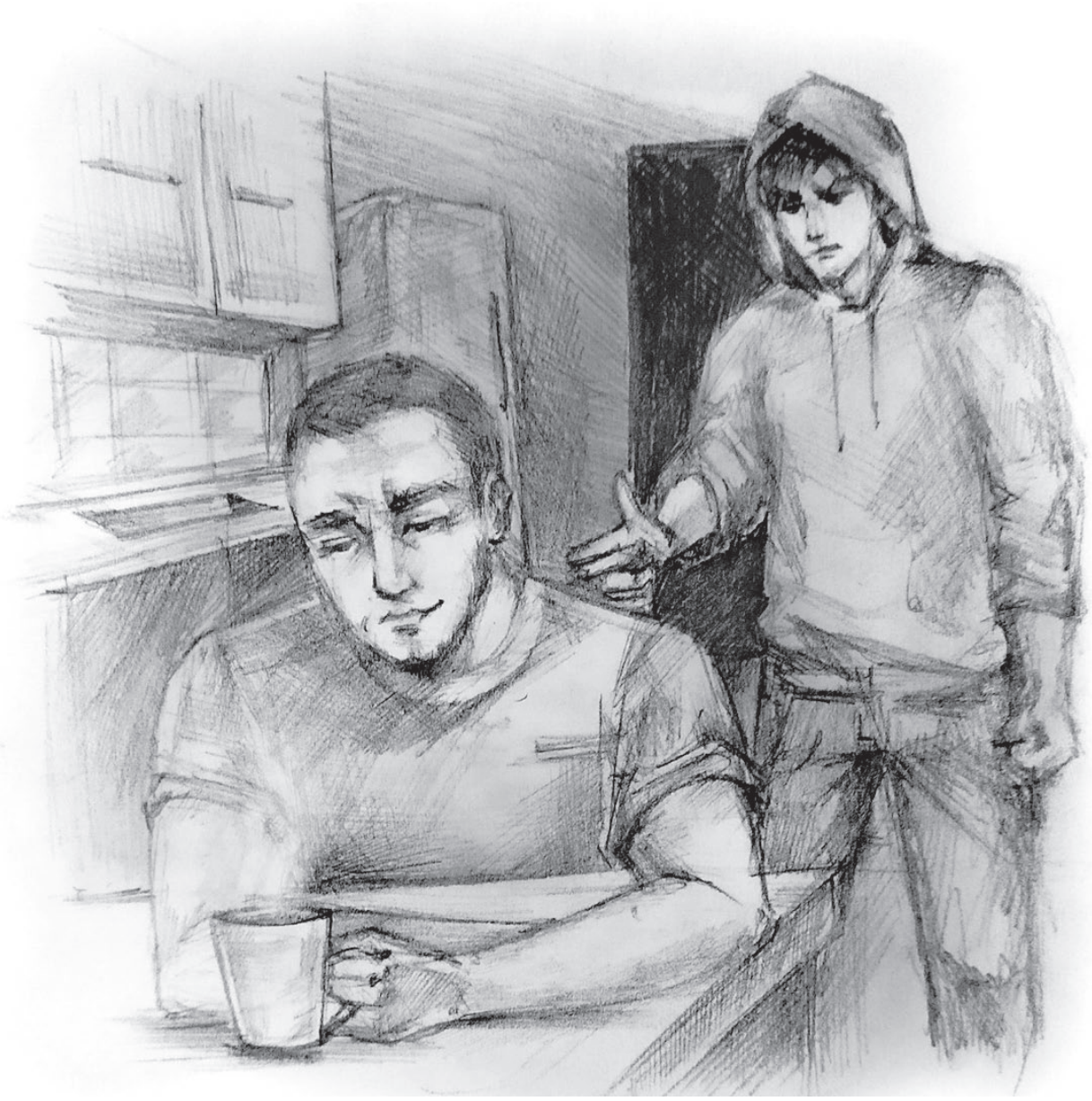
– НЕТ! – закричал я, но тело отца медленно, как во сне начало опускаться на землю. Моя боль вырвалась наружу отчаянным криком, а сам я упал рядом.

Что происходило дальше не сохранилось в моей памяти, помню только, что в тот год уже не хоронили трупы, а кремировали. Мест просто не осталось. Зато появилась новая профессия – свипер, или уборщик. Его работа заключалась в уборке трупов из общественных мест и по вызову, а также их дальнейшая кремация. Востребованная, хоть и не приятная, специальность.

С ТЕХ ПОР прошло много лет и смерть стала в порядке вещей. В этом мире нет места справедливости. Но не для меня. Сегодня я отмщу за отца, мне известен адрес того контролера. Моя лицензия уже действует. И пускай меня посадят и сделают со мной что угодно, я должен это сделать.

На часах горело 23:47, когда я вышел на улицу. Мало кого можно было увидеть на улице с наступлением темноты. Руки мерзли, изо рта шел пар. Датчик на шее словно поджигал кровь в моих жилах. Я шел быстро, едва сдерживая себя от желания бежать. «Он ответит! Он за все ответит!»

В его окнах горел свет. Мои губы сложились в ядовитую ухмылку, когда я поднимался по ступеням. Дверь оказалась не запертой. Контролер сидел за столом на кухне и, казалось, совсем не уди-



вился моему появлению. Перед ним стояла кружка с чаем, и сам он без формы выглядел как обычный человек.

– Я знал, что ты когда-нибудь придешь, – сказал он. Его голос изменился и говорил он не как робот, а как измученный жизнью мужчина. – Когда ты получил датчик? Вчера?

– Сегодня, – ответил я, следя за его руками. Пальцы уже указывали на его лицо, а вторая рука была наготове.

– Тебе предлагали стать контролером?

– Да.

– Хорошо, что ты отказался. – Он сделал глоток чая. Его совсем не пугало, что я убью его в любую секунду. – Мне было пять, когда моих родителей убили. Бандиты, прячущиеся от полицейских, ворвались в наш дом и расстреляли их прямо на моих глазах. Я попал в интернат. Почти сразу меня начали подготавливать к будущим изменениям в системе. Нам говорили, что контролеры наведут порядок на улицах, что с преступлениями будет покончено при помощи датчиков. Но все это ложь. Мир не стал лучше.

– Зачем ты убил моего отца, если сам лишился своих родителей?

– Работа, долг, обязанность – можно назвать это, как угодно. Это было мое первое дежурство и первое убийство. Все произошло слишком быстро, даже молниеносно, как на учениях. Мне действительно жаль. «В случаях возникновения опасности сотрудник в праве…» – мы учили свои обязанности и повторяли их перед каждым патрулем. Этот безлимит – не роскошь, а крест, который приходится носить с собой всю жизнь.

Он сделал еще один глоток чая и продолжил:

– Тебе, наверное, не терпится убить меня? В этом нет необходимости. У меня осталось ровно пять минут.

– Что?

Он ухмыльнулся.

– Контролеры живут ровно 30 лет. Ни днем больше. Это цена безлимита. Право на убийство не дает бессмертие. Мы с тобой родились почти в один день. Кстати, с днем рождения. Можешь подождать пару минут или «выстрелить», но тогда сам знаешь, что тебя ждет. Решать тебе…

Анастасия Руднева

ЗАСЛУЖИВАЮ ЛИ Я ДОВЕРИЕ?

БОЛТУШКА, тараторка, не заткнешь, не остановишь – все это говорили про меня с самого детства. Я всегда много говорила. Быстро, перескакивая с темы на тему и жутко обижаясь, когда меня не слушали. Порой слова лились из моего рта быстрее, чем я соображала что говорю. Не глупости, но о многом порой нужно было и промолчать. Если отправится назад во времени и спросить меня пятилетнюю «А ты умеешь хранить секреты?», она радостно ответит «да!» и, впитав информацию, побежит делиться ей с первым, кого повстречает на своем пути. До сих пор помню одну историю из детства, ярко иллюстрирующую как я поступала с секретами.

Мне было около шести, и я гостила у папиных родных. Мы собирались шумной толпой в гостиной, все шутили и смеялись за столом, ломившимся от угощений. Из детей были я и старшая сестра, которой сидеть со взрослыми было не так интересно, как мне. Она отпросилась гулять, но ее попросили (или заставили) взять меня с собой.

Был теплый летний день. Мы вышли на улицу и пошли за ее подругой. Сестра старше меня на семь лет, тогда эта разница казалось огромной, а она – безумно взрослой и деловой. Я смотрела на нее снизу вверх, стараясь успеть за быстрыми шагами. Имя подруги, как и внешность, я совсем не помню. Помню лишь то, что мало чего понимала из их разговора и не знала, куда мы идем. А шли мы в магазин. В те времена не было такого строго

запрета на продажу алкоголя и сигарет детям, чем подростки и воспользовались. По-моему, мне тогда купили мороженку. И вот мы шли по поселку втроем: они тянули пиво из бутылок и озирались по сторонам, боясь быть замеченными знакомыми или родителями, а я не спеша поглощала пломбир. Я не особо тогда задумывалась над тем, правильно они делают или нет. Просто шла куда-то со взрослыми девочками и чувствовала себя важной. Когда с пивом было покончено, а улики улетели в помойку, сестра наклонилась и сказала:

– Только никому не говори, хорошо?

Я согласно кивнула. С этой секунды я знала, что у меня есть секрет. Солнце клонилось к закату, руки были липкими и пахли сладким пломбиром. Когда девочки привели меня обратно домой, а сами пошли гулять дальше, мне не терпелось рассказать кому-нибудь о том, что я знаю. С горящими глазами я подошла к папе и позвала его в другую комнату. Наедине я шепотом на ушко посвятила его в тайну и строго сказала:

– Только никому не говори, хорошо?

Я не знаю, рассказал ли тогда мой отец об этом дяде и тете, влетело ли тогда моей сестре и помнит ли она тот случай, но на меня тогда никто не ругался и не обижался.

– Мама просила не говорить, но я Вам все-таки скажу…

– А мне девочки сказали, только ты никому, ладно?

– А он с ней… ты представляешь?

Я выдавала чужие секреты, не понимая, что предаю людей, расстраиваю их, теряю их доверие. И если пятилетнюю себя я могу оправдать честностью, однако когда я становилась старше, тайны, в которые меня посвящали, все чаще просто выбалтывались мной. Скажу лишнее, а потом сижу и жалею об этом часами, а то и неделями. Самое нелепое было то, что когда выдавали мои секреты, это не учило меня так не делать. Я обижалась, но выводы не делала.

Позже я, конечно, научилась понимать, что можно и нельзя говорить, ценить доверие близких мне людей. Здесь не будет какого-то случая, который заставил меня измениться, потому что ничего поучительного так и не произошло. До меня само по себе дошло то, чего я не замечала, и тогда мне стало стыдно. Словно сбросив очки, я оглянулась и увидела, как часто я говорила то, чего не следовало. Люди мне доверяли, много вкладывали в те слова, которыми я легко разбрасывалась. Неудивительно, что некоторые просто переставали делиться со мной сокровенным.

Сейчас мне уже не стыдно, потому что с тех пор прошло много времени, а прошлого не изменить. Но порой, оглядываясь назад, становится жаль ту маленькую Катю, которую не научили ценить доверие, или которая не научилась этому сама раньше...

ЕЛИЗАВЕТА ТАБАТЧИКОВА

Елизавета Табатчикова

"ЧТО ТАКОЕ СНЕЖЕНИКА?"

Елизавета ТАБАТЧИКОВА родилась в Нижнем Тагиле. Учится в гимназии № 18. Пишет прозу и стихи, профессионально занимается изобразительным искусством. Сказка – первая публикация автора.

УТРОМ произошло чудо... Надо записать, пока я сижу в обрадованно-шумной школьной столовой с большущей чашкой вязкого от сладости чая. Я спряталась в вязаный дом-шарф, ещё сохранивший осенний морозец раннего утра...

«Это зябкое зарождение дня источало множество терпких ароматов: тропинки, устеленной слежавшимися листьями (дождь вымыл из них все краски, оставив только ажурные прожилки), травы, усердно ёжившейся из-за засыпающего её листопада, льдисто-голубого простора неба с вплетающимися в него кронами берёз цвета лисьей шерсти, с запахом только что срезанных ры-

жиков. Я не спеша шла по тропинке в школу, впитывала освежающую красоту утра. И вдруг увидела: все машины, стоящие рядком во дворе, были покрыты ледяными узорами, какие бывают на окнах зимой. Удивительно… Я подбежала ближе, чтобы рассмотреть... На окне одной из машин льдистые рисунки были особенно изысканны. Не удержавшись, я тронула пальцем хрупкую корочку и вывела слово «ОСЕНЬ». Бывает ведь такое, что пишешь на чём придется слово, которое ближе всего тебе в этот миг.

И тут же за спиной раздался обиженный, чуть рассерженный голосок:

– Что же ты наделала? Испортила мою самую лучшую работу! Теперь придется исправлять!

Я обернулась и увидела девушку. Необыкновенную. Тоненькое нежное создание, одетое в пушистое белое пальто. Кожа рук и лица, которую не скрывала одежда, была белее снега. Невесомая, цвета молока шаль была накинута на локоны светлых, искрящихся серебром волос, удивительно похожих на морозные узоры. И только чуть розовели словно бы покрытые изморозью щёки… Но самым прекрасным были глаза девушки – ими невозможно было не залюбоваться. На меня смотрели два бездонных, но при этом чудесно-уютных моря. Радужка, солнечно-бирюзовая от края, почти сливалась с глубокой синевой зрачков. И лишь одни они, эти распахнутые, излучающие морское тепло глаза нарушали льдисто-снежный облик, даже когда их хозяйка была крайне недовольна, как сейчас.

– Испортила? А… кто ты? – спросила я, в удивлении разглядывая девушку.

– Я – Снеженика, – успокоившись ответила она. Видимо её настрой сменил поражённый взгляд, которым я созерцала неземную красоту девушки.

– Какое необычное имя... Ты знаешь, что так называется волшебная ягода?

– Да, это из песни, мне в детстве её пела мама.

– Мне тоже! – обрадовалась я. – Как колыбельную на ночь.

– Давай споём! – неожиданно предложила мне девушка, которая даже не знала моего имени.

Сама не знаю почему, я улыбнулась и кивнула. Наверно мало кто, встретившись впервые, после первой фразы начинает петь, но меня не покидало ощущение, будто мы были знакомы уже так давно, что забыли, когда встретились. Такое впечатление производила Снеженика – долгожданный друг, имени которого я прежде просто не знала.

И мы запели:

Что такое снеженика?
Что такое снеженика?
Что такое снеженика?
Я ответить вам могу.
Это ягода такая,
Это ягода такая,
Это ягода такая,
Что искрится на снегу.
У неё такой лучистый,
У неё такой лучистый,
У неё такой лучистый,
Серебристый, белый цвет.
И для Снежной королевы,
И для Снежной королевы,
И для Снежной королевы
Ничего вкуснее нет.
Не ищите снеженику,
Не ищите снеженику,
Не ищите снеженику
По лугам и по лесам,
Потому что, потому что,
Потому что, потому что,
Потому что, потому что,
Я её придумал сам!

Голосок девушки пробивался к самому сердцу, как звенящий хрустальный луч зимнего, но всё равно согревающего солнца. Наше пение сливалось в унисон, песня детства неожиданно крепко связала нас, стала первым шагом на пути дружбы. Снеженика тоже почувствовала этот счастливый трепет. Её улыбка заискрилась сквозь глаза, освещая всё вокруг.

Я не удержалась и сказала:

– Какая же ты красивая, Снеженика! Ты так похожа на Снежную королеву, – только глаза у тебя добрые.

У меня вообще появилась привычка говорить всем, кто мне нравится внешне, какой он красивый. Неважно кто это – близкий друг или просто прохожий. Случается так, что после этих слов незнакомец становится приятелем. Но Снеженика сияла не только внешней красотой, она светилась изнутри небывалой чистотой и искренностью, протягивала душу на раскрытой ладони.

– Так я и есть Снежная королева, точнее пока ещё принцесса, только Ганс Христиан Андерсен неправильно думал, что она всего одна и со скверным характером... Но я на него не сержусь, откуда ему было знать, что нас целая династия, и каждая Снежная королева заботится о своих зимних чертогах, стараясь радовать людей снежной красотой.

Почему-то я совершенно не удивилась, только обрадовалась, что Владелицы зимы – не коварные бессердечные существа. Ведь злым не под силу творить совершенную, неповторимую красоту! Оказалось, я всё ещё была способна верить в сказки.

– А как вы создаёте ледяные узоры, изморозь, снег, и все прочие зимние радости? – поинтересовалась я.

– О, это великое сложнейшее искусство, и скоро, в первый день зимы, мне предстоит сдавать экзамен по всем критериям зимнетворения. Большинством хитростей я уже владею в совершенстве! – с гордостью добавила Снеженика.

– Продемонстрируешь мне свои таланты, юная зимняя художница?

– Конечно, я покажу тебе самое сложное – ледяную живопись, а заодно исправим то, что ты испортила.

– Прости пожалуйста, если бы я только знала, что это творения…

– Да я не обижаюсь, зато мы наконец-то познакомились! – оборвала меня Снеженика.

– Наконец-то? – спросила я в полном замешательстве.

– Ну, да… – протянула Снеженика, – я на этой уютной поляне между домами тренируюсь, то в изморози, то ещё в чём нибудь, и ты здесь почти каждый день ходишь, и всегда у тебя такое восхищение в глазах от подарков природы, которых другие люди даже не замечают... Ну и один раз я решила за тобой проследить, когда ты из школы шла домой, заглянула в окошки твоей квартиры и увидела, как ты рисуешь. Красиво, мне конь особенно понравился, вот бы мне тоже лошадей рисовать научиться! Я пробовала, но шеи у них выходят больно длинные, изогнутые калачиком…

– Ах вот почему мне так легко с тобой общаться, ты наверно, и имя моё знаешь?

– Конечно, ты – Василиса! Сначала я тебя в мыслях называла «мечтающая девушка», а потом услышала из телефонного разговора твоё имя. Ты уж прости, что я за тобой шпионила, просто не знала, как заговорить. Я ведь никогда с людьми не общалась…

– Ну что ты, какие обиды, ты ведь настоящее чудо! – от всей души сказала я, – Ну что, приступим к исправлению того, что я напортачила?

– Ага, – коротко ответила Снеженика.

Она нахмурила бровки, с головой ушла в предстоящую работу. Сделав ладошки лодочкой, соединила их и поднесла к губам. Дунула резко и с присвистом, в глубине ладоней забрезжил свет, не тёплый и не холодный, но какой-то очень живой. Пальцы Снеженики забегали по окну машины, восстанавливая хрустальные завитки. Это было настоящее чудо, простое и даже привычное – ну кто не видел зимние узоры на окне! Но сейчас их рисовала настоящая, ой, будущая Снежная королева. И вот уже всё готово – но зачем Снеженика оставила не исправленным мягкий знак в слове «ОСЕНЬ»?

– А теперь, давай ты! – с весёлым нетерпением сказала Снеженика.

– Я? Что?

– Протяни руки!

– Зачем? Я же не умею…

– Просто протяни, – скомандовала Снежка.

Я повиновалась. Она взяла мои руки в свои и легонько подула. Ладони вспыхнули ледяным жаром, нежно замерцали.

– Теперь, представь, во всех подробностях, какой морозный рисунок должен быть на месте буквы и прикоснись к ней.

Я представила сложное переплетение ажурных линий, из которых вырастает белый конь, поднявшийся на дыбы, с развевающейся гривой и большими бирюзовыми глазами, как у Снеженики. Только я прикоснулась к букве, как она затянулась... Конь вышел в точности таким как в воображении!

Снеженика ахнула:

– Как живой! Даже лучше, как из песни «Три белых коня»: я их себе именно такими представляю, норовистыми, нетерпеливыми, как вьюга!

Я застенчиво улыбнулась.

Неожиданно пришло осознание:

– Ой, время!.. Я же в школу опаздываю!

– Мне тоже работать надо, скоро мама придёт проверить, что я усвоила из уроков! – тоже забеспокоилась Снеженика.

– Пока, снежная подруга! Побежала! Скажи только, когда мы в следующий раз увидимся?

– Завтра! Пока Лиска-Василиска! Как я рада, что теперь мы стали друзьями! – сказала она с непоколебимой уверенностью, пожала мне руку и исчезла, будто и не было…

На уроки я кстати не опоздала, но для этого пришлось бежать быстрее зимнего ветра, не говоря уж об осеннем...»

* * *

СО СНЕЖЕНИКОЙ мы встретились на следующий день. Она была грустной, какой-то потерянной. Оказалось, её мама слышала часть нашего разговора и потом отругала Снежеку. Нет, не зато, что она общалась с человеком, а за то, «как безответственно ты, Снежка, тратишь своё время, когда экзамены на носу! Ведь ещё чуть-чуть и ты, Снеженика, можешь стать Снежной королевой Свердловской области! Думаю, ради этого стоит пожертвовать несколькими днями дружбы!..»

До первого дня зимы оставалась неделя, целых семь дней без Снеженики – по-райски чистого, искреннего создания, вдохновляющего меня, как художника и друга. Она тоже остро переживала разлуку, со своим «единственным человеческим другом».

Я ходила по прежней тропинке, одна, но замечая присутствие Снеженики – маленькие подарки, которые могла заметить только я: следы изморози в виде человеческой стопы, надписи аккуратными вензелями, маленькие белые коньки, вставшие на дыбы (она специально научилась их рисовать). Каждый раз, краем глаза, я замечала Снеженику, и та улыбалась, видя, что её послания найдены.

Мне было немного грустно, но я не сомневалась, что у Снеженики получится сдать этот экзамен, и тогда мы снова встретимся…

* * *

И НАСТАЛ первый день зимы! У людей был выходной, у – Снеженики экзамен. Я проснулась рано, от серебряного света, пробирающегося сквозь задёрнутые шторы. Осознав, что случилось, я вскочила, будто меня окатили снежной лавиной. И правда, за окошком искрился праздничный снегопад. Вот ведь постаралась Снеженика! Идеальные лучи каждой, небывало крупной, снежинки переливались всеми цветами радуги, рассеивая мириады солнечных зайчиков! Конечно же, у неё всё получилось! Весь мир ликовал вместе со мной! Как же мне хотелось поскорей выбежать на улицу, найти новую, светящуюся от радости Королеву зимы – мою Снеженику!

Но тут я увидела морозный рисунок, прямо на глазах, расстилавшийся по стеклу. Знакомое счастливое личико проступило сквозь узор, сияя бирюзой глаз, становясь всё величественней и прекрасней!

Она ничего не говорила, просто молча улыбалась, не в силах сказать ни слова от счастья!

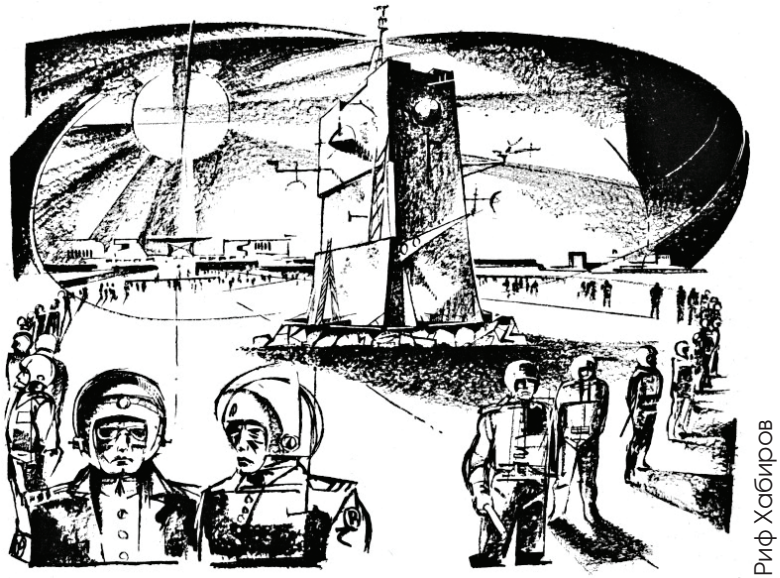
Мы одновременно прижали ладони к стеклу, Снеженика свою, белую и такую же прохладную,

как снег, а я свою согревающую – человеческую. Тут же между ладошек запульсировал, разбрызгивая синеву, свет, словно забилось маленькое радостное живое сердце.

Бывают такие моменты, когда понимаешь – теперь всё будет ХО-РО-ШО. Это осознание простое и вдохновляющее, переполняет тебя, делает легче воздуха и наполняет сияющим счастьем. И в голове звучат любимые с детства строки только в новом значении:

Кто такая Снеженика?
Кто такая Снеженика?
Кто такая Снеженика?
Я ответить вам могу
Это девочка такая!
Это девочка такая!
Это девочка такая!
Что искрится, вся в снегу!
Не ищите Снеженику!
Не ищите Снеженику!
Не ищите Снеженику
По полям и по лесам!
Потому что, потому что!
Потому что, потому что!
Потому что, потому что
Я ее придумал сам!

ИРИНА УСТЮГОВА



Риф Хабиров

АРХИТЕКТУРА НОЧНОГО ВЕТРА

Ирина УСТЮГОВА родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Еще школьницей публиковалась в городском журнале «Пульсар», сборнике «Предчувствие света». Лауреат регионального открытого конкурса детского литературного творчества «Волшебная строка».

ПРОЛОГ.

– Девушка, вы кого-то ждете? – догнал со спины басок молодого сержанта.

– Да, тебя.

Я – архитектор. Пишу фантазию.

ПРЕДРАССВЕТНАЯ дымка застилала поверхность Чиклозара: зеленоватый туман скрывался от восходящего солнца. Часовые мирно дремали на своих местах: ночка была утомительная. Один сержант разве что не клевал носом. Он недавно поступил на службу и старался исполнять приказы начальства, а в приказе было сказано: дождаться смены патруля. «Смены патруля», – пронесся обрывок приказа в голове сержанта. «Сейчас они придут, нужно только дождаться, дождаться смены патрул-ля». Мощный зевок оборвал мысль. «Пойду, покурю, может, сон прогоню» – тихо напевал дежурный на остатках бодрости, выходя на балкончик. Зажигалка обнаружилась в заднем кармане новой униформы. «Тьфу... Никак не привыкну». В тумане зажегся огонек, следом еще и еще. Сержант так и замер, глядя на посадочные площадки – на всех горели огни. «Это что? Новая шутка начальства? Для этого надо весь город поднять. Тысячи огней…». Сержант попятился в караулку, будить остальных и тут же закашлялся – посреди комнаты взорвался баллончик. По крайней мере, осуществилась одна из последних надежд сержанта – выспаться. «Нужно… нужно сообщить капитану». И сержант осел на пол.

1.

ВАЛЕРА – тихая гладь озера. Ромб. Протянутая к рукопожатию рука. Междугородный лимит времени, километровый счет. Стандартный подход.

– Ну, Архитектор, новая фантазия?

Сиплой фразой летального ветра.

Любовь ушла, оставив место сарказму.

Смотрю на него – сверлит меня.

– Шел бы ты… – не выдерживаю напора гвоздчато-лиловых глаз. Линзы…

Посмотрела бы, как ты будешь барахтаться в этой самой фантазии! Не по Сеньке шапка.

– Ну и пойду! – вызов. Валера. Валька. Вольер. Ограда. Защита. Сила. Да какая сила!?

«Пароль» – «Ну…пусть Хаку». (Аналогия – хук. Сильный боковой удар по челюсти).

И он скрылся за стеклянной дверью, выпал из парящего воздушного шара и заточкой вонзился в грани мечты.

В горнянку старейшины Хаку вошел *sher* Колан – уважаемый воин, прибывший из экспедиции с дальних рубежей. Вслед за ним зашла свита, рассредоточившись по стенам.

– Как прошла экспедиция, sher Колан? – Хаку надевал на ходу плащ.

– Все прошло как нельзя лучше, sher Хаку, – тонкие губы вошедшего расползлись в злобной улыбке и обнажили ряд ровных желтоватых зубов. – К чему эти формальности? Ты ведь знаешь, зачем я пришел?

– Догадываюсь, – старейшина вышел на середину горнянки, и круг замкнулся. Лица вошедших были скрыты капюшонами. Напрасная предосторожность – Хаку и при желании не мог их увидеть, но знал каждого из них. Скорее всего, предатели сами не могли смотреть на загнанную жертву.

– А почему не ушел? Не предупредил остальных? – Колан развел руками и одной приоткрыл полог горнянки. Там, в воздухе мелькали яркие мухи: красные, зеленые, рыжие. Повсюду сверкали световые мечи. И друзья, и враги, все смешались.

– Я не ожидал этого от тебя, – признался Хаку в своей слабости. Теперь он ясно ощущал тьму, окутавшую всех присутствующих. Тринадцать. И кто из них Иуда? Полог закрылся. Единственным источником света остался световой меч Колана, тусклый, почти сливающийся с тьмой вокруг. Хаку видел его ясно, как своими глазами. Как по команде остальные тоже активировали мечи. Нет, не черные, дымчатые.

– Молоко на губах не обсохло, а уже рветесь в бой.

– Я докажу, что воины так долго не живут. Задержался ты, Хаку, вызываем экспресс.

– Не рано ли?

– Сразимся – узнаешь.

В бою – один против тринадцати – у Хаку не было преимуществ. Поэтому он решил позволить себе роскошь, которую не позволял никогда.

Бежать.

Короткий пространственный прыжок спутает им все карты.

Время замедлилось и Хаку очутился в соседней горнянке. В темноте зажглись две полосы: призрачно белая и угольно черная. Силой одернув полог, Хаку выскочил наружу. Батальоны отлично обученных войск штурмовали Здание Совета и Согласия. Королевский дворец дымился под огнем истребителей.

Этот бой старейшина не мог принять.

2.

ЕВГЕНИЯ – брошенная перчатка. Черная ворона на белом снегу. Переполненная ванна с закрытой пробкой. Закрытый мир распахнутой души.

Она сидит на стуле, закинув ногу на ногу. Атака моей души. Со вкусом затягивается, небрежным движением отводит цигарку.

– И чего ты этим добилась?

Новая затяжка.

– Ты раньше никогда не курила. Что с тобой?

– Тоска по ажуру и шоколаду. Не уходи от темы.

– Я думала… так будет лучше…

– Думать меньше надо! – насквозь прокуренная гостья сорвалась, но снова упала в апатичный сизо-туманный глюк. Фантазия с удовольствием бы приняла ее. Стеклянная дверь приветливо распахнулась.

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, но я уже давно не наивная Серая шейка.

– В смысле?..

– Я сделала ему подарок. На день рождения.

– И ты не понимаешь, почему он с тобой так обращается? Почему жестоко ревнует к каждому парню?

– Не-а. Зря ты с ним так. Ты же знаешь – мы любим друг друга.

Я потупила глаза. И подарила ей темно-жухлый жест в сторону стеклянной двери.

Ушла… До встречи, защитница шариата…

Где-то рядом прогремел взрыв. Кажется, интервенты украшали скалы новыми горнянками. Ози с Юхнелем разделились, пробиваясь к жилищу Шайрэ. Первым, чуть пошатываясь от стремительного бега, в горнянку завалился Ози. Шайрэ лежала на кровати и даже ухом не вела. Ози сел рядом и начал приводить в чувство. Очередь дошла до звонких пощечин, когда ввалился Юхнель. Увидев милую картинку «разбуди меня с утра пораньше», учитель все понял. Осталось лишь вставить последний кусочек мозаики в причитающееся ему место.

Долгие споры о теории, владение боевыми искусствами, меткая стрельба – сами по себе ничего не говорят. Но в компании с вечным недосыпанием, невозможностью использовать Силу и таким мощным обмороком по ночам… Учитель оттеснил ученика от Шайрэ и, положив руку той на лоб, прошептал: «Пора». Осталось надеяться, что Сила донесет слова до адресата.

...По длинному безликому коридору, освещенному рядом лампочек, шли двое. Учитель и ученица, бок о бок. Мужчина в годах с тонкой бородкой и редкой шевелюрой и девушка с чересчур сосредоточенным лицом. Ее шаги эхом раздавались вдалеке, в то время как мужчина шел неслышно. Длинные плащи заметали их следы.

– Какие ощущения? – спрашивал учитель у спутницы.

– Тяжело. Как будто что-то давит со всех сторон. Хочется остановиться, лечь и не двигаться, – она внимательно прислушивалась к своим ощущениям.

– Это коридор смятения.

– Значит, все мысли проходят через него?

– Практически. Человек по своей натуре призван сомневаться. Иначе у него бы ничего не получилось.

– А где эти мысли? Я их не вижу, – Шайрэ оглянулась по сторонам. Все тот же коридор, земляные стены, лампочки, ни намека на движение.

– Они везде. Ты их чувствуешь. Нам направо, – Чиклозар обратил ее внимание на незаметный поворот и исчез за стеной. Стараясь не потеряться в этих жутких лабиринтах, Шайрэ поспешила за ним.

– Это голограмма? – широкая огненная река разделяла два берега. Она была спокойна, пока из-под ног Чиклозара не вывалился маленький камушек – лава с удовольствием приняла этот дар внешнего мира и вздыбилась, в надежде получить более лакомую добычу.

– Нет. Но это нельзя назвать и реальностью. Это, скорее, как и весь город – дитя воображения. Довольно грубое и неотесанное. Два берега Силы: свет и тьма. На них множество уровней, подуровней, на различной высоте и с разными ракурсами. Берега два, но точек зрения, мировоззрений – миллиарды. Когда-то, возможно, и не было этой реки. Когда-то свет и тьма были единым целым. А сейчас, чтобы познать обе стороны Силы и придти к своему выбору, нужно совершить небольшое путешествие. Многие его

боятся. И считают однажды сделанное решение единственно верным. Впрочем, каждый решает сам за себя.

– А где наше место? – Шайрэ окинула взглядом оба берега. На каждом из них у земли царила ночь, а ближе к вершине тьма рассеивалась. – Где пресловутые свет и тьма?

– Где свет и тьма – решай сама. Помнишь китайский символ инь-янь? В каждом зле есть капля добра и наоборот. А место воина – здесь. – Чиклозар указал на шаткую, почти прозрачную конструкцию. – Пора, если ты не боишься. Чем раньше ты начнешь путь, тем лучше. Ты готова.

Мостик оказался не шире стопы, но довольнотаки прочный. От реки шел горячий пар, воздух был обжигающе сухой, и вообще было очень жарко и нехорошо. У Шайрэ немного закружилась голова.

– Нам еще долго идти?

– Как сказать. Путь воина – всю жизнь, как и у остальных, владеющих Силой. Единственный минус – здесь нельзя остановиться. Эта речка изрыгает огонь. *Главное – хранить равновесие.* Берег – это заманчиво, но не всегда верно.

Шайрэ посмотрела вперед, впервые, как вступила на призрачный мост. Вдаль уходили берега реки, до горизонта, а может и дальше. Путь длиною в жизнь.

– Запомни эту дорогу. Не сворачивай, как бы тебе этого ни хотелось, как бы тяжело ни было.

Они стояли на выступе, с которого пришли, а вдаль уходила Шайрэ.

– И вы идете где-то там, учитель?

– Да.

– А вы видите конец этой дороге?

– Никто не видит конца, пока тот не наступит.

«Пора».

– До свидания, Шайрэ.

– До скорой встречи, учитель.

Шайрэ, закутавшись в легкий плащик Тени, ушла в свой мир, оставив учителя на шестом подуровне мысли – одной из главных дорог в град Теней – Ловушку Разума.

3.

«ДВА ЮНЫХ мастера. Две стороны одного яблока. Два воина с потерянным равновесием. Две полярности, притягивающиеся друг к другу. И четыре фигурных клинка, кружащих в схватке». Рэд и Шайрэ. Саша и Женя.

Нет! И обрывки фраз подхватил ветер.

Я должна ее беречь? Или нет? Найдет ли она сама Валеру? Или помочь?

Текст есть текст. Но они там живут!

Почти сплю. Я ищу, ищу облик.

«А вокруг были горы. Они окольцевали горизонт и просто не оставляли никакой лазейки наружу. Где-то вдали, на фоне песчано-бежевых склонов, сновали люди по своим, неведомым делам.

Видны были только горы и небо, давящее своей тяжестью на обывателей. Оно словно старалось приплюснуть планету. Тяжелая розовато-красная губка…

Однообразие песчаной планеты поглощало, давило на душу. Она словно высасывала силы. А, главное, желание что-либо на этой планете поменять».

Повсюду стоял ужасный шум и грохот, так, что очнувшаяся Шайрэ тут же зажала уши ладонями. Юхнель сделал знак на дверь, вынимая оба меча. Все еще ничего не понимая, Шайрэ приняла боевую стойку и выбежала на скат. В жуткой панике все куда-то бежали, защищаясь по дороге от бесконечных выстрелов.

– К ангарам! – Юхнель перекрикивал шум битвы. Вернее массового отступления. Все мысли перемешались: воины убегали от воинов и каких-то войск. Судя по крику Юхнеля им тоже нужно было убегать. Почему? Что случилось?

– Потом объясню! – учитель подтянул ребят к пробегавшей мимо кучке бегущих. Шайрэ и Ози оказались в ее центре, а Юхнель прикрывал сза-

ди. Так они добежали до леса, где находились секретные ангары. Там уже, повинуясь закону джунглей, все бросились врассыпную. Ози помчался к небольшому кораблю, уже снимавшему трап. Некоторые корабли уже поднялись в воздух, некоторые открыли огонь по наступавшим, сдерживая их атаку.

Шайрэ поняла, что не успевает. Оставалось лишь три корабля, которые вот-вот поднимут трап. В отчаянии она позвала Юхнеля, зачем – непонятно, не остановит же он корабль, рискуя жизнями остальных воинов! Припоминая планы ангара, Шайрэ скользнула в боковой коридор, к предполагаемым истребителям.

– Силовое поле? – вся система защиты была отключена интервентами. «Нужно найти регулятор и отключить, немедленно». Тумблер находился на противоположной стене коридора. В душе, надеясь, что интервенты сюда нескоро заглянут, Шайрэ метнулась к регулятору. Снимая защиту, она все еще не понимала, почему закрываются двери, перекрывая шум пальбы.

Сбитая с толку, Шайрэ смотрела на приближающегося рыжеволосого Реда, который держал в руках пульт дистанционного управления всеми системами ангара. «А в регуляторе, наверняка, подрезаны провода!».

– Тише, милая, не надо кричать, – Ред поигрывал пультом, заставляя его то зависать, то вертеться вокруг своей оси. Излишняя самонадеянность.

– *Безвыходных ситуаций не бывает,* – напомнил учитель.

– Чем обязана? – Шайрэ вся внутренне напряглась.

– Убегаешь с карнавала? Нехорошо. Впереди все самое интересное, неужели ты пропустишь разгар веселья? – пульт исчез, просто исчез. Как, куда и почему – неизвестно.

– Считаю до трех, если не отключишь поле, будет больно.

– Блеф! Ты даже Силой пользоваться не умеешь! Сегодня – вы самое слабое звено, прощайте!

Все произошло в одно мгновение: мысль, что тумблер позади – взорвется, кувырок за спину Реда и его резкая подсечка. Увидев стремительно приближающийся пол, Шайрэ перевернулась в воздухе, упала на спину и от всей души впечатала обе ноги в Реда, который успел подложить подушку Силы. К его великому удивлению подушка удара не смягчила, и Ред в полной мере оценил боевое искусство Шайрэ лежа на полу с мечами у горла и живота.

– Недооценивать противника нельзя. И я не блефую. Давай пульт.

– В кармане.

– Знаем ваши штучки-дрючки. Давай сюда.

Пульт неохотно выполз из кармана. Слишком медленно.

– Отключай щит.

– Не могу, – Ред беспомощно пожал плечами. В его положении двигаться было опасно – лишаться какой-то части тела не входило в его планы.

– Постарайся, мил друг. От этого зависит наши жизни.

– Код 3651.

– Спасибо, голубчик. Еще свидимся, – в этом Шайрэ не сомневалась.

Путь к истребителям был открыт, Шайрэ устремилась к самому крайнему, отражая огонь из очнувшихся пушечек. «Система безопасности хромает». Маленький кораблик устремился ввысь, к хвосту улетающей эскадрильи.

Операция «Побег» была завершена успешно и с наименьшими потерями. Если прикрыть глаза на то, что бежали воины от восстания на собственной же планете. Чиклозар был взят.

«Раздавить этот мир белой птицей зима придет…»

Ночь. День – крайний срок. Вы должны встретиться!

«Все, что я должна, записано в Конституции…».

Тогда зачем?

4.

ПЛАНЕТА, к которой отступали воины, была очень маленьким, окруженным кучевыми облаками шариком. Следуя примеру первого корабля, все остальные совершили посадку на крыше и у подножия каких-то развалин. «Сколько мы летели?» – нет, голова не кружилась, не тошнило от резинового запаха какой-то части истребителя, просто не хватало кислорода. Никто не предполагал, что на этой крошке будут совершаться перелеты в половину суток. Открыв кабину, Шайрэ глубоко вдохнула чистый и свежий прохладный воздух.

– Шайрэ! Как ты? – это были Алиса и Ози, видимо всю дорогу переживавшие произошедшее.

– И ты бросил меня! Тоже мне, напарник, – этот уничтожающий взгляд был предназначен исключительно Ози. А тот, бесстыжий, смотрел прямо в глаза.

– Я знал, что ты выберешься. Я мог только помешать.

Нет, злиться на него бесполезно. Откуда он мог знать?

– Хватит ругаться, все уже уходят, – напомнила Алиса и кивнула в сторону задержавшегося Юхнеля.

Все-таки было что-то странное в этих словах. Он знал. С таким спокойствием и уверенностью они были произнесены. Неужели можно было предугадать и мои действия, и действия Реда, и мысль об ангарах? Там, на Чиклозаре, это все казалось гениальным выходом, спасшим ей жизнь. «Значит, не таким уж гениальным».

А Ози только усмехался. У сестры в голове была только одна мысль: «Почему?». Она не могла смириться с мыслью, что у нее есть брат, который ее любит. «Как?» – просто он ее чувствует. Ози прислушался к ее настроению – «она меня не понимает». Ну и ладно, это совсем не обязательно. «Милая моя...», – на Ози наплыл новый порыв нежности. До того, как он осознал, что с Шайрэ ничего не случится, что он пережил! Обвинял себя в трусости, почему он не вернулся, когда понял, что она не успеет? Почему не крикнул Юхнелю, чтобы ее подобрали в соседнем помещении? Почему был с Алисой, когда нужен был в другом месте? Еще сотни и тысячи «почему» роились в его душе, причиняя ужасную боль. Даже сейчас, вспоминая тот момент – поднимается трап и тут же корабль начинает разворачиваться для последнего залпа, – выступает холодный пот. И он видит Шайрэ, беззащитную мишень, в которую никто ни разу не попал. «Почему?».

«Тени многому меня учили. К примеру, чувствовать все предметы, в мельчайших подробностях. Даже движущиеся. Особенно движущиеся». Шайрэ закрыла глаза и продолжала следовать за воинами по лесной тропе.

Все собрались в уцелевшем помещении, в котором, правда, не было потолка, но уставших от долгого перелета, перехода, промокших, от заставшего врасплох дождя людей это ничуть не смущало. Большинство повесили свои мокрые до нитки плащи на деревья, окружавшие руины. Ученикам же оставалось лишь проклинать недосягаемого Чиклозара, благодаря которому им вообще не полагались плащи. Может даже и хорошо, что Чиклозар был недосягаем – ученики уже что-то умели. К примеру, владели боевыми искусствами, а, положившись на Силу, получился бы взрывоопасный коктейль, подаваемый в трактирах на окраинах системы – «Смерч». Не знаю, как воины, а коктейль полностью оправдывал свое название. Чиклозару бы не поздоровилось.

Меньше всего это собрание напоминало Совет Воинов. Здесь были все, кто спасся – ученики при учителях, одни ученики, старые и молодые воины, и, даже не владеющие Силой – радисты, охрана секретного ангара, люди из соседнего поселения, куда тоже высадились интервенты.

На возвышение, перед сохранившейся трибуной, присел старейшина Хаку. Рядом с ним возвышалась его страж-хранитель – Амалия. В ней было много аномального – так все считали. А все было потому, что учил ее сам Хаку, посвятив во

все тайны Силы, которые постиг сам. Амалия хмурилась, Хаку собирался с мыслями. При первых же словах старейшины она прикрыла глаза, и за всю его речь не произнесла ни слова. Кто знает, может, она помогала Хаку подбирать правильные слова, тестировала местность на предмет неприятеля или просто думала о чем-то своем. Сама секретность во всем Ордене – Амалия. Следом за Хаку, который говорит одно, а думает о другом. Впрочем, учитель и его страж стоят друг друга, и иногда хочется задать вопрос: кто кого учит?

– Эта планета с кодовым названием – Ангел. Она была занесена в архивы после одной разрушительной экспедиции. Когда-то здесь был прямой проход в град Тени – в Ловушку Разума. Прямой проход – значит, что при переходе в их город почти не затрачивается энергия. Это прекрасный способ для тех, кто жил здесь двойной жизнью. В этом помещении раньше стояли кровати с телами ушедших в мир Тени, но возвращавшихся для поддержания сил или для некоторых экспедиций. Тени еще только изучали человеческий разум и методы влияния на человеческое сознание.

Экспедицией на планету командовала cher Кира, мудрая женщина, возглавлявшая Орден. Узнав о секретных разработках Теней, она, да и, впрочем, весь Совет были испуганы. Если бы у Теней все получилось, кто знает, удержались бы они от искушения использовать свои знания для получения власти, безграничной власти над всем. Люди бы тогда стали марионетками в их руках. Как и воины – мы же тоже люди. Поступил приказ уничтожить всех, занимающихся этой проблемой.

То, что мы здесь встретили, оказалось полной неожиданностью. Это были воины, наши соратники и друзья. Командовал разработками сам cher Чиклозар. Но после того как открыли огонь боевые корабли, пересматривать решение было поздно. Высадившись, мы встретили ожесточенное сопротивление. Битвы шли везде, силы были равны, гибли невинные люди – один из кораблей совершил посадку на медицинский корпус, потолки не выдержали и вот… – Хаку развел руками.

– Я не стану преувеличивать свои заслуги, но остался один, здесь, на покрытой руинами планете. Я бродил по этим лесам, искал своих друзей, надеялся, что, может быть, кому-то из них еще можно помочь. И здесь, у этих дверей я нашел тело Киры. Здесь она встретила свой последний бой. И с кем? Я искал глазами противника, оказавшего ей достойное сопротивление, и увидел кровати, тела тех, кто ушел в мир Теней. Это были первые испытатели. Посреди комнаты витала гигантская сфера, которая, увидев меня, подлетела совсем близко, чтобы я мог дотронуться. Прикоснувшись к сгустку голубоватого света, я очнулся в совершенно другом месте, в недостроенном граде – Ловушке Разума. И тогда я совершил свою первую ошибку. Нужно было сразу уходить, как только заметил шесть Теней, но я остался и принял бой с Чиклозаром. Бой, который проиграл. До сих пор помню ту зыбкую реальность – земля прогибалась под моими коленями. Я понимал, что так не бывает, но это случилось, – Хаку, как бы невзначай поправил свою повязку.

В бешенстве, потеряв равновесие, я уничтожил тело Чиклозара, лишив его возможности появиться в этом мире. Он навсегда остался Тенью.

Прилетев на Чиклозар, я сообщил весть о поражении Совету. Те, словно обезумели, увидев тело непобедимой Киры, ангела во плоти, по мнению воинов. В ее честь назвали планету Ангел, навсегда прокляв эти руины и Теней. Была объявлена негласная война, – мирные люди не смогли бы понять всех страхов воинов. Вскоре я стал старейшиной.

Со временем я начал понимать, что разработки Теней, даже при самых медленных темпах, должны были завершиться, но открытых выступлений пока не следовало. «Они ждут удобного момента», – убеждал я сам себя. К тому времени наши разработки оружия, которое могло бы уничтожить мир Теней, было готово. Паранойя воинов достигла своего апогея. Многие добровольцы пытались постичь науку возвращения в собственный разум, чтобы найти мир Теней и нанести со-

крушительный удар, как пропала одна из ведущих рун, на которой держалась вся наша разработка. Поиски пришлось прекратить. А я начал понимать, что Тени – это эволюция воинов, что это то самое развитие, шаг вперед к огромному знанию. Я попытался прекратить все операции, которые могли бы навредить Теням. Но Совет не позволял, в том числе и cher Колан, который организовал еще одну экспедицию на поиски города Теней. Он отправился в соседнюю галактику, якобы, чувствуя своего врага, как он называл Чиклозара.

Вернулся он вчера, со своими верными приспешниками, которые в Совете во всем его поддерживали и считали меня сумасшедшим. Они уже не воины, они нарушили равновесие Силы, склонившись к темной ее стороне. Они уязвимы. Их легко уничтожить по одиночке. Но, пока с ними армия интервентов – мы бессильны. Тех слишком много.

Я не могу сказать, что случилось с нашей королевой, жива ли она вообще. Лучше приготовиться к худшему – обстрел королевского дворца был слишком точным, чтобы оставить ее в живых или, хотя бы, оставить той свободу. Возможно она в плену.

Cher Колан хотел власти. Он силен, но его никогда не замечали. Я чувствовал, что нечто подобное должно произойти, но также не принимал его всерьез. Это был удар в спину. Я не знаю, почему за ним последовала эта армия, не знаю, какие у него планы: основать на Чиклозаре новый Орден, или же подчинить и соседнюю систему. Вы прекрасно знаете, что две системы – Чиклозар и Орлениум находятся между двумя галактиками – Республикой и Салосской диктатурой. Возможно, со стороны диктатуры мы лишь первый шаг на пути к завоеванию Республики. Мы можем только гадать.

Только что я произнес долгую речь о воинах и Тенях, намереваясь тронуть ваши сердца мучившей меня проблемой. Мы охотились за Тенями, они ловко от нас спасались. Наши силы равны. Насколько я понял из рассказов Чиклозара, он знал, что когда-нибудь это произойдет. Тени готовы принять бой с интервентами, захватившими Чиклозар. Вопрос в том, согласны ли вы, принять их помощь? Выношу этот вопрос на голосование.

В комнате повисло молчание. Никто не хотел первым давать голос. Это противоречило всем установкам, которые царили на Чиклозаре. Но с другой стороны нужна была помощь, чтобы хотя бы определить намерения интервентов.

Шайрэ настороженно слушала тишину. Хаку был прав – его не понимают. Здесь его тоже посчитали сумасшедшим. Сколько можно молчать?

– Я согласна с cher Хаку. Вернуться к прежней жизни мы уже не сможем. Пора вспомнить, для чего был создан Орден Мира и Согласия!

То ли слова Шайрэ так подействовали на собравшихся, то ли они вспомнили полное название своего Ордена. Воины Мира и Согласия. В стенах пронесся одобрительный гул. Решение было принято.

Хаку улыбнулся бойкой девочке. Настроившись на ее волну, он подумал:

«Чиклозар бы тобой гордился, если бы ты была его ученицей. Готова ли ты к серьезному заданию?»

«Да, cher Хаку».

– Нам нужно также предупредить Республику о возможных планах интервентов. Горец Юхнель, готовы ли вы обратиться к Республиканскому совету?

– Да, cher Хаку.

– Летите вместе со своими учениками, Шайрэ и Ози. А, насколько я знаю, Алисия Доген уже представляла интересы Чиклозара на Орлениуме. Ей не составит труда выступить в сенате. Мир вам, воины.

«По разбитым судьбам без оглядки…».

И душа вернулась от совести.

Винтообразные качели мчат вперед-назад.

– Удачного путешествия, горец Юхнель. На тебе ответственность за три юные жизни. Ты обязан их сберечь, – Хаку перевел дыхание. Кажется, ему было трудно говорить.

– Они для меня как дети, – заверил учитель старейшину.

– Обучай и Алису. У меня плохое предчувствие. Не знаю, с чем это связано: со здешними неудачами или… Я буду сообщать вам новости. И еще, – Хаку вспомнил одну важную вещь. – Возьми, – протянул Юхнелю горсть маленьких кристаллов. – Прорастите их, это прекрасные кристаллы для световых мечей. Им уже пора сделать свои мечи.

– Нет, это слишком большая честь. Более достойные воины и не мечтали о кристаллах из сокровищ королевы Наги.

– Я знаю, что делаю.

– Почему вы о них так беспокоитесь? – Юхнель неожиданно остановился у окна, вернее, у того, что от него осталось.

– Ревнуешь? Не стоит. Шайрэ для меня нечто большее…

В общих заботах и распоряжениях никто не заметил отсутствия Юхнеля и его подопечных. Лишь когда их корабль оторвался от поверхности планеты, все посмотрели ему вслед. Надежда на помощь Республики жила в их сердцах.

– И чем все закончится?

– Н-не знаю. Не факт, что им помогут. Но попытаться нужно.

– Ты же пишешь! Что значит «может быть»?

– Не я пишу, вы пишете. Я архитектор – ищу образы.

И первый раз за неделю Архитектор уснул. Шла История России, Смутное время, казаки просят помощи у русских. Все будет хорошо? А нет – фантазия поглотит меня. Крепитесь…

P.S. Смотрю в остекленевшую фантазию. Она – в меня.

– Отпусти их.

– Ты не закончила. Война не закончилась…

Я поняла.

А следующим утром лишь ветер гулял в развалинах Чиклозара. Интервенты как появились, так и исчезли. Только зима осталась на песчаной планете. Ватные хлопья снега.

– Все?

Стекло помутнело и растворилось в стене.

Кружится диск телефона…

Мимо рысталищ, капищ
храмов и баров, мимо шикарных кл
мимо больших базаров, мимо хороших
мимо Мекки и Рима, синим
ницем палимы...

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
Я руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

ПОЭЗИЯ

Бессонница. Гомер. Тугие паруса
А список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд
журавлиный

Елена Ионова

Елена Ионова родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Окончила Уральское училище прикладного искусства, Нижнетагильскую социально-педагогическую академию по специальности «Изобразительное искусство». Участник перформанступпы «Звучащее тело». Публиковалась в третьем томе «Антологии современной уральской поэзии», журналах «ШО», «Урал», «Вещь» и т.д. Вошла в энциклопедию «Уральская поэтическая школа». Автор поэтического сборника в серии «ГУЛ», книги стихов «Город N и его окрестности».

* * *

Маленьким девочкам проще тянуться ввысь,
Ноги их жарким воздухом налились.
Маленьким девочкам проще здесь, говорят.
Видели, как они устремляют взгляд
В синее небо из городской глуши,
Словно котята? «Боже, меня чеши,
Я заслужила ласки твоей вагон!
Можно к тебе забраться на самый трон?»,
Не успевая вырасти до седин…
Только вот Бог на троне всегда один…

* * *

Река, что прошила город и лес, как нить.
Намытые камни – хочется облизать,
Собрать их в карманы, духов лесных кормить
С ладони, с тобой, но чаща тебе под стать –
Ты ходишь такими тропами, что капец,
Тебя завести и вывести не судьба.
Гнездо или, может быть, золотой венец
В твоих волосах, и слава течёт со лба.
И в каждой руке секретики – угадай,
В каком кулаке звенящая пустота,
В каком кулаке, устав, задохнулся рай,
Собрав все грехи и радости, как с куста.
И кроны сомкнулись, съели в один присест
Всё то, что расставил бог на своём столе.
Взрывается клюква – капает кровь на крест
Из тёмных дорог на вечной как смерть земле.

* * *

Ты всегда будешь мелкой дурой,
Там, на склонах Уральских гор,
И застывшей морской фигурой,
Не ожившей до этих пор.
Без надежды и без опоры,
Разливавшей по рюмкам блюз.
Где прекрасны грибные споры,
И прекрасен грибной союз.
Красный бисер, зелёный бархат,
Как брусникой по мху шитьё.
И животной любви и страха
До краёв. В венах забытьё.
В долгих реках остатки солнца
До снегов хранить тем местам…
Кто ушёл, больше не вернётся,
Но навеки пребудет там.

Анастасия Руднева

* * *

Помнишь, Летавший облачком там и тут,
Как тебе сладко нежилось день за днём?
Тонкие шпили вечером заметут,
Души расплещут затемно за окном.
Я здесь не вижу промысел, хоть убей,
Просто жестокость вылилась за края.
Как детворой подстреленный воробей,
Ты брошен Богом в быт из небытия.
Не унывай, не злись, не стели постель,
Чтобы помягче пасть, глядя в потолок.
Это не стон, а скрежет и скрип петель
У райских врат и солнца дверной глазок.
Хочешь, свернись калачиком и рыдай,
Хочешь, раскинь себя и подставь ветрам.
Будет ли место или хотя бы край,
Где ты захочешь жить… даже по утрам?

* * *

Заглотить твой язык и молчать, будто рыба, впредь.
Я скольжу вдоль тебя – тяжело на крючке висеть.
Неприкаянно бел здесь снег, на снегу следы,
Что ведут в полынью зимы, до большой воды.
Сарасвати ушла под лёд, заколочен дом.
На заборе висит урла – ноги надо льдом.
Засыпай, как заснёшь, я тебя проглочу, налим.
Слышишь, плачет мой лес – это город пришёл за ним.

* * *

Если я съем этот гриб, он исполнит желание?
Стану я больше, чем мир или меньше соломинки?
Скоро проглотит лес солнце и кровопускание
В небе, а здесь на земле огороды и домики.
Ручками, ручками, в грядочках азбука Щавеля.
Что ты там вычитал? Сказку про смерть и рождение.
Первый садовник, удобривший камешки Авелем
Был просто яблоком с яблони грехопадения.
Капают бурые капельки ржавого вентиля,
Шланг для полива как змей возле дома на привязи.
А за воротами страшная улица Брейгеля,
Из темноты кто-то шепчет мне «Милая, вывези».
Я отвечаю, простите, сама тут не местная,
Я собиралась исчезнуть ещё до двенадцати,
Только мне тридцать уже, надо мною вселенная,
Но развлекаюсь я лишь огородом и танцами.

* * *

Это тело бренное без прикрас,
Без души, и трогать какой резон?
Даже если это в последний раз,
Когда нас кладут в гробовой вагон,
Отправляя к облачным берегам.
И стучат лопаты колёсный ритм.
Интересно, слышим ли шум и гам,
Принимая всё за вокзальный Рим,
Где так густо пахнут еда и тлен.
Чтоб на третий день вдруг открыть глаза:
Из небесной плошки, воде взамен
Разольётся жидкая бирюза.

Николай Печальник

* * *

Навсегда умолкнут войны
Так не вечно же страданье.
Мы одной пойдем дорогой
В нарастающем сиянье.

Вечер небеса откроет –
Больше нет долгов за нами!
Даль прощенье обозначит
Легкоструйными слоями.

На высоком перевале
Воздух тих и свет печален,
И на вздох один глубокий
Хватит прошлого едва ли.

Шаг беспечный, мрак бездомный –
Мир неслыханных талантов,
Где на черном небе звезды –
Словно души лейтенантов.

* * *

Небес голубые прожилки –
Дождливый заоблачный сад.
Я встретил его на развилке
Дороги ведущей назад

Небрит и как видно – без денег!
В глазах – ледяная вода.
– Привет тебе, мой современник!
Держащий свой путь не туда.

Он мимо в текучей истоме
Прошел и не подал руки,
И долго в небесном проеме
Скрипели его сапоги

* * *

Беглые тени, огни-кривотолки...
Вечер окреп в неприметном поселке,
На неизбежном пути:
Ветер глубокий течет меж домами,
Дует рекою отныне меж нами –
Улицы не перейти

Серы деревья – светлы и убоги
Темным предзимьем ложится под ноги
Грязь по задворкам....села.
Окна зажжет – и меня не узнает
Всеми собаками в небо залает
Та сторона, что звала...

Помнить – не помнит! Светлы занавески,
Желтый автобус игрушкою детской
Вязнет в скопленьях ветвей
Как ты останешься зябкою тенью,
В свете настенном средь тонких сплетений,
Шепотом между людей.

* * *

За окном предзимье, непогода,
Дикая вселенская простуда,
Сеет слякоть в темных огородах,
Злой обидой веет ниоткуда

Как за безымянным километром,
Где творится страшное ночами,
То хлестнет по крыше рваным ветром,
То запляшет поздними врачами.

Нездоровье липкими руками
Трогает доверчивые нервы.
Горечь пью горячими глотками –
Ничего, все завтра будет белым.

ИСХОД

Время другим. Нам пора непростая –
Все до земного предела;
Светом закатным душа зарастает:
Перецвела, отгорела

Профилем, жестом пред ликом потомка
Скоро предстанем в ответе.
Только осталось – поправить котомку –
Плечи расправить на ветер.

Осень закрутит в похмельное темя
Бронзовопалое на-кось!
Прочь побредет лебединое племя,
Дети простреленных насквозь

Чьи имена без привычного лоска
Впишет под шум водостока
Грязным графитом
по серой известке
Нищая наша эпоха.

* * *

Даже звезды в тишине покоясь
Остывают с невозможных пор
Далеко отстал мой тихий поезд;
Тряский свет, полночный разговор.

Летний сон – ночных просторов житель
Простучит стальным веретеном
Беглых взглядов золотые нити
Промелькнут как искры за окном.

Но сойду – и путь цветет в тумане,
Не мешает быть ничьей судьбе,
Как остывший камешек в кармане
Маленькая память о тебе.

Юрий Маевский

ГОРОД

Боль как будто – не боль –
просто вышла разлука,
Просто поезд стоит на четвертом пути.
Так сжигая диаметр привычного круга,
Изумрудно цветет светофор впереди

Все за полночь! – патрульная служба уснула,
Покачнулся перрон, да и горечи нет!
Посмотри мне в глаза темным взглядом вогула
Перегаром железным дохни мне вослед.

* * *

Ходят в городе враги,
Покупают утюги.
Средь весенней тишины
Гладят серые штаны.

А друзья мои – легки!
На земле им нет тоски.
Камни млечного пути
По задворкам разнести.

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Неоновый снег, перечеркнутый луч...
Надсадно, пустынно и бренно.
В конце ли проспекта бел-камень-горюч –
Один в новогодней вселенной

Налево пойдешь – даром жизнь прожита!
Направо свернешь – повстречаешь мента!
А прямо – сквозь искры и кремень –
Судьбы непролазная темень.

* * *

Двор больничный – мудрости примета.
Серая небесная солома.
За холодным контуром рассвета
Память не расставить по иному
Бледной лампой ревность догорает
Зла на всей земле не обнаружа
Время пыль и горечь выдувает,
Остальное высветляет стужа.

Радость к сердцу слезы прибивает,
В легком белом дыме хлороформа,
Где на стеклах выдох замерзая
Обретет утраченные формы.

* * *

Станет сердцу тревожно
На пустынном пути.
Среди трав придорожных
Теплый камень найти.

Солнце пыльной солью
Приглушит бубенец.
Неоправданной болью
Пахнет вечный чабрец.

Что-то схлынет. Не будет.
Канет в яркой дали:
Неужели вы, люди,
Ничего не нашли?

Сквозь поля золотые
Ветер шепот принес:
– Что ты плачешь, Мария?
– Не родился Христос.

Алексей Миронов

Родился и вырос в Нижнем Тагиле. Закончил филологический факультет Нижнетагильского пединститута, там же и работает (ныне заведующий отделением сценических искусств факультета художественного образования НТГСПА). Дебютировал в альманахе «Тагильская находка», после участия в Первом всеуральском совещании молодых литераторов. Публиковался в периодике и сборниках. Автор книги «Во сне тебя люблю».

Член оргкомитета Всероссийской конференции «Детская книга» и регионального фестиваля «Надежды маленький оркестрик…», посвященного Булату Окуджаве.

* * *

Поэзия – дело пьющих и утопающих,
Подметающих собой улицу поутру.
Их зовут, но не так, как зовут товарищей.
И, пожалуй, вовсе их не зовут.

Им приходит все и всегда не вовремя,
Их обходит памяти злой конвой.
Небосводу нужен их пульс лубяной, разорванный
На «пошел ты на…» да «и Бог с тобой».

Всех, когда-либо пьющих и путешествующих,
Утопающих в жабах-сфинксах и спиленных облаках,
Поместят на стенд «Лучшие люди кладбища»
И простят на деле, а не на словах

Их заплывы вспять или по, их прошлые
Инфузории в туфельках, свет очей с ледяного дна.
Утопающих мало. Но утонувшие
Пьют как прежде. В надежде у них вода.

Выпивают так, будто спать никогда не хочется,
Будто вышел с будущим перепой.
И идут так «на» или «по»…но всегда – хорошему.
Выпивай и странствуй. И Бог иногда с тобой.

ИЗ БЛОКА

Любви, здоровья, тихой славы,
как сон, как утренний туман,
желает всем Акутагавы
внепрозаический дурман.

Умрешь – начнешь дышать сначала.
И повториться все опять...
Перманганат. Пеленки. Мама.
Коляска. Папа. Погулять.

**НАКАЛЯКАНО
В ВОЗДУХЕ ДЕРЕВО...**

сыну Матвею

Накалякано в воздухе дерево
в окружении галочек-птиц.
По периметру травки да клеверы
частоколом простых единиц.

Так увидел ребенок мой утренний
мир в обратке вчерашнего дня,
где бредет человек перламутровый,
непохожий точь-в-точь на меня.

**СЕЙЧАС СОТВОРИМ
И ПОКУРИМ...**

«Сейчас сотворим и покурим, –
Сказал и устало вздохнул. –
Так много космической дури
Я в это творенье вдохнул.

Так много, что им и не надо.
Пусть будет светить иногда
В волшебную мглу листопада
Лесная ночная вода.

Они повздыхают на небко
И божью коровку спугнут.
И все ожидания редко,
Неправильно сбудутся тут».

И вот от такого «покурим»
Плывут до сих пор облака.
И аурум тонет в лазури.
И в звездном укропе река.

ПРОГУЛКА

В лесу неслышим, невесом
Гуляет желтый лис.
А у опушки за кустом
Пьет пиво гимназист.

Он курит избранный табак
И смотрит в забытьи,
Как погружаются во мрак
Товарищи мои:
Леконт де Лиль, Артюр Рембо,
Апухтин и Готье,
Случевский, Надсон, Шарль Кро,
В кромешной темноте…

Их каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом.
И желтым лисом лесом брел
Аполлинер Гийом.

С берез невидим, невредим
Слетает альбатрос.
Мир полон сна, мир полон грез,
И перегной-навоз

В себе все мысли отразит,
И с оптикой червей
Слепая память в люльке спит
У вечности своей.

Ну что ж, гуляй же, гимназист,
Покуда даль легка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука.

И пусть не выучен урок,
Прогуляна латынь…
Но бледен конь, взведен курок,
В очах звезда Полынь.

С небес недвижим, невесом
Слетает белый лист.
Из гимназиста за кустом
Выходит гимназист.

И желтый лис по одному
Вокруг него кружит.
А что положено кому –
Пусть каждый совершит,

Покуда есть у нас курить,
Чахотка и Сибирь,
Покуда флейтой нам трунитъ
Державинский снигирь.

ЛУННЫЙ ЗАЯЦ

Вот твой единственный простой пока герой,
он движется едва по закоулкам синим.
Нет в мире веточки ракитовой такой,
что возвратит его и что его осилит.

Он движется, как ночь, по саду напрямик
среди немыслимых таких сердцебиений.
И стынет озеро небесных голубик
над каждым шагом из его стихотворений.

Delphínium humanum сохнет между строк,
и выдувает ветер в пепельные долы
то капельки любви, то капельки тревог…
Предлоги сердца, смерти личные глаголы.

* * *

памяти А.Балабанова

все еще спишь в этом каменном веке
каменным оком в себя обратясь
на проходящем впотьмах человеке
тушью начертаны холод и грязь

тусклый фонарь в фиолетовой раме
он пронесет мимо всей тишины
вот и твои похоронные сани
в разные стороны будут равны

* * *

выходи говорит никодим говорит
выходи-ка парить никодим
никотин говорит не хотим говорит
ни колико ни како ни в дым

постоим говорит никодим поглядим
по своим по местам постоим
поелику как облак недвижим и мним
то и мы никодим не поним

помолчим говорит никодим подымим
поволочим-ка ноченьку чу
не поним ничего мы с тобой не поним
даже это свое помолчу

НОЧНОЙ БАРАТЫНСКЫЙ

Говорила мне мама: «Нельзя
Баратынского на ночь читать,
поелику велика печаль
изливается в сих письменах».

Я не слушался, вглубь одеял
уходил, словно в карстовый слой.
И фонарик загробно сиял,
погружая меня в мезозой

чудных мыслей, деяний и слов
из картинок невластных уму.
Словно недоросль в них утопал
мой мерцающий разум му-му.

А потом приходил пироскаф
и в классический город теней
увозил мой последний анклав,
Элизей меловых простыней.

И теперь, когда даже не сплю,
мой безумный сверкает фонарь.
И бессрочную пишет весну
на моем подсознанье Грабарь.

* * *

собирались в дорогу мои пьеро
долго флейту искали впотьмах травы
примеряли какие-то кимоно
проверяли мой голос на kommt zu mir

все считали что это такой бардак
собираться и думать о том как плыть
и держать на себе караван-сарай
и из жолтых шариков что-то пить

все в пути никак не пригодно тут
никакие сборы не по нутру
все никак не могут и не уйдут
без моих записок мои пьеро

собирались как будто пиши пропал
лишний лист закатывать в белый грунт
все считали что это такой провал
что пьеро как клоуны не умрут

но собрались быть и наверняка
так и вышли оставив такой бардак
мне на память так посреди меня
только мрак мучной да кромешный мрак

MARMOTTE НОЯБРЯ

и фляга весело свистела... и огнь ноябрьский догорал
зверинец из стекла и мела сам самое себя играл

об этой тишине разрухи никто нас не предупреждал
там плыли рыбы, лесы, духи, элизиумный карнавал

смеркал себя и вновь светился на белых нитях натяжных
и никуда не торопился: ни в декорации, ни в стих

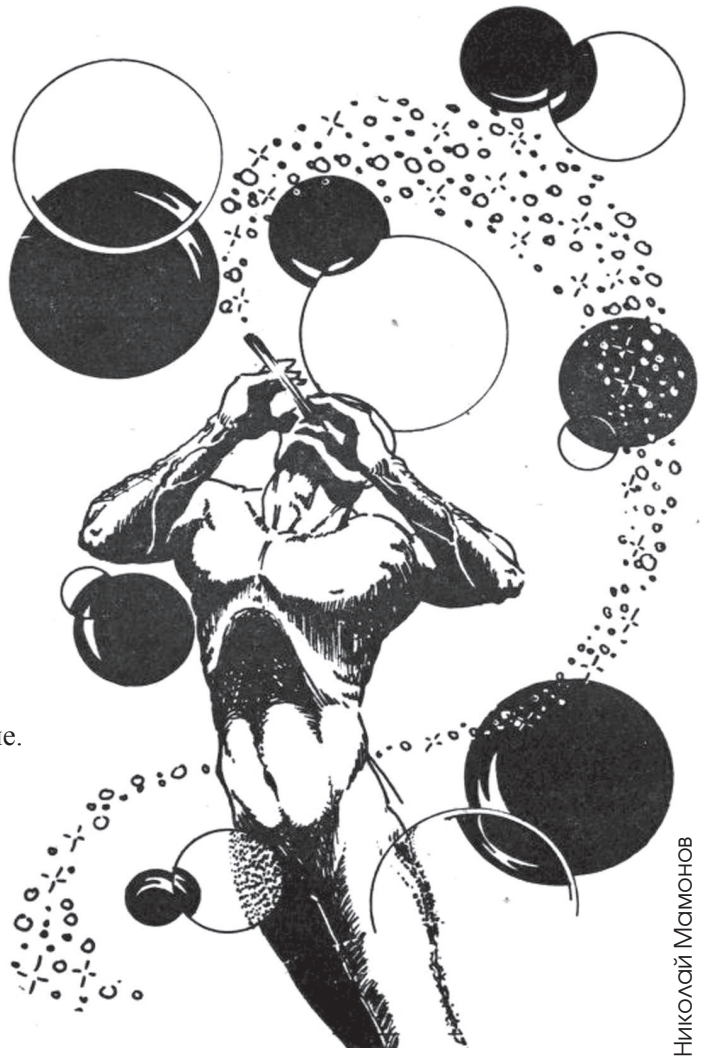
но где-то в глубине звучало Avec que sí, avec que là
и фляга весело свистала наверх marmotte ноября

НЕ ВОДА

И то, и все, и бездны на краю
я чай попью с ромашковым настоем,
а жизнь течет не в такт календарю
под тем мостком, где все горчим и строим.

И нет мне тела до других страниц,
в которых неизвестность выше смерти,
и тех не злых пока что медуниц,
что в душу мне протягивают стебли.

Судеб травошептанье: лебеда,
и водосбор, и рута, и мокрица…
Прости меня, но ты мне не вода:
не утонуть, не выпить, не умыться…



Николай Мамонов

ПУТЬ НА ЦИКЛОМЕНУ

Белый свет – как в копеечке – в утлом судне.
Все швартовы отданы Богу ныне.
Так что не обессудьте, граждане судьи,
Что приплыли сюда на хромом дельфине.

Из живой воды и коньячных скважин
Пропивали мы свет, чтобы быть поближе.
Ну а тех, что к палубе привязали,
Полигимния в свой протокол запишет.

Мы гордились тем, что и парус крепок,
И цикады млечны, и курс проветрен.
Шли мы на Цикломену путем аптечным,
То есть точным: плюс-минус четыре метра.

И вот так оказались в своих палатах…
Нас по жабры в фарватере укачало.
Полифем полемики, граждане судьи,
Накомпрессил нам море под одеяло.

До сих пор штормит и качает койки.
Никакие узлы не дают развязки.
Мы лежим на рейде под барной стойкой
И пока не требуем перевязки.
А они говорят: мол, читайте мифы,
Мол, какого Витта сюда приплыли?
Ни Жюль Верна не поняли ваши скифы!
Мол, сидели б в нижнейшем своем Тагиле.

Вот и как тут плыть, полагаясь навзничь,
И какая, Господи, Цикламена?
Никакие узлы не дают развязки.
Только судно справа и звезды слева.

* * *

когда не фурычит список
прекрасно прийти домой
нажраться воды изподкрановой
неистовой не сырой

и долго потом на простыни
сиятельно так лежать
как будто бы ты аптека
кому-то в тебя бежать

приветствовать небо белое
во весь свой опор и рост
каким-нибудь принцем гамлетским
в безумных чаинках звезд

МОЙРИЧЕСКАЯ ГОНЧАРОВА

Мне лахтинские музы говорили,
Что Гончаровой, может, вовсе нет.
Но линии ее автомобилей
На все трамваи проливают свет.

Где полумгла-полурассвет докучный,
Сплетает кисть невидимую нить.
За полотном гуляет ветер тучный
И обещает луч перекроить.

Разбился месяц молодой и ясный.
Архангелами пляшут небеса.
А там – она! разводит музам краски.
И размывает линии лица.

ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ ЖАСМИН...

пока не погаснет жасмин
пока не остынет шалфей
ты будешь один на один
с ущербною тьмою своей

листы словно пепел легки
их морок протяжен и чист
пока это только стихи
пока это щебет и свист

пока это только вода
небесных чаинок настой
добавиться должен сюда
и кровью окрепнуть густой

но только умолкнет вода
и что-то уйдет в переплет
остынет жасмин навсегда
и тьма свой шалфей развернет

Екатерина Рид

Родилась в Нижнем Тагиле. Учится в школе № 45. Пробует себя в поэзии. Занимается в литературной студии «ВМесто тысячи слов». Эти стихи – первая публикация Екатерины Рид.

* * *

Лимонный чай в стакане остывал,
Сквозь штору пробивался тусклый свет.
Вагон уставший мирно отдыхал.
Под перестук колес я ждал рассвет.

Глухая полночь – и в душе темно,
И давит, давит тишина виски…
А сердце – будто счастья лишено,
Пропитанное горечью тоски.

Мой милый край – тебя покинул я…
Лишь в памяти еще луга цветут.
Купанье, прятки, смех и беготня!..
Там был я счастлив, и несчастлив – тут.

Там – рад копейке, тут – рублю не рад…
Я б много дал, чтобы в детство окунуться.
…Мой поезд провожает звезд парад,
А я хочу в свой край
Опять
Вернуться...

ЗАКРОЙ ГЛАЗА

Закрой глаза…
Подумай: ты в лесу.
Шуршит трава, звенит-бежит ручей.
И ветви над твоею головою
Ведут вполголоса свой разговор о вечном.

Закрой глаза…
Представь, что ты один.
Что ты идешь по радостному лесу,
Что на земле есть только солнце, ты и мир –
Прекраснейшая пьеса без антрактов.

Закрой глаза…
Отбрось всю суету.
Она не даст душе того, что ей желалось.
А просто представляй, что рядом есть
Тот, кто подарит красоту и счастье.

Закрой глаза…
Шум города уйдет,
И фонари померкнут на проспектах.
И в сердце тихо красота войдет –
Согретый солнцем чародейный миг.

Ольга Аганичева

Любовь Вагнер

Родилась в Нижнем Тагиле. Закончила Уральский колледж прикладного искусства и дизайна по специальности декоративно-прикладное искусство и народные промыслы. Лауреат поэтического фестиваля «Глубина» (Челябинск). Публиковалась в местной периодике.

* * *

Акромионы слоистых крыш
Дырявят воздух тупым ребром.

Остались звуки дорожных жиж
На вечер, нА лето, на потом.

Я, может, быстро приду в тебя,
Куря стекло набивных окон.

Если от завтра до декабря
С войны вернётся Наполеон.

* * *

Не снимай перчатки с моих ветвей –
Пальцы сымитируют под стекло.
На запястьях сделалось холодней,
Птицы рвут кору – под корой тепло.

Ветер бреет крону, начав со лба,
И, помяв ключицей изгиб ресниц,
Трескается облако, как губа,
Рассыпая вату на голых птиц.

Птицы процветают среди корней,
Выпадая нА землю, как плоды.
Чтобы дотянуть до витражных дней,
Они прячут перья свои в следы.

Если расплетёшь птичьих плеч кору,
Выбирая рёбра и позвонки,
Ты отключишь птиц, когда я умру,
Нет дверей в ключицах, но есть замки.

* * *

Выращивает смерть
У самого пруда
Надкорковый рыбак
Из чешуи и льда –

Он, леску опустив
В леса сырой воды,
Выдергивает рыб
За вогнутые рты.

А рыбы трут хвостом,
И лопается лед.
Заснеженный рыбак
Без удочки плывет

К подвздошным берегам,
Влияя плавником.
И выросшая смерть
Парит над рыбаком.

* * *

Тихо слетевши с орбиты успеет болид
5 оборотов вокруг и взорвётся на солнце.
Юра до туда, наверное, не долетит,
Выписав людям спасенье на азбуке Морзе.

Мы побежим со скафандрами на космодром,
Чтобы взлететь, оставляя хвосты и границы.
На оболочке озона 700 гематом.
Вырежь луну из бумаги – нам всё это снится...

Риф Хабиров

* * *

Скрываем ожоги, кладя свои руки на рельсы.
Трамвай на рогах, я с утра с опухающим фейсом.
Съезжаю с предплечья, расправив лопатки, как крылья,
Глотая не спирт – кипячёное облако пыли.
Я выше, чем выше, и больше, чем опухоль воска.
На уровне шпал леденеют цветы из киоска.
И в час километров 15 до самого мая…
Заправь мне лопатки под кожу, ведь я умираю.

* * *

Распадаясь на атомы,
киснет во мне кислород,
Чтобы выдохом сиплым
Избавить трахею от дыма.
Этот воздух прожаренный
бреет во сне самолёт
И скрывается в трещинах,
наспех замазанных глиной.
А на кончиках пальцев
лежит неразвёрнутый ток.
Ожидая подачи смолы
из фильтрованной ваты.
Если ты ещё дышишь,
то вопль радиста не смог…
И не сможет спасти –
альвеолы по-прежнему сжаты.
И на вдохе трещат эти лёгкие,
рвутся по швам,
Рассыпая по рёбрам
увядшие бронхи, как листья.
И когда разорвёт меня
крыльями напополам,
Поднебесный пилот
не найдёт в чёрном ящике писем.

* * *

Мне сказали – я из Берлина,
С голосами чужого пола.
Я слепила вождя из глины,
Не сказав никому ни слова.

Сочетаются флаги в стаи,
Эхо движет дожди по крыше.
Дуй в Берлин, когда снег растает.
Страшно мне без тебя в Париже.

Ярослава Широкова

Родилась в Нижнем Тагиле, училась в школе №5, закончила филфак Уральского педуниверситета. Публиковалась в журналах «Урал», «Новая реальность», американских альманахах «Слова, слова, слова», «Белый ворон», сборниках «Голос», «Красными буквами», «Графит», «Екатеринбург 20:30». Автор поэтической книги «Картон».

* * *

тёмная сторона травы
устье росистой выемки
дети до детворы
пили с твоей руки

и превращали скоп
выжженых шалашей
в чёрную крапинку уголька
в мятую полосу камышей

где их теперь искать
выпали за болотица
ухо к земле прикладывай –
сердце ещё колотится

* * *

Церковка, башенка, запах духов соседки
Светлая пашня, велосипедный град
Мамочка, жди меня, я уже за Исетью,
Кланяюсь грязному воздуху на губах.
Еду и думаю, как бы замедлить горы
Выключить свет и выпрыгнуть на пути
Вялое крошево снов заплетаю в трое
Висельных кос, разбитых на волоски
полдник темнеет, люди прохладной лентой
тянутся к подлокотникам деревень
на электричке дорого, мы студенты
вот и пойми как хочешь
или поверь

МОЛИТВА ГЕРДЫ

покинутые улицы полны
такими же деревьями как мы
осанку наклонившими на север

кореньями застывших фонарей
приказами подснежных королей
и королевен

из вида ты теряешься в Кайме
замерших. стоит сбиться – и в зиме
пополнится коллекция ледышек

я доберусь к чертогам, а потом
заплачь всепоглощающим теплом
и пусть убережет тебя всевышний.

* * *

жалуясь на хлеб –
живота нехватки
нищий раздвоит
тетиву рогатки

вслушается вой
корабля на каме
птица улетит
не дождавшись камня

и рука сметет
крохи с языка
переворотив
память старика

* * *

пока одета осень в облака
окраин, полногрудые мурашки
выпячивают сытые бока
под воротом учительской рубашки,

ты спишь на остановке у реки,
где плачут наливные пеликаны,
и падают хмельные рыбаки
в компьютерные сети и стаканы.

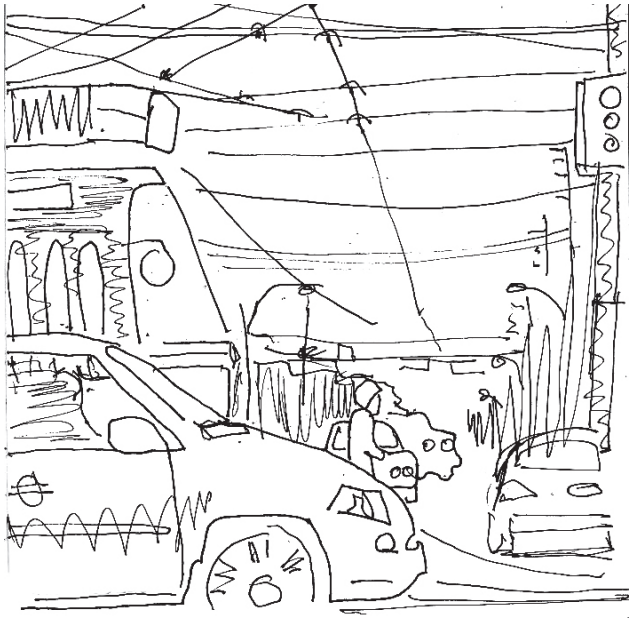
трамваи входят по двое в глаза,
безопытно слоняются кареты,
кондукторы теряют голоса
и угощают ехать без билета.

* * *

Как дорога до храма,
ведущая мимо развалин
выделяет дубы
над подсолнечным льдом
и виляет толпой
заколоченных ставен,
омертвляя запахнутый дом

там молитва твоя
вылетает на громком дыхании
горловатой трубы,
отопляя оборванный звук
и втирается в свет,
и в белёсом своём караване
возвращается снегом на юг

день становится компасом,
всякий предмет обезглавлен
и очертан сиянием
стойких минут
ты берешь меня на руку
и раскрываются ставни
и глаза твои к храму ведут



Михаил Корнев

АЛЛО

у меня новостей – что вишневых горстей
полтора кулака, да в пыли рука.
в спальне вчера обнищала постель
горькая, как мука

гнилых иллюстраций полны ярлыки
на давно нерабочем столе
алло, по подъездам парят бурлаки
каждый в своей дыре

цари огорошили променад,
словно кругом житьё
в трубах спивается аромат,
что за гнильё-моё

здесь вечереет электрошок
громкий вороний грай
перешитые губы мычат в мешок
отчего ты молчишь? Don't cry.

* * *

мокрый воздух застукивает предтечь
окрестностей. Вытихает стаей
снега, раскиданного от плеч,
берегом, который тебя оставил,

осиновой бирюзой
наледи, хрустящей в оправе пения,
выводя собой нехитрый узор
говорения.

и каждый, плывущий мимо с корзинкой звёзд,
выкинет посох в твоих краях –
станут лучами ветки наземных гнёзд,
Голубь выведет голубят.

РОССИ

выйдет на люди продолговатая осень.
просыпается при-смерти старая Росси
в отраженье фольги, как потухшая рыба,
выжидая шаги городского пошиба –

заскрипят у крыльца, обкромсают перила,
бодиаметр неба оперят акрилом,
улизнут по ступеням речного бордюра,
о себе не оставив губного прищура.

дождь распарит листву, рукава приморосит,
опылит семена, и бульварная Росси
приземлится в земле у корней парохода.
все мосты постоянно разводят кого-то.

* * *

под углом железной дороги
выкопаем дом
над порогом прибьем
подкову
выведем гамак между двух осин и
с радостью почувствуем как бессильны
перед этим воздухом стометровым
выкутаем в скатерти четырех
детей, разложенных поперек
крыши
будем обживаться на фоне леса
землю голыми ступнями резать
приручать вишни
и когда мороз заскребет головы
ляжем в обнимку голыми
выживем или не – поровну горько
бесится подле метель
медленной стаей
снег примет форму наших тел
и не растает

Алена Миронова

Родилась в Нижнем Тагиле. Закончила филологический факультет Нижнетагильского государственного педагогического института, училась в Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковалась в «Антологии современной уральской поэзии», коллективных сборниках, местной периодике, журналах «Урал», «Новая Юность», «День и Ночь» и др. Финалистка конкурса «Илья-Премия», лауреат большой независимой поэтической премии «П».

ШЕКСПИР FOREVER

Как холодно! и ветер резкий дует...
Шекспир /Гамлет/

как холодно и ветер нынче зол
я сам себя как поле перешел
[но вышел мимо]

найдя закут в дурной моей башке
безумие там руту рвёт в тоске
[необъяснимой]

светило разминает свой кадык
отчизне намечается кирдык
[из всех орудий]

здесь даже воздух до костей прогнил
Офелия пропалывает ил
[сбежав отсюда]

мой бедный Йорик нам так не свезло
нас будет жизнь выкусывать как блох
[ежеминутно]

приговорит пожизненно к шестку
альцгеймеру бобруйску и прыжку
[без парашюта]

РЕЧНАЯ ГАЛЬКА

I.

Поблескивает полдня чешуя,
согретая дыханием жилья.
Бог, как и прежде, прячется в деталях.
В спиртовке лета догорает спирт.
Скрипит крыльцо.
И жизнь моя скрипит
не больно так. И потихоньку тает –
сладчайшей ватой... леденцом во рту.
Еще чуть-чуть – и снова прорасту
с той стороны божественного ситца:
увижу маму, обниму сестру –
и не умру... конечно, не умру.

Не плачь, мой ангел, нам всё это снится.

II.

Закрой глаза и сосчитай до ста…
Игра нелепа, и ладонь пуста.
Речная галька тянется к обрыву.

Но каждый день и каждый божий час
нас кто-то ждет, и кто-то любит нас –
единственный... безгрешный...
робкий... лживый…

Перелистай нас всех по именам –
и в каждом будут сладость и вина,
и встанет Бог над каждой половиной.

Уроки жизни подойдут к концу.
И ты прочтешь по моему лицу –
как нежен снег и терпелива глина.

III

Когда никто не видит – оглянись:
там слева жизнь, и справа тоже жизнь –
крадется, дышит, душит, проступает
с изнанки каждой вещи – пустяком:
монеткой, ранкой, облаком, цветком –
незримая... отважная... слепая...

Не бойся. Ты привыкнешь снова быть
и золотую пенку ворожбы
легко снимать с поверхности предметов.
Надежду и печаль кормить с руки.
И радоваться камушку с реки –
и жизнь любить... и смерть любить за это.

Елене Малышко

июльский зной становится густым
в молчанье опрокинуты кусты
на дно травы уходят города
ни имени ни звука ни следа

закрой глаза прислушайся замри
гул яблока у яблока внутри
и легок свет и тень его легка
и в сердцевине яблока – река

нежнее слуха медленней воды
из-под коры глядят в тебя сады
и пахнет день малиной и халвой
и бог в тебе и больше ничего

ЧАСОВОЙ

Ночь. В ней свет – почти прифронтовой,
над твоей встающий головой,
пальцы перепачканы черникой.
Ты, дружок, сегодня часовой,
и увидишь если: кто живой –
издали на скрипочке пиликай.

Дольний космос густо начинён
длинным-длинным перечнем имён –
вот на свет плывёт из перелеска
люд работный, офисный планктон
с яблоком, которое ньютон,
в облаке, которое гандлевский.

Всякого утешь и сохрани,
от ножа и сглаза отжени,
отлепи от хвори и от дури,
отомри от яда и огня…

И сыграй, мой ангел, для меня –
чтоб застряла жизнь во мне
как пуля.

* * *

Когда лампада лета догорит.
Когда трава износится до хруста,
и облетят с деревьев словари,
переполняя тишиною русло –
ты выведешь меня из темноты,
в которой звуку некуда причалить... –

Заговоришь. Слова твои просты.
Почти неотличимы от молчанья.
Почти прозрачны. Оттого легки –
их утром слижет первый луч с предметов.

...А мы с тобой – мы будем далеки.
.....От тьмы.
.....И света.

ГАМЕЛЬНСКОЕ

У зимы в ледяном рукаве, голубом терему
прививали с рожденья тебе то любовь, то чуму,
и сажали в промёрзший до белых костей чернозём,
и пытали звенящею медью, водой и огнём.

Ты прижился, привык и пошёл, к удивлению, в рост:
по ночам твоё горло почти доставало до звёзд –
и стеклянная песня как мостик оттуда – сюда
на рассвете для нас вырастала из чистого льда.

Как ты пел, боже мой, как ты пел! – мы сходили с ума:
оставляли детей и родных, покидали дома
и – влекомые песней твоей – уходили туда,
где трава зеленей, голубее и чище вода.

…Не вернулся никто – все остались лежать в той земле,
где зима расплетала хрустальную реку во мгле –
и на берег из мутной воды вперемешку с песком
медяки выносила и мёртвые тушки зверьков.

Их обгладывал ветер, нещадное солнце пекло,
превращая подкладку мечты в голубое стекло –
в голубиную высь, в бессловесный язык высоты,
возводящий из музыки каждое утро мосты.

Анатолий Пинтелин

Екатерина Солохина

Родилась и живет в Нижнем Тагиле. Училась в педколледже, затем – в Уральском государственном педагогическом университете. Работает инженером по подготовке производства на УВЗ. Данная подборка стихов – первая публикация автора.

* * *

Мои нервы так дешево стоят.
Ты поставь мне на губы штрих-код.
Если солнце все небо умоет,
То никто ничего не поймет.
Ты приклеишь мне новую кожу
И фасеточно-злые глаза.
Я, наверно, скучать буду тоже,
Если вспомню, что я стрекоза…

* * *

Я расползаюсь в несколько сторон
С твоих незавершенных похорон
В свой отравленный город
(Самый любимый из городов).
Ты готов заглянуть в меня и мимо,
Вынув заплывшее имя?
Время потрескалось поперек хребта.
Я не та, что раньше,
И не сейчас сверлило пламя.
Знамя порвалось на бинты,
И ты мне не будешь медбратом.
Поддатый дворник
Заметает наши следы.
Прости. Я пропустила себя сквозь пальцы,
И им не нравится.
Когда от меня ничего не останется,
И я понемножку покроюсь инеем,
Подбери на помойке черную кошку,
Назови ее моим именем.

* * *

Теченье минут не закончится.
Керамический полдень
Поворачивает штопор в виске.
Налегке
Пролетают снежинки,
Желая согреться,
И пролезая в дверную щель.
Теперь
Они тоже истекут кровью –
Прозрачной,
Если смотреть навылет.
Не вы ли
Говорили, что счастья нет?
И в ответ
Небо смеялось,
Стекая потоком с ресниц,
А у птиц отрастали горелые перья?
Верь мне –
Мы впечатаны в книгу смерти
На последней странице.
Спицы
Запутывают нить времен,
И сон
Обнимает за крыши город…

Владимир Кизилов

Ксения Кошурникова

* * *

Кухонный кран заплюет отвращеньем.
Лампочка в комнате злится на солнце.
Хочу просочиться в оконные щели,
Но не могу до себя дотронуться.
Ночь утекает от терпкого света.
Снег повалился в клочья из ваты.
А трещинам кажется, что их нету.
Трещины сами не виноваты.

* * *

Пустоцветие льдов обнимает асфальт.
Эту осень упорно тошнит листопадом.
Городских лабиринтов промокший базальт
Отражает мигающий рой автострады.
Дельтокрылые птицы уносятся прочь
С тем, что помнит изнанка помятых деревьев.
Послевкусием базилика теплится ночь
В самых кончиках наскоро склеенных перьев.
Их изломы латает не выпавший снег,
Разлинована ветрами хмарь небосвода.
Эта осень суммирует к вечности век,
Подгоняя по трубам спешащую воду.

* * *

За подкладкою кожи
И дробленым лезвием кости
Эпиляция сердечной полости
Не пройдет успешно.
Неспешно
Ветки слизываю снег
Прямо с неба.
Мне бы полтаблетки спокойствия
И дестилированной нежности
В бельевые веревки вен.
Без перемен
Их поскребывает шершавая кровь.

И вновь
Прозаический полдень
Предлагает пожить дальше.
Надо же записать на страницах снега
Небо, поеденное молью.
Солью
Посыпано тело проспекта
И каблуки на нем ставят
Болевые точки.
Точно –
Наступит завтра.
Предположительно,
Что мы его встретим.

* * *

Вырви себе ресницы –
Не надо смотреть сквозь небо.
Его разорвали птицы,
Но ты покорми их хлебом.
Забралами век опухших
Зашторив себя напрасно,
Толпа ничего не ждущих
Играет в совсем несчастных.
Иголкою небо штопай,
И ливня уже не будет.
Осень скулит над Европой,
И там копошатся люди.

* * *

Даже небо может потрескаться,
Если молнии бьют во все стороны,
И за рожки ущербного месяца
Спотыкаются крыльями вороны.
Когда стерпятся все прегрешения,
И порвется судьбы ветхой линия,
Даже в бездне найду утешение
В тихом звуке любимого имени.

* * *

Ты отрываешь меня вместе с кожей,
Выключаешь из своей реальности.
Просто до банальности.
Я сон во сне,
Я комната, из которой нельзя выйти.
Вопрос, на который нет ответа.
Как бесполезность совета,
Я запрещаю саму себя,
Чередую белое с красным. Напрасно.
Все равно возрождаюсь черной.
Вольной вырезать свое сердце
тупым ножом,
Чтобы запомнить боль
И сплети в паутину строчек, точек…
Они сопротивляются,
давятся бесполезной рифмой
И не хотят в стих.
Я, как последний псих, считаю фазы луны,
Ловлю во всем запах весны,
которой давно нет.
Ведь не секрет –
Скоро все укроем белым.

* * *

Рябина станет кровавой россыпью,
А листья цвета прикрытых глаз.
Наш новый мир захлебнется осенью,
И миру станет не до нас.
Я нити судеб вплетаю в волосы,
Коплю осколки затихших фраз.
Пытаюсь склеить обрывки голоса.
Чем это кончится в который раз?
Я буду думать, что все предсказано,
Чтобы поспорить над картой звезд.
В пути на небо тебе отказано,
Но здесь хотя бы все всерьез.

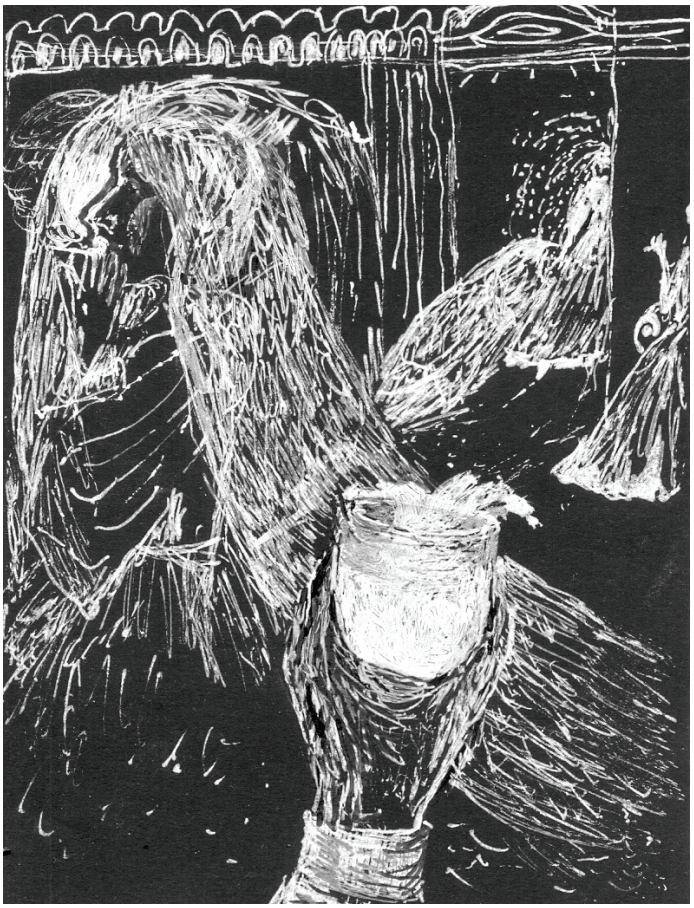
Екатерина Можейко

Родилась и живет в Нижнем Тагиле. Училась в Нижнетагильском технологическом институте. Публиковалась в сборнике молодых тагильских авторов «Голос».

* * *

Смешивая цветные порошки
Паша верит в двери без замков,
Паша любит невест по выходным,
Забавляет свой публичный дом.

Сновава утро – порфиль с молоком,
Сигарета – время помолчать,
Паше нравится – мне наоборот,
Я не знаю где еще соврать.



Ксения Кошурникова

* * *

Родинка на теле –
От меня привет
В старом Вифлееме
Зайцам места нет

Ты во сне на ушко
Шепот повторяй-
Только псы и дети
Попадают в рай

* * *

По планете одиноко
Бродят маленькие дети,
Ходят-бродят взад-вперед,
Задевают потолок.

Дети выросли давно,
Но до папы далеко.
Так и бродят взад-вперед
Трут морковку круглый год.

* * *

Калачиком свернулась
Незвонкая струна
И выпрямить не могут
Глухие доктора

И проседь проступила,
На лицах колпаки
И будоражит нервы
Тот звон, от той струны

Елизавета Табатчикова

* * *

Бьются под кожей орлиные крылья,
Словно у птиц и детей.
Рвутся наружу титановой пылью
За свободой в метель.

Я понимаю, как же не просто
Крыльям рождаться вновь.
Жар размягчает кожу до воска,
Сердце гоняет кровь.

Боли не бойся, пламя погасит
Холод целительных рук.
Первые перья спину украсят
Силой мятежных вьюг.

Робко вздымаясь, лебедем снежным
Гнутся твои крыла...
Я тебя нежно в счастьи безбрежном
Ангелом назвала...

СКАЗОЧНЫЙ ДАР

Это было вчера – лишь секунду назад,
А летние дни за солнцем летят.

За радугой радуга в косы сплетясь,
Распались дождём торопясь.

Лунной росой осели дождинки,
Всякий цветок ожил в серединке.

И в чашечке каждой роса родила
Два хрупких прозрачных крыла.
За ними мерцали лунной пыльцой
Тонкие лица, их свет неземной.

Затрепетали ресницы-тычинки,
Глаза распахнулись, как сентябринки.

Вспорхнули прекрасные души цветов,
Их крылья сияют на фоне лесов.

Так феи рождаются каждую ночь,
Чтоб в мире подлунном всем детям помочь.

Чудесная Фея ребёнку верна,
Любви к нему нежной и чуткой полна.

Благословленьем спешит одарить
Тайной великой – умением творить.

Фей бледнокрылых любви нет сильней…
Но вырастут дети – забудут друзей.

Лишь сердце от них сохранит тайный дар,
В душе разжигая фантазии жар.

Елизавета Табатчикова

Любовь созерцая, поэт и художник
Придумают мир, уникальный и сложный.

Кто рос в доброте – тот семью сотворит,
И в царстве своём будет чист и открыт.

Кто доброю феей взлелеян во снах,
Свой дар сохранит и оставит в веках!

* * *

Помню сизый запах, чуть солоноватый,
Силуэт сороки на седой косе.
В сумерках согреюсь «Лунною сонатой»,
Заструюсь старея по лесной росе...

Не считай секунды ты до скорой смерти,
Сея звёзды в небе струпчатым крылом,
Засияй росою в паутинной сети,
Чтоб засеребриться лунносерпным сном.

Ты в последних мыслях
сердцем прикоснёшься
К слюдяному сгустку солнечной души.
Засыпая вместе, порознь мы проснёмся,
На заре воскреснем...
Разбуди в тиши.

* * *

Запечатай чёрным чаем
грачиный клич
Чуткость чуда горячей свечки
нам не постичь.
Молча строчки печатай прочно,
прочту сквозь плачь.
Сердцу шепчешь, печали лечишь
сверчком удач.
Щебечет вечер, с тобой – как с печкой,
но не молчи,
Чудесный очерк про лучик сочный
мне просверчи
Мечтой зачатый, крылатой чайкой
меня качай
Мой друг межстрочный,
я так скучаю,
примчись на чай...

* * *

Не шныряй по крыше, будто ты щегол,
Сном сошедшим Свыше ты меня нашёл.
Зашуршит щемяще снежный шепоток,
Прошмыгни в домишко, мышью в уголок.

Здесь перезимуешь, только не шуми!
Шоколад горячий… чашечку возьми?
В мягких одеялах сочинишь шатёр...
Шаловливо взглянешь, мой сердечный вор.

Я дымком шалфея освящу твой сон.
Свеж, как шум прибоя, глубже моря он.
В нём душа рассказа вспыхнет до весны,
Вешним днём проснёшься – и запишешь сны...

* * *

Где живёшь, ворожея снов?
Поселилась я в храме ветров.
Вечный лес – мой названый брат,
Его войско из кедров-солдат.
Дождь пролился на купол златой,
Прядью крест обнимая святой.
Из волос затяжного дождя
Нить сплету, веретёнце крутя...
Получился жемчужный клубок.
Чуть дыша погляжу на восток...
По макушкам древесным бегу,
Солнцу встать, засиять помогу.
В благодарность оно запоёт
И в клубок золотинку вплетёт.
В ночь пойду за леса, за моря
И клубок распущу говоря:

«Я за нить завитую возьмусь,
Сон прольётся на Матушку Русь
В нём святой богатырский покой
Песня в нём, что летит над рекой...»

ВОЛКОЛАК

Лапой когтистой
По беззащитному льду,
Цепко ступая,
В лес черноглавый пойду...
Я не желаю
Прежнюю стаю искать,
Выть в колкой чаще,
Страшных сородичей звать...
Вновь отвергаю
Кровных проклятие уз:
«Я не такая!» – вслух говорить боюсь!
Страх пробуждает
Зверя – таков закон...
Родичей чуя
Брошусь из леса вон!
Помни во век
Эти мои слова:
«Я человек!
Шкуру свою сожгла!
Собственной жизнью
Кровь зареклась проливать,
Тварью бездушной
На зверском пиру танцевать!»
Но что-то ноет,
Тянет обратно – в лес!
Братьям навстречу!..
Суть моя или бес?
Я разрываюсь,
Помни меня во век!
Я умираю –
Не зверь
И не человек...

* * *

«Звёзды или луна?» –
я спросила,
Ребёнком чутким.
«Не знаю наверняка...
Дай мне подумать минутку...
Не звезда, не луна,
а окна!
Точнее, одно окно!
Где гирлянды, вон то, что сбоку!..»
«Моё! Почему же оно?»
«К нему я ночами взлетаю
И видя, как сладко ты спишь
От умиления таю,
И кошек к тебе посылаю
Чтоб грели теплом солнца с крыш...»
«Ах вот почему навещают
Меня рыбно-мышные сны,
Мурлычет подушка живая
Роскошнее чем у княжны!»
«Голубка моя прилетает?
На крыльях приносит уют?
А белый мотыль помогает,
Найти мой последний приют?»
«Не верю! Ты рядом, со мною!
Ведь я без тебя не жива!»
«Я сплю под замшелой плитою...
С ума ты от горя сошла...»

БАЛЛАДА ОКЕАНУ

«Замурлыкает сонный муссон,
Гамаком забаюкает синь...
Поцелуй соляной принесён
Мне владыкой тягучих глубин...
Я – дитя без брони-чешуи,
Плавников костяных и шипов.
Снятся мне малыши-корабли,
Только крылья взамен парусов...» -
На бумагу баллада течёт --
Я по капле пишу океан...

Сердце в строках ложбинку найдет,
В такт вздымаясь далёким волнам:
«...Я нырну, прогибаясь до дна
И ладонью лаская рапан.
В нём душа моя цвета вина:
Океанскому богу отдам...»
Я зову, через колкий январь,
Чужестранные земли, дожди,
Словом тихим: «Меня не бросай...
Коли я не могу -- ты приди...»
Размываются контуры слов,
Намокает баллада моя.
Скоро хлынет морская любовь
И от счастья затопит края...

РУСАЛКА

Огибались глубью радужки зрачков,
Не прогонишь ветром синих мотыльков.
В искрах океана не ищи чудес,
За крылом ресничным притаился бес...
Я тебе твердила: «Не смотри – утонешь!»
Будет слишком поздно,
ты об этом вспомнишь...
Как же удержаться? А соблазн велик,
Манит взгляд русалки… ты забылся в миг...
И теперь прощайся с жизнью на земле,
Утяну в глубины к сонной синеве.
Волоокий странник, ты же станешь мне
Всех красот дороже в океанской мгле.
В лучезерном замке будем жить с тобой,
Из волос сплету я купол золотой.
Стаей искроцветной море оживёт,
И кораллом алым чувство расцветёт...
Кокон из манящих заплетя сетей,
Я тебя тянула в мир бездонных дней.
И улыбкой нежной радость озаря,
Ты смотрел с надеждой, а в глазах – заря...
Вдруг в моих объятьях весь забился ты,
Ужас взгляд наполнил и разбил мечты…
С губ слетел последний воздуха глоток…
Замерла улыбка, как застывший воск.

Я безмолвным криком оттолкнула страх,
Вынырнула к небу с телом на руках...

* * *

Скорей соберу пыльные звёзды в карман.
Ночь холодна, веет осенний дурман…
Юркну домой, спряча под шалью смешок.
Жжется трофей, его изотру в порошок.
Море снежинок родится в чернильной ночи.
Действу внимая, алхимию снега учи!
В воду Святую прах старых звёзд погружай,
Пой заклинанье, ложкой старинной мешай
В звёздном сиропе свет всех снежинок живёт,
К утру нарисуем целый снежиночный взвод!..

* * *

Пальцы от холода белые...
Лечу колченогой снежинкой.
В твой свитер вцепляюсь смело я
Всеми лапками зыбкой льдинки...

Злой сквозняк отрывает меня!
Пожалей, дверь запри на засов!
Шмыгну носом, смущенье кляня...
Хоть и нет у снежинок носов...

Я, робея, взберусь на плечо.
Грустно таю, прильнув к тёплой пряже...
Ты вздохнул о своём горячо
И моей не заметил пропажи...

* * *

Запахов трепет,
Чашек форфоровый «дззиинь...».
Нас не заметят
Тяготы северных зим...

Мы засыпаем,
Тесно вьюнами сплетясь...
Пусть подгорают
Кексы в духовке, дымясь...

Томные свечи
Празднично греют мечтанье...
Сердце излечит
Дрёма в фиалковой ванне...

В грёзах кленовых
Мир с головою увязнет –
Будем готовы
Встретить рождественский праздник...

Духом весенним
Мы зимний дом разукрасим...
Иволги пенье
Чудом влетит в одночасье...

Белой омелой
И розмарином повеет.
Я всё смелее...
Холод прийти не посмеет!

* * *

Лепечет лето: «Ну где ты, где ты?..»
Скучает лето, а я в ответ
Рисую, лето, твои портреты,
И шлю со снегом к тебе привет...

Морозный танец засыпал окна,
Но память греет меня зарёй...
А помнишь? Помнишь как мы промокли,
Под звёздный ливень попав с тобой?..

Ты так смеялось – звенело скрипкой!
Я нарисую тебя таким...
С флюорисцентной от звёзд улыбкой,
Поющим каникулярный гимн!

Анна Радаева

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила педколледж № 2. Работает в одном из городских детских садов. Пишет стихи. Публиковалась в газете «Тагильский вариант!», журнале «МАКАР», альманахах «Пульсар», «Ступени».

* * *

Пусть все о том же, об одном
мне говорят и дождь, и ветер:
что стало скверно за окном,
а во дворах смеются дети,
что солнце прячет гуща туч,
что быстро листья опадают,
что вкус печали слишком жгуч…
Увы, ничто не помогает
забыть привычную тоску
по тем, кто близок, и не очень.
Как пробудить в себе весну,
когда в душе – сплошная осень?..

* * *

Утро. Холодно. Дождливо.
Сонной улицей бреду.
Мне без вас невыносимо
быть во сне и наяву.
С крыш домов слетают капли.
Листья желтые кружат.
Если встретимся, то вряд ли
нас они за то простят,
потому что осень – злая,
грустью дни ее полны…
Каждый лист осенний знает,
как в нас много теплоты!..

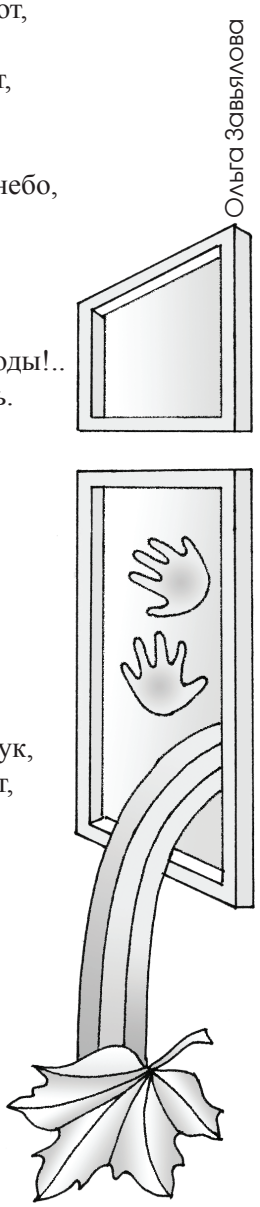
* * *

Пора бы с солнышком проститься,
раскрыть свой зонт, надеть пальто
и в осень мокрую влюбиться.
Да на душе опять не то…

С деревьев листья опадают,
ковром ложатся на тропу,
и что-то в сердце умирает,
а что – понять я не могу.

Дожди, дожди… Сереет небо,
сереют улицы, дома,
и я впервые захотела
закрыть поэзии тома.

Ни вдохновенья, ни свободы!..
Мне и стихов не написать.
В плену у этой непогоды
я не могу теперь летать.


Ольга Завьялова

ОДИНОКО

Мне одиноко...
Не хватает
твоих родных и теплых рук,
как будто осень наступает,
и сыпет листьями разлук.

Мне одиноко…
Гаснет вечер,
и даже на небе луна
висит под облаком
как вечность…
и одиночеству равна.

Ольга Мальцева

* * *

Смываю акварель, – и снова белый лист…
И снова можно мир переиначить!
А над землёй кружит последний желтый лист,
Дождями лето смыто… Как иначе?
Так в жизни всё всегда смывается не раз:
Печаль и радость, счастье и любовь…
А сердце замирает, но спасая нас,
Берёт свою палитру и рисует вновь!

* * *

Отпускаешь меня,
уходить так не хочется,
Вновь хватаюсь за тонкую,
сильно дрожащую нить,

Владимир Кизилов

И штыки надевает
впотьмах одиночество,
И шуршит за окном
бесконечная серая сныть.

Не хочу оказаться
обычной коростою –
Поболит и отвалится как-то,
совсем невзначай...
В ночь, когда ты гуляешь
под спелыми звёздами,
Разгоняя привычную
легкую мини-печаль.

В ночь, когда улетаешь,
рассыпавшись. Искренне
Собирая, сплетая мудрейшие
мысли в строку…
Остаюсь, ожидая тебя,
как на пристани,
Возвращайся, я снова уйти
от тебя не могу…

МЕЛЬНИЦА

Стояла мельница за прудом,
над деревенькой, над полями.
Была романтиком и видом
массивной башни, но с крылами.
С рожденья в ней, влюбленной в небо
с непостоянными ветрами,
мечта крутилась – как бы ей бы
лететь за белыми кудрями...
Вновь крылья мечутся по кругу,
душою спетаясь с облаками,
но держит крепкая подпруга,
что с колосом свилась корнями…
Усилия ее напрасны,
хоть жернова скрипят зубами,
сопит устало лик древесный

той башни с крепкими крылами...
Придет пора дождя и снега,
нагрянет серыми деньками,
утихнут крылья в сонной неге
над деревенькой, над полями...
И снова грезится ночами
душе романтика-поэта
видение: когда-то где-то
она летела над полями…

* * *

Мелькает шустрый «зайчик»,
Бежит, стучит трамвайчик,
Троллея тянет вожжи,
Звонок осип до дрожи…
Простые в ряд скамейки,
Билет за три копейки,
А в нём – большое счастье:
Есть цифры – сгинь ненастье!
Трамвай несётся в круге,
А жизнь сгибает дуги,
Известная дорога...
Но в голове так много!
Мы все забыли с ростом,
Что счастье – это просто.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег веселился, любил всех подряд,
Он лепился ко всем от макушки до пят.
Из себя позволял вить верёвки,
Сочным комом катался по бровке…
Вниз срывался с деревьев, срывался с кустов,
И не слышал в ответ для себя добрых слов.
И о счастье он тоже не слышал,
Хоть летал высоко, выше крыши…

* * *

Ветер оседлал оленя,
Рогом порванная мгла,
Воет вьюгой, сыплет снегом
Седовласая пурга.
Непроглядны очертанья
Городских бетонных лиц,
Лишь грохочут изваянья
Металлических десниц.
Крепче стужа, глубже сон,
Город взят Зимой в полон.

Екатерина Ермакова

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Флорист-дизайнер. Пишет стихи. Участница межрегионального семинара молодых писателей.

* * *

Частота поцелуев кратна числу воды,
в ней утонуть – значит стереть следы.
В плоскости севера и в перспективе дна
тянутся улицы, смытые в города.
Черным по белому, как молоко и мед,
чтоб мы ни делали, все пройдет.

* * *

Эти прозрачные лица и эти стены,
выцветших улиц голого энтузиазма,
как вечность, стремятся зайти в тупик,
чтобы достичь оргазма.
Вот время и время сминают в одной горсти,
и пламя и лед,
другими словами это такой огород,
который никто не найдет..

* * *

нет ничего: слов, светофоров, сна..
тайну хранит день в переплете ночи,
если долго идти по воде, наступает весна.
музыку Шуберта нежно рисую в блокноте.

* * *

память плавится: пеленает в плоток поток
полусонных плеяд, облицованных пылью,
плот которых, несет далеко на восток,
просто папа звонит, завтра буду в тагиле.

* * *

Эти дома закрывают веки надкусанных яблок,
а дети растут в никотиновом рае столетий.
На кухне рождаются женщины –
хочется плакать,
так бабочки падают
в многострадальные реки.
Весной не рискуют –
её вынимают из петель,
по спицам скользя адекватной дури.
Мы снова находим себя
в непоследнем веке,
именно так – потому, что тебя целую.

Ада Симбирская

* * *

В газетах писали утро, а называли лето.
И клали в листок капустный
щепотку дневного света.
Водой запивая водку,
хотелось лишь страшно рано
не глядя раскуривать звезды
сквозь ватное одеяло.

* * *

А потом сольются все соцветья,
языками оплетут живот.
Голосов немые междометья
и воды растраченная плоть.

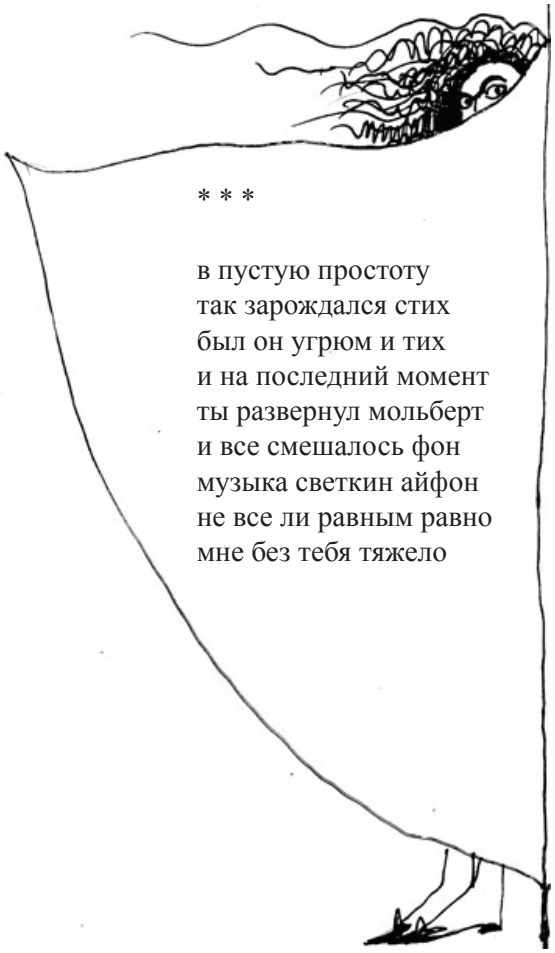
Там вверху в тунисовой палатке
в безлимитной призме молока
сам Иисус Христос играет в прятки,
погружая в хлопья облака.

* * *

Мы ведь с тобой два клевера, два числа,
ежели снег пойдет, не считать с листа.
Стыдно, а некуда…
Не остается пить
горечь бумажную – переписать и слить.
А из восьми понедельников
выберешь тот,
что не дотянет до севера и сойдет…

* * *

Создав однажды белую струю
немого и не списанного чувства,
прочувствовав её в какой-то мере ню,
опошлив нареканием искусство,
мы выросли в сиреневой воде,
где осень наступала нам на пятки.
Ты можешь утверждать, что все в порядке,
но позади меня не крылья, а лопатки.



* * *

в пустую простоту
так зарождался стих
был он угрюм и тих
и на последний момент
ты развернул мольберт
и все смешалось фон
музыка светкин айфон
не все ли равным равно
мне без тебя тяжело

* * *

Я говорю воде: «Где у тебя края?»
«Дрозд шелестит в траве, все остальное я.
Зеркалом, кувырком я отражаю свет,
беленьким мотыльком
там дребезжит рассвет».

Я говорю тогда: «Если в воде вода,
если в траве дрозды, где же мои следы?»
«Ты заплыла сюда, чтобы стереть следы.
Видишь в траве дрозда? –
все остальное ты».

Светлана Ильина

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила гимназию № 86, училась в медицинском колледже. Публиковалась в сборниках «Молодая тагильская поэзия», «Чтец с горы».

* * *

Будильник съедает ночь,
Свершая привычный обряд.
И сны уносятся прочь,
Реальность пинает под зад.

Мне снилось – мы вместе, вновь
Мы поглощаем друг друга.
На нашем спидометре двести
Страстей обнаженного юга.

Мы кружимся в бешеном танце
Как два обезумевших ветра,
Не оставляя друг другу шанса,
Не уступая друг другу метра.

Мы топим в ладонях лед,
Мы как никогда вдохновенны,
Мы видим все наперед,
Мы знаем все тайны вселенной.

И странно мне, вдруг просыпаясь,
Оценивать молча свой пульс –
Спокойно стуча, не сбиваясь:
«Тук-тук, я к тебе не вернусь...»

* * *

Я открываю твою дверь,
И иней сыплет с потолка,
На тумбе белая бутыль
Заиндевела по бокам,
Бокал пристыл ногой к столу –
Он пуст и жалко одинок,

Ольга Завьялова

И свет печален и уныл,
И ты, мой мрачный суморок,
В статичной позе замерев ,
Мне что-то шепчешь о любви...
О том, как холодно скучать,
О том, что лед уже в крови,
И обездвиживает страсть,
О том, как скован твой сустав,
И ты уже не можешь встать
Так сильно без любви устав...
Но что же сделать я могу,
Как растопить твои снега?
Тебя хоть к сердцу прижимай
Хоть жги – а толку ни фига...
Не ври что любишь ты меня,
Ты любишь свой холодный плен,
Где я лишь повод погрустить
И оправдать ленивый тлен...
Пойду на улицу, погреюсь,
Ведь там метель и минус тридцать.
Почувствую себя живой.
Всему на свете есть границы.

* * *

Я человек-зонт..
Черный, крылатый, легкий,
Но крепкий.
Когда горизонт
Надуется тучами мокрыми,
И ветки
Затанцуют
Вальс с ветром, и первые
Капли
Поцелуют
Иссохшийся скукой асфальт,
Вряд ли
Кто-то
Будет нужен тебе больше,
Чем я,
Кто-то
Не укроет тебя лучше
От дождя,
От беды,
От любого ненастья,
От огня,
От воды.
Жаль, что в приступах счастья
Жизнь моя
Ограничена
Темным забытым углом,
Где пыль.
Ироничная
история, глуповатый
Фильм
Про друга,
Что познается в беде,
А после висит на ржавом гвозде
Один,
Вне круга.

* * *

Я скучаю, мой друг, скучаю!
Посылаю весточки с ветром.
Дней тягучих не замечаю
И меж нами столбы километров.
Вот бы выпить с тобою чаю,
Встретить вместе босое лето,
Что бы море волной качало,
И закаты сменяли рассветы.

Я мечтаю в толпе унылой
Разглядеть вдруг родные плечи.
Что бы снова голос любимый
Нам придумал новую встречу...

* * *

Разбирайте меня на части,
Мне не жалко для вас ничего!
Можно нежности, Можно страсти,
Можно холодно и горячо.

Растащите меня на кусочки,
На пословицы, лица, харизмы,
На стихи, на картины, на строчки
Можно с жадностью и капризно!

Разметите меня на сто щепок,
Растопчите во благо себя,
Уничтожьте смешно и нелепо…
Только сделайте это любя!

Эдуард Печенежский

* * *

В каждой поездке и в каждой прогулке,
На каждом листе, запотевшем стекле –
Ты.
Но в каждом касанье
Я вижу послание –
Еле
Слышно
«Прости».

CAMPFIRE

Сначала был огонь,
Потом была искра.
В руке лежал король,
Потом пришла она.

Ты пиковая дама,
Опасна красотой.
Я помню цвет помады,
Но снова не с тобой.

Как жаль, что мы не пара,
Хотя могли бы стать.
Тебе не нужен даром…
Уже устал мечтать.

Сначала был огонь,
Потом огонь угас.
То был лишь каст на роль,
Но как забыть цвет глаз?

Ты редко улыбалась
И этим зацепила.
Нет, мне не показалось,
Но жаль, не полюбила.

Сначала был огонь,
Потом остался пепел.
Держал твою ладонь,
Тебе одной я верил.

Я верил, что когда-то
Ты лучшего найдешь.
Но черной станет дата:
Забыв меня, уйдешь.

Не надо расставаний –
Когда-то все уйдем,
Не нужно обещаний,
Что станут пеплом и углём.

Николай Фрумкин

Елена Хомякова

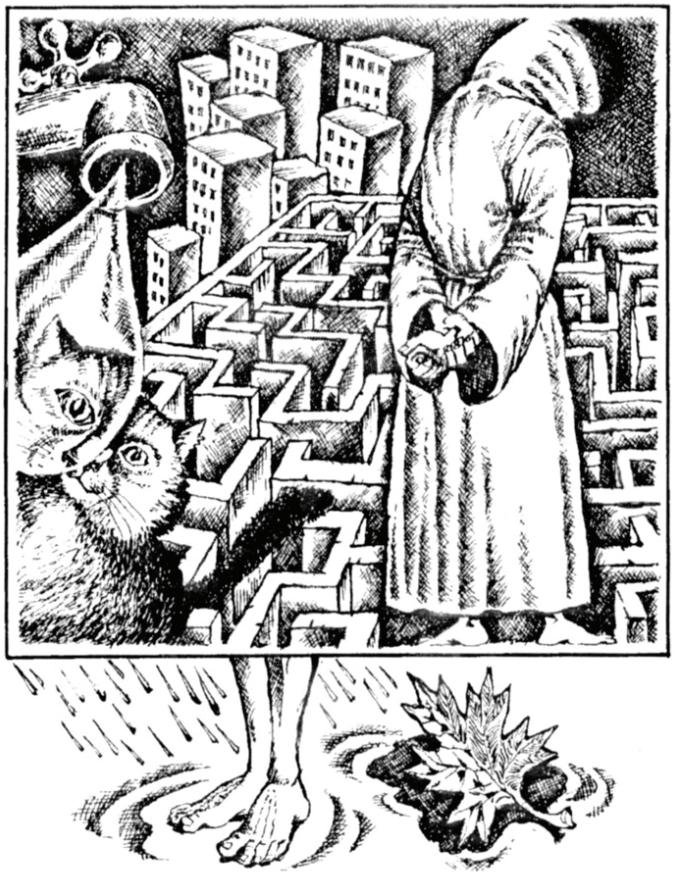
Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Работает логопедом. Стихи публиковались в местной периодике. Участница областного поэтического семинара. Автор сборника стихов «Ночные мосты».

* * *

я тебя не забуду, и горчит столичная вязь,
пролагает маршруты односторонняя связь,
абонент не доступен – сменить алгоритм.
ты того стоишь и город меняет ритм
на исповедь алкогольных,
затянутых в кожу, акрил
сумасшедших, стоящих по краю перилл,
мужчин и женщин
и все переходит в ложь:
туман, кассетные фильмы, прически под нож,
стерильные ритмы, искусство нуля,
истертые рифмы, серый дым ноября,
а в углу пылится распахнутый чемодан,
где устав от бессилья лежит кот,
покинув диван – рыжий стильный.
а давай разыграем встречу,
где ты меня ждешь
как бармен клиента
и вечер спускается по мосту
холодный, и дрожь скользит тенью
и пахнет бензиновым дымом,
ведь город вязнет
в ноябрьском бессилии:
снега, дождя, красного стиля –
такое уже каждый второй проходил
и сочинял сказку или на луну выл
а под фонарем я тебя жду.
маршрут исчерпан, пора домой:
греть ноги в валенках, смывать чернила,
складывать монеты в столбики, целовать
и ревниво выискивать конфетти в волосах
искривленного зазеркальем мира.
зная, утром ты уйдешь,
запах кофе, салфетка
и сиротливо записка «спасибо»
и сверху прижатый нож –
в крошках хлеба – так мило
а за окном метель, сугробы, иней
и сладкий пирог и запах ванильный,
затертые джинсы, рваная майка –
все это было и все неслучайно.
а напоследок задвинуть ширму,
вынуть из кармана билет и мирно улететь туда,
где каждый второй музыкант и художник,
где мост ночной разрезает остров
и пахнет морем, и ты торопливо
отпускаешь свои корабли,
и бываешь, увы, не со мной,
но счастливой.

* * *

когда ты читаешь
и каждое слово ознобом по коже.
когда мы чужие,
но так друг на друга похожи.
когда пахнет серой,
но ты не сгораешь, а тонешь.
и просто стена,
синий цвет, подоконник.
и яблоки осенью пахнут некарамелью.
и сложно сказать
без тебя я уже не сумею.
дышать улыбаться
наш кофе в кофейне на вкус
словно вата.
вторая зима и опять
в чем-то я виновата.
мне трудно дышать,
каждый день как в тюремном окошке.
и вновь самолеты,
но ты не встречаешь.
бродячие кошки в израиле спят



Владислав Шульга

безмятежно и тихо.
и мозг забывает,
а тело все помнит и слышит.
и каждое утро без солнца,
и ночь без заката.
осеннее утро дождем
выбивает стаккато.
что было сегодня не с нами
остались вопросы.
ответом рефрен
ты меня уже больше не вспомнишь.
застынет зима, календарь
в четком ритме синкопы.
быть может мне станет неважно
сегодня четверг
или вторник?

* * *

Здравствуй, Элис, мое второе я,
Поговорим?
Я тебя давно ожидал на остановке.
Знаешь, Элис, трамвай уехал
и тишина проникает туманом
сквозь сетку стволов,
а ты спишь, хотя сегодня мы собирались
пить водку.

Твое молчание тревожит,
царапает кожу и холодит,
спускается к набережной, фонтану,
где кленовые листья и каштаны
напоминают о том,
что все прошло и я неудачник,
я собираю в карманы остатки драмы.

Элис, как твое поживает я?
В городе с разноцветным дымом,
где чертополох
и внезапно наступает весна,
лениво стекая с крыши моего балкона.
А помнишь, Элис, вкус дорогого вина,
когда мы еще не боялись грома?

Знаешь, Элис, я помню тебя
замерзшей как Герда у трона вечности,
где ты собирала из льдинок слова,
а потом согревалась чаем:
имбирь и сухая мята
Веришь, Элис, я расту как трава
и засыхаю, когда тебя нет рядом.

Милая, Элис, ты проникаешь в мой сон
маленькой девочкой и читаешь,
стоя на табурете свои стихи,
как будто вокруг ни души,
но каждая строчка как удар под дых
тебя не услышат в стране глухих
только все же я буду тем,
кто тебя поймет и простит

как же холодно, Элис,
это осенний грипп
рифмует и осыпает строчки
под ноги прохожим и говорит:
я буду чуть – чуть на тебя похожим,
но ты стреляешь
как револьвер системы Smith & Wesson
и проникаешь под кожу,
оставаясь там навсегда
и больше не видно дна .

Элис, но кто-то должен быть первым,
и это будет моя цена
хорошо, что Бог милосерден
и ты никогда не узнаешь его расценок
и вкус настоящего льда.

Но все же бог смешлив и опасен, Элис.

* * *

хочется жить с тобой внутри
этой неправильной осени
на остановках посыпанных просом
желтыми листьями дождливой проседью

посыпать лимон солью и сахаром
намотав теплый шарф хриплым голосом
спорить о смысле и пророчествах
читать на открытках старый свой почерк
и удивляться что время ушло
и кто-то уже зовет по имени отчеству

нет неважно что все давно установлено
вплавлено в рамки законы вселенной
мы остаемся еще на острове
где обитают наши драконы белые
вьюжные снежные может норвежские

за другими берегами живут иные вселенные
а мы тут и это окончательно
нет цветокоррекции все черно-белое
маечки мальчики слепки ангелов

крылья расправят и полетели мы
отпуская сознание в плаванье
и в этом нет никакой очевидности
эту историю мы еще придумали в мае

разреши мне жить с тобой в октябре
суетливом снежном и простывшем
говорить на одном с тобой языке
и не искать в прошедшем ошибки

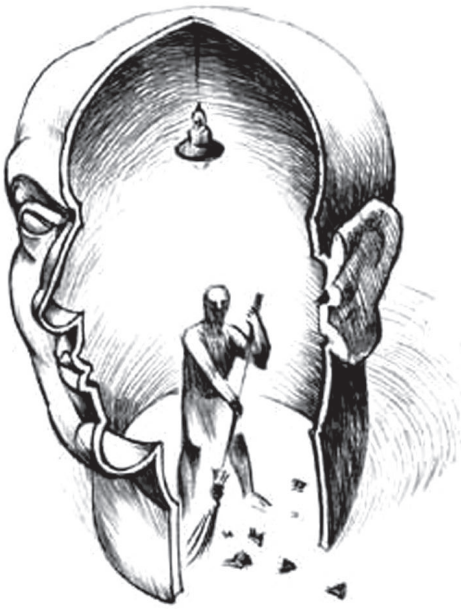
а может когда ты вдруг замолчишь
то все рассыплется на льдинки и стает
мы тебя не выбрали но ты для нас звучишь
мой страшный черный город

в котором хочется любить так отчаянно

Екатерина Прямкова

САМА

Меня лепили, словно я из глины.
Руками мяли, думали: «научим».
Как-будто в праве, если волосы седые,
Мне диктовать, что в жизни будет лучше.
А я кивала, слепо полагаясь,
Была наивной, глупою порой.
Потом казалось, будто соглашаясь,
Тот выбор сделан кем-то, а не мной.
Я перестала людям поддаваться,
Они в ответ сказали: «Ты жестока.
Ты жизнь погубишь, если поменяться.
Нельзя спускать все плыть по самотёку».
Но я решила ЖИТЬ против течения,
Меняла очень резко курс порой.
Все головой качали в злом недоумении,
Но выбор ныне будет лишь за мной.
И все получится. Я знаю, без сомнения.
В моих руках теперь моя судьба.
Спасибо вам, что сделали сильнее.
Простите, если что. Но дальше я сама.



Анастасия Руднева

Ада Симбирская

Анастасия Таняева

Родилась в Нижнем Тагиле. Учится в гимназии № 18. Увлекается фортепианным искусством, академическим вокалом и кинематографом. Стихи публиковались в коллективных сборниках.

SILENTIUM!

Молчи.
Не говори не слова.
Впускай лишь песни ветра в свою грудь.
Храни в себе форелевый источник,
Где ласковое сердце стерегут.
Молчи.
Не говори ни слова.
О том, как хочется тебе, шепча,
унесть с собою душу пены...
О том, как трепетна твоя душа.
Словно олень, склонившийся к реке,
смирись пред водоемом жизни зыбким.
Рассыплет ночь цветов пыльцу
над твоим сердцем маргаритки...

Наталия Стародубцева

Родилась в Шимановске Закончила филфак Нижнетагильского пединститута. Публиковалась в сборниках «Анатомия ангела», «Братская колыбель», «Контрабанда», «An anthology of contemporary russian women poets» (США), журналах «Воздух», «Вавилон», «РИСК», «Урал», «Уральская новь», «Интерпоэзия» и др. Стихи включены в два тома антологии «Современная уральская поэзия». Курировала серию поэтических сборников «КонтраБанда», (Нижний Тагил). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия», фестиваля «Урал-Транзит». Автор сборников «Китайская скрипка», «Опунция овата», «Из общего вагона», сборника стихов в серии «ГУЛ».

* * *

Ведь не пугают вещи про смех и запах.
Контурный остров выжил, а я простыла.
Осень не старит, пред-почитая плакать.
Мне же – искать дорогу, п.ч. забыла.
Всех геодезий карт оказалось мало.
Меридианы лопнули, запад длится.
Пишешь на лево, а точки уходят прямо,
Не по-китайски, т.е. Мои границы
Тоже не раз нарушены были, детка,
Ты поправляйся, завтра поедем в город
Пить лимонад и печалить собой проспекты.
Я забираю имя твое как довод.

* * *

Свои эпопеи о лете
Remember, оставленный город.
Записки в итоге и эти,
Ну, как их там, холод и солод.
Держу себя в рамках – на что бы?
Соленые дети-дельфины!
Войне начинаться особо:
По праздникам и без причины.
Но ты не балдеешь от крови:
Твои траектории слаще,
И час абсолютно не ровен,
И голос – почти настоящий.

* * *

Чего уж, кажется, проще:
Разродиться забавным клоуном,
Дождаться опять осени,
Кататься в метро сломанном,
Смотреть на твои линии,
Украдкою на спящего,
Называть в темноте по имени,
Касаться так ненавязчиво.
Кататься в метро каменном,
Простуду схватить острую –
Ходить в пиджаке мамином,
Казаться тебе взрослою.

* * *

Но он-то знал, куда,
Он точно проследил:
Ночные поезда
Всегда идут в Тагил.
За сном из-за угла,
Сосной, на выходной:
Вязальная игла
Торопится домой.
Окурок на окне –
Искать себе бомжа,
И тени на стене
Бутылок, дребезжа:
Кочует в память лес…
И тонет средь лесов;
И времени в обрез,
И не хватает слов.

Юрий Маевский

* * *

И вот вырастают дни на твои ладони,
И мне дописать числа все сложнее, реже.
Какие теперь дожди? Говорят, все те же,
Но будут еще, и к зиме, говорят, утонем.
Горбатых плащей накроим, обесточим город,
Умрем себе в сумерки,
чтоб никому не сниться,
И нежно стучат в самолеты кривые птицы,
Беременные пересадками – это повод.
И вот – надоест, и не крест – не такие были –
И ждать, наполняясь приметами,
и при встрече
Себя вычитать из тагила, тагнета или,
Не путая части света, как части речи,
Собой называть эту дрожь, эту глупость, эти
Окурки на кухне и дактили – тем вернее
Я сдохну и/или однажды родятся дети,
Что, в принципе, то же самое, но длиннее.
И мне – где сходить с ума и солить капусту –
Без разницы, т.е. я уже знаю, знаю:
Чем дальше в себя, тем красивее, злее, пусто,
И вот добредаешь до слова (читай: до края).

* * *

И холодно вокруг и как-то странновато:
И лишь в ушах звенит расколотый испуг.
А в темноте цветет опунция овата
И белозубый мавр натягивает лук.
Не бойся, я пришла, я вытащу из плена,
И мне не страшен черт и крылья тишины, –
Но если позовет красивая Елена,
Ты просто не ходи, …чтоб не было войны.

СВЯЗЬ

1.
в тагил приезжаем в пять
а в пермь например затем
что будешь меня читать
когда я умру совсем
и мной монотонно длясь
ты станешь на пару сек.

по отчеству наклонясь
сверяем часы а снег
лежит на моем пальто
трамвай тараторит грусть
тогда ты решишь а то
учить меня наизусть

как холодно в ноябре
какие стихи в москве
и как хорошо тебе
к моей прилипать губе
и так далеко заврешь
что пофигу станет всем
от горноуральских леш
до санктпетербургских лен
когда подлетит перрон
и я спотыкаясь ткнусь
я выгляну в город он
сказать-то тебе боюсь
стоит как дурак в окне
и думает обо мне

2.
поскольку знал себя
не долго а снаружи
не ты меня но я
люблю тебя не хуже
но я смотрю подряд
и пишущий уверен
что на двоих мой взгляд
с недавнего поделен
и думаю когда
я улыбаюсь мимо
ты уплываешь да
ну я же говорила

3.
но даже когда с тобой переспим
засуну тебе в карман 2 шиллинга
стреляй у меня вирджинию слимз
возвращайся домой на улицу цвиллинга
звони кому хочешь и чушь неси
о том что я стала твоей любовницей
только пожалуйста возьми такси
я не хочу о тебе беспокоится

4.
В городе этом, где даже трамваи налево
Ходят с тоскою, давно никого не таясь,
Предупреждаю тебя: я придумала связь,
Я убеждаю себя, что сама не хотела.
Думай, что так, ожидай вероятный итог:
Спины деревьев на стрелы сама изводила.
Зря ты не веришь, ведь я же тебе говорила,
Я же читала тебе – ты запомнить не смог:
Не оставляй мне себя даже в качестве тем,
Не забывай обо мне, но и это не важно.
Что я тебе говорю в этом городе страшном.
Если ты знаешь, что так все и будет, – зачем.

5.
в тяжелых поездах
напоминавших лодку
я выпила твой страх
обманывая водку
я верила усну
под кайфом самогона
но видела страну
из общего вагона
я думала успеть
пробраться городами
но города на треть
заполнены врагами
другая часть мертва
и по определенью
они теперь трава
утратившая зренье
они теперь не я
и мне их климат вреден
не выдавай меня
покуда не приедем
не предавай затем
что все осталось в силе
и завтра будет пермь
вот там нас и убили

NOSTOS ANTIQUUS

Не горюй, очень скоро придем к берегам покоренных,
Будем, да, собирать их оливы и пить виноград.
Женщин их, волооких, немыслимо смуглых и стройных, –
Тоже пить, и грустить, и дарить себя всем им подряд.
Вот увидишь, мы выстроим флот и придумаем север,
Остальное домыслят за нас, остальное не в счет.
Мы уснем, и приснится нам бархатный розовый клевер,
Потому что он, кажется, больше нигде не растет.

Юлия Судьина

Юлия Судьина (Бондарчук) родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Публиковалась в журнале «Остров», «Уральская новь», местной периодике. Стихи вошли во второй том «Антологии современной уральской поэзии».

* * *

Ты отпускаешь значит нет беды
Я должен знать чего мне все же хочется
Из рук твоих отравленной воды
Или петли глухого одиночества
Ты отпускаешь веришь или нет
Мне все равно ко мне приходят совами
Мы перебудем эту сотню лет
И где-то там очнемся снова новыми
Ты отпускаешь я схожу на нет
В моей основе больше нет открытости
Оставить силы выползти на свет
И раздавить в твоих ладонях жимолость...

* * *

В моей остановке звуки..
Я прижимаю тебя к себе
Я чувствую все разлуки
У каждого с каждым нигде и везде
И если подумать честно
То вовсе не хочется этого знать
Но есть женихи и невесты
А значит приходится часто гадать
И вряд ли ты сможешь деться
За три девять этих своих земель
У нас уже общее детство
У нас уже общая сумма потерь
И нет... я не стану трогать
Я лишь прижимаю тебя к себе
И наш бесконечный город
Взрывается воздухом в мертвой петле

* * *

Обнажи для меня что-то свое
Дай мне упасть куда не знаю
Каменная девушка с поднятым веслом
Как и сто лет назад никого не желаю
И мне кажется я знаю как выглядит мост
Между очень чужими людьми навылет
По моей мостовой раскидана горсть
Мой живой город на тебе раскинут
Если еще есть если еще жива
Обними дерево пятое с краю
Приклони голову придумай слова
На мое плечо каких я еще... не знаю...

* * *

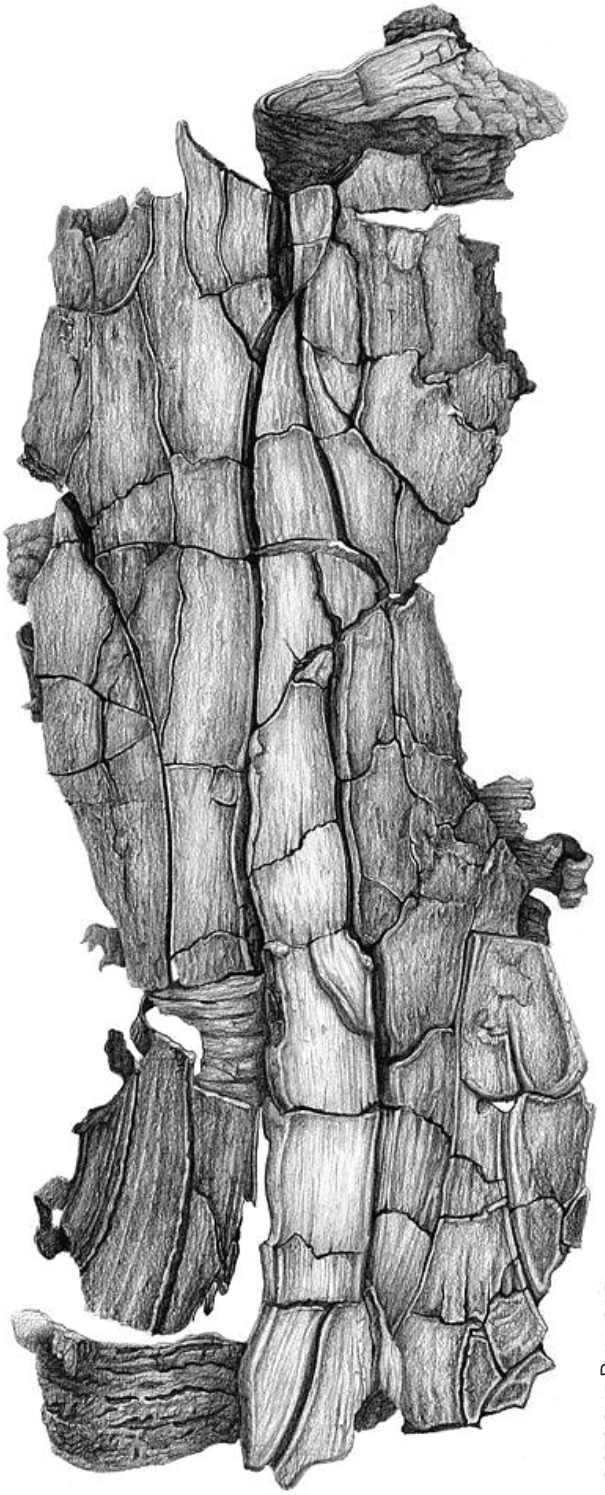
Барометр котиный не фигня
Что означает в доме нет огня
Тепло ушло остыла вдруг душа
И снег в окне пыхтит идет спеша
Не выходи во двор
Там целый день
Холодный день
Как будто чья-то тень
Барометр котиный не соврет
Сиди в подушке
Все само придет))

* * *

Отговориться от случайных встреч
Они меня ревнуют к неслучайным
Я обожгу тебя пакетом чайным
И попрошу опять красиво лечь
Ты будешь знать как слушаться не надо
В твоих шарфах завернуты до щек
Коты идут погреться за порог
И я конечно бесконечно рада
Мне хочется ломать на лужах лед
Дурачиться и быть обыкновенной
Чтобы остаться в памяти мгновенно
Открыв как рыба в поцелуе рот

* * *

Травы надо мной
Я вижу небо
Вижу огонь Ивана-Купалы
Вижу купола
Вижу полследа
Того, кого
Никогда не оставила бы
Подо мной земля
Я чувствую камни
Теплую кровь
Земляных жителей
Чувствую того
Кого не оставила бы
Чувствую полследа
Глиной отлитого
От меня справа кора дерева
Дерево дышит
Ждет происходящего
У меня в венах
То что я слышу
Обними меня
Без тебя спящего....
От меня слева дороги изгиб
Обвивает пальцы
Всыпается ближе
Я знаю, ты говорила
Что я погиб
И моя земля значительно ниже...
От меня дальше в звездах киты
Их нет они есть
Они едят ветер
Я точно знаю
Когда будешь ты
От всего ближе
При дневном свете...



Анастасия Руднева

* * *

Если бы я был
Я бы взял тебя за руку
Я бы в тебе плыл
В такт твоему стуку
Половина земли
Дышала бы правильно
Открытым озером
Нас заливало бы
И стало бы темно
И очень медленно
Засыпать глядя в окно
Держать твое временно
Если бы я был
Я бы тебя берег
Если бы я был жив
Но я... мертв...

* * *

Я обнимаю тебя за тонкую спину
Так невозможно и так неразрывно похожи
Будто дитя неоплатное выносив скинуть
Скинуть и тут же забыть забиваясь под кожу
Пусть не работает время и нет расстояния
Нам все равно наше поле сжимает ладони
Мы прорастаем сосудами в дни ожидания
Чтобы отвыкнуть от вязи привычных агоний...

* * *

Очнись на терновых ветках
Болотный туман запутан
Я слишком осип я ветхий
Я криком лесным напуган
Во мне семь колец на срубе
Заложены все потоки
И воды мои оттуда
Куда не суются боги
Очнись...в моих лапах сила
С корнями в одно сливаться
Куда б меня не носило
Ты хочешь со мной остаться
Поспи.. Покачай в обьятьях
Без боли без обесцветья
В моих нерожденных братьях
Моя травяная ведьма...

* * *

Будет осторожничать июнь
Разнося снега как корки хлеба
Мне б дожить до солнечного бреда
Сквозь обрывки сладкой ваты бурь
Будет торопить меня июль
Обретая тонкость очертаний
Сливочных туманов ожиданий
Расчехлений ягодных кастрюль
Мятный август вырастет в окно
Утопив в варенье абрикосы
Разнеся удобные вопросы
В коньяки и кофе заодно
Я усну примерно в сентябре
На подушках тмина и бадьяна
Подбородком вжавшись в одеяло
Должная за это все тебе...

* * *

Нам не встретиться
Потому что не надо
Ты бесишься
У тебя слезы градом
Я кривляюсь отхожу
Ломками
Мы остались
Почти целыми блоками
Нас желали
Из нас выстроили
Лестницу
Как я и писала вначале
Нам не встретиться...

* * *

В моих садах что ни день
Сирень
Вода среда поминальный
День
От тихих рук прирастет
Трава
Ты крови стук ты еще
Жива
И мне не нужно уже
Гадать
Кого когда и на сколько
Ждать
В моих садах что ни срок
Судьба
Не долго будешь теперь
Одна...

* * *

Нужно просто подождать
Я не люблю апельсины
Не нужна общая кровать
Никогда не хотела сына
Как бы ты не старалась
Не было никакой надежды
Чтобы я не осталась
Или поменяла одежду
Нужно просто подождать
Жить на этом и верить в чудо
Вдруг я стану такая мать
И точно не заведу верблюда
Вдруг наконец разделю себя
На две правильные половины
Начну шить платья из льна
И не проходить мимо
Нужно просто подождать
В этом ты права, мама,
Мне не нравится лгать
Я к старости становлюсь упряма
И моя стая принцесс в юбках
Из чертополоха
Пня на пне не оставила
И я считаю это неплохо.
Нужно просто подождать
И в этом есть часть волшебного
Когда меняется масть
Когда недалеко до вербного
Когда вокруг полно силы
Когда вот так весна пенится
Просто стать счастливым
От того, что ничего не изменится...

* * *

В мою пургу примешаны давно
Открытых разговоров перевязи
Безвозрастные уличные связи
И то, чем было все предрешено
Под холода и запах тминной пыли
Все уместилось просто в рукава
И ты конечно двести раз права
В том, что до нас такие тоже были....

* * *

Замерло… по комнате в углах
На кроватях в матовых щелях
Вниз по стенам шторам по окну
Вниз ползет глотая тишину
Борется не хочет погибать
На коленях силится поспать
Не находит места рвется ждет
Воровато одеяла мнет
Жмется тихо дышит мне в плечо
Болью окунается в ничье
Скалится и ближе ближе льнет
Обнимая рвано ласеи ждет
Я приму… свернется на руках
Из меня мой вывернутый…
Страх…

* * *

Сквозь дымоходы
Протянута корабельная снасть
Знать бы какая
Наверное, вышло бы не упасть
Но меня валит
Атомной голубой волной
Ты умеешь различать баллы
Значит – свой....

* * *

У зверя нет имени у зверя нет памяти
Когда-то без времени его мне оставили
И был он внимателен и чуял и жадничал
И мне было муторно когда он бродяжничал
А по возвращению мне клал лапы ранами
Лечился и складывал носки мои парами
Цеплялся за волосы и думал и мучился
Не помня не веруя что снова получится

У зверя нет имени у зверя нет памяти
И с дверью открытою не ходит он на люди
Устал и измаялся … и спит под коленями
Укрытый баюканный стучащими венами..

* * *

Пожалей я знаю ты умеешь
Расскажи о чем мне знать не надо
Через сорок суток ты истлеешь
Веткой вишни вымерзшего сада
Так случилось завтра снова лето
А потом под снегом сгинет много
То что будет вечером бесцветным
Ранним утром ляжет под дорогу
Пожалей на новый наст приходит
Жизнь другая вытеснит обрывы
Мне не больно это честно.. вроде
Мы довольны – мы остались живы…

* * *

О чем я думаю....
Я думаю о воде
О тумане над утром
О том что быть беде
Я думаю о цвете
Моих шейных
Платков
О людях
С которыми на этом
Свете
Бывает любовь
Я думаю о моем стакане
В нем имбирь и вода
Да
Я думаю о воде
И о тебе
Иногда....

Ирина Сементина

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила школу № 22, училась в Нижнетагильском горно-металлургическом колледже. Первая публикация автора.

* * *

Улыбайся, всегда улыбайся
Тебе идёт очень
Под музыку танцуй
И улыбайся…

* * *

Нежность и холод в одном смятении
Любовь в не любовь
Слишком близко
Помнишь?
Мы встретились случайно
Было в тот день жарко
Хорошо и уютно
Пусть этот день останется у тебя в сердце
до последних минут…

* * *

Ты чувствовал себя со мной любимым?
Со мной хоть раз бывало ли тепло?
Я так хотела быть неповторимой,
Изящной, страстной, быть твоей одной!..
Хочу до губ твоих я дотянуться,
Растаять снегом я хочу сейчас,
И к сердцу твоему бы прикоснуться…
Мне без тебя не жизнь, а ад.
Люблю тебя, люблю, чужой мужчина
Прости за то, что я сейчас пишу.
Но разве сердце может биться ровно,
Когда пылают чувства наверху?..

* * *

А полюбишь ты её не за шикарный наряд,
а за ямочки на щечках…
За добрый искренний взгляд,
что остается в памяти прочно…
За тонкую натуру и доброе сердце,
За ток эмоций в крови…
За яркие карие глаза, и ресницы
За то, что она
Такая
Одна.

* * *

Осень вскружила голову,
Осенью любят по-своему.
Осень порою скована
Нежностью и суровостью.
Холод пропитан сухостью,
Листья летят под ноги.
Мне бы хотелось намного больше
Чувственной умиротворенности.

Юрий Маевский

Василий Палоумов

Родился в пос. Басьяновском. Учился в Нижнетагильском техникуме информационных технологий, сервиса и предпринимательства, печатался в студенческой газете.

* * *

Я здесь в оживлённой коме.
Постоянно валяюсь в кровати.
Незначительных мыслей комья
Облепили собой палату.

В коридоре – зрячему страшно,
Здесь мозгов полужидкие плети
Взглядом хлещут меня страстно.
Полувзрослые старые дети.

Конвертировать мысль в слово
Здесь легко. Других дел нету.
Я писал здесь рукой больного,
Средь здоровых людей человека.

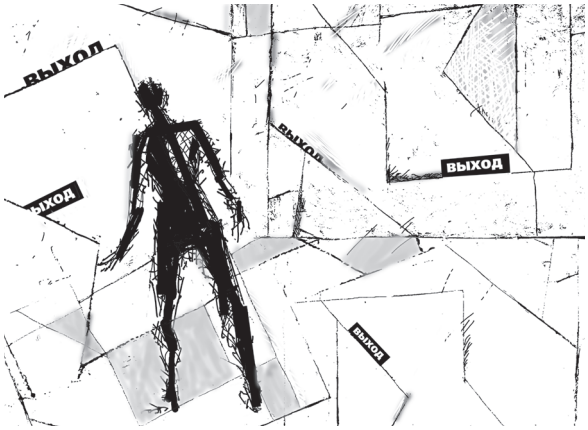
* * *

Нарисуем что-нибудь: правильное солнце,
По стандарту облачка, не меняют путь,
Сколько нужно лучиков режется в оконце…
Всё здесь сломано до нас.
Можешь вылить ртуть!

Как то хоть преобразить это свято место.
Впрочем пусто всё ж оно, вопреки молве.
Здесь в дурдоме хорошо. Из другого теста
Всё. Но только вот ещё тесто в голове.

* * *

Я был изъят из себя по фрагментам...
Каждою фиброй на полке, в коробке.
Рядом с собою разброшен сегментно,
Каждая мысль под крышкой, под пробкой.



Юрий Маевский

Разум несёт нольпроцент размышления,
Каждой извилиной отформатирован,
И нет угроз в нём, для населения
Мой поцелуй законсервирован.

Счастье моё корпорацией взвешено,
Экспериментом детально размеренно,
Лезвием вырезан был геном бешенства,
Лазерной, зыбкой рукой неуверенной.

Тело моё в пространстве подвешено,
Дух мой несёт перфорацию нации,
Всё в каждой клетке детально успешно...
Кто я? Генбанк ДНК-информации.

РЕКВИЕМ СТРАХУ

Психопустоты, психочастоты,
Психонастройки сознанья немого.
В ампулах страсти – психокислоты.
Четырёхлистника света дневного.

Кругом, спералью, квадратом кружатся
В танце распластанные клетки мозга.
Как в первый раз все друг друга боятся,
В ритме нетленных лакрима и мозы.

Реквием страху поётся однажды,
Теми, кто выбрал иной путь спасенья.
Кто в понедельник испытывал жажду,
В хруст перспектив своего воскресенья.

Алексей Ковалёв

Родился и вырос в Нижнем Тагиле. Закончил школу № 9, учился в Машиностроительном техникуме. Публиковался в сборнике молодых тагильских поэтов «Голос».

* * *

В номере тома истории КПСС
Чёрной змеёй извивается цифра, пока
Книжная полка по памяти движется в лес.
Выше желтеет психический лист потолка.

Ночью невидимы шероховатости стен.
В лампах упавшего света пылает вольфрам.
Менее плотного воздуха бегает тень
От чугуна батарей на пружинный диван.

Кажется стёршейся видимость глаз, а контраст
Делает острыми кромки; и даже слова,
Утяжелённые голосом, так велики,

Что не вмещаются в комнаты стороны фраз;
И отражается лысина бюста Вождя
На неподвижности пишущей время руки.

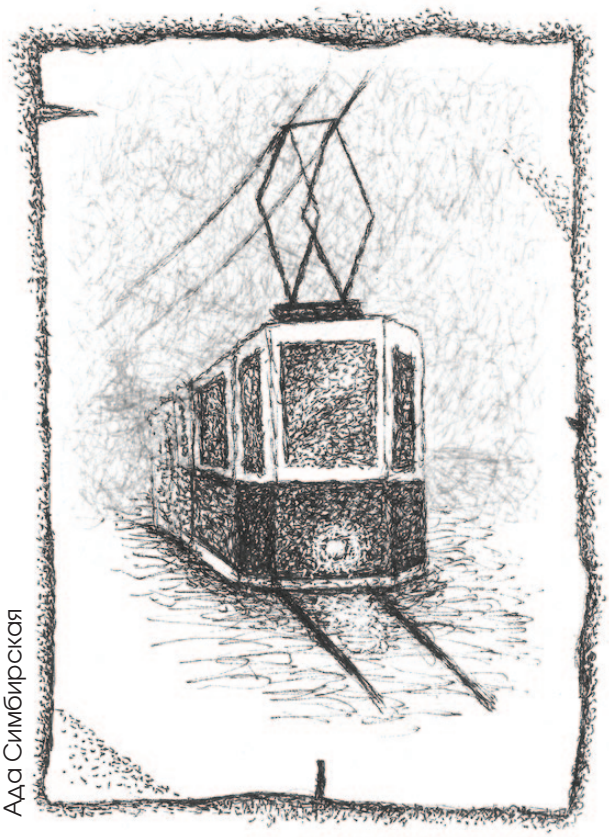
* * *

Через пасмурный сон,
продолжающийся на ходу,
Старичок во французском берете
и сером плаще
Не спешит, а газета видна
на безлюдном ветру
Из кармана торчащая, как автомат на ремне.

На углу поджидает старушка, её воротник
Не хитрее потрёпанной шкуры убитой лисы.
Про себя на родном языке повторяя стихи
Она роется в сумочке,
маленькой как эдельвейс.
Повстречались –
не против друг друга –
вдовеют вдвоём,
Замирает ворона, туман облегчает черты,
И уже не Тагил, а осенняя Прага кругом,
И шагает по лужам старик,
а старушка срывает цветы.

* * *

Женщина, выйдя из офиса,
гордо махает руками,
Словно украдкой лягушку
поймала болотная цапля.
Цепкие туфельки
на небольших каблуках поднимает
И опускает худыми ногами на мокрую землю.
Грязно и скользко по осени,
улицы смазаны грязью.
Сзади за женщиной люди идут,
но и спереди тоже:
Не обойти потому что,
и транспорт оттуда не ходит.
Выход дорожки к проспекту
завешен рекламным плакатом.
Шумно на улице.
В целенаправленной будничной спешке
Входит она в колоннаду
огромного белого зданья.
Женщина тут не жилец,
а на рынок зашла за морковью,
Чтоб с продавцом рассчитавшись
идти к остановке трамвая.
Двери пред ней открывает
суровый трамвая водитель,
Он уже водит трамваи
четвёртый неполный десяток.
Со сквозняком появляется
призрачный лик контролёра,
Но талисман проездного
тревоге не даст разгуляться.
До остановки своей производится
две остановки.



Ада Симбирская

Стойко за поручень держится
и никуда не садится
Щуплый студент, притворяясь неловко,
что скоро выходит.
Женщина едет,
морковь положив на другое сиденье.
А остановка её прямо около детского сада.
Дети, которые там обитают, давно уже дома.
И, проходя мимо сада,
к подъезду она попадает,
Где на магнитный замок
запирается дверь домофоном.
Левой рукой вынимает она
из-под складок одежды
Ключ специальный,
и только подносит его к домофону –
Красная лампочка тут же мигает
и писк раздаётся.
Женщина входит,
а двери за ней закрываются сами.

1.

Как стекло наливает стакан,
Так бессонна бывает ночь,
Пахнет яблочным снегом «до»,
За апрель затянувшихся ран.

Или стрелки звонят наулёт
Чёрно-белый до смеха Вальс
На пружине, которой час
Каждым мигом семнадцать гнёт.

2.

Разобраться со спичками бед,
В чемоданах не спрячешь глаз,
И уже не «остаться, Вас»,
А на Альпах пролыженный след.

Безошибочны двое в кафе,
Мерседес не боится бомб,
Есть пятнадцать минут на сон
В находящей мгновенья Весне.

* * *

Как трава – черепной трещине,
И волос, и ногтей заросли,
Разбредаются сны вещие
Ото дня искусив падали.

Пробывают свою молодость
У хребта колоски-стебели.
Не хватает крестов заполночь.
Расклевали глаза небыли.

Не впитав из сердец инея,
Корневищ падежи ложные
Помелом насекли тернии,
Распустились цветком пепельным.

* * *

Индустриальными шагами
Иду по тротуару звёзд,
А звёзд селёдки косяками
Летят, изображая мост.

Но блеск стекольный твёрже ночи
Запутавшейся меж домов,
Покров её не прочен, впочем –
Таков характер проводов.

Начертят башни кирпичами
Табличные поводыри,
В которых скована лучами
Луна колеблется внутри,

Сильней часы рука сжимает
Песочные на городах
Энцефалитными клещами
Болты отвинчивает нах...

Чернее чем башмачья кожа
Земля под крышами сторон,
В тени на Брежнева похожий
Я на бровях, как почтальон.

* * *

Догматичные мастифы
На бетоне мостовой
Самовластны и игривы
Ярким угольным огнём

Паровозное железо
И контрастно белый пар.
Войлочно густое небо
Расстегнул воздушный шар.

Можно цепью телеграфа
Силу тока обуздать.
Рукотворного ландшафта
Индустрия – наша мать.

Екатерина Соловьева

* * *

Под музыку дождя гулять по мрачным паркам,
Когда в ботинках сырь, а по зонту ноктюрн,
А старый двор давно воронами обкаркан,
И плачет о своём обвивший тополь вьюн.

Под лёгкий блюз дождя слоняться по аллеям,
Ловить на борт плаща зелёный клейкий лист,
И слушать, как поёт шиповниковым феям
Небесный косохлёст, помешанный артист.

Мелодией дождя смывает ложь и слёзы,
Обиды и печаль хоронятся в земле.
И снова тянут ввысь неистовые грёзы,
И чисто на душе, как в звонком хрустале...

Елизавета Табатчикова

* * *

Круги на лужах.
День простужен.
Студёным сплином льёт.
Вокруг колышутся зонты –
Цветы наоборот.
С холодных листьев,
Мир очистив,
За каплей капля – кап.
И ветки тихо по зонту
Когтями цап-царап.
В виденьях ноги промочил
Мечтатель-стихоплёт.
А дождь всё льёт и льёт.
Вокруг колышутся зонты –
Цветы наоборот.
Зелёных, красных, голубых
И жёлтых – целый луг.
Плывут, волнуются, дрожат
Стеблями в сотнях рук.
Склонившись чашечкою вниз,
Глядят, кто их несёт.
Зонты –
Промокшие цветы.
Цветы наоборот.

* * *

Я помню снег. Была зима.
Я шла сквозь белую пустыню,
И в рукавицах пальцы стыли,
А ветра вой сводил с ума.
Я шла неведомо куда,
В сугробах вязла по колено,
А небо было тьмою пленно:
Погасла всякая звезда.
Беспутний путь петлял, как бес,
Среди седеющих барханов.
Застыло сердце, ныли раны,
Слепил до боли снега блеск.
И солнца крохотным лучом
Мигнул из тьмы твой свет в окошке.
На запах слез в латунной плошке,

За ночь наплаканных свечой,
Я шла сквозь мрак, пургу и лед
К тебе, к тебе, к теплу и жизни.
С досады холод падью брызнул,
Но я всё шла и шла вперед.
И было не остановить
Ни ветром, жадно рвущим платье,
Ни леденеющим объятьем
Зимы, бессильной полюбить...

…Бедны слова благодарить.
Я молча зажигаю свечи,
Как в ночь волшебной нашей встречи,
Чтоб холод смерти пережить.
И, может быть, под Новый год
Во тьме пустыни леденелой
Вдруг кто-то под окном несмело
Тебе свою свечу зажжет.

ПО НОЛЯМ

Всё по нолям – погода и любовь.
Застыла ртуть в термометре оконном
И тает нежность в чае растворённом,
Хоть сколько с ней его ни приготовь.

Всё по нолям, вчерашний матч – ноль-ноль,
И настроение, как видишь, по нолям.
Попробуй не поверь календарям,
Когда так пусто поперёк и вдоль.

Всё по нолям.… Осталась только боль.
Всё на нуле в душе и в кошельке,
И даже в чая благостном глотке –
Ни осень, ни зима – проклятый ноль.

* * *

Люди – это маленькие свечки.
В мраке жизни вздрагивает пламя,
Тают восковые человечки,
Всплакивая теплыми слезами.

Беззащитны тонкие канделы
Перед ледяным дыханьем смерти:
Дунет – и дымок, как саван, белый
Завихрит в последней круговерти.

Ты спросил: «Зачем не гасишь свечи?»
Огонек свечи плясал на блюде.
Люди – это маленькие свечи.
Свечи – это маленькие люди.

* * *

Позволь поплакать о тебе.
Ты мнешь платок от горя липкий,
А по щекам бегут ошибки.
Пусти их. Не держи в себе.
Ты – сталь. Скала. Кремень. Гранит.
Но горе всех равняет болью,
И из скалы прозрачной солью
Ручей горячих слез звенит.
Знай, завтра будет всё иначе,
А нынче боль стеклом разбей.
Позволь поплакать о тебе,
Ведь обо мне никто не плачет.

* * *

Молись, если можешь, раз бог помогает твой,
Но помни истину, ту, что дороже злата:
Сгоревшие лампочки светят безумной тьмой.
Для каждой лампочки точка есть невозврата.

И в каждой, знаешь ли, был изначально свет,
И вспышки радости яркой, и маяка сиянье,
Но те, кто светят, сгорают. Таков сюжет.
А те, кто тлеет, веками гниют в молчаньи.

Когда весь свет изнутри погас, как огонь свечи
И пусто в душе, хоть волком голодным вой,
Закрой глаза и тихонечко прошепчи:
«Сгоревшие лампочки
светят безумной тьмой».

Егор Свердлов

Родился в Нижнем Тагиле, учится в педагогическом колледже. Первая публикация автора.

Пусть будет любовь
окровенной тайной,
Пусть будет солнце
ярким костром в душе,
Пусть будет детство
мороженным и шоколадом,
Пусть счастье будет
единственным на земле.

Пусть будет тепло
согревающим чаем в обнимку,
Пусть будет грусть
обходить твой дом стороной
Пусть будет радость,
ведь радость – это улыбки,
Пусть самый близкий
будет только с тобой.
Пусть будет ночь не затменьем,
а лишь закатом,
Пусть утро будет
стучаться к тебе в окно,
Пусть будет можно,
когда действительно надо,
Пусть включат свет,
там где всегда было темно

Пусть друг будет единственным,
но настоящим,
Пусть враг боится
ступить к тебе на порог,
Пусть сердце моё,
наконец, станет нашим,
Пусть будет счастливым
у каждого дела итог.

Надежда Чернавская

ГОСТЬЯ -СЕВЕРЯНКА

Отдрожал осинник тонкий
Яркопламенным огнем.
На крыло поднялся звонкий
Клин пернатых над жнивьем.
Повенчалась туча с ветром
Под осенний листопад.
В карнавале этом вечном
Быстротечен дней парад.
Вновь румяные рябины,
В платьях все «а-ля-плиссе»,
Вышли, как на именины,
В своей ангельской красе.
Ряской стянуты болота.
Клюква соком налилась.
Знать, утиная охота
Повсеместно началась.
Осень, гостьей-северянкой,
Лихо топнет каблуком.
И осыплет спозаранку
Лес и поле куржаком.
К полудню развеселится,
Хитро солнцу подмигнет.
Норов крут! Ночною жрицей
В зиму без стыда войдет.

Николай Мамонов

ВЕСНЫ

Заневестилась черемуха
Над рекой.
Пронеслась гроза всполохами
Стороной.
Половодьем весны грянули
На луга.
Лишь дурман любви оставили
На губах.
Счастье унесли обманами
Не вернешь,
За осенними туманами
Не найдешь.
Осенью тоска унылая,
Тишь да гладь.
Так и тянет весны синие
Вспоминать.
Как песчинки, годы канули
В бездну, в ночь.
Отгорели и отпрянули
Назад, прочь.
Хоть морщинки побежали
Жаль, щекой,
Душу все ж оставили
Молодой.
Зацвела опять черемуха
У плетня,
Значит, счастье где-то ждет
И меня!

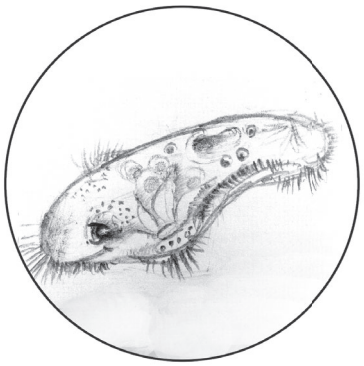
ДЕРЕВЕНСКАЯ КАРТИНКА

В молчаливой зелени,
За селом,
Скорчился от времени
Старый дом.
Там в пимах, в тужурочке,
Дед Егор,
Коротает времечко
С давних пор.
Где когда-то соловей
Песни распевал,
Разгулялся суховей
По былым полям.
Печка-бокогреюшка
Хороша,
Но болит о хлебушке
Дедова душа.
Кот-мурлыка ласково
На печи поет:
«В этот дом хозяйку бы, –
Сквозь усы ведет. –
Налила б сметанки мне
В миску пополней,
Да и деду с бабкой бы
Было веселей».
Только тихо в горенке,
Лишь один сверчок
Воспевает скромненько
Свой шесток.
В рог пастуший, простенький
Больше не трубят,
Тихо на поскотине
И погосты спят.
Все же песней старенькой
О былом,
Поскрипывают ставеньки
В доме том.
Там на службе верности
Пес Трезор,
Кот, сверчок, да в бедности
Дед Егор.

Ян Разливинский

* * *

Ни в озере и не в море,
А в баночке из-под колюшки
Жила у меня инфузория –
Копия туфельки Золушки.
Чтоб душу открыть в разговоре
Важнее всего – понимание.
Мне было теплей с инфузорией,
Чем в самой теплой компании.
Я с ней разговаривал нежно,
Она – внимательно слушала.
Была у нас разной – внешность,
Но чем-то похожими – души.
Довольно смешная история,
И зря свою душу тревожу я:
Пропала моя инфузория,
С туфелькой Золушки схожая…
Исчезла с окна открытого
Где мирно весной дышала.
Кто банку консервную выкинул?
Кому она помешала?
Да нет, я охотно верю вам,
Что вы ее не увидели.
Не вышла бедняга размерами,
Поэтому и обидели.
И вот в неутешном горе я
Грущу и не сплю ночами.
Ну где ж ты, моя инфузория?
А вы – ее не встречали?



Елизавета Табатчикова

* * *

Вздрогнула кошка во сне…
Тихо в безлюдной квартире.
Только часы на стене
Тикать не прекратили.

Надо же, выдумал кто-то
Этот смешной механизм:
Время не требует счета,
Если сосчитана жизнь…

Кошка проснется, и будет
Долго орать у двери.
И сердобольные люди
Знать захотят, что внутри.

«Свет третьи сутки… недаром…» -
Кто-то вздохнет в тишине.
Дверь под могучим ударом
Вздрогнет, как кошка во сне…

Жалость – ненужное слово.
Словом уже не спасти.
Мельком взглянул участковый:
«Надо б часы завести…»

* * *

Зажжется буднично звезда…
Парадно – звезды не умеют.
«Шумят большие города…»
«Долины сохнут и пестреют…»

И ни к чему мои слова,
Подобных сказано немало.
«Пред ним большая голова…»
Моя же быть такой устала.

Держу в руке листочек клейкий
И лезет в голову ко мне:
«Любовь не вздохи на скамейке,
И не прогулки при луне».

Наталья Узкова

Живет в Нижнем Тагиле, работает в Лицее, преподает дизайн одежды и основы проектной деятельности. Первая публикация автора.

* * *

Что-то глубокое скрыто в людях.
Цинизмом прикрыты безвольные чувства.
Возраст и внешность припудрив пудрой,
Прячут эмоции в формах «искусства».
Люди создали так много масок,
Лицо закрывая от внешнего мира.
Боль перекрыли слоями «красок».
Забыв о себе, сотворили кумира.
Образ фальшивый к себе примерив,
Вышли из дома искать «окружение».
Только, закрыв ненавистные двери,
Встретили тут же свое отражение.
Взглядом окинув объект знакомый,
Ищут защиты и формы доверия.
Смотрят с надеждой в проем оконный,
А там не эмоции, там материя…

* * *

Одинокая ранимость,
Юность, нежности душа
Горделиво держит спину,
Слезы разумом суша.
Говорят ей: «Ты все сможешь,
Все дары тебе даны!».
Только вот весьма возможно
Ей не дали теплоты...
И она, ища поддержки,
Сторонилась от людей,
Но ходила «на примерки»,
Чтобы быть средь них «своей».
Каблуки ей придавали
Звучность, строгость, остроту.
Тонкость ткани прикрывала
Чувственную наготу.
Примеряясь к разным людям,
И ища для них наряд,
О себе она забыла...
Став «своей» для всех подряд.
Для одних - «цветами лета»,
«Неприступностью» - другим...
В «долгожданность» приодета,
Стала близкой не своим!
Но однажды все одежды
Стали больше не нужны...
Он обнял. Тепло и нежность
Поселились в глубь души.
И ранимость стала лаской,
Гордость - грацией любви,
Слезы ей в приливе счастья...
Лишь ДОДАЛИ теплоты!

Наталья Узкова

* * *

Раздетые люди в одеждах
Идут сторонясь разных встречных.
Их чувства живут как-бы между
Эмоций и страхов сердечных.
Себя заглушая в потоке,
Бегут наготу прикрывая.
Они в той толпе одиноки,
Они – обнаженные в стае.
Поверхностный шум и тревога
От серых ненужных контактов.
Эмоции... их слишком много,
Они – оголяющий фактор!
За платьем и кофтой не спрячешь
Того, что не каждый признает.
И крой идеальный прозрачный
Себя от себя не скрывает!

* * *

Гуашь сменила легкость акварели,
Рисунок жизни стал плотней и суше.
Быть может мы немного повзрослели,
А может это «повзрослели» души?

А хочешь я тебе открою тайну?
Ты ласково прижмись губами к шее...
Я здесь сегодня, знаешь, не случайно,
Я здесь... Мне не хватает акварели.

Той сочности, прозрачности бумаги,
Где так легки и плавны переходы,
Где «сухость» уступает место влаге,
Где в цвете красок истинность природы.

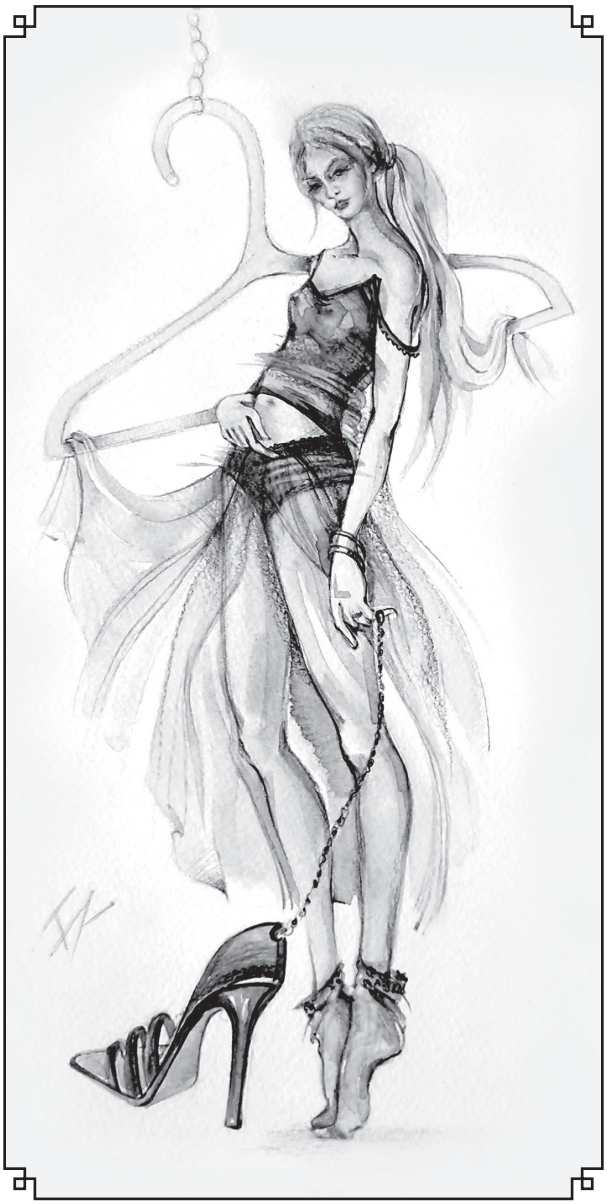
Я здесь, с тобой, чтоб растворить «гуаши».
В объятьях нежных, в ожиданье лета,
Я чистыми цветами жизнь раскрашу
С тобой вдвоем под тёплым зимним пледом.

* * *

На меня обиделась обида,
Я ее задела за живое!
Обличила безнадежность вида
Начеркав портрет и все такое...
Я ее хотела акварелью
Сделать в виде кляксы серо-черной,
А она за кляксой, как за тенью,
Вылезла... картинка стала спорной:
Клякса становилась страшной рыбой,
Страусом, прической неудачной,
Деревом, которого не видно
А потом опять обидой мрачной.
На меня обиделась обида...
А на вас обида обижалась?
Потому что для себя обида
В зеркале красивее казалась...

* * *

Что носит «Одиночество»,
И как его зовут?
Где бродит «Одиночество»,
Когда его так ждут?!
С кем и во что играется,
Ревнует, пьет коньяк?
С кем по ночам шатается?..
Мне без него никак!
Оно одно... безлюдное
Тоской сотворено!
Чуть гордое, но чудное,
И я и есть – оно...
Выгуливаю туфельки,
А не собачку я.
И вкуса нет у трюфелей
Нет цвета у вина...
В тоскливом одиночестве
Нет запахов и чувств.
В него я, как в песочницу,
Закапываю грусть.
Из тканей сожаления
Наряды шью ему...
Прозрачность настроения
С собою заберу
Туда, где нет бессилия,
Тревоги и тоски...
Есть только «Нежность» стильная
И с кружевом носки…



* * *

Счастье яркое, счастье тихое
Поселилось внутри меня.
То щекочет, то в ритме тикает…
Мое счастье сейчас – это я!

И легко в состоянье радости
Все нюансы души ловить.
И по коже озноб столь сладостный
Помогает в моменте жить.

Счастье – свет изнутри сияющий,
Наполняющий жизнь теплом.
В нем эмоций поток блуждающий
Слышишь сердцем, а не умом.

И ладонь на ладонь спускается,
Ощущается общий пульс.
Щекоча, он души касается…
Так легко! Улыбаюсь! Смеюсь!

Руслан Комадей

Родился на Камчатке, вырос в Нижнем Тагиле. Учился в Уральском государственном университете. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», альманахах «Предчувствие света», «Голос», «Красными буквами» и др., третьем томе «Антологии современной уральской поэзии». Автор книг «Письма к Марине», «Стекло», «Поплавок». Лауреат I регионального фестиваля литературных объединений «Глубина». Неоднократно входил в лонг-лист премии «Дебют», лонг-лист премии «ЛитератуРРентген».

РОДИНА НИЖНЕГО ТАГИЛА

ветром светают лавровые листья
на горизонте одежды седой
в пору гора расползается Лисьей
город развенчан по швам высотой

сам я с погодой меняюсь местами
переминаюсь и воду сушу́
пробую помнить и горы настали
дай мне поверхность и я совершу

либо взлечу обогнув до отсюда
нити и выи кровя из себя
крапинкой толстая тьма неподспудна
не по себе мне тельняшка сия

* * *

Тропа беспробудна.
Не встреть по одёжке цветы,
в саду, где разлитые запахи вширь.
Споткнёшься наотмашь –
мираж обмелеет впритык
на вздохе, когда за душой ни дыши.
Вспорхнула дорога
и вскользь сыплет воздух, сопя,
и камни латает, и вяжет жара.
А город пуглив,
благодать високосна зазря,
и солнце качается словно жираф.

По швам расстояние треснет,
загнётся закат,
из озера лёд возвратится на юг,
где поле слепое от ветра,
прогнувшись назад,
навзрыд и сполна отбивалось без рук.

Пусть клёкот ворованных листьев
замрёт напоказ,
не целясь как надо. Я выдохну сон.
Заплывшее утро
ветвится огнями у глаз.
Наверно, пора выносить этот сор.

Михаил Корнев

* * *

Александру Смирнову

Свет приснился словно интернет,
лето отсекается подавно.
Мимо смотришь на себя в ответ,
а в ладонях темнота и давка.

Пальцы огрызаются как сон,
доверяют скомканным карманам.
Свет сегодня словно колесо –
крутит у виска почти как мама.

Дождь, уставши, ждёт меня в лесу,
и слепые руки крошат темень.
Свет проснулся ни в одном глазу…
Извини за тьму, мы не хотели.

* * *

А. Санникову

Я выскребаю снег из-под ногтей,
так холодно, что он уже не тает.
Боюсь, что не могу иметь детей,
но и себя мне тоже не хватает.

Меня ворует снег, что за напасть!
Хочу смеяться – почернели зубы,
хочу убить, но не могу украсть.
На кухне снег колотится об трубы.

И я сажусь к горбатому столу,
ты с краю, ты не любишь ужин.
Как мальчик в каменном углу,
играю в сны, прикидываюсь мужем.

Как так…Ты не заметила родства,
ведь снег, как сын, садится мне на плечи!
Держусь за снег, за скользкие слова.
Я не оглох, я потерял дар речи.

* * *

Когда не Бог – судья, присяжные ли вы?
идёте наугад в свой захудалый лес,
в широких рукавах обветренной травы
угадывая тень опущенных небес.

Вам снится темнота под твёрдой бахромой,
где траурные сны становятся ничем.
Мне нравится не спать, я так хочу домой,
в безветренную мглу, где нет меня совсем.

Вы видите мой лес, светящийся внутри,
как горизонт, как вдох, как влажные зонты.
Он ясен, словно тень, но ты его сотри,
он больше не отдаст ни капли темноты.

Он сложит подле вас усохшие венки,
где почва из-под ног выдёргивает свет,
где женщины во тьму вплетают позвонки.
Мне непонятен лес, которого здесь нет.

То женщины, то я (откуда мы взялись?)
обматываем лес искрящейся фольгой.
И неба не видать, и небо смотрит вниз,
и стала тьма другой…

Я – недоумок тьмы, я – выродок дверей,
поди меня спроси: зачем тебе глаза?
Ведь темнота есть только у поводырей.
Когда они ведут, подглядывать нельзя.

* * *

спи безмятежно и оптом
то есть не слышно ни снега
что ты моргаешь по окнам
и подражаешь предметам

влажным а то не наружным
заполночь вне оборота
голос примерно разрушен
и без заботы суббота

Николай Платошкин

вянет в отверстии снега
что за слепая отмычка
не замыкайся как небо
это плохая привычка.

* * *

Ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе...
Закрома по-пустому темны и жалки.
Воробей, как ветер, в ветвях устроился,
а в ногах берёзы лишь пни и галки.

Понарошку праздник, в дом нищий просится:
дайте чёрствых монет и мозолей горсти!
И твоё, и чужое, – как ножик по́ сердцу,
– Поминальный обман. Приходите в гости.

На дороге связки следов, как свеча за пазухой,
в переулки травы не ведут, ни видят....
Ты попробуй смолчать, ветер вытри насухо. –
Ничего не выйдет.

ПРОЩАНИЕ

Ты забыл, куда я шёл,
и теперь – пусти.
Раньше было хорошо
и легко почти,

где в игрушечной реке
брызгалась вода.
Оглянулся вдалеке
и исчез... куда?

Где за ором – разговор,
выпуклая речь.
Опустил глаза во двор –
некого стеречь.

Я ослушался того,
кто стучался в дверь.
Раньше было ничего,
хорошо теперь.

Оксана Пастухова

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Закончила Нижнетагильский пединститут. Кандидат наук. Преподает в педколледже. Публиковалась в местной периодике, сборниках «Ход жука по белому дереву», «Мандарин», «Черная ворона – белый бегемот», «Алое ухо», «Тагильская находка» и др.

* * *

Мне кажется, что я схожу с ума.
Я встану ночью покурить на кухне.
Чужой мне город. Серые дома.
Забьётся сердце и, как в пропасть, ухнет.

Ты видишь сны. Тебе в них very well,
Ты хмуришь брови строго, по-отцовски.
Смешно, конечно, мыслить философски!
Тебя хотели – ты не захотел.

* * *

Вы не любили? Так значит
Вам не любить.
Дождик за окнами плачет,
Просит впустить.
Близится время обедать –
Прав циферблат.
Вы не хотите отведать
«Зимний» салат?
Нет, вы и так слишком зимний –
Не отогреть.
Взгляд ваш не станет наивней,
Ярче, чем медь.
Вряд ли придёт, что пророчим
Мы невзначай…
Ну улыбнитесь! А впрочем,
Подали чай.

* * *

«Любить в горе и в радости
Обещаю», –
Сказал и принёс сладости
К чаю.
Был день осенний солнечен
И прозрачен;
Был очарован полночью,
Одурачен
Ты, рыцарь сердца ветреный,
Несмышлёный,
Порой излишне трепетный
И влюблённый.
А чай дымился в чашечках
Из фаянса.
Мне говорил: «Беднажечка», –
И боялся,
Что голос дрогнет ноткою
Чуть фальшивой.
Словами, словно плёткою,
Оглушило.
Любили только в радости,
А в печали
Чай пили, ели сладости
И молчали.

* * *

У нас с тобою просто так – транзит,
Но кровь по-прежнему в висках шумит,
Когда я слышу голос твой глухой.
А может рано нам ещё спиной?

Мы осушили свой родник до дна.
О, как же хочется глоток вина,
Чтобы во сне забыться до утра.
Транзитный друг…
И снова в путь пора.

* * *

Размеренно течёт другая жизнь.
В ней я другая и другие цели,
И так порой штормит, что лишь держись…
А мы с тобой опять в одной постели.
Ты мне читаешь пошлые стихи,
Мы пьём «Цимлянское»
за нашу безрассудность,
И променять иссушенную мудрость
Мы предпочли на сладкие грехи.
Но птицу счастья сколько ни лови,
Вновь для объятий раскрывая руки,
Увы, за послевкусием любви
Придёт лишь послевкусие разлуки.

Юрий Маевский

* * *

Всё пролетело мигом, в одночасье!
Судьба сказала: «Этого довольно».
Я получила свой кусочек счастья,
Но почему же мне сейчас так больно?
Я покидаю мир своих иллюзий:
Прибой, как рыбку, выбросил на сушу.
А мне хотелось, чтобы all inclusive –
Ты ж ненароком выпил мою душу.
Пусть будет так… Запомню твои руки
И голос тихий, предвещавший негу.
Всё временно: и радости, и муки,
А летом мы всегда грустим по снегу…

* * *

Октябрь, снежинки, прелая листва,
Печаль и скука – время для поэтов.
И листопадом сыплются слова,
Но оставляют мысли без ответов.
Ночь за окном. Отключен ноутбук.
Ты с каждым днём всё ближе и дороже.
Хочу в тепло твоих любимых рук,
Чтобы дышать, прижавшись кожей к коже.
Но накрывает сумраком души
Всё то, что было, но, увы, не стало.
Укутавшись тоскливо в одеяло,
Я помолюсь о нас в ночной тиши.

* * *

Зябко.
Поёживаюсь и втягиваю голову в плечи.
Взять бы
Открыть дверцу шкафа и достать восковые свечи.
Помнишь,
Как медленно, словно нехотя, разгоралось пламя?
Шёпот,
Вкрадчивый шёпот воска капал на стол между нами.
Где-то,
Чуть слышно, играла незнакомая мелодия.
Было лето.
Была на любовь пародия.

Ксения Финадеева

Ксана Кравцова (Ксения Финадеева). Живет в Горноуральске, публиковалась в местной периодике, журнале «Урал», сборниках «Предчувствие света» и «Голос».

* * *

Города корявый нарост
Выспросит погоду навзрыд.
Вытирают пальчики нос.
Я уже не радую стыд.
Скутся по дворам провода.
Тётя из машины глядит.
(В мае будет праздник труда....).
И Алиса-девочка спит.

* * *

и здесь не бывает почти января
где трезвая я
срываясь с колен бреду до себя
бреду до тебя
неслышимым воздухом
любишь внутри
гаси фонари

* * *

Степь да степь кругом.
Буду блин одна.
Нафиг об одном
Думать не сполна.
Чувствую, что тут.
Скоро уже там:
Небушка нальют
В землю пополам.

* * *

выхожу и иду
собой
выхожу и иду
я
дыхание
почерк
сбой
выхожу по льду
посмотри на свет
я молчу
посмотри на свет
это всё я себе
кричу
а себя и нет

* * *

Кашель от проглоченных слов.
Мучит горло топот часов.
Лета не убудет – доспать;
Сон – опять прикажет молчать.
Коротко и часто: живу.
Злобно и кричать: наяву.
…
…
Горы. И не надо огня.
Вырасти трава сквозь меня....

* * *

Девушка я и дрянь.
В черном до дыр плаще.
Цепи, вино и – глянь:
Мерзость и дым – ваще.
Пот – это запах дня.
Завтра уже в огне.
Не было бы меня,
Бог бы не верил мне.

* * *

Преднамеренно так прилипая к вагону,
По стеклу офигевшая полночь ползла.
Я простила. Прости. В моих буквах нет слова.
Даже зло в них не зло, а каких-то пол-зла.
Не пытайся понять: я(она) не разменна.
Начинается небо с текучих ресниц.
Уходя, растворяюсь мгновенно, наверно,
Среди видимых лиц…

* * *

Я растекалась по всем порогам.
Мне было стыдно. А повесть нафиг
Перечитать по краям от Бога,
Лёжа среди непонятных график-
Офф не нажать, убежать, покуда
Капает солнце весной на лица.
В губы кусать, как её Гертруда.

* * *

Ты бы молчал, Е.Т.,
Холодом в пустоту.
Сесть – да обнял, но здесь
Вижу – на стёклах – стук:
Буквами из времён,
Точками из огня.
Рано уже. Уйдём.
Только бы не меня.

Сергей Иконников

* * *

город ворует музыку
я никакая жалкая
молча вчера в сумерках
страшно (потеть) плакали
детские мои личики
спать не давали сволочи
мой потолок облачен
мой потолок облачен

* * *

Сидим вопросительно – тише.
Молчи – и молчи.
За летом – дома и крыши,
И кирпичи.
Сидим на виду у солнца,
Молчим в глаза.
Сейчас на меня прольётся
Его гроза.
И я до него не знаю
Других дорог.
Ты слышишь? Там небо тает.
Там дышит Бог.

* * *

выключи звук мне трудно дышать тобой
кошка дерёт коробку который день
просто она идиотка живёт со мной
в небе темно это полночь бросает тень
хочется так любить
в темноте
Дали
роза цветёт в небе напротив тебя
ты на стене над столом на плакате ты
смотришь как я раздеваюсь изучаешь меня
я разгребаю сны нахожу кошмар
выбросить надо бы но
не хватает лет
трогаю одеяло что
у меня жар
вижу в кровати
под одеялом
свет

* * *

твои удивлённые пальцы
читают стенУ из волос
а я перестань улыбаться
наматывай голос на трос
по запаху скушано время
молчу не пугаюсь ни сна
наверное буду береме….
наверно сегодня весна

* * *

Я сегодня уйду (уйду!).
Длинный свет – вдоль стекла.
Прикасается не ко льду.
Дожидается не тепла.
Распадается день на день.
Не нарочно и никому
Не достанется только тень:
Я с собою её возьму.

Ольга Чехонщина

Родилась и выросла в Нижнем Тагиле. Училась в гимназии № 18. Закончила Нижнетагильский пединститут, Институт художественного образования и культурологии РАО. Художник, дизайнер-график, педагог. Кандидат наук. Лауреат премии Губернатора Свердловской области за вклад в развитие искусства Публиковалась в журналах «Урал», «Крещатик», «ЛиФФт» и др., «Антологии современной уральской поэзии» и других коллективных сборниках. Входила в шорт-лист «ЛитературРентгена», дважды победитель Кыштымских чтений, Северо-западного поэтического семинара и др. Автор книг «Город Зет», «Чистый понедельник», «Двадцатая нация».

* * *

А это тебе – отправная печаль,
Горы Невысокой девятый отвал.
Откуда я знаю, как солнце зайдёт
В её разворот…
Фонарные стойки с двойной головой
Включают, как лампы – одну за одной –
Как в библиотеке, в дворовом раю,

Где я сквозь деревья на воздух смотрю.

* * *

ясное ждёшь но вот оно бабье где-то
в Нижнем который ниже замри – и ветер
въедешь с заутра чтоб не одеться деться
в буфете тут говорили можно согреться
если не гладя за руку взять прохожего
с обрыва смехнуть
что рельсы по кругу заложены
если размазать сверху холмистой земли
полупустой кадр откуда на треть ушли

XX ВЕК

Е.Туренко

в его квартире тёмный коридор
и пахнет даже в зеркале вещами
он рад жуёт кричит во весь опор
как радио из кухни мне вещая
о смерти о себе о высоте
о саде внуках мне о будешь чаю
и головой невидимо качает
на самом «не»

он руки вытирает о бока
выходит старше голоса и позже
не зная ничего наверняка
но так похоже
на ноги деревянные косясь
на скатерть парафиновые пятна
не поднимай перегоревших глаз
уйди обратно

* * *

Застыть вдвоём, пока софит задворков
Ресниц коснётся, не затронув глаз,
и небо станет ближе на две створки,
распахнутое в комнате у нас.

Душа найдётся, потому что дрогнет,
и в темноте её очнётся высота.
С прищуром человечьим ждёт ворона,
не отпуская воздух изо рта.

Растительного страха в половицах
Опомнится сырая визготня…
Идём дышать – фонарь сипит в петлице
И крошит снег из своего огня.

* * *

Манит прибой, вечно ничей в ночи.
Вязнет в метре от ног и, отъехав, ждёт.
Махонький физик морщится да молчит,
Шмыгая, тянет шелковицу в сонный рот.

Вал набегает – и устаёт, как слон
Мягко попятившись – я не того искал.
С силой над ним деревья упёрлись в склон,
Угрожая фарватеру грузом скал.

Мир измеряем парой босых опор,
Тёплой запрудой, по локоть глубокой, в песке.
Автор следит, как волны прибавят напор:
Значит, пора. Встаёт и несёт пакет.

Пара моторных лодок тянет улов,
Вечно ликующий берег детьми богат.
Вот и мелькают руки живых отцов,
Вот и усталые матери к ним спешат...

...Химик вихрастый спит поперёк забот.
Мама утрёт от шелковицы сизый рот.

* * *

Растопленный рассвет,
и в храме сытно воском
и ладаном. Смотри,
как воздух развернёт

за головами всех
янтарные полоски,
и ясно изнутри,
как свечечка поёт.

Молчишь, благодаря,
Ничтоже огребя,
В окошке алтаря
Звезда.

Не за себя.

* * *

Рядом – ни оклика, а
В пятку ступенька скрипит.
Смотришь под ноги, пока
Ветер на крыше лежит.

Лужу склевать каблуком,
Мягкую, как пустоту.
Яблока матовый ком
В северном хрупнет саду.

Верная я не твоя,
Как отвернуться домой…
Сахар, пороша, кутья –
Враз занесёт за спиной.

ЛЕДЯНОЙ СОНЕТ

Дубак – с прищуром от Батыя.
Трещат в ресницах фонари
И уезжают запятые,
Закрыты двери изнутри.

По рельсам носятся ковчеги,
Где двое в воздухе висят,
По кругу сходят наугад,
Глотать аптечный привкус бега.

А снегопад идёт в Сибирь –
Завышены координаты,
И люди в слюдяных квадратах
Целуют улицу до дыр.

И подвиг – каждый шаг, и лёд
К себе по имени зовёт.

Михаил Корнев

* * *

Кашель в шарф. Аллея стелет мелочью,
И фонарь – топлёным угольком
Вздрагивает, осеняет желчно.
Прочь пора – ни пухом, ни пером.

Ветер наутюжит под мостом
Самый тёмный кадр, вкось – зазубрины.
Вылить голос вдаль, и стать пустой.
Я ушла. Не всё ещё загуглено.

* * *

Потрогаю в окне закат у края –
Стрижом прикрикнет. Дёрнет за живое.
Цветное расстояние сгорает,
А остается... Светлое, немое.

Стожары в небе, пёстрые, слоятся,
Мгновенно изменяясь… Завтра лето.
И луч дрожит, решаясь оборваться.
Пусти вернуться, Господи, к рассвету.

* * *

Незаметная усталость,
Прямота в крови.
Что твоим глазам досталось,
Ясным от любви...

Натаскается, развесит,
Перешьёт, польёт,
Припылит мукой – намесит,
Встретит – подмигнёт.

Мама мамы ждёт у дома,
С хлебом, на ходу, –
Из-за кровельной соломы,
В сумерки – звезду.

* * *

Руки мои – на платье,
край в коленях зажат, –
скроены под объятья:
будто ничьё, лежат.
Вздрагивая на стыках,
тронут на лбу орла
в паспорте многоликом:
не за себя жила.

Да, – отвечаю, – села,
выключу, чтоб не сел.
Свидимся, раз по делу
(не разобрать совсем).
И придвигает время
к детям сады-города:
пусть посидят со всеми
и убегут туда.

Каждый мгновенен в белом,
в семь(десят) с долькой лет.
Ждёт кипяточка слева,
сахарный на просвет…
Быстрая это тема:
– Сам-то был, помнишь?
– Н-нет…

* * *

выходной город
подходит к окну
с другой стороны
я неодета
а как надо
молча откинуть страну
лето

изобретая жест
памятника гостям
района
привидится же такое
да идёт
особенно сон рукам
деньги глазам
а любви любое

так говори
со мной говори
бессмысленно сладко внезапно сзади
путанно
утащи с собой ради
вымытой площади
в пять или в три

* * *

так долго ездила что карту ободрали
со школы над софой висела карта
я вкалывала кнопочки куда-то
где обещали ждать или молчали
потом флажки – где дожидались точно
где сразу беззаботно и уютно
а позже дырки – там где перестали
пути переключать и стрелку клинит
надолго сгинув напрочь забываешь
цветы обоев
но не эти пятна
салатовые розовые пазлы
исчезла карта
в стенке дырки брайля
моря и горы необъятной нашей
кричу неслышно в каждую воронку
давай-ка папа сделаем ремонт

* * *

К своим не сразу соберёшься в гости.
Сначала шают угольки во тьме
неярких станций, переходов поздних
промотанные наскоро кэмэ.

Едва войду – сон в руку – в реку – кокореку,
по-давнему меня поокликай.

Свет лазит сквозь рассохшийся сарай,
кот лижется, пропахнув человеком.
Ну проходи! устала? дверь плотнее! –
снег вздрогнет, не проснувшись, дом обняв.

Из чашек валит пар, неспешно зреет,
и кажет травы... Вздох –
и каждый прав.

Намоленное небо за лампадой
синё и обещательно вблизи.
И ничего действительно не надо.
Но пощади всё это и спаси.

Ту шевелёнку на ветру-весу –
со всеми колокольнями, плетнями,
сугробами – в квартиру донесу
и выложу, копируя, рядами.

А фото – только общее, одно:
похожи стали...

Непохожи стали.
На прежнем, изначальном и родном,
неподалёку –
поминай,
как звали.

* * *

Постельное будете брать,
Смотря на себя в темноту.
Спровадят куда – и опять,
И снова ту-ту, да не ту…

В итоге – отсюда сюда.
Окажется – было вперёд.
Цветнеет оконный восход
В краю его ока – вода.

А дни наконец совпадут,
И станешь, в чём мать родила,
Забудь от тепла до тепла –
Как часто нас не было тут,
Какая я дура была.

* * *

Допустим,
мы только взаимная смена утрат,
Ребристые,
как годовые кольца воды.
Сгущается воздух,
и вкрадчивый плеск полноты –
Потоп дворовой,
подбросивший веток во взгляд.

Беспалевно,
ибо в отмытых ладонях – нема,
Зудит несекомая память,
и множит дома
До метки подхода машин, поездов, кораблей,
И дервиш последний,
вот видишь, верней и родней.

Приди –
и в глубокие улицы вместится тишь,
Вот-вот, и по ней
за ресницами вскроется свет.
И точка возврата домой
налегке, ты простишь,
Важнее, чем мили этапов, высот и побед.

СОДЕРЖАНИЕ

О пользе эклектики *3*

ПРОЗА

Николай Печальник. Империя Зеро. *6*
Алексей Сальников. Тагильская школа. *9*
Кристина Суслина. Путь к Земле. *16*
Ян Разливинский. Блистающий мир. *21*
Вероника Брусницына. Лунная принцесса. *38*
Екатерина Соловьева. Анина весна. *44*
Екатерина Соловьева. Седьмой. *47*
Владислав Малышев. Сразу после тишины. *59*
Владислав Малышев. Бархат, плащ и маска. *65*
Оксана Исупова. В Париж! *75*
Оксана Исупова. Фея и великан. *77*
Анна Андросенко, Сергей Зябаров. Бездрузьёвщина. *80*
Анна Андросенко. El pastelero. *84*
Андрей Бортников. Лохматый жердь *87*
Андрей Бортников. Плохая примета. *89*
Эдуард Печенежский. Истоки. *93*
Евгений Ставцев. Дембелята. *102*
Борис Телков. Владимир Ильич Серафимов. *105*
Елизавета Кипарис. Белоухий малыш Пинк *113*
Максим Васюнов. Привет, Фидель! *119*
Надежда Чернавская. Каникулы начинаются. *128*
Ольга Мальцева. А вы купались этим летом? *131*
Екатерина Прямкова. Решать тебе. *134*
Екатерина Прямкова. Заслуживаю ли я доверие? *138*
Елизавета Табатчикова. «Что такое снеженика?» *140*
Ирина Устюгова. Архитектура ночного ветра. *145*

ПОЭЗИЯ

Елена Ионова
Маленьким девочкам проще тянуться ввысь... – Река, что прошила город и лес, как нить... – Ты всегда будешь мелкой дурой... – Помнишь, Летавший облачком там и тут... – Заглотить твой язык и молчать, будто рыба, впредь... – Если я съем этот гриб, он исполнит желание?.. – Это тело бренное без прикрас... 155

Николай Печальник
Навсегда умолкнут войны... – Небес голубые прожилки... – Беглые тени, огни-кривотолки... – За окном предзимье, непогода... – ***Исход.*** *– Даже звезды в тишине покоясь... –* ***Город.*** *– Ходят в городе враги... –* ***Конечная остановка.*** *– Двор больничный – мудрости примета... – Станет сердцу тревожно... ..... 157*

Алексей Миронов
Поэзия – дело пьющих и утопающих... – ***Из Блока.*** *– Накалякано в воздухе дерево. – Сейчас сотворим и покурим. –* ***Прогулка.*** *–* ***Лунный заяц.*** *– Все еще спишь в этом каменном веке... – Выходи говорит никодим говорит... –* ***Ночной Баратынский.*** *– Собирались в дорогу мои Пьеро... –* ***Marmotte ноября.*** *–* ***Не вода.*** *–* ***Путь на Цикломену.*** *– Когда не фурычит список... –* ***Мойрическая Гончарова.*** *–* ***Пока не погаснет жасмин...*** *..... 160*

Екатерина Рид
Лимонный чай в стакане остывал... – ***Закрой глаза.*** *..... 165*

Любовь Вагнер
Акромионы слоистых крыш... – Не снимай перчатки с моих ветвей... – Выращивает смерть... – Тихо слетевши с орбиты успеет болид... – Скрываем ожоги, кладя свои руки на рельсы... – Распадаясь на атомы... – Мне сказали – я из Берлина... 166

Ярослава Широкова
Тёмная сторона травы... – Церковка, башенка, запах духов соседки... – ***Молитва Герды.*** *– Жалуясь на хлеб... – Пока одета осень в облака... – Как дорога до храма... –* ***Алло.*** *– Мокрый воздух застукивает предтечь... –* ***Росси.*** *– Под углом железной дороги... ..... 168*

Алена Миронова
Шекспир forever. *–* ***Речная галька.*** *–* ***Часовой.*** *– Июльский зной становится густым... – Когда лампада лета догорит... –* ***Гамельнское.*** *..... 171*

Екатерина Солохина
Мои нервы так дешево стоят... – Я расползаюсь в несколько сторон... – Кухонный кран заплюет отвращеньем... – Пустоцветие льдов обнимает асфальт... – За подкладкою кожи... – Вырви себе ресницы... – Даже небо может потрескаться... – Ты отрываешь меня вместе с кожей... – Рябина станет кровавой россыпью... 174

Екатерина Можейко
Смешивая цветные порошки... – Родинка на теле... – По планете одиноко... – Калачиком свернулась... 177

Елизавета Табатчикова
Бьются под кожей орлиные крылья... – ***Сказочный дар.*** *– Запечатай чёрным чаем... – Не шныряй по крыше, будто ты щегол... – Помню сизый запах, чуть солоноватый... – Где живёшь, ворожея снов... –* ***Волколак.*** *– Звёзды или луна?.. –* ***Баллада океану.*** *–* ***Русалка.*** *– Скорей соберу пыльные звёзды в карман... – Пальцы от холода белые... – Запахов трепет... – Лепечет лето: «Ну где ты, где ты?..» 178*

Анна Радаева
Пусть все о том же, об одном... – Утро. Холодно. Дождливо. – Пора бы с солнышком проститься... – ***Одиноко.*** *..... 183*

Ольга Мальцева
Смываю акварель, – и снова белый лист… – Отпускаешь меня, уходить так не хочется... – ***Мельница.*** *– Мелькает шустрый «зайчик»... –* ***Первый снег.*** *– Ветер оседлал оленя... ..... 184*

Екатерина Ермакова
Частота поцелуев кратна числу воды... – Эти прозрачные лица и эти стены... – Нет ничего: слов, светофоров, сна... – Память плавится: пеленает в плоток поток... – Эти дома закрывают веки надкусанных яблок... – В газетах писали утро, а называли лето... – А потом сольются все соцветья... – Мы ведь с тобой два клевера, два числа... – Создав однажды белую струю... – В пустую простоту... – Я говорю воде: «Где у тебя края?» 186

Светлана Ильина
Будильник съедает ночь.... – Я открываю твою дверь... – Я человек-зонт... – Я скучаю, мой друг, скучаю... – Разбирайте меня на части... 188

Эдуард Печенежский
В каждой поездке и в каждой прогулке... – ***Campfire****. 190*

Елена Хомякова
Я тебя не забуду, и горчит столичная вязь... – Когда ты читаешь... – Здравствуй, Элис, мое второе я... – Хочется жить с тобой внутри... ..... *191*

Екатерина Прямкова
Сама. *194*

Анастасия Паняева
Silentium! *194*

Наталия Стародубцева
Ведь не пугают вещи про смех и запах... – Свои эпопеи о лете... – Чего уж, кажется, проще... – Но он-то знал, куда... – И вот вырастают дни на твои ладони... – И холодно вокруг и как-то странновато... – ***Связь***. *–* ***Nostos Antiquus.*** *195*

Юлия Судьина
Ты отпускаешь значит нет беды... – В моей остановке звуки... – Обнажи для меня что-то свое... – Барометр котиный не фигня... – Отговориться от случайных встреч... – Травы надо мной... – Если бы я был... – Я обнимаю тебя за тонкую спину... – Очнись на терновых ветках... – Будет осторожничать июнь... – Нам не встретиться... – В моих садах что ни день... – Нужно просто подождать... – В мою пургу примешаны давно... – Замерло… по комнате в углах... – Сквозь дымоходы... – У зверя нет имени у зверя нет памяти... – Пожалей я знаю ты умеешь... – О чем я думаю... ..... *199*

Ирина Сементина
Улыбайся, всегда улыбайся... – Нежность и холод в одном смятении... – Ты чувствовал себя со мной любимым?.. – А полюбишь ты её не за шикарный наряд... – Осень вскружила голову... ..... *204*

Василий Палоумов
Я здесь в оживлённой коме... – Нарисуем что-нибудь: правильное солнце... – Я был изъят из себя по фрагментам... – ***Реквием страху.*** *205*

Алексей Ковалев
В номере тома истории КПСС... – Через пасмурный сон... – Женщина, выйдя из офиса... – Как стекло наливает стакан... – Как трава – черепной трещине... – Индустриальными шагами... – Догматичные мастифы... ..... *206*

Екатерина Соловьева
Под музыку дождя гулять по мрачным паркам... – Круги на лужах... – Я помню снег. Была зима... – ***По нолям****. – Люди – это маленькие свечки... – Позволь поплакать о тебе... – Молись, если можешь, раз бог помогает твой... ..... 209*

Егор Свердлов
Пусть будет любовь... 211

Надежда Чернавская
Гостья-северянка. – Вёсны. – Деревенская картинка*. 211*

Ян Разливинский
Ни в озере и не в море... – Вздрогнула кошка во сне... – Зажжется буднично звезда... 213

Наталья Узкова
Что-то глубокое скрыто в людях... – Одинокая ранимость... – Раздетые люди в одеждах... – Гуашь сменила легкость акварели... – На меня обиделась обида... – Что носит «Одиночество»... – Счастье яркое, счастье тихое... 214

Руслан Комадей
Родина Нижнего Тагила. *– Тропа беспробудна... – Свет приснился словно интернет... – Я выскребаю снег из-под ногтей... – Когда не Бог – судья, присяжные ли вы?.. – Спи безмятежно и оптом... – Ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе... –* ***Прощание.*** *..... 217*

Оксана Пастухова
Мне кажется, что я схожу с ума. – Вы не любили? Так значит... – «Любить в горе и в радости обещаю»... – У нас с тобою просто так – транзит... – Размеренно течёт другая жизнь... – Всё пролетело мигом, в одночасье!.. – Октябрь, снежинки, прелая листва... – Зябко. 220

Ксения Финадеева
Города корявый нарост... – И здесь не бывает почти января... – Степь да степь кругом... – Выхожу и иду... – Кашель от проглоченных слов... – Девушка я и дрянь... – Преднамеренно так прилипая к вагону... – Я растекалась по всем порогам... – Ты бы молчал, Е.Т. ... – Город ворует музыку... – Сидим вопросительно – тише... – Выключи звук мне трудно дышать тобой... – Твои удивлённые пальцы... – Я сегодня уйду (уйду!)... 222

Ольга Мехоношина
А это тебе – отправная печаль... – Ясное ждёшь но вот оно бабье где-то... – ***XX век.*** *– Застыть вдвоём, пока софит задворков... – Манит прибой, вечно ничей в ночи... – Растопленный рассвет... – Рядом – ни оклика, а... –* ***Ледяной сонет.*** *– Кашель в шарф. Аллея стелет мелочью... – Потрогаю в окне закат у края... – Незаметная усталость... – Руки мои – на платье... – Выходной город подходит к окну... – Так долго ездила что карту ободрали... – К своим не сразу соберёшься в гости... – Постельное будете брать... Допустим, мы только взаимная смена утрат... ..... 225*

Литературно-художественное издание

Световой год
литературный альманах из Нижнего Тагила
2020 год. Выпуск первый.

редактор, составитель – Я.Разливинский
корректор – А.Зорина
технический редактор – М.Ивлева
оформление – Б. Саломатов
обложка – Е. Табатчикова
титульный лист – С. Ивкин

Подписано в печать 20.01.2020.
Шрифт Times New Roman. Бумага офсетная №1.
Усл.печ. л. – 12,1, тираж 125 экз.
Макет, верстка, оформление – объединение «Союз»,
г. Нижний Тагил
Отпечатано в типографии ТРМ
г. Нижний Тагил, ул.Первомайская, 3
заказ 077

